

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ № 3 1993

ВЕСТНИК
ЕВРЕЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В МОСКВЕ

№ 3

МОСКВА
1993

ИЕРУСАЛИМ
5753

Еврейский Университет в Москве
в содружестве
с Иерусалимским Институтом еврейских исследований
Адина Штайнзальца
сотрудничает с американским комитетом «ДЖОЙНТ»,
с Фондом развития еврейского образования в диаспоре
им. Л.-А. Пинкуса

Журнал издан при содействии
Мемориального фонда еврейской культуры,
Мемориального фонда Салли Майер (Швейцария)

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ

№ 3, 1993

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Социология

- В. СОБКИН. Еврейские школы в Москве (по материалам
экспертного опроса) 4

История

- А. СИНЕЛЬНИКОВ. Социально-демографические послед-
ствия ограничения браков между евреями в немецких
государствах в XVII—XIX вв. 22
- О. ЛЕВИНСКАЯ. Община терапевтов: реальность или фан-
том? 56

Культура

- Л. АННИНСКИЙ. Еврейское киночасть 78
- Ю. ХОДОРКОВСКИЙ (Киев). К вопросу об исследовании
историко-архитектурного наследия еврейских общин Ук-
раины 108

ОЧЕРКИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Г. АГРАНОВСКИЙ (Вильнюс). Нафтали Берлин и Воло-
жинская иешива 130
- Р. ЛОБОВСКАЯ. Поляковский зал в Музее изящных ис-
кусств в Москве 135
-

JEWISH UNIVERSITY IN MOSCOW
האוניברסיטה היהודית במוסקבה

МОСКВА
1993

ИЕРУСАЛИМ
5753

АРХИВ

Публикации

- Отзвук Гаскалы («Дело» о Бродской синагоге в Одессе).
Публикация С. Кельнера (Санкт-Петербург) 138
- В. ПОРУДОМИНСКИЙ. Знакомство полвека спустя. Из
записок Григория Шура 148

Воспоминания и дневники

- Г. ЛАНДАУ. Воспоминания. Публикация В. Кельнера и
Е. Голлербаха (окончание) 183
- В. Жаботинский: Опыт автобиографии. Публикация Х. Фи-
рина 213
- Р. ЗАЙЧИК. «Джойнт» в России: что помнится 218

Письма

- Почти семейная хроника (О нескольких пачках неопублико-
ванных писем Шолом-Алейхема). Публикация Х. Бейде-
ра (окончание) 228
- Неопубликованное письмо Ю. И. Гессена. Публикация
В. Гессена 257

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

- А. ВИГАСИН. Рецензия на книгу: История еврейского
народа от эпохи патриархов до восстания Бар-Кохбы.
Учебник для среднего школьного возраста. Иеруса-
лим, 1992 262
- Д. СЕРОВ. Рецензия на книгу: Дудаков С. Ю. Петр Шафи-
ров. Иерусалим, 1989 265
- Советская и иностранная литература о евреях за 1988 г.
Библиографический список 270

ХРОНИКА

- А. РОГАЧЕВСКИЙ. II международная конференция «Про-
блемы еврейского образования» 282
- Е. РОГАЧЕВСКАЯ. Славяне и их евреи 289
- Ант. ИГНАТЕНКО, А. РОГАЧЕВСКИЙ. «Евреи и еврей-
ская жизнь в России и Советском Союзе» 294

Редакционная коллегия

М. ГРИНБЕРГ — <i>главный редактор</i>	А. КОВЕЛЬМАН
Р. КАПЛАНОВ — <i>зам. главного редактора</i>	А. ЛОКШИН
А. ЛИБЕРМАН — <i>зав. редакцией</i>	Ш. ШТАМПФЕР
Г. КАЗОВСКИЙ	М. ЧЛЕНОВ
В. КЕЛЬНЕР	

ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

В. Собкин

ЕВРЕЙСКИЕ ШКОЛЫ В МОСКВЕ

По материалам экспертного опроса

В основу статьи положены материалы социологического опроса, который был проведен под эгидой Еврейского Университета в Москве в январе-феврале 1992 г. Опрос проводился сотрудниками и студентами педагогического и социологического факультетов (И. Альговзен, Я. Бройде, В. Рубинштейн, В. Собкин — руководитель). Опрашивались руководители московских общеобразовательных и воскресных еврейских школ, которые выступили экспертами по оценке состояния и перспектив развития еврейского образования в московском регионе. В ходе опроса экспертам предлагалась специально разработанная анкета, содержащая 52 вопроса, которые касались как различных аспектов деятельности непосредственно руководимого образовательного учреждения, так и видения ими общих тенденций и перспектив развития еврейского образования.

Следует отметить, что опрос носит предварительный характер и является исходной базой для разрабатываемой в настоящее время в Университете программы цикла социологических исследований по анализу социокультурной ситуации развития еврейского образования в России. В этой связи основными задачами исследования были: выявление существующих в настоящее время в московском регионе еврейских образовательных учреждений и установление с ними рабочих контактов; оценка общей динамики возникновения еврейских образовательных учреждений за последние годы; анализ правового статуса, финансового и материально-технического обеспечения еврейских школ в Москве; характеристика контингента учащихся; состояние кадрового потенциала складывающейся системы еврейского образования; выявление основных целей и базового компонента содержания еврейского национального образования.

Содержательный контекст рассмотрения проблемы создания национальных еврейских школ, с нашей точки зрения, определяется по меньшей мере двумя аспектами. Первый связан с общими процессами национального самоопределения в России. Эти процессы с очевидностью выявили, что сегодня образование играет одну из ключевых ролей при формировании национальной идентичности. Отсюда растущее требование большинства национальных групп России (и отнюдь не только евреев) по созданию собственных национальных систем образования. Однако историческое развитие, культурные и религиозные особенности, государственный статус той или иной национальной группы в федеративном государстве (например, наличие или отсутствие собственной национальной территории оказывается юридически крайне существенным при национально-территориальном государственном устройстве как в юридически-правовом, так и в культурном смысле), социальная структура тех или иных национальных общностей, их компактное или дисперсное проживание обуславливают различие целей и стратегии в реализации культурно-образовательной политики. При этом важно подчеркнуть, что при формировании программы развития национальной системы образования принципиально важно учитывать основные функции образования: роль образования в социальной и профессиональной стратификации, обеспечение социальной мобильности, функции социализации индивида и сохранения культуры.

Второй аспект касается учета особенностей регионального социокультурного контекста, который имеет во многом определяющее влияние на развитие национальных систем образования. Отношение окружения, других этнических групп к стремлению определенной национальной общности развивать собственную национальную систему образования во многом определяет те конкретные направления, по которым идет развитие соответствующей национальной системы образования. В этой связи особый интерес представляет развитие еврейской системы образования в таком многонациональном мегаполисе, как Москва. Здесь отметим, в частности, что, по данным нашего опроса 680 московских учителей, 31,7% из них считают, что развитие любых национальных школ в городе «приведет к замыканию национальных общностей и их изоляции друг от друга». Думают, что это «еще больше обострит межнациональные отношения», — 24,8%. Наконец, придерживаются мнения о том, что это «поможет гармонизировать межнациональные отношения», — 32,9%¹. Как можно заметить, более половины

московских учителей в принципе отрицательно относится к идее создания национальных школ и только треть рассматривает это как позитивные тенденции. Подчеркнем, что это мнение в профессиональной учительской среде. Другие социальные слои и профессиональные группы могут оценивать эти процессы иначе. Например, полученные нами в этом же исследовании данные по опросу 893 родителей показывают, что чем выше уровень образования, тем обостренней чувствительность респондентов к наличию дискриминационных тенденций в национальной политике. Так, среди родителей с неполным средним образованием считают, что в городе существует дискриминационная политика по отношению к тем или иным национальным группам, — 4,8%, с высшим образованием — 14,6%, с ученой степенью — уже каждый пятый: 20,0%. Эти данные показывают, что чем выше образовательный статус, тем острее проявляется дискриминационная политика по национальному признаку. Достаточно очевидно и понятно, что национальные меньшинства оказываются в разной степени чувствительными к национальным проблемам в регионе. Данные опроса 1574 взрослых москвичей (родители и учителя) показывают, что если среди русских оценивают социокультурную политику в городе как дискриминационную 10,2%, то среди татар эта группа составляет 22,2%, а среди евреев — 65,0%.

В этой связи особый интерес представляет оценка национальной политики теми, кто сегодня реально принимает активное участие в становлении и развитии еврейского образования в регионе. Так, данные нашего экспертного опроса руководителей московских еврейских школ показывают, что 40% из них придерживаются мнения о том, что сегодня евреи имеют все большие возможности для полноценного культурного развития. В то же время 30% отмечают, что в социокультурной политике осуществляется дискриминация еврейского населения (как можно заметить, в два раза меньше, чем в среднем по выборке среди евреев). При этом показательно, что несмотря на заметные расхождения в своих оценках, касающихся национальной политики в регионе, подавляющее большинство руководителей школ практически единодушно (92%) считают, что их собственная школа в ближайшее время будет успешно развиваться.

Динамика создания еврейских школ. Практически на сегодняшний день реальная статистика о структуре и составе еврейских образовательных учреждений отсутствует на государствен-

ном уровне. Постоянно не фиксируется она и еврейскими общественными организациями. Поэтому одной из задач настоящей работы является выявление и описание тех еврейских образовательных учреждений, которые функционируют в московском регионе. На первом этапе мы ограничиваемся именно школами, хотя представляется весьма полезным оценить степень развития всех звеньев системы образования (дошкольное, школьное, профессионально-техническое, высшее), с тем чтобы определить направления в разработке стратегии развития еврейского национального образования, развития его инфраструктуры. В этой связи мы вообще считаем необходимым создание общественного центра, занимающегося разработкой стратегических национально-культурных программ. Думается, что в этом смысле инициатива Университета может рассматриваться как один из шагов по созданию подобного центра.

На предварительном этапе исследования на основе контактов с различными еврейскими организациями было установлено, что в настоящее время в Москве действует 20 еврейских национальных школ. Используемая ниже информация получена по опросу 13-ти из них. Характерными моментами отказа остальных руководителей участвовать в экспертном опросе является нежелание раскрывать информацию об образовательном учреждении, необходимость согласования своего участия с вышестоящими организациями, боязнь того, что реальная информация может негативно сказаться на деятельности школы.

Следует отметить, что все опрошенные нами школы были организованы лишь в последние четыре года. При этом основной пик их создания приходится на 1991 г., когда была создана практически половина из них. При этом показательно, что 8 из 13 школ являются воскресными еврейскими школами. В целом же анализ полученного материала дает основание считать, что движение по созданию еврейских школ в Москве вообще началось с создания воскресных школ (период 1989—1990 гг.). Остановам на характеристике динамики создания еврейских школ в Москве несколько подробнее. Так, первая из них, Воскресная еврейская школа ХАМА (директор Розенблат Ю. М.), была создана в 1989 г. Посещают эту школу в настоящее время 120 детей в возрасте от 6 до 15 лет. Учредителем школы выступила культурно-просветительская организация ХАМА. В следующем, 1990 году появляются еще три воскресные школы: Воскресная религиозная еврейская школа при Московской хоральной синагоге (директор Шварц Э. Г.), которую посещают 90 детей в возрасте с 1 по 11-й класс; Воскресная еврейская

школа при Еврейском детском фонде «Баним-Банот» (директор Веселова Е. В.), и, наконец, в этом же году Московский департамент образования выступает учредителем Учебно-воспитательного комплекса национальной культуры с углубленным изучением истории и языков разных народов (директор Аракелян О. В.), где функционирует еврейская воскресная группа (директор Коган З. Л.), которую посещает 32 школьника. Эту воскресную школу курирует Община прогрессивного иудаизма «Гинейни».

В следующем, 1991 г. в Москве создается еще две воскресных школы. Одна из них — Московская еврейская воскресная школа «ТАЛИ» (директор Козлова М. Р.), действующая под эгидой Религиозного объединения консервативного иудаизма. Данную школу посещает 100 детей в возрасте от 6 до 17 лет (занятия строятся по программам для 6 возрастных групп). Другая — Еврейская светская воскресная школа при Ассоциации иудаики и еврейской культуры «Гахлиллит» (директор Мармузова Ю. Н.). В этой школе обучается 90 человек в возрасте с 1 по 11-й класс.

В 1992 г. с инициативой создания воскресной школы выступает Салтыковская религиозная еврейская община. Создается маленькая Воскресная школа при культурном центре Салтыковской религиозной еврейской общины (директор Рафалович Р. И.). Школу посещает 6 детей в возрасте от 9 до 15 лет, которые занимаются в одной общей группе. В этом же году Молодежный центр по изучению и распространению еврейской культуры (МЦИРЕК) учреждает воскресную школу (директор Липман Г. И.), которую посещает 60 детей в возрасте от 6 до 17 лет. Школа функционирует на базе созданной МЦИРЕК на год ранее Московской национальной еврейской средней общеобразовательной школы № 1311.

Итак, судя по материалам опроса, в настоящее время воскресные еврейские школы посещает приблизительно 600 детей в возрасте от 6 до 17 лет. При этом важно отметить два момента.

Во-первых, в образовательную деятельность включается все большее число разнообразных религиозных и общественных еврейских организаций. Круг их постоянно расширяется: ХА-МА, Московская хоральная синагога, Еврейский детский фонд «Баним-Банот», Община прогрессивного иудаизма «Гинейни», Религиозное объединение консервативного иудаизма, Ассоциация иудаики и еврейской культуры «Гахлиллит», МЦИРЕК, Салтыковская религиозная еврейская община. Здесь следует

отметить, что с 1990 г. и Московский департамент образования начинает содействовать созданию еврейских школ.

Во-вторых, необходимо подчеркнуть еще раз, что само движение по развитию еврейского образования начинается именно с создания воскресных школ. Активная деятельность по их созданию в 1989—1990 гг. стимулировала включение в образовательную деятельность культурно-образовательной общности, что дало возможность для создания общеобразовательных еврейских школ, работающих в течение полной учебной недели.

Так, МЦИРЕК, Сохнут и Московский департамент образования в 1991 г. выступают учредителями уже упоминавшейся нами выше Московской национальной еврейской средней общеобразовательной школы (директор Липман Г. И.), в которой обучается 250 детей с 1 по 11-й класс. В этом же году Ваад России организует Еврейскую среднюю общеобразовательную школу «Рацон Латет» (директор Линец Ю. А.), где ведется обучение 100 детей с 1 по 11-й класс. Школа работает во второй половине дня. В это же время создается и Московская женская еврейская школа «Бет-Егудит», которую организует Ривка Вайс. Это частная школа, в которой в настоящее время учится 75 учениц.

В 1992 г. Московский департамент образования и Московская еврейская религиозная община учреждают комплекс «Школа — детский сад» общеобразовательного и традиционно-еврейского воспитания (директор Скланой В. И.). В начальных классах этого комплекса обучается 120 детей.

Наряду с указанными выше школами, под эгидой «Джойнта» активистами еврейской культуры создается «Еврейская школа искусств» (директор Плисс В. В.). Школа работает во второй половине дня, и ее посещают 100 детей.

Таким образом, приведенные выше данные показывают, что систематическое образование на базе еврейских школ в настоящее время в Москве получает более 650 детей. Чтобы оценить масштабы и интенсивность движения по созданию национальных еврейских общеобразовательных школ, достаточно сослаться на данные Министерства образования РФ, которые фиксируют, что в 1989/1990 учебном году по всей России на еврейском языке обучалось всего лишь 63 ребенка². Таким образом, лишь по московским данным, эта численность увеличилась за три года более чем в десять раз.

Оценивая особенности развития еврейского образования, важно отметить достаточно высокую степень дифференциации и разнообразие форм работы еврейских образовательных уч-

реждений. Действительно, здесь мы видим дневную общеобразовательную школу; общеобразовательную школу, работающую во второй половине дня; женскую школу; комплекс школа — детский сад; школу, дающую дополнительное углубленное образование (школа искусств). Наконец, различаются эти школы по своему статусу и по формам собственности (государственно-общественные, частные).

В целом анализ динамики создания еврейских школ за последние четыре года позволяет отметить три существенных момента: 1) роль движения по созданию воскресных еврейских школ как организующего момента по складыванию национальной культурно-образовательной общественности; 2) включение в образовательную деятельность различных еврейских организаций; 3) многообразие организационных форм работы еврейских образовательных учреждений.

Правовой статус и материальное обеспечение еврейских школ в Москве. В ходе опроса мы попытались выяснить правовой статус действующих в Москве еврейских школ. Формальными показателями определенности правового статуса школы являются наличие у нее не только официальных учредителей (этих аспектов мы уже касались выше при краткой характеристике школ), но и такие атрибуты, как наличие собственного устава, финансового счета, печати, лицензии на право выдачи аттестата или особого диплома.

Что касается воскресных школ, то здесь в целом следует отметить неопределенность их юридического статуса. Практически три четверти из них вообще не обладают какими-либо собственными реквизитами, половина не имеет устава. Неопределенностью правового статуса своей воскресной школы на сегодняшний день озабочена половина руководителей. В то же время следует отметить, что две воскресные школы заметно отличаются от других. Это воскресная школа при МЦИРЕК и воскресная школа, работающая на базе Учебно-воспитательного комплекса национальной культуры, которую курирует Община прогрессивного иудаизма «Гинейни». Так, руководители этих школ отмечают, что их школы имеют собственный устав, собственный финансовый счет, собственную печать. Эти школы имеют также лицензию или сертификат.

Что касается общеобразовательных еврейских школ, то здесь картина заметно иная. Во-первых, две школы, соучредителями которых является Московский департамент образования (Мо-

сковская национальная еврейская средняя общеобразовательная школа № 1311 и комплекс «Школа — детский сад» общеобразовательного и традиционного еврейского воспитания № 1621), имеют все полагающиеся реквизиты: устав, финансовый счет, собственную печать. При этом школа № 1311 выдает общереспубликанский аттестат зрелости. Соответствующие реквизиты имеет и «Еврейская школа искусств». Как отмечают директора школ «Рацон Латет» (Ваад России) и «Бет-Егудит» (женская школа Р. Вайс), правовой статус их школ в настоящее время также находится в стадии оформления.

Таким образом, анализ показывает, что правовой статус значительного числа еврейских школ остается не вполне определенным. При этом важно подчеркнуть, что участие Московского департамента образования в качестве соучредителя школы делает ее положение в юридическом отношении достаточно устойчивым. Следует также обратить внимание на то, что принятый в Российской Федерации Закон об образовании сегодня открывает достаточно широкие возможности для легитимного создания национальных образовательных учреждений. В этой связи крайне необходима широкая разъяснительная работа по основам законодательства об образовании среди руководителей еврейских национальных школ.

Наряду с правовым статусом не менее важно дать анализ финансового обеспечения школ. Отвечая на вопрос о финансовом состоянии их школы, эксперты оценили ситуацию следующим образом. В 54% школ финансовое состояние оценивается как вполне благополучное или лучше, чем в других школах города; в 15% школ оно такое же, как и в других московских школах; наконец, в 30% оно хуже, чем в других московских школах. Заметим, что, по оценке руководителей школ, финансовое состояние воскресных школ заметно хуже, чем общеобразовательных. Так, если среди директоров общеобразовательных школ 80% оценивают финансовое состояние своей школы как вполне благополучное или лучше, чем в других школах, то среди директоров воскресных школ подобную оценку дают менее половины — 40%.

Остановимся на характеристике финансового состояния школ несколько подробнее. Здесь в первую очередь важно обратить внимание на источники финансирования школы. Проведенный в этой связи анализ особенностей финансирования общеобразовательных еврейских школ показывает, что их благополучное финансовое положение объясняется использованием смешанных источников финансирования. Так, напри-

мер, Московская национальная еврейская средняя общеобразовательная школа № 1311 (МЦИРЕК) имеет финансирование из государственного бюджета, спонсируется отечественными и зарубежными еврейскими общественными организациями, отечественными и зарубежными частными лицами, а также финансируется за счет платы родителей. Комплекс «Школа — детский сад» при Московской еврейской религиозной общине финансируется также из государственного бюджета и благодаря спонсорству зарубежных общественных организаций. «Еврейская школа искусств» имеет подобную же смешанную структуру финансирования, использует и плату родителей за обучение детей. Женская еврейская школа «Бет-Егудит» финансируется благодаря спонсорству зарубежных частных лиц. В этой связи важно заметить, что Еврейская средняя общеобразовательная школа «Рацон Латет», финансовое состояние которой оценивается ее директором хуже, чем в других московских школах, финансируется только благодаря спонсорству Ваада России и не использует другие возможные источники финансирования.

Анализ особенностей финансирования еврейских воскресных школ показывает, что структура их финансирования заметно отличается от общеобразовательных. Во-первых, обращает на себя внимание то обстоятельство, что спектр используемых школами источников финансирования в этих школах гораздо уже, чем в общеобразовательных. Во-вторых, достаточно показательным выглядит сравнение структуры финансирования благополучных и неблагополучных в финансовом отношении школ. Если в этой связи взять школы, финансовое состояние которых оценивается директорами как неблагополучное (Воскресная еврейская школа при Хоральной синагоге, Воскресная школа при Культурном центре Салтыковской еврейской общины, Воскресная школа при Общине прогрессивного иудаизма «Гинейни»), то нетрудно заметить, что их финансирование осуществляется практически из одного-единственного отечественного источника. Спонсором этих школ чаще всего выступает религиозная община. Те же воскресные школы, которые оценивают свое финансовое состояние как вполне благополучное (Воскресная школа при МЦИРЕК, Еврейская светская воскресная школа при Ассоциации иудаики и еврейской культуры «Гахлиллит», Московская еврейская воскресная школа «ТАЛИ»), имеют своих спонсоров за рубежом и получают плату от родителей.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что на сегодняшний день смешанное финансирование, спонсорство

зарубежных организаций и частных лиц является, пожалуй, наиболее существенным обстоятельством, определяющим финансовое благополучие еврейских общеобразовательных и воскресных школ.

Наряду с анализом особенностей финансирования еврейских школ не менее важно оценить уровень их материально-технического обеспечения. Давая характеристику материального обеспечения школ, следует отметить, что большинство из них (80%) расположено в типовых школьных зданиях и только три работают в приспособленных помещениях. Так, в приспособленных под образовательные цели зданиях работает комплекс «Школа — детский сад» общеобразовательного и традиционного еврейского воспитания и две воскресные школы — Воскресная еврейская школа при Еврейском детском фонде «Банам-Банот» и маленькая Воскресная школа при культурном центре Салтыковской религиозной еврейской общины.

В правовом отношении на своем собственном балансе имеет помещение лишь одна школа — Московская национальная еврейская средняя общеобразовательная школа, учредителями которой являются Московский департамент образования, Сохнут и МЦИРЕК. Помещения для работы других школ (школьное здание, часть здания или отдельные классы) арендуются либо самими школами, либо их учредителями. При этом следует отметить, что пятая часть школ работает в ситуации, когда правовой статус занимаемого помещения вообще не определен.

Общие размеры используемых школами помещений достаточно различны — от 2 до 20 и более классных комнат, что определяется, естественно, количеством учащихся. В среднем же число занимаемых одной школой классных комнат составляет 11.

Из пяти школ, работающих в режиме общеобразовательных учебных заведений, только одна имеет кабинеты биологии, географии; две — кабинеты химии, физики и лингафонный, компьютерные классы и мастерские; три — свою школьную библиотеку, актовый зал; четыре — кабинеты изобразительного искусства и столовую; наконец, все еврейские школы имеют специальный класс для занятий изобразительным искусством. Сравнивая школы, можно отметить, что наиболее полно оснащены кабинетами в соответствии с нормами организации учебного процесса Московская национальная еврейская средняя общеобразовательная школа, где помимо кабинетов физики и химии имеется еще и компьютерный класс и лингафонный кабинет, и Еврейская средняя общеобразовательная школа

«Рацион Латет», хотя для последней правовой статус занимаемого ею помещения до последнего времени не определен.

Иначе оснащены воскресные школы. Так, практически все они не имеют учебных кабинетов. Кабинет изобразительного искусства, компьютерный класс или лингафонный кабинет здесь также большая редкость (90% еврейских воскресных школ лишены подобного оснащения). Несколько лучше дело обстоит с музыкальными классами, библиотеками, возможностью использования для занятий актёрского зала. Подобные возможности в той или иной степени имеют около 40% еврейских воскресных школ.

Оценивая в целом характер материально-технического оснащения школ, нельзя не отметить, что в целом в подавляющем большинстве случаев оно не отвечает современным требованиям обеспечения образовательного процесса.

Помимо общей характеристики материально-технического обеспечения школ, для оценки уровня образовательного процесса крайне важно определить те возможности, которыми обладают школы в обеспечении учащихся книгами, и особенно литературой на еврейском языке. Оценка книжных фондов еврейских общеобразовательных школ показывает, что в среднем здесь на одного учащегося приходится 11,9 книги. Причем на еврейском языке лишь 2,5 книги. Общая же доля книг на еврейском языке в фонде школьных библиотек составляет 20,7%. Важно также отметить весьма существенные различия в этом плане между школами. Так, например, в школе «Рацион Латет» на одного учащегося приходится лишь 0,5 книги на еврейском языке, в комплексе «Школа — детский сад» общеобразовательного и традиционного еврейского воспитания на одного ребенка приходится в среднем 2 книги на еврейском языке. Однако все эти книги только учебники, книг же на еврейском языке для детского чтения в школьной библиотеке практически нет. Наиболее благополучно дело обстоит в частной Московской женской еврейской школе «Бет-Егудит», где на одну ученицу приходится более 10 книг на еврейском языке. Практически катастрофична ситуация с обеспечением книгами детей из воскресных школ, поскольку здесь около 70% школ вообще не имеют книг на еврейском языке.

Давая характеристику школ, важно отметить помощь со стороны Израиля по материально-техническому обеспечению московских еврейских школ. Данные опроса показывают, что 85% еврейских школ получают учебники из Израиля, 80% общеобразовательных еврейских школ и 50% воскресных получа-

ют литературу для комплектации своих школьных библиотек, 54% школ получили различные учебные пособия, 30% — видеofilмы, 15% — видеотехнику, компьютеры и компьютерные программы.

Контингент учащихся. В ходе опроса мы попытались, опираясь на мнение руководителей еврейских школ, оценить особенности контингента учащихся. Здесь нас интересовало несколько моментов. К ним в первую очередь относятся: особенности национального состава; степень владения национальным языком (идиш или иврит); соблюдение в семьях учащихся национальных традиций и религиозных обрядов. Наконец, немаловажным для понимания ситуации оказывается экспертный прогноз, сделанный руководителями школ, о том, какой процент учащихся школы вместе со своими родителями в ближайшие два-три года репатрируется в Израиль или эмигрирует в другие страны.

Судя по оценке руководителей общеобразовательных школ, подавляющая часть учащихся, посещающих их школы, является евреями. Причем в двух школах — комплексе «Школа — детский сад» (курируемом Московской еврейской религиозной общиной) и в частной Московской еврейской школе «Бет-Егудит» — учатся дети только еврейской национальности.

Оценка учащихся по степени владения ими еврейским языком показывает, что из них вполне свободно говорят на идише всего 3,8%, вполне свободно говорят на иврите — 14,4%. Частично же владеет одним из этих языков каждый третий — 33,8%. Таким образом, оказывается, что практически половина учащихся вообще не владеет еврейским языком. Судя по этим данным, можно считать, что обучение еврейскому языку является принципиальным базовым компонентом образования в еврейских общеобразовательных школах.

Характерно, что, как показывают наши данные, степень приобщения к языку напрямую коррелирует с приобщенностью и к своей национальной культуре. Так, именно в уже упоминавшихся нами школах (комплекс «Школа — детский сад» и Мосюевская женская частная школа «Бет-Егудит»), где все учащиеся еврейской национальности и где наиболее высока доля школьников, владеющих еврейским языком, оказывается и наиболее высокий процент семей, придерживающихся соблюдения еврейских национальных традиций (кашрут, Суббо-

та, праздники) и еврейских религиозных обрядов (обрезание, бар- и бат-мицва, хуппа и др.). В остальных же школах национальные традиции и обряды соблюдаются лишь в небольшом числе семей учащихся.

Оценивая эмиграционные тенденции, руководители школ считают, что 45% их воспитанников в ближайшие два-три года вместе со своими родителями эмигрируют из России. Справедливости ради надо отметить, что эта оценка несколько завышена. Большинство директоров школ оценивают поток эмигрантов из своих школ приблизительно на уровне 30%. Однако в школе, где обучается более трети учащихся (Московская национальная еврейская средняя общеобразовательная школа), которая курируется МЦИРЕК, Сохнотом, процент эмигрантов оценивается более чем в 80%. Подобный прогноз непосредственно связан с общей оценкой в данной школе состояния национальной политики в московском регионе, которая рассматривается как дискриминационная по отношению к еврейскому населению.

Контингент учащихся воскресных еврейских школ несколько отличается от контингента в общеобразовательных. Основное отличие здесь обусловлено не столько национальным составом (как в общеобразовательных, так и в воскресных школах подавляющая часть детей еврейской национальности), сколько степенью владения учащимися еврейским языком, их приобщенностью к еврейским национальным традициям и обрядам. Так, среди учащихся воскресных еврейских школ свободно говорят на идише или иврите лишь 7,2%, частично же владеют одним из них 29,3%. Таким образом, сопоставление с учащимися общеобразовательных еврейских школ показывает, что если там в той или иной степени еврейским языком владеет более половины (52%), то в воскресных школах чуть более трети (36,5%). Как отмечают директора воскресных еврейских школ, среди их учащихся еврейские национальные традиции и еврейские религиозные обряды соблюдаются только лишь в небольшом числе семей. Заметно ниже здесь и прогноз числа эмигрантов из России по сравнению с общеобразовательными школами. Он составляет 33,9% (напомним, что среди контингента общеобразовательных школ эта цифра равна 45,7%).

Приведенные данные, характеризующие особенности контингента учащихся еврейских общеобразовательных и воскресных школ, позволяют сделать вывод не только о степени приобщенности московских детей еврейской национальности к своей национальной культуре, но и рассматривать сами

воскресные и общеобразовательные школы как разные социальные институты, по-разному реализующие функции подобного приобщения. По-видимому, ознакомление с культурой (поскольку традиции национального семейного воспитания во многом утеряны) на первом этапе идет через воскресные школы, где происходит первичное втягивание не только ребенка, но и самих родителей в контекст еврейского отношения к миру. На втором же этапе идет ориентация на общеобразовательные еврейские школы с усилением установок на эмиграцию.

Кадровое обеспечение. Опираясь на материалы опроса, мы имеем возможность оценить особенности кадрового потенциала еврейских школ по двум аспектам. Один из них касается характеристики педагогического корпуса по уровню его образования; второй связан с оценкой приобщенности учителей к своей национальной культуре (владение языком, соблюдение национальных традиций и религиозных обрядов).

В целом в обследованных нами еврейских школах педагогической деятельностью занято 212 человек. Из них в общеобразовательных школах работает 140 педагогов и в воскресных — 72. Сопоставляя эти данные с общим количеством учащихся, можно отметить, что в среднем на одного учителя в общеобразовательных школах приходится 4,6 ученика, а в воскресных — 6,9. Это позволяет сделать вывод о том, что в воскресных школах на педагога приходится в полтора раза больше детей. В целом же, по мнению большинства директоров, педагогические коллективы их школ укомплектованы и вакансии практически отсутствуют.

Сразу же отметим, что в основном все работающие в школах учителя еврейской национальности. В общеобразовательных еврейских школах их 89%, в воскресных — 95%. При этом гражданами Израиля являются 7%.

По характеру своего образования состав педагогов общеобразовательных школ заметно отличается от воскресных. Так, с высшим педагогическим образованием в общеобразовательных еврейских школах работает 91% педагогов, в воскресных заметно меньше — 58%. В последних несколько выше доля учителей с незаконченным высшим — 8% и средним педагогическим образованием — 6% (в общеобразовательных школах таких соответственно: 2% и 3%). Но, пожалуй, основное различие состоит в том, что в воскресных еврейских школах весьма высока доля педагогов, которые имеют высшее, но непедого-

гическое образование. Здесь таких практически около трети (29%). В общеобразовательных же школах учителя, не имеющие специального педагогического образования, практически отсутствуют (0,7%). Это позволяет сделать вывод о том, что воскресные еврейские школы сегодня являются тем основным каналом, через который еврейская интеллигенция втягивается в общественно-образовательный процесс. В то же время еврейские общеобразовательные школы остаются нишей для профессиональных педагогов еврейской национальности. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что педагогические коллективы общеобразовательных школ, в отличие от воскресных, более активно поддерживают связь с профессиональными педагогическими объединениями (Советом директоров школ, Союзом учителей иврита и др.). Соответственно наличие подобных контактов фиксируется в 80% общеобразовательных школ и в 50% воскресных.

В то же время учителя еврейских общеобразовательных школ, в отличие от воскресных, менее активно включены в различные семинары по еврейской культуре и образованию. Так, если 47% педагогов воскресных школ проходили специальную подготовку на подобных семинарах (в «Туро Колледж» и др.), то среди учителей общеобразовательных школ доля таких составляет не более 10%.

Оценивая степень владения учителями еврейским языком, следует отметить, что свободно говорят на идише 10,8%, свободно говорят на иврите 23,1%, частично владеют одним из этих языков — 21,2%. Таким образом, в целом владеет в той или иной степени языком чуть более половины учителей еврейских школ (55,1%). Это обстоятельство позволяет высказать соображение о том, что само по себе создание еврейских школ, по-видимому, выполняет не только функцию приобщения детей к еврейской культуре, но и, что не менее важно, самих педагогов, реализующих образовательный процесс.

В этой связи следует обратить внимание на то, что доля учителей, владеющих еврейским языком, в воскресных школах заметно выше, чем в общеобразовательных. Соответственно: 37,1% и 73,6%.

Помимо анализа степени владения языком, мы попытались выяснить, насколько соблюдаются в семьях учителей еврейские национальные традиции и религиозные обряды. Как показывают материалы опроса, в целом национальные традиции и обряды сохраняются примерно среди трети семей педагогов еврейских школ. При этом важно подчеркнуть, что по данному параметру педагогические коллективы школ весьма существен-

но отличаются друг от друга. Так, руководители более половины школ отмечают, что национальные традиции (кашрут, Субботу, праздники) и религиозные обряды (обрезание, бар- и батмицву, хуппу и др.) соблюдают среди учителей их школ лишь в небольшом числе семей. В этом отношении заметно отличаются такие школы, как комплекс «Школа — детский сад» общеобразовательного и традиционного еврейского воспитания, Московская женская еврейская школа «Бет-Егудит», воскресные еврейские школы при ХАМА, при Салтыковской религиозной еврейской общине, воскресная школа «ТАЛИ», где национальные традиции и обряды соблюдаются подавляющим большинством учителей.

Наряду с оценкой приобщенности учителей еврейских школ к национальной культуре важно также оценить, какова среди них доля тех, кто собирается в ближайшие два-три года эмигрировать в Израиль. Как показывают материалы опроса, эта доля составляет 18,8%. Напомним, что среди учащихся воскресных школ эта доля равна 33,9%, а среди контингента общеобразовательных школ составляет 45,7%.

Цели и содержание образования. Три четверти еврейских школ (77%) вводят в качестве специального курса преподавание иврита. Помимо этого практически в половине из них (46%) преподавание части предметов ведется на иврите.

Оценивая круг предметов, определяющих особенности содержания образования, важно подчеркнуть, что он достаточно устойчив и инвариантен для большинства еврейских школ. Так, основными предметами при занятиях с младшими школьниками и подростками являются: иврит (77% школ), еврейские традиции (77%), еврейская история (характерно только для воскресных школ — 60%), музыка (61%), изо (38%), хореография (31%). При занятиях со старшеклассниками помимо указанных предметов в отдельных школах добавляются: Тора, Закон, философия иудаизма, еврейская литература.

Следует отметить, что в подавляющем большинстве школ (85%) используются курсы и учебные материалы те же, что и в школах Израиля. В 80% общеобразовательных и в половине воскресных еврейских школ программы и учебные материалы специальных курсов разработаны непосредственно учителями этих школ, а треть школ привлекает также для этих целей специалистов со стороны. Изучение Торы в половине еврей-

ских школ обеспечивают синагоги. В этих же школах регулярно проводятся еврейские праздники.

Практически все школы имеют либо постоянные, либо периодические контакты с Израилем. В половине московских еврейских школ учителя находятся в постоянной переписке со своими коллегами из Израиля, в 61% школ учителя проходили специальную профессиональную стажировку в Израиле, 30% школ принимали делегации из Израиля.

Важно подчеркнуть, что педагогические коллективы в половине школ (54%) получали консультативную помощь из Израиля при разработке программы деятельности школ, а помощь при разработке отдельных спецкурсов получили 46%. Учителя из 38% еврейских школ периодически получают профессиональную педагогическую литературу из Израиля.

Помимо связей с Израилем московские еврейские школы имеют контакты с еврейскими общинами в США, Англии, Голландии, Канаде. Эти контакты также выражаются в возможности получить профессиональную стажировку учителей в этих общинах, получить консультации при разработке программ деятельности школ и спецкурсов, профессиональную педагогическую литературу. Однако следует отметить, что контакты школ с еврейскими общинами в других странах в целом гораздо менее развиты, чем с Израилем.

В заключение рассмотрим, каковы же те основные содержательные цели, которые ставят перед собой еврейские национальные школы. Этот вопрос принципиально важен, поскольку проясняет своеобразие образовательных установок еврейской национальной общности в Москве. По мнению большинства опрошенных экспертов (85%), одна из основных целей национальной еврейской школы заключается в том, чтобы помочь ребенку в формировании чувства национального достоинства. В группу приоритетных целей также входят: облегчение адаптации ребенка при эмиграции на историческую родину (69%); возможность дать ребенку полноценное представление о своей национальной культуре (69%); расширить его представления о своей национальной религии (54%).

Полученные материалы показывают, что по своим целям общеобразовательные и воскресные школы заметно отличаются друг от друга. Так, если 87% еврейских воскресных школ ориентированы на то, чтобы дать ребенку полноценное представление о своей национальной культуре, то среди общеобра-

зовательных еврейских школ подобная цель в качестве приоритетной характерна лишь для 40%. Подобные же различия обнаруживаются и относительно таких целей школ, как сохранение национальной культуры и ее традиций (соответственно: 75% и 40%), расширение представлений детей о своей национальной религии (соответственно: 63% и 40%). Общеобразовательные же школы более ориентированы на такие цели, как облегчение адаптации ребенка при эмиграции на историческую родину (80%, в воскресных школах — 63%), обеспечение качественно высокого уровня знаний в различных предметах (80%, в воскресных — 25%), максимальное развитие способностей ребенка (60%, в воскресных — 12%). Таким образом, можно сделать вывод о том, что по своим целевым ориентациям воскресные школы больше ориентированы на приобщение ребенка к национальной культуре и традициям, общеобразовательные же на собственно образовательные задачи — качественно высокий уровень знаний и развитие способностей ребенка. Заметим также, что различие в целевых ориентациях между воскресными и общеобразовательными школами подтверждает большую ориентацию последних на поддержание эмиграционных процессов, в то время как воскресные школы более ориентированы на поддержание еврейской национальной культуры в России. В этом отношении воскресные и общеобразовательные школы можно рассматривать как два специфических и достаточно различных по своим ориентациям канала приобщения к национальной культуре.

¹ Собкин В. С., Лисарский П. С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М., 1992. 159 с.

² Днепров Э. Д., Лазарев В. С., Собкин В. С. Российское образование в переходный период: программа стабилизации и развития. М., 1991. 334 с.

ИСТОРИЯ

А. Синельников

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ БРАКОВ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ В НЕМЕЦКИХ ГОСУДАРСТВАХ В XVII—XIX ВВ.

Современные российские евреи, как правило, настолько ассимилированы, что даже не знают о том, где, когда и почему началась ассимиляция — медленная смерть еврейской диаспоры, которая скорее погубит ее, чем любая форма анти-семитизма.

Начало нашего повествования совпадает с той эпохой, которую многие историки считают концом средневековья и началом нового времени. Для всемирной истории границей этих эпох обычно считают английскую революцию середины XVII в. Для еврейской истории рубеж приходится на те же годы, но связан с другими событиями.

В 1648 г. закончилась Тридцатилетняя война, опустошившая Германию. Во время этой войны многие немецкие евреи бежали в Польшу. Однако в том же году вспыхнуло восстание на украинских землях, принадлежавших польской короне, при этом было убито, по свидетельству разных летописцев, от 60 до 500 тыс. евреев. Десятки тысяч уцелевших от резни бежали в Германию и другие западноевропейские страны¹.

Многие еврейские историки до сих пор считают, что после восстания Хмельницкого на Украине историческое направление еврейской миграции из Западной Европы на восток, в Речь Посполитую, сменилось движением с востока на запад. В последнее время эта точка зрения ставится под вопрос; появились данные, что и после Хмельницкого число еврейских мигрантов с запада в Польшу было не меньше численности мигрантов в обратную сторону². По нашему мнению, скорее можно говорить о разовой массовой миграции еврейских бе-

женцев с востока на запад в годы Хмельнитчины, чем о том, что после нее на длительное время изменилось направление еврейской миграции: одни евреи (обычно бедные) по личным мотивам уезжали из Германии в Польшу, другие (чаще богатые) — из Польши в Германию. Несомненно, что с середины XVII в. экономическая и политическая ситуация в ряде стран Западной Европы стала благоприятнее для евреев, чем в Польше. Если при этом поток еврейской миграции не повернул с востока на запад, то лишь из-за ограничений этой миграции немецкими государствами, о чем будет сказано ниже.

Тридцатилетняя война была последней большой религиозной войной в Западной Европе: и во время этой войны уже почти не было специфически антиеврейских эксцессов — евреи страдали от грабежей и насилий со стороны наемных войск, воевавших как под католическими, так и под протестантскими знаменами, наряду с прочими жителями. После этой войны как католики, так и протестанты стали все же более терпимо относиться друг к другу. В какой-то мере эта терпимость распространилась и на евреев.

В результате этой войны одна из западных немецких земель — Эльзас, где проживало довольно много евреев, вошла в состав французского королевства, где евреям вообще запрещалось проживать. Людовик XIV не изгнал евреев из своих новых владений, хотя и не отменил указа 1394 г. об их изгнании из собственно Франции. Таким образом, во Франции после двух с половиной веков перерыва вновь появились евреи, хотя первоначально только в эльзасской черте оседлости. Полтора века спустя точно таким же образом после разделов Польши появились евреи в прежде закрытой для них Российской империи, где Екатерина II отвела им черту оседлости, составленную в основном из бывших польских владений³.

В XVII веке евреи появляются и в других странах Западной Европы, откуда их когда-то изгнали в средние века или где они раньше никогда не жили, — в Голландии (еще с 90-х гг. XVI в.), в Англии (с 1655 г.), в Дании и с XVIII в. — в Швеции. Однако основным центром западноевропейского еврейства еще три века оставалась Германия.

Сама Германия той эпохи, официально именовавшаяся «Священной Римской империей германской нации», состояла примерно из трехсот государств. Главой всей империи номинально считался австрийский император из династии Габсбургов: прочие государи были его вассалами, но это не мешало им

воевать как между собой, так и со своим сюзереном. В отношении внутренней политики даже самые мелкие германские государства были полностью самостоятельны. И в каждом из этих государств существовало свое законодательство о евреях.

В средние века немецкие евреи подвергались жесточайшим гонениям, массовым убийствам, пыткам, изгнаниям, насильственным крещениям — как и евреи других западноевропейских стран. Так было во время крестовых походов, в эпоху «черной смерти» — эпидемии чумы 1348—1349 гг., в распространении которой обвинили евреев, и во многих других случаях. Однако Германия не была единым государством, и поэтому она никогда не была полностью «очищена» от евреев, так, как это имело место в Англии в 1290 г., во Франции в 1394 г., в Испании в 1492 г., в Португалии в 1497 г. Евреи, преследуемые в каких-либо немецких государствах, всегда могли найти убежище в соседних, немецких же городах или землях⁴.

Тем не менее в XVI в. большая часть Германии была «очищена» от евреев и лишь в немногих государствах им разрешалось проживать. Однако в следующем столетии, особенно после Тридцатилетней войны, увеличивается как число этих государств, городов и земель, так и особенно численность их еврейского населения. Это было вызвано как вышеупомянутой миграцией с востока, так и естественным приростом населения. Брачные традиции евреев были, с демографической точки зрения, более позитивными, чем у христиан, особенно в Западной Европе. В антиеврейской публицистической литературе того времени столь быстрый рост еврейского населения прямо увязывался с традицией ранних браков⁵.

В странах Центральной Европы — Германии, Чехии, Австрии и всех государствах, расположенных севернее или западнее их, — еще в средние века прочно утвердился обычай майората, то есть единонаследия старшего сына. Только он наследовал дом, землю и другую недвижимость своего отца. И соответственно только старшая дочь получала от своих родителей приданое в виде недвижимости. В те времена только мужчина, располагающий землей или капиталом, приносящим доход, достаточный для содержания семьи, мог вступать в брак и только женщина, располагающая соответствующим приданым, могла рассчитывать на замужество. Дробить земельные участки между разными детьми не было принято. Поэтому младшие сыновья должны были изыскивать самостоятельные источники

дохода: они поступали на военную службу, нанимались в батраки, уезжали за океан — в Америку (вся Латинская Америка была завоевана идалго — младшими сыновьями испанских дворян) или принимали духовное звание. Младшие дочери из дворянских семей поступали в монастыри, а из крестьянских или мещанских — нанимались в качестве домашней прислуги. Если эти младшие сыновья и дочери (кроме принявших духовное звание) собственными усилиями сколачивали капитал, необходимый для создания семьи, они вступали в брак, но, как правило, довольно поздно. В Европе XVII—XIX вв. очень многие мужчины женились только после 30 лет, женщины выходили замуж после 25 лет, а 10—20% (иногда и больше) мужчин и женщин вообще никогда не вступали в брак.

Такой тип брачности называется в демографической литературе европейским, или, что более точно, западноевропейским, поскольку он был распространен только в странах, лежащих к западу от Польши и Венгрии. Наиболее характерные его черты это даже не количественные характеристики — поздние браки, высокий уровень окончательного безбрачия, — а принципиальное качественное отличие от брачной морали, существовавшей тогда и существующей теперь в большинстве стран мира. В Западной Европе не считалось тогда (и, в общем, не считается и теперь), что не вступить в брак — это значит быть не таким, как все. «Старые холостяки» и «старые девы» никогда не были окружены презрением, как это было в азиатских странах или в России. Конечно, считалось, что лучше быть женатым или замужней, но с неперемным условием — если ты в состоянии содержать семью. Вступление в брак людей несостоятельных иногда имело место, но это был более резкий вызов общественному мнению, чем отказ от брака вообще. Отчасти такая мораль сохранилась в западноевропейских государствах и в странах, заселенных потомками выходцев из них (США, Канада, Австралия), до сего дня⁶.

В средние века брачная мораль европейских евреев резко отличалась от морали окружающего населения. Считалось, что все евреи и еврейки должны вступать в брак в раннем возрасте, независимо от того, есть ли у них необходимые средства для содержания семьи. Не было майората: наследниками являлись все дети. Впрочем, и само наследство заключалось главным образом в денежных средствах и в вещах, которые можно было разделить. Законы большинства западноевропейских государств запрещали евреям владеть землей или иным недвижи-

мым имуществом. В отличие от католиков и православных у евреев никогда не считалось, что безбрачное состояние является чем-то возвышенным и приближает человека к Б-гу. Если у православных все «черное» духовенство, а у католиков все духовенство вообще обязано принимать обет безбрачия, то у евреев, напротив, неженатый человек вряд ли мог в те времена стать раввином.

Знаменитый кодекс еврейского Закона Шулхан-Арух, составленный Иосифом Каро в XVI столетии на основе Талмуда и более ранних кодексов, определяет возраст вступления в брак мужчины от 13 лет (то есть от бар-мицвы) до 20 лет. Идеальным возрастом признается 18 лет. Если же молодой человек не женится до 20 лет, не имея на то особых уважительных причин, то суд (бет-дин) может даже обязать его жениться. Комментируя последний пункт, краковский раввин Моше Иссерлес указывал, что в его время (то есть в том же XVI в.) обычно не прибегали в таких случаях к принудительным средствам. Однако даже в первой половине XIX в. среди галицийских евреев (то есть в том же Кракове и окрестных землях) безбрачие рассматривалось общественным мнением почти как преступление⁷. При этом не вступить вновь в брак после развода или овдовения у евреев считалось почти так же плохо (для молодых мужчин и женщин), как никогда не вступать в брак. До конца XIX в. в Восточной Европе процент повторных браков у евреев был выше, чем у неевреев⁸. Как мы уже отмечали, отсутствие необходимых средств не препятствовало вступлению в брак даже самых бедных евреев. Брачные дары вносились обеими сторонами — и родителями жениха, и родителями невесты. Самые бедные невесты (обычно сироты) получали приданое от еврейских благотворительных обществ. Родители жениха или невесты в обеспеченных семьях принимали на себя обязательство в течение определенного срока (как правило, от года до трех) предоставить молодой семье жилье в своем доме и содержать ее за свой счет. Сирот старались женить и выдавать замуж особенно рано, даже до религиозного совершеннолетия (мальчиков 13 лет, девочек 12 лет), чтобы они приобрели не столько супруга, сколько родителей.

Такое отношение к браку у евреев было возможно, в частности, потому, что, в отличие от западноевропейских христиан, у них не было принято обязательное проживание женатых детей отдельно от родителей сразу же после свадьбы и считалось допустимым содержание первых за счет последних в течение

нескольких первых лет брака. Вообще вступление в брак у евреев не означало немедленного начала самостоятельной жизни. Многие «ешиботники» долгое время после вступления в брак, уже имея детей, занимались только изучением Талмуда и жили за счет своих жен и их родителей, занятых торговлей или шинкарством и гордящихся своими учеными мужьями и зятьями.

В Западной Европе различия между брачными традициями христиан и евреев были более резкими, чем в Восточной (Польша, Литва, Украина, Белоруссия), где ни принцип нуклеарной семьи (то есть живущей отдельно от родителей), ни законы о майорате, ни поздние браки, ни высокая частота окончательного безбрачия не были столь характерны (их распространенность зависела от социальной принадлежности разных групп христианского населения).

В Западной Европе так называемый европейский тип брачности тоже сперва был характерен только для высших сословий, и лишь примерно в XVII в. он распространился на всю массу населения — кроме евреев. К тому же как раз в эту эпоху почти прекращаются погромы, изгнания и насильственные крещения евреев на западе и в центре континента, и рост численности еврейского населения отныне ограничивается лишь естественной, а не насильственной смертностью. Прибавим к этому вызванную Хмельнитчиной волну еврейской эмиграции — с востока на запад, и станет очевидно, почему именно в эту эпоху численность и доля еврейского населения в западноевропейских странах начинает быстро расти, особенно в отдельных общинах. Так, во Франкфурте-на-Майне еврейское население выросло с 200 человек в 1492 г. до 2200 — в 1600 г.; в Праге с 600 человек в первой четверти XVI в. до 10 507 — по переписи 1729 г.⁹

Это явление было замечено правителями немецких государств и вызвало весьма энергичное противодействие. Поскольку эра религиозных войн окончилась вместе с самой большой из этих войн — Тридцатилетней, эпоха инквизиции тоже подходила к концу и степень религиозного христианского фанатизма была уже не такой, чтобы избавляться от сынов Израиля огнем и мечом или изгонять их (хотя последнее иногда еще случалось), многие государи прибегли к новому способу борьбы с этими нежелательными элементами.

Еще в XVII в. в некоторых немецких городах магистраты пытались заставить евреев соблюдать брачные обычаи, приня-

тые у христиан, и тем самым резко ограничить их рождаемость. В следующем столетии почти во всех германских государствах, где евреям вообще разрешалось жить (а были и такие, где это запрещалось), законом оговаривалось, какое именно количество еврейских семей имеет право жить в стране, и предусматривались различные меры, чтобы эта «норма» ни в коем случае не была превышена.

На эту тему можно написать целые тома — ведь тогдашняя Германия состояла из трехсот с лишним государств, почти каждое из которых имело свое «еврейское» (а точнее — антиеврейское) законодательство, иногда дифференцированное для разных провинций и к тому же пересматриваемое время от времени. Поэтому мы остановимся только на наиболее ярких и характерных примерах: постараемся указать его основные особенности.

Мы уже упоминали, что в эту эпоху происходит возвращение евреев в те города и земли, откуда их когда-то изгнали. Но въехать туда могли отнюдь не все желающие.

В 1670 г. евреи были изгнаны из Вены практически без всякого повода. В это время неожиданное «сострадание» к ним проявил курфюрст Бранденбурга. Но отнюдь не ко всем изгнанникам (их было несколько тысяч), а лишь к самым богатым из них. Курфюрст объявил, что согласен временно, сроком на 20 лет, принять в своих владениях не более 50 семей, каждая из которых должна была владеть капиталом не ниже определенной, весьма значительной суммы. Так после векового перерыва евреи снова поселились в Берлине, откуда они были изгнаны еще в 1573 г. Когда истек 20-летний срок, желающие остаться в Берлине, заплатив особый налог, получили на это разрешение. Однако в начале XVIII в. выяснилось, что на территории Бранденбурга, который к тому времени стал называться Пруссией, проживало уже не 50, а почти 250 еврейских семей. Пятикратное увеличение их числа отчасти объяснялось естественным приростом, довольно значительным в стране, где для евреев тогда были благоприятные условия, отчасти новой иммиграцией. Многие евреи «перетаскивали» в Пруссию близких и дальних родственников. Евреи жили не только в Берлине. Не все из них были достаточно богаты, чтобы пользоваться «терпимостью» властей, которые стали требовать, чтобы взрослые сыновья в каждой семье (кроме старшего сына) покидали Берлин, если у них нет собственного значительного капитала¹⁰. В 1730 г. прусский король Фридрих-Вильгельм I установил

квоту на проживание евреев в Берлине — не более 120 семей. Его сын, знаменитый Фридрих II, ограничил число евреев, находящихся под покровительством двора, 150 лицами¹¹. В 1750 г. он издал «юденрегламент», обобщающий ранее изданные законы о евреях.

Этот кодекс основан на двух противоречивых желаниях короля: свести число евреев к минимуму, а пользу от них — к максимуму. Подобно другим немецким государям, он старался допускать в свои владения только самых богатых евреев, но на каждом шагу убеждался, что эти богатые евреи приводят вслед за собой множество бедных, которые ему совершенно не были нужны. У них обычно были большие семьи, и их имущество наследовалось множеством сыновей и зятьев (у евреев ведь не было майората). Иногда эти наследники оказывались не настолько состоятельными, чтобы соответствовать существующим имущественным критериям допущения евреев в берлинский «рай». Кроме того, богатые евреи имели свойство обрастать десятками бедных родственников, они содержали также домашнюю прислугу и приказчиков из числа своих небогатых соплеменников, совершенно нежелательных, с точки зрения прусского короля.

Так обстояло дело не только в Пруссии. Столица соседней Австрии — Вена в то время уже не была городом, абсолютно закрытым для евреев. Еще в 1693 г., 23 года спустя после изгнания, некоторым евреям, но опять-таки не всем, а лишь самым богатым, было разрешено вновь поселиться в городе. Такие разрешения давались единицам — придворным банкирам, врачам, ювелирам, — в 1752 г. их было в городе лишь 12 человек, но вокруг них группировалось около 450 евреев — их близких и дальних родственников, слуг и служащих¹². Что касается слуг, то они нередко, вместо того чтобы получать от своих хозяев жалованье, сами платили им очень высокую дань за право жить в столице и заниматься там своим делом¹³.

Фридрих II меньше всего хотел, чтобы число евреев в его владениях умножалось подобным способом, и выразил свое настроение в ответе на прошение двух богатых еврейских купцов из Бреславля (ныне Вроцлав, Польша) Ицига и Эфраима о расширении их торговых прав: «Что до вашей торговли, вы получите. Но что вы приводите в Бреславль целые населения иудеев и хотите превратить город в настоящий Иерусалим — этому не бывать»¹⁴. И король сдержал слово: он сделал все от него зависящее, чтобы не допустить подобных «безобразий».

Согласно регламенту Фридриха о евреях, последние в его государстве подразделялись на два главных разряда — «покровительствуемых» и «терпимых». Первый из этих разрядов в свою очередь делился еще на три: «общепривилегированные» — то есть самые богатые купцы, банкиры и фабриканты. Эти люди получали королевскую привилегию, дающую им право жить и заниматься своим промыслом во всех местностях Пруссии, где евреям вообще разрешалось жить (в королевстве были также города и земли, совершенно закрытые для евреев). Действие привилегии распространялось на всех членов их семей.

Второй подразряд назывался «ординарными» евреями. Они получали охранную грамоту, в которой точно указывалось, в каком городе им разрешается жить, каким промыслом заниматься и на каких членов семьи распространяется это разрешение. Охранная грамота наследовалась лишь одним из сыновей. Только в порядке исключения отцовские права могли перейти к двум сыновьям (при условии обладания значительным капиталом). Прочие дети (по достижении совершеннолетия) не имели не только права торговли, но и права жительствова в Берлине.

Третий подразряд составляли так называемые «экстраординарные» евреи — лица свободных профессий: главным образом врачи, иногда также художники и т. п. Они тоже получали охранную грамоту, но ее действие не распространялось ни на кого из их детей, поскольку талант и знания, в отличие от капитала, не наследуются.

Эти три группы евреев представляли собой определенную ценность для прусского королевства из-за своих капиталов или своей профессии, почему им и оказывалось покровительство. Все же прочие евреи для него никакой ценности не имели — их терпели только потому, что они были необходимы для «покровительствуемых» евреев или для евреев общины в целом. Это были члены семей «покровительствуемых» — дети «ординарных» сверх одного или двух, все дети «экстраординарных», приказчики, домашние слуги, а также общинный персонал — раввины, синагогальные служители, учителя еврейских школ и т. д. Для того чтобы каждый «покровительствуемый» еврей не обрстал целой толпой «терпимых», последним запрещалось заниматься торговлей, то есть иметь самостоятельные источники дохода, и быть только фиктивно приписанным к богатым евреям. Кроме того, чтобы число «терпимых» не росло, им запрещалось вступать в брак с себе подобными, а разрешалось

только вступать путем брака в семьи привилегированных евреев, которые предпочитали родниться с людьми своего круга. Кроме этого, за разрешение на брак брали такие пошлины, которые были по карману лишь богачам¹⁵. Подобные ограничения применялись в то время почти во всех германских государствах. В Баварии, Саксонии, вольном городе Франкфурте, в Австрии и во многих других странах существовали предельные, установленные законом, нормы численности еврейских семей, новый брак разрешался лишь при появлении «вакансий» в пределах этой нормы в результате смерти, эмиграции или крещения, вступление в брак дозволялось только для одного сына в каждой семье и к тому же при условии, что этот сын обладает достаточным капиталом. Другие сыновья могли жениться только в случае беспотомственной смерти какого-либо женатого еврея (обладателя законного семейного «нумера»), если же подобное «наследство» у них не предвиделось, они были обречены на пожизненное безбрачие или на эмиграцию в другое государство¹⁶. Но поскольку такие законы существовали практически всюду, где звучала немецкая речь, многим приходилось уезжать достаточно далеко — за пределы Германии.

Довольно трудно понять, почему именно в этой стране сложилась столь специфическая, по сути, уникальная форма преследования евреев. Другие формы гонений были универсальными. Погромы, изгнания, обвинения типа «кровавого навета», принуждение евреев к ношению отличительного знака, к жительству в гетто, наконец, их насильственное крещение были обычным явлением во всей средневековой Европе, хотя в ее восточной части многие из этих преследований продолжались и в XIX столетии, и даже в начале XX в., когда на Западе они уже стали лишь историческим воспоминанием. Среди мер, жестоких по отношению к евреям, лишь очень немногие носили какую-то специфически национальную окраску, присущую только одной стране. К мерам такого рода можно причислить привлечение еврейских детей начиная с 12 лет (!) к военному обучению в батальонах кантонистов и к последующей 25-летней службе в русской армии. Малолетние кантонисты подвергались жестоким издевательствам, от которых могло спасти только крещение. По словам С. М. Дубнова, «это своеобразное мученичество детей, в обстановке военной службы, представляет собой исключительное явление даже в богатом историческом мартирологе еврейского народа»¹⁷.

Однако это исключительное явление все же нельзя считать специфической особенностью именно российского антисемитизма. Оно было порождено волей одного человека — императора Николая I, который вообще предпочитал военные методы управления, а в солдатской казарме видел главное средство для крещения нелюбимых им «жидов». Вскоре после его смерти император Александр II прекратил наборы еврейских кантонистов, а воинскую повинность для евреев уравнил с общей. Армия перестала быть аппаратом для христианизации иудеев.

В то же время другой инструмент антиеврейской политики — ограничение права на брак — использовался в десятках государств, часто враждующих друг с другом, причем такой практики придерживались многие поколения их правителей. Но практически все эти государства были немецкими. Исключения же имели место главным образом в городах и провинциях с опять-таки немецкоязычным населением, входящих в состав негерманских государств.

Так, в восточных провинциях Франции, вошедших в ее состав в XVII—XVIII вв., — Эльзасе и Лотарингии, — где население в то время было в основном немецкоязычным, существовали вплоть до революции 1789 г. такие же ограничения на численность еврейских семей и на заключение новых браков, как в соседних германских государствах. Евреи, вступившие в брак без разрешения властей, равно как и присутствовавшие на церемонии раввины, наказывались изгнанием из страны. Однако подобные ограничения не применялись на остальной территории королевства, где также жили евреи (в Бордо, Марселе и других городах).

Монархия Габсбургов была очень многонациональным государством, но господствующей нацией были в ней австрийцы, а официальным языком — немецкий. Законодательство о евреях было различным в разных провинциях. В собственно Австрии и ее столице Вене им вообще запрещалось проживать. Туда допускались, в порядке исключения, лишь богачи со своими семьями и прислугой, причем и им не разрешалось организоваться в общину. Бракосочетания допускались каждый раз с особого разрешения и в присутствии полицейского чиновника на свадьбе — для контроля. Право жительства, данное родителям, не распространялось на их женатых сыновей и замужних дочерей.

Много евреев жило в других провинциях — Богемии и Моравии, территория которых соответствует нынешней Чехии.

Однако евреи жили не в чешских деревнях, а в больших городах, главным образом в самой Праге, где в эту эпоху население состояло в основном из немцев и из онемеченных чехов. В 1727 г. был издан так называемый закон о фамилиантах, просуществовавший до 1859 г. По этому закону в Богемии не разрешалось жить более чем 8600 еврейским семьям, а в Моравии — 5400 семьям. Новые браки разрешались лишь в пределах этой нормы только старшим сыновьям — все, как в других германских государствах. К браку допускались мужчины не моложе 22 лет (женщины не моложе 18 лет), обладающие достаточными средствами и окончившие «нормальную школу». При тогдашних больших семьях очень многие младшие сыновья оказывались без «фамильного номера». Но они не могли удовлетвориться положением вечных холостяков, нормальным с точки зрения тогдашней западнохристианской, но никак не еврейской морали. Эти люди обычно вступали в тайные, нелегальные браки, но жили под дамокловым мечом. Власти боролись с этим явлением. Обнаружив «дикий» брак, они приказывали раввинам расторгнуть его, разлучить жену с мужем, а детей — с родителями. Даже в 1841 г. в Моравии многие еврейские женщины с детьми от таких недозволенных браков, были приговорены к тюремному заключению и к принудительным работам и лишь заступничество образованного раввина Гирша Фасселя из Просница, обратившегося с петицией к императору, спасло их от наказания¹⁸.

В других провинциях Габсбургской монархии — Венгрии (включая Словакию и Трансильванию), в Галиции, отошедшей к Австрии в результате разделов Польши в конце XVIII в., евреи тоже должны были получать разрешения на брак, оплачиваемые довольно высокими пошлинами, но само количество этих разрешений не ограничивалось законом. Практически в этих провинциях законы об ограничении еврейских браков существовали лишь на бумаге. Никак не ограничивались еврейские браки также и в итальянских городах, подвластных Габсбургам.

Если бы причина издания этих законов состояла только в усиленном росте еврейского населения, то они появились бы всюду, где это явление имело место, — то есть во всей тогдашней Европе, а не только в ее германской части. Например, в Англии численность еврейской общины увеличилась с 6 тыс. человек в 1730 г. до 12 тыс. в 1791 г. и до 20 тыс. в начале 1820-х гг.¹⁹ как за счет естественного прироста, так и за счет эмиграции с континента, однако никаких мер по ограничению еврейских

браков не было введено. Не было таких ограничений и в Голландии, несмотря на значительный рост ее еврейского населения.

В Польше в конце XVIII в. многие публицисты высказывали беспокойство по поводу того, что еврейское население растет быстрее, чем христианское. В 1775 г. польский сейм запретил раввинам допускать к бракосочетанию тех, кто не занимался дозволенным законом ремеслом, торговлею, земледелием или службою и не мог указать источников для пропитания. Но это был все-таки не закон немецкого типа, так как общее число семей или браков не было ограничено квотой. К тому же этот закон остался на бумаге. В 1844 г. правительство последнего обломка Речи Посполитой — Краковской республики, зависимой от Австрии, ввело, по примеру последней, сложную систему ограничений еврейских браков. Но уже в 1846 г. эта республика была аннексирована Австрийской империей²⁰.

После разделов Польши (1772, 1793 и 1795 гг.) большинство польских евреев оказались русскими подданными, меньшая часть — австрийскими и прусскими. В этих двух странах евреи жили и раньше, и для них действовало особое законодательство. Оно было модифицировано властями для прусской Познанской провинции и австрийской Галиции с учетом того, что там жили не привилегированные единицы, милостиво допущенные в Берлин или Вену, а десятки тысяч евреев, в основном бедных. Модификация законов сводилась к тому, чтобы из этой массы оставить наиболее «полезных» и зажиточных, бедняков же разными способами (в том числе и с помощью ограничения браков) принудить к эмиграции — главным образом в Россию. Правда, по ряду причин эти планы были реализованы лишь частично. Выходцы из Пруссии и Австрии (особенно из Галиции) сыграли важную роль при формировании еврейских общин Новороссии (Одесса и др.).

В России, в отличие от Австрии и Пруссии, до 1772 г. евреям вообще запрещалось проживать и никаких правовых норм, регулирующих статус евреев, не было. Когда же возникла необходимость в их создании, русские власти взяли за образец австрийские и прусские регламенты для евреев Познани и Галиции. Правда, нормы для ограничения браков заимствованы не были. От излишков еврейского населения предпочитали избавляться иными путями — усиленными рекрутскими наборами и насильственным крещением кантонистов. При этом «полезные» евреи, то есть гильдейские купцы, цеховые мастера,

механики на фабриках, земледельцы-колонисты, а также немногочисленные евреи, окончившие русские учебные заведения, от рекрутчины освобождались. В 1851 г. был опубликован указ о «разборе» евреев на пять категорий «полезности» по принципу: чем меньше «полезность», тем выше норма рекрутчины. Реализации этого «разбора», очень похожего на «юден-регламент» Фридриха II от 1750 г., помешала Крымская война и смерть Николая I. При Александре II законы о евреях смягчились. Но принцип «разбора» остался²¹. Поселиться вне черты оседлости разрешили лишь «полезным» евреям — купцам 1-й гильдии, лицам с высшим образованием, «николаевским солдатам» и ремесленникам, подобно тому как в Пруссии за сто лет до того для разрешения поселиться в Берлине требовалась бóльшая степень «полезности», чем для права жительства в провинции. Возможно, что известная процентная норма, ограничившая прием евреев в русские университеты, была введена в 1887 г. именно под влиянием австро-прусских законов о нормировке браков, к тому времени уже отмененных: идея нормирования могла перейти из сферы демографии в сферу образования и приобретения престижных профессий.

Идея брачной нормировки была более немецкой, чем идея геноцида. В отличие от геноцида она проводилась не 12 лет, а около двух веков, не по воле одного Гитлера, а десятками независимых друг от друга, даже воевавших между собой немецких правителей. Среди них были и деспоты-самодуры, и просвещенные либеральные государи, приверженцы разных идеологий и религий: протестанты и католики. Форма правления тоже не имела значения: еврейские браки нормировались и в многочисленных немецких монархиях, и в олигархических республиках, называвшихся «вольными городами». Инициаторами введения нормировки выступали и государи, и городские власти, а во Франкфурте в начале XVII в. уменьшить число евреев потребовали народные массы — ремесленные цеха. Однако все же нельзя считать всех немцев ответственными за брачную нормировку: в конце XVIII—начале XIX в. среди них стали раздаваться голоса против этой жестокой системы, и в середине XIX в. она была отменена. Но были и такие, кто этой отмены не одобрял.

Интересно, что брачная нормировка почти не применялась в славянских, венгерских, итальянских провинциях, политически подчиненных немцам и австрийцам, но не онемеченных этнически. Однако она вводилась там, где местное славянское

2*

население было германизировано, — в Чехии, Моравии, Силезии, Познани и даже в бывших немецких землях — Эльзасе и Лотарингии, которые в XVII—XVIII вв. отошли к Франции, но не в собственно французских провинциях.

Естественно, встает вопрос о преемственности между брачной нормировкой и геноцидом. В цивилизованных странах в «просвещенном» XVIII столетии и даже в первой половине «гуманного» XIX в. евреям отказывали в праве иметь семью (которое по своей важности сравнимо лишь с правом на жизнь). В эту эпоху уже были известны такие понятия, как «естественные права», «права человека», а Фридрих II, автор жестоких «юден-регламентов», дружил с Вольтером и другими просветителями, которые пропагандировали эти лозунги, нашедшие в то же время выражение в знаменитой «Декларации прав человека и гражданина», принятой в начале французской революции. Но и Вольтер, и Гольбах, и другие отрицательно относились к евреям.

В конце XVIII и первой половине XIX в. почти во всей Западной Европе началась отмена наиболее унижительных ограничений для евреев, но брачной нормировки это долгое время не касалось. Христианская мораль того времени не считала безбрачие таким уж несчастьем, а до еврейской морали, бывшей на сей счет иного мнения, законодателям дела не было. Так, в 1780-х гг. либеральный и просвещенный австрийский император Иосиф II отменил ряд ограничений на торговую и профессиональную деятельность евреев, разрешил их детям поступать в общие школы, а молодежи — в университеты, упразднил правила о ношении евреями особых костюмов (введенные для отличия от христиан) и средневековые запреты выходить на улицу по воскресным и праздничным дням до полудня. В виде компенсации за эти «ослабления» еврейские общины были лишены внутренней автономии и, самое главное, евреев стали впервые привлекать к воинской повинности. В то же время самое чувствительное из прежних ограничений — закон о фамилиантах — осталось в силе до 1859 г., когда (всего за 8 лет до полного уравнивания в правах) тайно заключенные евреями «дикие» браки были наконец-то признаны законными. В других государствах брачные ограничения также отменялись в последнюю или предпоследнюю очередь. В Пруссии их отменили в 1812 г. (для Познанской провинции, где жило наибольшее число евреев, — лишь в 1847 г.), во Франкфурте — в 1834 г., в Баварии в 1861 г. После этого оставалось лишь допустить евреев на государственную службу. Полное равно-

праве евреев было признано в объединенной Германии в 1871 г., в Австро-Венгрии — в 1867 г. Но им пришлось столкнуться с общественным неприятием и неосуществимостью на практике той эмансипации, которой они добились на бумаге.

В 70-х гг. XIX в. в разных европейских странах возник антисемитизм современного типа, основанный уже не столько на религиозной, сколько на расовой неприязни. Тому были свои причины. С одной стороны, степень религиозности в обществе упала и среди христиан, и среди евреев и различие вероучений уже не могло быть поводом для преследований. С другой стороны, отчасти именно по этой причине, отчасти по другим, о которых речь пойдет ниже, около 200 тыс. европейских евреев в прошлом веке перешли в христианство²². Крещение было больше всего распространено среди финансовой и интеллектуальной верхушки европейских евреев (особенно немецких), и именно выкресты и их дети заняли очень видное положение в европейском обществе (Гейне, Маркс, Берне, Мендельсон-Бартольди и многие другие). В предыдущие века выкрестов было немного. Христиане могли презирать их как ренегатов вообще, но, во всяком случае, за евреев уже не считали и в свое общество принимали как исключение. Но когда это исключение превратилось в правило и вся Западная Европа наполнилась такими новообращенными (как прежде Испания — маранами), Эдуард Дрюмон (один из вождей партии «антидрейфусаров» во время дела Дрейфуса по Франции) произнес фразу, облетевшую весь континент: «Крещеный еврей, может, и увеличивает число католиков, но не уменьшает числа евреев»²³.

Определяя евреев уже по критерию происхождения, а не вероисповедания, антисемиты нового толка требовали от правительства, особенно германского и австро-венгерского, восстановить старые ограничения для евреев, в свое время введенные в основном по религиозным мотивам. Такую петицию с четвертью миллиона подписей получил германский канцлер Бисмарк в апреле 1881 г. (в те же дни, когда на юге России впервые вспыхнули массовые погромы). В петиции требовалось ограничить число евреев в стране, правда, не путем брачной нормировки, а путем запрета иммиграции.

И позднее германский рейхстаг был вынужден неоднократно возвращаться к вопросу о лишении евреев гражданских прав. Хотя формально такие требования отклонялись, но фактически многими своими правами евреи не могли воспользоваться —

их почти не принимали на государственную службу, не производили в офицеры в армии и т. п. Сама же идея восстановления старых ограничений для евреев в конце XIX—начале XX в. выдвигалась разными антисемитскими партиями и организациями и была в конце концов взята на вооружение нацистами. Придя к власти, последние действительно восстановили очень многие средневековые ограничения — даже такие, как гетто и желтая звезда. Однако средневековые ограничения прав не вели к физическому уничтожению евреев²⁴: в средние века это имело место только при погромах, происходивших *в нарушение установленногo законодательства*, которое все-таки давало евреям право на жизнь, хотя и на весьма тяжелых и унижительных условиях. Из всех старых ограничений только брачная нормировка была направлена на физическое устранение евреев, правда, их лишали не самой жизни, а права давать жизнь детям. Конечно, это касалось не всех евреев, а лишь «бесполезных», но по сути это была политика бескровного геноцида против определенной части еврейского населения. Гитлеровцам такая политика не могла не импонировать — это была чисто немецкая традиция, причем очень недавняя — ведь брачную нормировку отменили лишь за семь десятилетий до прихода нацистов к власти.

Другое дело, что нацисты считали «бесполезными» всех евреев, а не какую-то их часть. Запрет вступать в брак представлялся им недостаточно радикальной мерой — они предпочитали стерилизацию нежелательных элементов (кстати, не только еврейского происхождения), чтобы те не произвели на свет внебрачных детей. А от стерилизации было уже совсем недалеко до газовых камер: это всего лишь более быстродействующий способ устранения нежелательных, не дожидаясь их «естественной» смерти.

Нам не известно ни одной книги или статьи о Катастрофе, где упоминалось бы о преемственности между брачной нормировкой и геноцидом. По нашему мнению, именно в этой преемственности может быть найден хотя бы частичный ответ на часто задаваемый вопрос о том, как в столь цивилизованной стране в середине XX столетия оказался возможным геноцид еврейского народа. А поскольку последствия Катастрофы чрезвычайно сильно ощущаются и в наше время, тем самым еврейский народ до сего дня косвенно ощущает и последствия брачной нормировки. И причем — не только через Катастрофу, о чем будет сказано ниже.

Какие результаты дало столь долгое применение брачных ограничений для евреев? Мы видим, что как раз в демографическом смысле эти меры не имели полного успеха. Даже в Богемии, Моравии и Силезии, где брачная нормировка была очень жесткой и к ее нарушителям применялись суровые наказания, число евреев возросло с 69 тыс. в 1785 г. до 76 тыс. в 1803 г. и 102 тыс. в 1840 г., причем С. М. Дубнов рассматривал такой прирост как «нормальный»²⁵. Но это мнение историка, а не демографа. В чешской столице, где контроль над браками был жестче, еврейское население, стремительно возраставшее до принятия закон о фамилиантах в 1727 г., в течение последующих 120 лет стабилизировалось на уровне около 10 тыс. (с колебаниями) и вновь стало быстро увеличиваться после отмены этого закона до 27 тыс. в 1900 г.²⁶. Таков же был характер динамики численности евреев во Франкфурте: высокий темп роста до введения брачной квоты, стабилизация на уровне около 3 тыс. в течение двух веков ее действия и вновь большой прирост после ее отмены в 1834 г. — до 10 тыс. в 1871 г. и 22 тыс. в 1900 г.²⁷. В обоих городах во второй половине XIX в. сыграл роль не только естественный, но и механический прирост после отмены ограничений на въезд евреев. В Пруссии, несмотря на все ограничения, еврейское население увеличивалось постоянно, причем в Берлине быстрее, чем в провинции²⁸.

В целом же надо признать, что в одних местах нормировка браков замедлила, а в других и вообще остановила рост числа евреев. Ее негативное влияние в демографическом аспекте признают виднейшие израильские демографы С. Делла Пергола и Р. Бакки²⁹. Однако, по нашему мнению, гораздо сильнее демографического был социально-психологический эффект нормировки браков: она способствовала разрушению еврейской солидарности. Конечно, и до этого никакого «единства» всех евреев никогда не было. Напротив, имела место торговая конкуренция между евреями, социальная борьба между кагальной верхушкой и рядовыми членами общин, религиозные различия между ашкеназами и сефардами, хасидами и миснагедами и многие другие внутренние конфликты. Однако перед лицом внешнего мира почти до конца XVIII в. еврейство действительно выступало как монолит.

Еврейская солидарность крепла, когда возникала внешняя угроза. В таких случаях все внутренние распри на время забывались. Так, в 1744 г. фанатичная австрийская императрица Мария Терезия неожиданно издала указ об изгнании евреев из

своих чешских владений. И на защиту своих чешских собратьев поднялись богатые и почти не испытывающие бесправия евреи Лондона и Амстердама, которым лично этот указ ничем не грозил. Используя свои дворцовые связи, они добились того, что английские и голландские дипломаты в Вене ходатайствовали перед императрицей об отмене жестокого указа. Правда, изгнание все-таки состоялось, но вскоре изгнанникам было разрешено вернуться.

Еврейские общины в целом и особенно богатые и влиятельные их представители постоянно ходатайствовали перед немецкими государями об отмене наиболее жестоких ограничений. Временами им удавалось добиться расширения брачно-семейных квот. Мы уже видели, что в Пруссии — Бранденбурге эта квота для «покровительствуемых» евреев сперва составляла 50 семей, потом 120, потом 150, потом их стало еще больше, не считая огромного числа «терпимых» евреев. В городе Бреслау в 1744 г. прусское правительство разрешило жить только 12 еврейским семьям, в 1790 г. эта норма была повышена до 160 семей (больше, чем еще незадолго до того во всей Пруссии), хотя фактически там уже в 1776 г. жило около 2 тыс. евреев — то есть гораздо больше, чем допускалось согласно новой повышенной норме³⁰. У иного немецкого государя было проще исходатайствовать увеличение этой нормы, чем у нынешнего американского конгресса — повышения квоты на прием еврейских «беженцев» из бывшего СССР. Дело в том, что прием «беженцев» требует больших расходов на пособия им, а в старой Германии евреи, напротив, сами платили в казну огромные суммы за право поселиться в стране, вступить в брак и т. п.

Одной из специфических форм проявления еврейской солидарности в средние века и в начале нового времени было единодушное осуждение евреев, отрекающихся от веры отцов. Иудаизм всегда был национальной религией, и переход из него в христианство, ислам или иную веру рассматривался и евреями, и неевреями как переход из еврейского народа в другой народ. Поэтому те евреи, которые хотели, чтобы их народ продолжал существовать, порывали всякие отношения с перешедшими в христианство, даже если это были их дети. Это вовсе не было проявлением враждебности к христианам как к людям или к христианству как к религии: те же самые евреи могли иметь добрые отношения со своими христианскими соседями и даже со священниками. Евреи вовсе не стремились обратить христиан в свою веру, подобные случаи были крайне

редки. Неприязненное отношение евреев к выкрестам было связано и с тем, что последние становились полноправными гражданами страны, в которой жили, тогда как сохранение верности вере отцов оставались бесправными. Это отношение заметно смягчилось в последние сто лет, поскольку по причинам, о которых речь пойдет ниже, нееврейская среда стала считать, что крещеный еврей все-таки остается евреем, и крещение перестало приносить выгоду. Но сейчас мы говорим о более ранних временах, когда даже евреи, в глубине души уже не верующие, не видящие смысла в том, чтобы страдать за веру отцов, все-таки, как правило, не отрекались от нее. Их удерживал от этого страх перед полным разрывом с родителями, родственниками, соседями, друзьями — всем социальным окружением. Поэтому до конца XVIII в. случаи крещения евреев в Германии, как и в других странах, были относительно редки. Однако впоследствии это положение изменилось под воздействием брачной нормировки.

Немецкие евреи первоначально относились к выкрестам с тем же презрением, что и евреи Польши и России. Даже знаменитый философ Моисей Мендельсон (1729—1786), который так много сделал для распространения среди евреев европейского просвещения и для сближения евреев и христиан, у которого было много христианских друзей, который постоянно призывал к веротерпимости, — даже он, по словам С. М. Дубнова, «ненавидел ренегатство»³¹.

Однако если кто-то из евреев крестился, остальные евреи, относясь к нему соответствующим образом, не могли в то же время не понимать, что уходом из общины он освобождает «фамильный номер» и дает тем самым возможность кому-то из них вступить в брак, поселиться в большом городе или получить патент на занятие торговлей (число которых тоже нормировалось). Поэтому отношение немецких евреев к выкрестам по-прежнему смягчалось.

Сама обстановка, в которой число еврейских семей, браков, торговцев строго нормировалось законом, заставляла евреев постоянно конкурировать друг с другом за получение от властей элементарных человеческих прав. Эта внутренняя борьба разъедала и подрывала единство не только в общинах, но и внутри семей. Младший брат ненавидел старшего за то, что тому можно жениться, а ему нельзя. Ненавидел он и своего отца за то, что тот не выхлопотал ему «фамильный номер», освободившийся после смерти бездетного соседа или родственника, —

этот «номер» был перехвачен другими, более проворными евреями для своего сына. При таких отношениях в семье страх перед разрывом с ней и перед негативной реакцией родственников и соседей уже не удерживал от крещения³², которое к тому же избавляло от всех ограничений.

Во многих германских государствах, городах и землях законы разрешали только одному сыну (обычно старшему) жить вместе с родителями, все другие сыновья по достижении совершеннолетия обязаны были эмигрировать. Родители выделяли им деньги, необходимые для устройства на новом месте³³. Используя свои торговые связи, отцы добивались от властей какого-либо города или государства разрешения на жительство для своих сыновей. Но такие разрешения давались, как правило, в рамках общей квоты. Сами квоты пересматривались лишь в немногих государствах, редко и нерегулярно, раз в несколько десятков лет. Поэтому евреи данного города встречали приехавшего к ним молодого единоверца весьма недоброжелательно, поскольку они прекрасно понимали, что каждый, кто получил такое разрешение, уменьшает шансы всех других.

К тому же сами эти квоты в старой Германии были такими низкими, максимум несколько сот семей на один город, что все евреи каждого города прекрасно знали лично друг друга. Даже во Франкфурте-на-Майне, где в конце XVIII в. разрешалось проживать всего 500 еврейским семьям, допускалось лишь 12 новых браков в год (потом эта норма была «милостиво» увеличена до 15 бракосочетаний), в случае каждой свадьбы другие молодые люди с полным основанием могли считать, что эти жених и невеста отняли у них возможность семейной жизни. А если кто-то из новобрачных к тому же был иногородним...

Молодые евреи, вынужденные покинуть родные места, весьма недружелюбно принимались теми еврейскими общинами, в которых они поселялись, и не могли ощущать единства и солидарности с местными евреями даже перед лицом враждебного внешнего мира. К тому же их связь с родителями и родственниками постепенно ослабевала из-за географической удаленности и долгой разлуки, как это часто бывает у эмигрантов. В таких случаях ослабевала и старая еврейская традиция, по которой родители подыскивали жен своим сыновьям, — если последние жили в другом городе, они делали это самостоятельно, причем их выбор мог пасть и на христианку, ведь в эту эпоху во многих местах евреи жили вне гетто и уже не были так изолированы от христиан, как прежде. Конечно, для брака

с христианкой требовалось принять крещение. Но многие уже были готовы к этому — их не останавливал страх перед реакцией семьи и общины, поскольку они рассматривали себя как индивида, как личность, а не как представителя общности.

Разрушение еврейской солидарности начиналось с верхних слоев общины. Среди богатых евреев были такие, которые много помогали своим менее преуспевающим собратям (например, в том, чтобы поселиться в Вене, Берлине, Бреслау или каком-либо другом городе, куда допускались лишь немногие «избранные»). Но в конце XVIII—начале XIX в. именно среди богатых, образованных и влиятельных евреев появилось много людей, полностью равнодушных или даже прямо враждебных своему народу. Они хлопотали об отмене ограничений только для себя лично и в лучшем случае для людей своего круга и доходили даже до того, что просили австрийское правительство ограничить наплыв других, «нелегальных» евреев в Вену, усилить репрессии против «чужих»³⁴.

На рубеже XVIII—XIX вв. в Берлине начались массовые крещения евреев. Позже это явление распространилось по всей Пруссии, охватило другие германские государства, проникло в Австрию. Крестились в первую очередь богатые и образованные, люди с большим интеллектуальным или художественным потенциалом. Даже дети и внуки Моисея Мендельсона все приняли христианство. (Один из его внуков был известный композитор Феликс Мендельсон-Бартольди.) Эта волна крещений охватила почти всю Европу (кроме Российской империи, где крещение оставалось сравнительно редким явлением). Ее не остановило даже формальное уравнение евреев в правах с христианами — ведь оно во многом оставалось на бумаге. Только в позднейшее время расистский антисемитизм нового типа привел к тому, что крещение перестало избавлять от принадлежности к еврейскому народу и поэтому стало выходить из моды.

Массовые крещения западноевропейских евреев в прошлом веке обычно объясняют ослаблением у них религиозного чувства, что в свою очередь приписывают распространению среди них общего (вместо специально еврейского) образования и приобщению их к европейской культуре, чему начало положил сам Мендельсон. Как писал С. М. Дубнов, «сторонники ассимиляции обыкновенно называют своим родоначальником Моисея Мендельсона, а ее противники на этом основании предают

великого мыслителя анафеме»³⁵. По нашему мнению, такое объяснение является отчасти верным, но не исчерпывающим.

Степень религиозности в прошлом веке действительно уменьшалась как среди образованных евреев, так и среди образованных христиан, причем последние понимали, что среди первых крестятся главным образом люди, вообще неверующие³⁶. Но, как мы писали выше, для формального перехода в другую веру еврей должен утратить не только свою веру, но и страх перед общественным мнением. Поэтому общепринятое объяснение относится только к первому условию, на второе же обычно не обращают внимания. Между тем оно ничуть не менее важно.

Евреи утратили свою солидарность перед лицом внешнего мира и перестали считаться с возможной реакцией других евреев, включая и своих ближайших родственников, на свои отношения с этим миром именно потому, что процесс их эмансипации был очень растянутым во времени и дифференцированным в зависимости от степени зажиточности или образованности.

Практически во всех странах старые средневековые ограничения первоначально отменялись де-факто, а во многих случаях и де-юре лишь для немногих евреев — в качестве «награды» за богатство или ценную для государства профессию. Поэтому как раз многие из тех евреев, которые могли использовать свои капиталы или таланты для борьбы за эмансипацию всего народа, перестали ощущать свое единство с этим народом в качестве бесправных и угнетенных и отныне были заняты лишь личными проблемами — и часто решали их путем крещения. Однако нельзя считать, что еврейская солидарность была разрушена лишь давлением извне. Любое внешнее воздействие на какую-то группу людей эффективно лишь тогда, когда внутри этой группы есть предрасположенность принять его.

Еще в XII в. в ашкеназских общинах Франции и Германии было запрещено принимать евреев из других городов, чтобы они не конкурировали с местными евреями и не отбивали у них заработки. Это было сделано по тем же соображениям, по каким в то же время христианские цеха и гильдии изгоняли из своих городов «чужих» купцов и ремесленников, не бывших их членами. У евреев к этому добавились соображения, связанные с теснотой в гетто. Но когда они ушли на восток, в Польшу, в Литву, где гетто почти не было, это правило сохранилось и там. В XVII—XVIII вв. Литовский Ваад (центральный орган само-

управления евреев Литвы) часто принимал постановления о высылении из этой страны польских, немецких и других «чужих» евреев и даже разрешил кагалам, не способным своими силами изгнать «пришельцев», обращаться за содействием к христианским властям.

Однако еврейские общины Литвы приняли тысячи беженцев с Украины в годы Хмельнитчины, евреи Франкфурта в 1499 г. приняли изгнанников из Нюрнберга и т. д. На жертвы преследований запрет поселения не распространялся. Принимали и прибывших по экономическим соображениям, если они умели как-то договориться с местными евреями. Но само по себе это запрещение говорит о том, что уже в средние века еврейская солидарность была не столько общенародной, сколько корпоративно-общинной. Обычно общины были маленькими и все их члены знали друг друга. И от крещения удерживал не страх перед реакцией евреев вообще, а страх перед реакцией в своей общине. Отношения внутри общин тоже были не идеальными. Но, в отличие от христианских цехов, еврейские общины никогда не отказывались признавать своими членами младших сыновей местных евреев (во многих цехах число членов цеха ограничивалось и отцу наследовал лишь старший сын). Когда же немецкие власти запретили вступление в брак младшим сыновьям в еврейских семьях и стали ограничивать число членов каждой общины, это вызвало внутренние конфликты в общинах и даже в семьях и привело к перерождению группового эгоизма в индивидуальный. Страх перед негативной реакцией родных и знакомых перестал удерживать от крещения.

Избирательный подход к предоставлению гражданских прав не всем евреям, а только некоторым из них, да еще и в пределах квоты, оказался более опасным для народа, чем средневековые инквизиционные преследования. Можно сказать, что в который раз во всемирной истории оправдал себя принцип римлян «разделяй и властвуй». Но все дело в том, что немецкие правители, изобретая законы о брачной нормировке, меньше всего исходили из этого старого принципа. К нему прибегают в тех случаях, когда имеют дело с сильнейшим противником, в ряды которого надо внести раскол. Евреи же в своем противостоянии с христианами всегда были слабой стороной. Если от них хотели избавиться насовсем, то в ход пускались старые грубые методы. Не постеснялась же Мария Терезия в середине «просвещенного» XVIII в. изгнать евреев из Чехии. Даже в начале XIX в. этот способ борьбы с евреями в Германии

не вышел из моды: в 1815—1816 гг. евреев изгнали из Бремена и Любека, а в 1819 г. по многим немецким городам прокатилась волна погромов.

Никак нельзя считать, что Фридрих II изобретал свой «юденрегламент» с дальним прицелом, чтобы в конечном счете внести раскол в ряды евреев и побудить их принять крещение. Он не был религиозным фанатиком. Этот государь, друг Вольтера и других французских вольнодумцев и сам вольнодумец, если вообще и верил в Б-га, то не как ортодоксальный христианин, а как деист, признающий какую-то высшую силу, правящую миром, но не придающий никакого значения обрядности, отличающей одну веру от другой. В протестантизме — официальной религии своей страны — он видел только часть государственного аппарата, и не случайно современники называли его «плохим протестантом». Наконец, крещение евреев было вовсе не в интересах казны, о которых король очень заботился. Если бы все евреи крестились, казна лишилась бы огромных доходов от их платежей за «терпимость», «покровительство», разрешение на брак.

Фридрих II, как и многие его просвещенные современники, включая и Вольтера, не любил евреев уже по вполне светским мотивам — за «торгашество», «невоспитанность», а также как представителей чуждой нации, а не веры. Такое отношение к евреям уже больше походит на современный расистский антисемитизм, возникший веком позже, чем на средневековую религиозную юдофобию.

Когда вскоре после смерти этого государя среди его еврейских подданных начались массовые крещения, новые правители Пруссии отнеслись к этому без особого восторга и даже пытались ограничить масштабы этого, чрезвычайно желательного с церковной точки зрения, явления. Они совершенно неожиданно удовлетворили ходатайство правления берлинской еврейской общины о том, чтобы не дозволялось крещение детей и слуг без разрешения родителей и хозяев и чтобы иногородние выкресты выселялись на родину (то есть чтобы в Берлине не поселилось слишком много евреев, хотя бы и крещеных). Затем пасторам было запрещено (в 1810 г.) крестить евреев без полицейского свидетельства о серьезности намерений последних³⁷. Впрочем, все это не могло остановить волну крещений.

Как это часто бывает в истории, политические меры, преследующие определенные цели, не достигают их, но в то же время дают какие-то иные, совершенно unplanned и

непредвиденные результаты. В данном случае брачная нормировка не привела к появлению среди евреев большого числа старых холостяков и старых дев и не остановила роста еврейского населения Германии. Одни евреи научились обходить закон, другие вступали в тайные браки, и, во всяком случае, общее число евреев продолжало увеличиваться. Постепенно в течение нескольких поколений жестокая конкуренция между евреями за право вступить в брак разрушила внутриобщинную и внутрисемейную солидарность и подтолкнула многих евреев к переходу в христианство. Однако это имело место в основном уже после отмены самих законов о брачной нормировке. Таким образом, последняя оказалась миной замедленного действия.

Все это сказалось далеко за пределами Германии и Австрии. Дело в том, что в конце XVIII в. и в течение большей части XIX основная часть еврейского населения Англии, Голландии и США состояла либо из выходцев из немецких государств, либо из их потомков. Еще в большей степени это относится к французскому еврейству, которое долго было сосредоточено главным образом в Эльзасе — бывшей немецкой провинции, где нормировка еврейских браков сохранялась вплоть до революции 1789 г. Эта нормировка была одной из главных причин эмиграции на запад той части немецких евреев, которым никак не удавалось обойти эти жестокие законы у себя на родине. Но этим людям уже не было свойственно чувство общинной солидарности: однажды подорванное в Германии, оно уже вряд ли могло быть восстановлено в полном объеме у немецко-еврейских эмигрантов в Париже, Лондоне, Амстердаме или Нью-Йорке, тем более что и на новых местах условия не благоприятствовали этому. Всюду отношение к евреям было не идеальным, всюду к богатым и образованным евреям относились лучше, чем к остальным, и всюду переход в христианство был очень распространен среди верхов еврейского общества.

На протяжении большей части XIX в. именно ассимилированное германское еврейство, а не численно преобладающее российское было культурным авторитетом для всего еврейского мира. Европейское просвещение в его мендельсоновском варианте пришло в Россию из Германии, и не случайно первых просветителей долгое время называли «берлинерами». До 1860-х гг. они пользовались в своих школах немецким языком. Они проповедовали многие гуманистические идеалы, но солидарность со своими единоверцами была у просветителей (маскилим) далеко не на первом месте. Не случайно немало

их учеников дошли до крайней ассимиляции, а некоторые крестились. Дух ассимиляции мог быть занесен в среду российского еврейства иммигрантами из Австрии и Германии, бежавшими от рекрутчины (в Австрии она была введена для евреев в 1780-х гг., а в России — лишь в 1827 г.) и от брачной нормировки. Но в основном еврейские общины в России разложились под влиянием местных условий, отчасти сходных с немецкими. Как брачная нормировка в Германии, так и рекрутчина в России били не по всем евреям (в отличие от средневековых гонений), а лишь по некоторым из них. При этом решение вопроса о том, кому именно будет разрешено (или запрещено) вступить в брак, кто именно пойдет в солдаты или в кантонисты, во многих случаях зависело от правления еврейской общины — кагала. Христианские же власти интересовались только выполнением количественных норм по бракам, новобранцам, сбору налогов и т. п., а не тем, за счет каких именно лиц выполнены эти нормы. Какие бы решения ни принимали кагалы, всегда они наживали себе массу врагов среди «обиженных». Из-за внутренних конфликтов в общинах в 1844 г. кагалы были ликвидированы по указу Николая I. В Австрии и Германии аналогичные явления имели место уже в XVIII в. Повсюду государственная власть предпочитала иметь дело уже не с еврейской общиной в целом, а с каждым евреем в отдельности.

Приезжая в Германию по торговым делам или для получения образования, многие русские евреи видели, насколько богаты и образованны их немецкие собратья, несмотря на свою оторванность друг от друга, а возможно, именно благодаря этому. И такой пример был очень заразителен. К тому же если немецкий еврей, лишенный права женитьбы, завидовал соседу, имеющему это право, то русский еврей, чьего сына взяли в кантонисты, завидовал соседу, детям которого больше повезло.

Однако не только богатое, просвещенное и ассимилированное немецкое еврейство служило примером и образцом для многих русских евреев, но и немецкие ограничительные законы для евреев (в том числе и уже отмененные к тому времени у себя на родине) служили образцами для составления антиеврейских законов в Российской империи. По существу из Германии была заимствована идея черты оседлости, поскольку во многих немецких государствах были города и целые провинции, закрытые для евреев. Оттуда же с большим опозданием (почти на 200 лет!) пришла идея допускать в эти запретные

места немногих «избранных» — богатых и образованных евреев, и этот их класс, отчужденный от своего народа географически и культурно и вскоре сознательно отвергший его язык — «жаргон», — оказался наиболее подверженным ассимиляции.

Правда, в России этот процесс сильно тормозился многими факторами. Число разрешений поселиться вне черты оседлости само по себе не нормировалось, и конкуренции на этой почве не возникало (если не считать ситуации с поступлением в учебные заведения в условиях процентной нормы: возможно, что при этом возникала взаимная неприязнь между молодыми евреями). Брачная нормировка, к счастью для евреев, не была заимствована российским законодательством, и коллизий на этой почве в еврейских семьях не возникло. Значительные группы образованных, обеспеченных и отчасти обрусевших евреев, живущих вне черты оседлости и, в общем-то, уже готовых к христианизации, появились только в начале XX в., то есть в то время, когда в Россию уже проник с Запада расовый антисемитизм, и крещение уже не всегда спасало от дискриминации. В 1912 г. старый запрет евреям служить офицерами в армии был официально распространен на крещеных евреев и на их детей и внуков³⁸. Поэтому крещение не получило особой популярности в России. В 1900 г. из 5,2 млн. российских евреев крестилось лишь около тысячи — 0,2% крещений в год на каждую тысячу евреев, — это было в 2,5 раза ниже, чем в Австро-Венгрии, и в 4,5 раза ниже, чем в Германии³⁹. Наконец, сам характер расселения и национальная самобытность сплошных еврейских масс, живших в городах и местечках черты оседлости, были сильнейшими факторами, противодействующими ассимиляции. Поэтому последняя могла произойти лишь в советское время, главным образом после войны.

Ассимиляция советского еврейства — тема отдельного исследования. В рамках данной работы можно отметить лишь некоторые ее особенности.

Во-первых, этому процессу очень способствовало уничтожение гитлеровцами большей части евреев Украины, Белоруссии, Прибалтики и Молдавии, которые менее всего поддавались ассимиляции. Уцелела же как раз ассимилированная часть советского еврейства, главным образом — в РСФСР.

Во-вторых, ассимиляция в СССР с самого начала имела сугубо секулярный характер: евреи уходили из иудаизма не в христианство, а в атеизм. Крестились в советское время лишь немногие евреи, и не ради карьеры, а по идейным побуждени-

ям. Крещеных евреев все равно считали евреями. Крещение как способ ассимиляции потеряло значение — в этой роли его заменили смешанные браки.

Ассимиляция такого типа не вызывала, как правило, негативной реакции в еврейской среде, подобной реакции еврейских общин на случаи крещения в дореволюционный период. Если же такая реакция и была, то от ассимиляции это никого не удерживало, поскольку общинная солидарность в российском еврействе была разрушена еще в основном до революции.

О причинах ассимиляции евреев написано немало. Обычно этот процесс объясняют теми же факторами, что и ассимиляцию любых других национальных меньшинств, проживающих дисперсно среди инационального большинства и в конце концов растворяющихся в последнем. Однако, хотя ассимиляция евреев действительно имеет много общего с ассимиляцией других меньшинств, уникальность исторической судьбы еврейской диаспоры, которая не ассимилировалась на протяжении двух тысячелетий и лишь в XX в. оказалась под угрозой распада как группы, то есть полного растворения среди окружающих народов, требует каких-то дополнительных объяснений⁴⁰. При этом нисколько не ставится под сомнение справедливость общепринятых объяснений: ослабление семейных связей вообще и влияние родителей на брачный выбор детей в особенности, увеличение дисперсности расселения евреев (исчезновение местечек и еврейских кварталов), упадок религиозности, наконец, исчезновение предрассудков против браков с евреями среди значительной части окружающего населения. Так, по данным опроса в разных регионах бывшего СССР, проведенного осенью 1990 г. и охватившего 4206 человек, в огромном большинстве неевреев, 41—43 % опрошенных ответили, что они ничего не имели бы против брака своих детей или других ближайших родственников с евреями, и еще 22% затруднились с ответом⁴¹.

Однако при изучении этого вопроса следует обращать больше внимания на специфику причин ассимиляции в тех еврейских общинах, которые подверглись ей раньше, причем добровольно, и как бы послужили примером для других общин. Поэтому в данной статье основное внимание было уделено самой крупной демографически и важной в духовном отношении из таких общин — германской, среди которой степень ассимиляции была очень сильна уже в XIX в. А среди факторов, способствовавших столь ранней ассимиляции этой части ев-

рейского народа, мы обратили внимание на один специфический фактор — демографический. Речь идет о различии между традициями немцев (и вообще западноевропейцев), с одной стороны, и евреев — с другой, в отношении к браку и наследованию, о вызванном этими различиями росте доли евреев в населении Германии и Австрии в XVII—XVIII вв., о борьбе австро-немецких властей с этим демографическим ростом путем принудительного навязывания евреям законов о майорате, принятых среди христиан. По сути, это был первый в истории опыт демографической политики, направленной на снижение рождаемости (но не во всем населении, а только в одной его, «нежелательной» части). В демографическом смысле эта политика обычно не имела стопроцентного успеха (кроме Франкфурта, Праги и некоторых других мест, где власти очень уж усердно ее проводили). Но ее социальные последствия очень важны.

Даже в самой христианской среде, где майорат был не навязан властями, а сложился как естественный обычай, он способствовал резкому повышению социальной активности лишенных наследства младших сыновей. Не рассчитывая на помощь своих родителей, они прилагали огромные усилия, чтобы завоевать себе место под солнцем и вступить в брак: открывали и завоевывали целые страны за океаном, делали военную или гражданскую карьеру, достигали успехов в торговле, сколачивали капиталы в промышленности (чем их старшие братья, унаследовавшие отцовские дома, земли и титулы, занимались гораздо меньше). По нашему мнению, именно снижение смертности в Европе в XVIII—XIX вв. (среди евреев этот процесс начался раньше, чем среди христиан)⁴² привело к росту числа выживающих младших сыновей, вынужденных заниматься нетрадиционными видами деятельности вне сельского хозяйства, где земельные участки получали только старшие сыновья, и было одним из важнейших факторов индустриализации и возникновения капитализма. Во всяком случае, этот общественный строй лучше всего утвердился там, где был майорат, — среди народов Западной Европы и их заокеанских потомков и в Японии (где майорат был отменен лишь после второй мировой войны). Майорат повсюду развивал личную предприимчивость.

На австро-немецких евреев майорат, навязываемый им искусственно, в виде законов о брачной нормировке, повлиял в этом отношении гораздо сильнее, чем на окружающее христианское население. У христиан считалось вполне нормальным,

что младший брат по социальному статусу ниже старшего, что он гораздо беднее и может даже из-за своей бедности остаться старым холостяком. Мы уже говорили о том, что тогдашнее западно-европейское общество было весьма терпимо к безбрачию. Поэтому лишь наиболее честолюбивые среди младших сыновей не мирились со своей судьбой и проявляли повышенную социальную активность; общественное мнение этого от них не требовало. Но в еврейской среде так не было принято: младший сын не мог удовлетвориться социальным статусом ниже, чем у старшего, а безбрачие вообще считалось величайшим несчастьем. Поэтому евреи реагировали на навязываемый им (в гораздо более жестких формах, чем христианам) майорат несравненно более высокой социальной активностью: почти все они стремились либо заработать большие деньги, либо приобрести ценные (для государства) профессии — и то и другое давало право поселиться в стране, вступить в брак и т. д. Причем вслед за родителями в этот круг борьбы за существование должны были включаться и дети: только один из них наследовал отцовские права, а остальные должны были завоевывать себе место под солнцем. Если немецкий еврей не был ни богатым, ни образованным, ему было суждено либо остаться старым холостяком, либо эмигрировать, либо принять христианство. Вот почему среди австро-немецких евреев оказалось так много коммерсантов, банкиров, предпринимателей, с одной стороны, и ученых, врачей, художников, юристов, музыкантов и композиторов — с другой. Вот почему они дали миру так много громких имен — Маркс, Гейне, Фрейд, Эйнштейн, Мендельсоны (дед и внук), Оффенбах, Малер, Фейхтвангер, Стефан Цвейг и многие-многие другие.

Ориентированность на сверхвысокую социальную активность сохранилась среди немецких евреев и после отмены законов о брачной нормировке и всех прочих ограничений, тем более что де-факто многие ограничения имели место и в условиях формального равноправия. Еврейские эмигранты из Германии и Австрии принесли эту ориентацию во многие другие страны, в том числе и в Россию. В России, кроме того, распространению среди евреев ориентации на социальное продвижение очень способствовало законодательство, во многом заимствованное из Германии: перебраться из местечек в Москву или Петербург разрешалось лишь богатым или образованным евреям (а также ремесленникам и семьям «николаевских» солдат). Но брачной нормировки не было.

Вклад немецкого еврейства в мировую науку и культуру невероятно велик даже на фоне вклада, внесенного евреями других стран. Если среди Нобелевских лауреатов евреев около 20%⁴³, хотя доля евреев во всем человечестве в XX в. никогда не превышала 0,7% (а сейчас составляет лишь около 0,25%), то среди еврейских лауреатов этой премии примерно треть составляют уроженцы Австрии и Германии, хотя в этих странах к моменту прихода нацистов к власти проживало лишь 4—5% мирового еврейства⁴⁴.

Однако именно еврейские знаменитости, как правило, весьма равнодушны к своему народу. Они ассимилируются в первую очередь: среди них, особенно в XIX в., было очень много крещеных. Они чаще, чем «рядовые» евреи, вступают в смешанные браки. Наконец, многие из них вообще скрывали свое происхождение. И только одну специфическую черту не утрачивают ассимилированные евреи — это стремление к социальному продвижению. Более того, сама ассимиляция путем крещения, перемены имени или фамилии или записи о национальности сплошь и рядом служила именно средством устранить препятствие для социального возвышения.

Таким образом, специфические условия, в которых оказались немецкие евреи из-за брачных законов, с одной стороны, разрушили общинную солидарность и привели многих из них в лоно церкви (о чем говорилось выше). Но, с другой стороны, эти же условия чрезвычайно повысили социальную активность евреев, в первую очередь именно крещеных, которые часто достигали высокого социального статуса, приобретали громкие имена и тем самым вызывали даже большую зависть и ненависть, чем некрещеные. В результате традиционная религиозная юдофобия переродилась в современный расовый антисемитизм, от которого уже не спасает ни крещение, ни языково-культурная ассимиляция, ни смешанные браки.

Обычно объясняют эту трансформацию юдофобии секуляризацией общественного сознания в Западной Европе конца XIX в., а также резким усилением национализма на всем континенте в эту эпоху⁴⁵. Это, бесспорно, правильное объяснение. Но оно порождает новые вопросы. Почему многие немецкие националисты, стремясь ассимилировать другие меньшинства, например поляков, отвергали возможность ассимиляции евреев, хотя этот процесс шел у них на глазах? Почему они считали, что крещеный еврей даже опаснее некрещеного?⁴⁶ Видимо, именно потому, что ассимилированные евреи, утратив

свои национально-религиозные отличия от окружающего населения, резко отличались от последнего в социальном аспекте. Стремление многих из них достичь высокого социального статуса стало рассматриваться как расовая черта и было поставлено в вину всем евреям.

Мы не утверждаем, что без такой страницы в летописи еврейского народа, как законы о брачной нормировке, не было бы потом ни ассимиляции, ни массовых крещений, ни столь большого числа еврейских знаменитостей, ни расового антисемитизма и шести миллионов его жертв в годы Катастрофы. История вообще не знает сослагательного наклонения. Мы лишь хотим обратить внимание на эту полузабытую страницу относительно недавней истории нашего народа. Влияние последствий нормировки числа еврейских семей и браков в XVII—XIX вв. в австро-немецких государствах на всю последующую историю еврейства, и не только в этих странах, но и в других, в том числе и в России, было гораздо сильнее и многообразнее, чем полагают историки, которые, как правило, лишь вскользь касаются этой проблемы. Во всяком случае, этот вопрос, лежащий на стыке истории, социологии и демографии, требует дальнейшего изучения.

¹ История евреев в России. М., 1914. С. 67—75. (История еврейского народа. Т. XI).

² *Israel J.* European Jewry in the age of mercantilism, 1550—1750. Oxford, 1985.

³ *Дубнов С. М.* Новейшая история еврейского народа. Пг., 1919. Т. 1. С. 25, 412—442, 199—201.

⁴ *Рот С.* История евреев с древнейших времен по шестидневную войну. Б. м. и г. С. 204.

⁵ *Дубнов С. М.* Новейшая история... Т. 1. С. 185—186.

⁶ *Dixon R. B.* Cultural Variations in Age at Marriage and Proportions Never Marrying // *Population Studies*. 1971. V. 25, N 2. P. 215—233; *Hajnal J.* European marriage Pattern in Perspective // *Population in History*. L., 1965. P. 101—143.

⁷ История еврейского народа. Т. XI. С. 340; *Дубнов С. М.* Новейшая история... Т. 1. С. 332.

⁸ *Stampfer S.* Remarriage among Jews and Christians in Nineteenth century Eastern Europe // *Jewish history*. Haifa, 1988.

⁹ Демография // *Краткая еврейская энциклопедия (КЕЭ)*. Иерусалим, 1982. Т. 2. С. 309—310.

¹⁰ Пруссия // *КЕЭ*. 1992. Т. 6. С. 860—868.

¹¹ Берлин // *КЕЭ*. 1976. Т. 1. С. 367.

¹² Австрия // *КЕЭ*. Т. 1. С. 27.

¹³ *Дубнов С. М.* Новейшая история... Т. 1. С. 326.

¹⁴ Т а м ж е. С. 10.

¹⁵ Т а м ж е. С. 8—9.

¹⁶ Т а м ж е. С. 8—9, 159.

¹⁷ Т а м ж е. С. 369.

- ¹⁸ Там же. С. 172—173, 341.
- ¹⁹ Демография // КЕЭ. Т. 2. С. 310—314.
- ²⁰ Краков // КЕЭ. 1988. Т. 4. С. 549.
- ²¹ Израиль: народ в диаспоре // КЕЭ. 1988. Т. 3. С. 286—288, 300.
- ²² *Lory T. Judentaufen im 19 Jahrhundert: Ein Statistischer Versuch* // Nathanael. Berlin, 1899. S. III—IV.
- ²³ *Мемми А.* Освобождение еврея. Иерусалим, 1983. С. 80.
- ²⁴ *Бахрах Ц.* Антисемитизм в новое время. Иерусалим, 1991. С. 1, 19—20;
- Прейгер Д., Телушкин П.* Почему евреи?: О причинах антисемитизма. СПб., 1992. С. 102—104.
- ²⁵ *Дубнов С. М.* Новейшая история... Т. 1. С. 15, 325.
- ²⁶ Прага // КЕЭ. Т. 6. С. 746—747.
- ²⁷ Frankfurt on the Main // Encyclopaedia Judaica. Jerusalem, 1971. V. 7. Col. 85—89.
- ²⁸ Демография // КЕЭ. Т. 2. С. 309.
- ²⁹ *Bacci R. S., Della Pergola S.* Did characteristics of Pre-emancipation Italian Jewry deviate from a General Paradigm for Jewish Traditional Communities? // Studies in honor of Moshe Davis. Jerusalem, 1984. P. 159—189.
- ³⁰ Вроцлав // КЕЭ. Т. 1. С. 748.
- ³¹ *Дубнов С. М.* Новейшая история... Т. 1. С. 129—130.
- ³² Familants Law // Encyclopedia Judaica. Jerusalem, 1971. V. 6. P. 1163.
- ³³ *Дубнов С. М.* Новейшая история... Т. 1. С. 3—4.
- ³⁴ Там же. С. 168.
- ³⁵ *Дубнов С. М.* Письма о старом и новом еврействе // *Дубнов С. М., Динур Б. Ц.* Две концепции еврейского национального возрождения. Иерусалим, 1990. С. 53.
- ³⁶ *Дубнов С. М.* Новейшая история... Т. 1. С. 134.
- ³⁷ Там же. С. 143.
- ³⁸ *Арад И.* Холокост: Катастрофа европейского еврейства (1933—1945): Сб. ст. Иерусалим, 1990. С. 94.
- ³⁹ Рассчитано по: Население // Еврейская энциклопедия. СПб., 1916. Т. XI. С. 530; Демография // КЕЭ. Т. 2. С. 314.
- ⁴⁰ *Делла Пергола С.* Изменение структуры еврейской демографии в современном мире: Науч. докл. на междунар. семинаре по иудаике. Москва, май 1991 г. М., 1991. С. 9, 24—25.
- ⁴¹ *Гудков Л., Левинсон А.* Отношение населения СССР к евреям // Вестн. евр. ун-та в Москве. 1992. № 1. С. 21.
- ⁴² *Делла Пергола С.* Изменение структуры... С. 11—12.
- ⁴³ Нобелевские премии // КЕЭ. 1990. Т. 5. С. 735.
- ⁴⁴ Демография // КЕЭ. Т. 2. С. 314.
- ⁴⁵ *Бахрах Ц.* Антисемитизм в новое время... С. 29—36, 50—55.
- ⁴⁶ *Михаэли Д.* Холокост: Учебн. пособие. Ч. 1. Юдофобия и антисемитизм. М., 1991. С. 56—57.

ОБЩИНА ТЕРАПЕВТОВ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФАНТОМ?

Сочинение Филона Александрийского «*De vita contemplativa*» («О созерцательной жизни»; далее в тексте обозначается как *Vit. cont.*) привлекает внимание теологов, историков и филологов на протяжении восемнадцати столетий. В нем описана жизнь терапевтов — общины, целиком посвятившей себя постижению Бога. С того момента, как Евсевий Кесарийский объявил терапевтов первыми христианскими монахами, сочинение Филона попало в круговорот теологических споров о возникновении института монашества¹. Одновременно возникали споры вокруг самого филоновского сочинения, поскольку сообщаемые в нем подробности быта и обрядов этой общины допускали различное толкование, и, несмотря на авторитет Евсевия, все же возникали сомнения: действительно ли Филон описал одну из первых христианских общин, или терапевты — это все же какая-то иудейская секта?²

Со временем тема вокруг сочинения сгушалась. В XIX в. было поставлено под сомнение авторство Филона: по мнению сомневавшихся, энкомий христианским монахам (именно таковым они считали *Vit. cont.*) мог быть написан не ранее III в. н. э., когда идеал христианской аскезы уже утвердился достаточно прочно³. Однако филологические исследования доказывали авторство Филона⁴. Тогда снова встали вопросы: кто такие терапевты? С каким известным религиозным и философским течением филоновского времени их можно отождествить?

Ответить на эти вопросы было трудно еще и потому, что сочинение Филона — единственный источник сведений о терапевтах. О них не упоминают ни современники, ни предшественники Филона, ни греки, ни иудеи. Это тем более странно, что Филон достаточно определенно локализирует описанную им общину терапевтов в окрестностях Мареотидского озера, а также указывает, что терапевты обитают «по всей ойкумене» (πολλὰχοῦ τῆς οἰκουμένης) (21).

Проблема атрибуции терапевтов осложнялась и характером описания: по мнению некоторых исследователей, сочинение Филона — преувеличение, «идеальная композиция»: «Стремление автора написать панегирик терапевтам и поставить их превыше всех мудрецов века сказалось невыгодно на точности описания и близости его к предмету темы»⁵.

Кумранские находки мало способствовали разгадке тайны терапевтов, и по сей день остаются открытыми вопросы о том, кого описал Филон в своем сочинении, на какую страницу истории религии (и какой именно религии) проливают свет сообщаемые Филоном сведения.

Попробуем рассмотреть это загадочное сочинение под особым углом, а именно в перспективе той жанрово-философской традиции, которой оно скорее всего принадлежит и из которой оказалось изъятым в силу ряда причин. Прежде всего, поставим вопрос о месте Vit. cont. среди других произведений Филона. Как известно, они в основном посвящены аллегорическому толкованию библейских текстов. Из более чем тридцати сохранившихся сочинений Филона только шесть можно назвать «небиблейскими»⁶. Это «Quod omnis probus liber sit» («О том, что всякий добродетельный свободен»; далее в тексте обозначается как Quod omn. prob.), «De aeternitate mundi» («О вечности Вселенной»), «De providentia» («О провидении»), «In Flaccum» («Против Флакка»), «Legatio ad Gaium» («О посольстве к Гаю»); к числу «небиблейских» сочинений Филона следует отнести и Vit. cont.

Каково же содержание этих произведений? Quod omn. prob. посвящено доказательству излюбленного стоического тезиса и весьма напоминает сочинение на заданную тему, выполненное учеником философской школы⁷. Интересны вступительные слова Филона к этому сочинению: «*Προϋτερος λόγος*; курсив наш.— О. Л.) было у нас, Феодот, о том, что всякий негодный человек — раб... А вот его родной и кровный брат и в некотором смысле близнец — рассуждение, в котором мы покажем, что всякий добродетельный свободен» (1). «Предыдущее рассуждение», о котором говорит Филон, не сохранилось.

Сочинение De aeternitate mundi (далее в тексте обозначается как De aeternitate) посвящено «вопросу вопросов» античной философии: как возник мир? Исследователи часто сомневаются, что автором этого сочинения является Филон, и, в частности, на том основании, что во всех прочих своих произведениях

он отрицает вечность и «несотворенность» Вселенной, а здесь, кажется, выступает как сторонник этой концепции. Но это лишь на первый взгляд. Внимательный анализ показывает, что автор вполне беспристрастен: указав на возможность тройкого решения проблемы (со стоической, платоновской и аристотелевской позиции), он выбирает для защиты и доказательства аристотелевскую позицию и приводит все доводы в ее пользу, ориентируясь на возможные контраргументы стоиков, но это не означает, что такова личная точка зрения автора *De aeternitate* — он как бы «входит в роль» перипатетика, отстаивающего свои взгляды перед стоиком, а потому готов тут же защищать прямо противоположную позицию, о чем и сообщает в заключении: «Итак, все, что нам известно (παρελήψαμεν) о неуничтожимости Вселенной, изложено в меру возможности. Возражения против каждого [выдвинутого тезиса] будут приведены далее» (150). Продолжение *De aeternitate* не сохранилось, однако ясно, что содержанием его будет опровержение сказанного и доказательство обратного, но уже с другой философской позиции.

В сочинении *De providentia* снова ставится «вечная» проблема греческой мысли, предмет раздоров между школами. Структуру этого сочинения помогает прояснить армянский перевод — греческий текст дошел в двух отрывках⁸. Это сочинение построено как диалог, точнее, как состязание двух точек зрения: собеседник Филона, Александр, доказывает, что провидения не существует, а Филон опровергает своего противника, изыскивая убедительные контраргументы.

Сочинение *De animalibus* также ставит излюбленный философами вопрос — разумны ли животные? В отличие от *De providentia* здесь сначала разворачивается одна позиция (под видом зачитывания рукописи филоновского антагониста Александра), затем она опровергается. Здесь Филон оперирует стоической аргументацией, а в уста Александра вкладывает доводы Новой Академии. Набор аргументов, отработанных к этому времени в дискуссиях Новой Академии со Стоей, составляет и основу сочинения *De providentia*⁹.

Итак, содержание четырех «небиблейских» сочинений Филона не выходит за рамки разработок античных философских школ. Одно из них задумано как часть рассуждения *in utraque parte* — Филон сначала доказывает нечто, а затем опровергает, убеждая в обратном (скажем, в правильности не аристотелевского, а стоического взгляда); другое (*Quod omn. prob.*) тоже

должно было быть частью некоторого «парного» сочинения, но уже не опровергающей или подлежащей опровержению, а как бы зеркально отражающей свою «пару».

К «небиблейским» произведениям Филона относится, как уже говорилось, и *Vit. cont.* Во вступительных словах сообщается, что этому сочинению предшествовало другое, содержащее энкомий деятельной жизни ессеев (ныне утраченный), в то время как *Vit. cont.* Филон обещает посвятить хвалебному рассказу о созерцательной жизни терапевтов. Таким образом, это уже третье сочинение нашего автора, к которому полагалась некая «пара». На первый взгляд содержание *Vit. cont.* не составляет антитезу предшествующему рассказу о ессеях и не отражает его зеркально. С нашей точки зрения, которая будет обоснована далее, и эта пара сочинений имеет в своей основе антитезу, но более глубокую, чем в *De aeternitate*: жизнь деятельная (*βίος πρακτικός*), образцом которой служат ессеи, и жизнь созерцательная (*βίος θεωρητικός*), которую представляют терапевты,— это два полюса, к которым устремлялась философская мысль, альтернатива, сложившаяся в процессе создания этических систем, категорий и понятий. Прославив деятельность и перейдя к прославлению созерцания в лице их лучших представителей, Филон снова оказывается защитником сразу двух позиций, которые составляют оппозицию не менее серьезную, чем оппозиция «Вселенная неуничтожима — Вселенная уничтожима».

Возникает вопрос: находятся ли парные сочинения Филона в русле какой-либо жанровой традиции?¹⁰ Исследователи, занимающиеся специально Филоном, замечают, как правило, эти загадочные «пары», но никогда не ставят вопрос о том, какую цель преследовал автор, задумывая и строя сочинение на философскую тему как последовательное доказательство тезиса и антитезиса (доказательство тезиса и его «зеркального отражения» можно рассматривать как разновидность оппозиции «тезис — антитезис»). Этот способ построения речи, как устной, так и письменной (здесь и далее мы будем называть его рассуждением *in utramque partem*), и его бытование в философской практике привлекли внимание совсем других исследователей — специалистов по проблемам первой софистики, а также диалектики в платоновской Академии. Сочинения Филона остались при этом за пределами их внимания¹¹.

Воспользовавшись результатами проведенных исследований и дополнив их целым рядом сведений, почерпнутых у

античных авторов более позднего времени, мы можем представить традицию рассуждений *in utramque partem* в целом — она существовала и не прерывалась на протяжении семи столетий. Представим вкратце ее основные этапы.

Зачинателем практики рассуждений *in utramque partem* античная традиция считает Протагора: «Он утверждает, что обо всяком предмете можно рассуждать с двух противоположных точек зрения (*in utramque partem disputavi... ex aequo*) и даже о самом этом положении: возможно ли подвергать обсуждению всякий предмет с двух противоположных точек зрения...»¹². Так Протагор мог наглядно представить свой тезис об относительности истины. До нас дошел образчик таких рассуждений — так называемые *Δισσοὶ λόγοι* («Двоякие речи»), анонимное сочинение, автором которого был, по всей видимости, софист и, возможно даже, ученик самого Протагора¹³. Каждая из девяти сохранившихся глав «Двояких речей» представляет собой пару рассуждений *in utramque partem*: так, например, сначала доказывается тезис о тождественности блага и зла, а затем приводятся аргументы в пользу антитезиса («И другая речь ведется — о том, что благо — это одно, а зло — другое...»).

Как рассуждение *in utramque partem* строятся и два платоновских диалога — «Федр» и «Парменид». В «Федре» Сократ произносит две речи об Эроте: в первой доказывается пагубность Эрота, а во второй — его благая сущность. В «Пармениде» разрабатывается тезис «Единое (ἓν) существует», затем антитезис «Единого не существует»¹⁴. Между софистическими и платоновскими парными речами существует не только преемственность, но и принципиальное различие: если Протагору они дают возможность продемонстрировать релятивистский подход к явлениям, то Платон с их помощью объясняет сущность диалектического метода. Возможность произнесения речей *in utramque partem* возникает на том этапе диалектического рассмотрения явлений, когда производится нахождение и выделение частей целого (*κατ'εἶδη... τέμνειν, κατ'ἄρθρα*) («Федр», 265 ε).

В Древней Академии искусство диалектики стало главным предметом, а рассуждение *in utramque partem* — одним из упражнений в этом искусстве, наряду со «спором», который вели двое учеников перед аудиторией, и «речью — антиречью»¹⁵. В «споре» участвовали «вопрошающий», или «наступающий» (*ἐπιχειρῶν, ἐλέγχων*), и «отвечающий», или «защищающийся» (*υπεχών*). «Вопрошающий» отвергал тезис, выдвигаемый отвечающим, и принуждал его признать обратное, а «от-

вечающий» обязан был разъяснить свою позицию и опровергнуть возражения противника. Очень важно, что тезисы, доказывавшиеся и опровергавшиеся участниками учебных споров, не должны были отражать их истинных убеждений — позиции даже могли меняться по ходу дискуссии: «Диалектика — ...это полемика не личностей, а тезисов и антитезисов. Ни тезисы, ни аргументы не являются личной собственностью»¹⁶. Поскольку ученики должны были уметь защитить любую точку зрения, постольку оказывалась полезной форма рассуждений *in utramque partem* — по существу это был способ самостоятельной отработки аргументации и контраргументации по наиболее часто дискутируемым темам, преподносившийся аудитории в виде «учебного доклада». По всей видимости, устному докладу соответствовала письменная работа, также выдержанная в форме *in utramque partem*¹⁷. Третий из упомянутых нами способов обучения диалектике в Академии — «речь — антиречь» — предполагал двух участников, занимая фактически промежуточное положение между «учебным спором» и «докладом»: с одной стороны, каждая речь представляла собой связное изложение, с другой стороны, сохранялась состязательность позиций.

Способ рассуждения *in utramque partem* использовался и в Новой Академии при Аркесилае, но уже в иных целях — для демонстрации несостоятельности любой точки зрения¹⁸.

Схоларх Новой Академии Карнеад вынес рассуждение за пределы философской школы: произнеся в Риме речь о справедливости, он другой речью сам себя опроверг¹⁹.

Рассуждениями *in utramque partem* охотно пользовались и перипатетики, но не для закрепления скептических воззрений, а для углубления философского анализа путем рассмотрения предмета со всех возможных точек зрения²⁰. Кроме того, рассуждение *in utramque partem* было и для перипатетиков, и для академиков времени Цицерона наилучшим упражнением в риторике²¹.

Таким образом, история рассуждений *in utramque partem* прослеживается вплоть до времени Цицерона. Период от Цицерона до Максима Тирского (о нем см. ниже) был бы темен, если бы не замечание Лукиана: «Академия всегда готова к речам «за и против» и упражняется в умении произносить речи противоположного содержания»²². Такой образ Академии — «особы», постоянно рассуждающей *in utramque partem*, позволяет предположить, что именно такой способ рассуждений

представлялся Лукиану наиболее характерным для современной ему Академии.

Вторая софистика нашла «парным» речам особое применение. С появлением такого вида культурной деятельности, как публичные выступления с речами на философские темы, возникла потребность в эффектных формах, могущих облечь эти выступления. Максим Тирский увидел в произнесении речей *in utramque partem* выигрышный способ подачи материала и воспользовался им. Одна из парных речей-диатриб Максима посвящена теме деятельности и созерцания. В корпусе речей этого автора она озаглавлена: «Какой образ жизни лучше — деятельный или созерцательный?». В одной речи доказывается преимущество деятельности, в другой — созерцания²³. Тема эта тоже имеет многовековую историю.

Проблема соотношения деятельной и созерцательной жизни — одна из наиболее старых проблем в традиции греческой мысли, возникшая, видимо, вместе с появлением в обществе людей, которые целиком посвятили себя размышлениям об устройстве Вселенной и наблюдениям (*θεωρία*) над природными явлениями²⁴. Эти люди пренебрегали всякой полезной (в общепринятом смысле) деятельностью, как хозяйственной, так и государственной. Трудно, конечно, точно указать время появления этого нового типа людей и нового образа жизни *βίος θεωρητικός*. Античная традиция представляет «созерцателями» первых мудрецов и далеко не всегда почтительна к ним. Ироническое отношение к приверженцам созерцательной жизни отразилось в знаменитом анекдоте о Фалесе: наблюдая звезды, он упал в яму и был осмеян служанкой (то есть особой деятельной)²⁵. Рассеянным созерцателем предстает часто и Анаксагор²⁶.

Противоречие между деятельностью и созерцанием становится одной из центральных проблем у Платона. В ранних диалогах утверждается необходимость их единства. Идеал Платона — взаимная польза полиса и философа: «Город в высшей степени нуждается в философе, а философ убежден, что город — главная сфера его деятельности»²⁷. В ранних платоновских диалогах нет идеала чисто созерцательной, «ученой» жизни. Он появляется тогда, когда Платон осознает невозможность сохранить гармонию «философ — политик». В «Теэтете» образ подлинного философа уже иной: не радея о пользе города, философ даже не знает дороги «ни на агору, ни в суд, ни в Совет, ни в иное общественное собрание», потому что «одно

лишь тело его пребывает и обитает в городе, разум же, пренебрегая всем этим как пустым и ничтожным, парит надо всем, как у Пифагора... всюду испытывая природу любой вещи целиком и не опускаясь до того, что находится близко»²⁸. Воспарить разумом «выше небесных светил» — вот подлинное созерцание, подлинное назначение философа.

Аристотель выделяет три образа жизни — государственную (πολιτικός), созерцательную (θεωρητικός) и скотскую (ἀπολαυτικός). Последнюю он считает недостойной даже рассмотрения и сосредоточивает внимание на первых двух²⁹. В «Политике» он разрешает противоречие βίος πολιτικός — βίος θεωρητικός в специфически понимаемой им βίος πρακτικός³⁰.

Со временем этика выработала идеал «смешанной» жизни, гармонично сочетающий в себе βίος θεωρητικός и πρακτικός («πρακτικός» не в аристотелевском смысле). «Людьми совершенными,— пишет Плутарх,— я считаю тех, кто может государственную деятельность совмещать и сочетать с философской... Созерцательная жизнь без деятельности бесполезна, а деятельная без философии груба и полна заблуждений (ἄμωσος; πλῆττελής)»³¹. Стремление снять старое противоречие характерно прежде всего для перипатетиков. Платоники, напротив, стараются придерживаться точки зрения учителя: Альбин, в частности, строго разводит оба «рода жизни», утверждая, что «философу пристало непрерывное созерцание... а к жизни деятельной он должен обращаться постольку поскольку»³².

Альтернатива «деятельность или созерцание» волновала и Филона. В сочинении «De specialibus legibus» он утверждает, что оба «рода» жизни, деятельный и созерцательный, должны сочетаться друг с другом: жизнь деятельная служит телу, а созерцательная — разуму (II 64). В другом сочинении Филон рассматривает βίος πρακτικός как ступень на пути восхождения к более совершенному образу жизни — к βίος θεωρητικός, ссылаясь на авторитет левитов: «Делами следует заниматься вплоть до пятидесяти лет, а затем, отойдя от служения жизни деятельной, все на свете исследовать и созерцать, получив в награду за то, что успешно справились со всем[и тяготами] жизни деятельной, иную жизнь, где радуются знанию и созерцанию»³³.

Таким образом, тема «Деятельность и созерцание» постоянно привлекает внимание философов — платоников и перипатетиков. Прочно в практике философских школ и традиция составления парных речей, Филон же имеет к этой практике прямое отношение. Утверждение Г. Лейзенганга, что в мире

иудейской мысли и литературы Филон вообще был чужим — если не по рождению, то в силу воспитания, — звучит, пожалуй, слишком категорично³⁴. Правильнее было бы сказать, что Филон, будучи «иудеем и искренним сторонником иудаизма», был вместе с тем человеком, «для которого греческий язык был родным, который имел блестящее эллинистическое образование и владел историей греческой философии не хуже, а может быть, еще и лучше самих греков того времени»³⁵. Вопрос о принадлежности Филона какой-то определенной философской школе, какому-то направлению и учению сложен. Исследователи платонизма, например, склонны считать Филона платоником не менее «полноценным», чем Ксенократ или Альбин³⁶. Как бы то ни было, бесспорна блестящая эллинская образованность Филона и, главное, его непосредственное знакомство с методами обучения в философской школе с практикой проведения философских дискуссий.

Итак, рассуждение *in utramque partem* — ходовое упражнение философской школы. Филон — выученик одной из таких школ. Среди его сочинений есть несколько построенных (или задуманных) как рассуждения *in utramque partem*. Не следует ли связать их появление с традицией обучения диалектике в философской школе? Это предположение тем более вероятно, что исследователи уже высказывали мнение о раннем и «школьном» происхождении двух парных сочинений — *De aeternitate* и *Quod omn. prob.*, — правда, вне всякой связи с их парностью³⁷. (В отношении *Vit. cont.* такого мнения не высказывал никто — с нашей точки зрения, в первую очередь потому, что содержание этого сочинения не выглядело таким схоластическим, как *Quod omn. prob.* и *De aeternitate*.) Связь «небиблейских» сочинений Филона с формами учебных философских дискуссий подтверждается, с нашей точки зрения, и формой двух других сочинений — *De providentia* и *De animalibus*: одно из них совершенно соответствует той форме, которую Г. Кремер обозначил как «спор» «вопрошающего» с «отвечающим», а другое — той, что именуется «речь — антиречь». (Это соответствие тем более показательное, что Г. Кремер, производя реконструкцию, совершенно не учитывал этих филоновских сочинений!) Рассматривая «небиблейские» сочинения Филона в перспективе традиции школьного обучения философии, мы снимаем сомнения относительно авторства *De aeternitate*³⁸: если это сочинение действительно написано или задумано как школьное рассуждение *in utramque partem*, то все утверждения делаются лишь

λόγου χάριν; от автора требуются доказательность и умение привести все доводы, чтобы потом их опровергнуть в антиречи (что Филон и обещает сделать в заключительных словах De aeternitate). Незыблемость личной позиции исключена «правилами игры»³⁹.

Напомним, что в начале Vit. cont. Филон обещает рассказать о тех, кто ведет безупречную созерцательную жизнь, то есть о терапевтах, тогда как в предшествующем сочинении он рассказал о ведущих жизнь деятельную, то есть о ессеях. Не означает ли это, что подлинная тема этой пары сочинений — не терапевты и эссеи, а традиционная антитеза «деятельность — созерцание», популярная в платонико-перипатетических кругах, весьма подходящих для рассуждения in utramque partem и, более того, уже использованная, по крайней мере однажды, для создания именно парного сочинения?⁴⁰

Возьмемся к начальным словам Vit. cont.: «Рассказав о ессеях, которые были ревнителями жизни деятельной и проводили в усердных трудах все или, точнее, почти все свои дни, теперь, следуя логике предмета (ἀκολουθία τῆς πράγματείας ἐτόμενος)⁴¹, воздам должное приверженцам созерцания» (1). Филон мотивирует необходимость второго сочинения некоей «логикой предмета» («последовательностью, требуемой предметом»). Логика не может требовать преподнесения рассказа о терапевтах вслед за рассказом о ессеях, зато после сочинения о достоинствах жизни деятельной естественно и логично парное сочинение о достоинствах созерцания. «Логика» филоновского «предмета» — это, с нашей точки зрения, логика парной темы «βίος πρακτικός или βίος θεωρητικός?» Следовать ей — это значит прежде всего создать убедительные описания обоих образов жизни.

Нам могут возразить: даже если перед Филоном стояла вполне «школьная» задача — написать сочинение на тему «Деятельность и созерцание» как рассуждение in utramque partem,— он мог описать образ жизни известной ему группы терапевтов, проиллюстрировав философскую схему «примером из жизни». Посмотрим, однако, какие факты сообщает Филон. Терапевты (θεραπευταί) — это философская школа (προαίρεσις τῶν φιλοσόφων); свое имя (nomen agentis от глагола θεραπεύω — «служить», «почитать», а также «лечить») они получили либо из-за того, что владеют врачебным искусством, более мощным, чем простые врачи,— те лечат только тело, а терапевты исцеляют душу,— либо из-за того, что их дело — служение существу
З · 4357

и почитание его (2)⁴². Терапевты обитают во многих частях Египта и вообще по всей ойкумене (πολλαχοῦ τῆς οἰκουμένης) (21). Община, которую намерен описать Филон, обитает в окрестностях Мареотидского озера на высоком холме; расположенные на умеренном удалении от нее другие «поместья и селения» (ἐκλύσεις τε καὶ κῶμαι) обеспечивают поселению терапевтов безопасность, а близость озера и моря дает «благоприятное смешение» воздуха и, следовательно, здоровый климат (22—23)⁴³. Дома терапевтов устроены так, что спасают от двух бед — «от жара солнца» и «дыханья стужи» (ἀπ' ἡλίου φλογμόν, ἀπ' ἄερος κρυμόν), а расположены друг от друга «не далеко ... и не близко» (οὔτε ἐγγύς ... οὔτε πόρρω) (24); в каждом жилище есть индивидуальное святилище (οἴκημα ἱερόν), которое именуется «σεμνεῖον» или «μοναστήριον»⁴⁴. Каждый член общины в уединении изучает «законы» (νόμοι), «изречения пророков» (λόγια θεοπισθέντα διὰ τῶν προφητῶν), «гимны» (ὑμνοὶ) и «другое» (τὰ ἄλλα) (25). Терапевты видят только благочестивые сны (26). Они молятся дважды в день — на рассвете и на закате (26). Занимаются аллегорическим толкованием «священных книг» (ἱερὰ γράμματα), есть у них и книги древних основателей секты. Терапевты сочиняют «песни» и «гимны» (ᾄσματα, ὑμνοὶ) во славу Бога, используя различные размеры и мелодии (διὰ παντοίων μέτρων καὶ μελῶν). По седьмым дням терапевты собираются вместе. Самый старший (или главный — πρεσβύτατος) толкует тексты, а остальные слушают в благоговейном молчании, сложив руки по ритуалу — обе под одеждой, одна на груди, другая опущена вдоль тела (30). Терапевты отличаются крайним аскетизмом: пищей им служит хлеб с солью и вода, причем и эту скудную пищу они, по свидетельству Филона, вкушают по седьмым дням, а в остальные дни стараются вовсе воздерживаться от пищи. Одежда их — теплый плащ зимой и туника летом. Величайший праздник терапевтов происходит δι' ἑπτα ἔβδομάδων (65).

Вот, собственно, и все факты. Их анализ обескураживает даже тех исследователей, которые не сомневаются, что задача Филона при написании Vit. cont. состояла именно в описании жизни конкретной общины. «Описание терапевтов Филоном не дает полного и ясного представления (здесь и далее курсив наш. — О. Л.) о жизни и воззрениях этой общины. Сведения фактического характера часто оказываются случайными и неточными, Филон иногда останавливается подробно на вещах маловажных, ничего не дающих для характеристики жизни

общины, и очень бегло говорит о существенных фактах... Только две трети трактата посвящены непосредственно описанию терапевтов. Но и это описание *не свободно от преувеличения и субъективизма*. Хотя Филон в начале трактата и предупреждает, что будет писать, «ничего не прибавляя от себя для украшения, что свойственно всем поэтам и прозаикам, не имеющим перед собой примеров прекрасного, а стремясь только к безыскусственной истине» (Vit. cont. 1), он сам постоянно отступает от этого правила, украшая терапевтов многочисленными и несравнимыми добродетелями»⁴⁵.

Действительно, одни детали описания уклада терапевтов имеют слишком общий характер (уход от людей, скудная пища, предельная простота одежды). Эти детали не характеризуют терапевтов как особую группу, поскольку являются типологическими признаками созерцательности и аскетизма⁴⁶. Другие детали позволяют усматривать в терапевтах представителей сразу нескольких философско-религиозных традиций: обычай обращать молитву к солнцу на рассвете и закате во времена Филона воспринимался как специфически индийский (либо, наоборот, как вообще восточный)⁴⁷, обрядовый жест терапевтов (ср. выше, с. 66) комментаторы пытаются объяснить через иудейские воззрения, однако многие данные указывают на связь этого жеста с культовыми традициями египтян⁴⁸. Занятия аллегорическим толкованием текста также не могут быть «опознавательным признаком» терапевтов — аллегорезой увлекались и философы-эллины, и сам Филон. Можно привести множество примеров таких деталей, отсылающих сразу к нескольким традициям. Эти детали и создают причудливый образ терапевтов: он как будто бы нов и неизвестен нам, но каждая черта знакома и узнаваема, стоит рассмотреть ее как таковую.

Есть в Vit. cont. детали третьего рода: при кажущейся конкретности они решительно абстрактны. Так, Филон говорит об изучении «законов», «изречений пророков», «гимнов», о чтении «священных книг», о сочинении «песен» и «гимнов», но не указывает, в какую систему обозначения видов и жанров словесности они входят как термины, и если в «законах», «изречениях пророков» и «гимнах» есть основания усматривать три части ветхозаветного канона⁴⁹, то под прочие именованя можно подвести великое множество произведений как эллинской, так и иудейской традиции.

Любопытно свойство некоторых филоновских описаний: на первый взгляд они весьма обстоятельны, однако при внима-

тельном рассмотрении оказываются зыбкими, расплывчатыми, допускающими различную интерпретацию. Так, главный праздник терапевтов происходил, по словам Филона, δι' ἑπτα ἑβδομάδων. Неясно значение предлога διό: если он означает «через», то должна быть указана точка, от которой отсчитываются эти семь недель; если же выражение δι' ἑπτα ἑβδομάδων означает «каждые семь недель», то это, пожалуй, слишком часто для «величайшего» (μέγιστη) праздника. Этот праздник лишь гипотетически отождествляется с Шавуот, а новейшие издатели сетуют даже на «небрежность» (carelessness) филоновского описания⁵⁰.

Справедливой кажется также характеристика: «От чтения получается впечатление, что автор не описывает жизнь терапевтов, а рассуждает по поводу наблюдавшегося им явления аскетических подвигов, как бы пользуется случаем соединить апологию с пропагандой... идей...» И далее: «Читатель... отделив по возможности реальные штрихи от обычных у Филона риторических особенностей, лишен возможности с уверенностью сказать, кем же были эти загадочные отшельники»⁵¹. Эти слова, без сомнения, упрек историко-фактологическому произведению, но не содержат никакой негативной оценки, если речь идет о риторико-философском сочинении, каковым, с нашей точки зрения, и является Vit. cont.

Риторико-философский характер сочинения «оправдывает» и его специфическую композицию, вызвавшую множество недоумений: почему более 1/3 посвящено предметам, не имеющим отношения к общине терапевтов? Вот как распределяются эти «отступления» (отступлениями их можно считать в том случае, если темой Vit. cont. действительно являются терапевты): § 3—7 — порицание поклоняющихся небесным телам; § 8—9 — порицание поклоняющихся животным; § 14—17 — критика Анаксагора и Демокрита как не вполне безупречных философов-созерцателей; § 48—52 — осуждение разгульных и роскошных пиров; § 52—63 — критика Платона как апологета педерастии.

За исключением последнего «отступления», о котором будет сказано позже, все указанные пассажи представляют собой разработку популярных тем античной словесности: общим местом было и порицание варварских, и в частности египетских, культов⁵³, и критика Анаксагора с Демокритом. В начале Vit. cont. Филон заявляет, что терапевты превосходят совершенством даже тех, кого греки всегда считали образцовыми «созер-

цателями», а именно Анаксагора и Демокрита: ведь эти философы, пишет Филон, в своем пренебрежении ко всему тленному пустили по ветру свое состояние, а поля отдали скоту на поправу; терапевты, которые отдают имущество тем, кто нуждается, приносят тем самым пользу людям. У Филострата такое же обвинение против Анаксагора выдвигает Аполлоний Тианский⁵³. У Максима Тирского именно Анаксагора вызывает в суд олицетворенная автором Βίος Πρακτικός и обвиняет философа в пренебрежении общественными обязанностями, причем один из пунктов обвинения — поправка плодородных полей⁵⁴. Таким образом, порицание Анаксагора — общее место; довольно устойчив и его контекст — противопоставление деятельности и созерцания, только высказываться это порицание может с разных позиций — либо с позиции деятельной жизни, либо с позиции еще более «совершенного» созерцания. Заметим, что у Максима Тирского традиционное порицание включено в парные речи на тему «Деятельность и созерцание».

Популярна в позднегреческой литературе была и тема разгульных пиров. Лукиан посвящает ей целое сочинение — «Пир, или Лапифы», которое во многом перекликается с соответствующим пассажем из *Vit. cont.* Сам Филон обращается к этой теме еще в одном своем сочинении — *De plantatione*, причем риторическая разработка темы здесь мало отличается от той, которую мы находим в главах 48—52 *Vit. cont.*: и тут и там участники пира сравниваются с атлетами, старающимися превзойти окружающих, не щадя сил; и тут и там красочно описываются неизбежные споры с ужасающим членовредительством (откусыванием друг у друга носов, ушей, пальцев и т. д.). Рассуждение о пирах из *De plantatione* исследователи относят к числу общих мест греческой философской риторики, характеризуя его как рассуждение чисто эпидейктическое⁵⁵. В силу теснейшего сходства обоих отрывков эту характеристику можно, как нам кажется, отнести к главам 48—52 *Vit. cont.*

Доказать принадлежность *Vit. cont.* риторико-философскому типу сочинений невозможно, если не коснуться вопроса о его языковых и стилевых особенностях. Работа, проделанная филологами прошлого столетия, позволила заключить, что язык *Vit. cont.* — это типично филоновский язык: та же лексика, те же речевые обороты, то же обилие тропов, в особенности метафор. В издании *Vit. cont.* Ф. Конибира приведены бесчисленные параллели практически в каждой фразе, обнаруженные издателем в других филоновских сочинениях. Возьмем не-

сколько примеров, где словесное сходство наиболее очевидно. Однако прежде напомним, что все сочинения Филона, за исключением «небиблейских», посвящены толкованию текстов Танаха. Из библейских повествований Филон «вычитывает» идеи и категории греческой философии. Его толкования не всегда последовательны, но принцип неизменен: за конкретностью, «материальностью» ветхозаветных сказаний и образов Филон видит философские категории и понятия, а для того, чтобы перед читателем не предстали скучные отвлеченности, Филон облакает свои толкования богатой образностью, предпочитая всем видам тропов метафору.

В сочинении *De praemiis et poenis* («О наградах и наказаниях»; далее в тексте обозначается как *De praem.*) читаем: «...если человек действительно презрел наслаждения и вожделения и по-настоящему смог встать выше страстей, пусть готовится к переселению, без оглядки убегая дома, отечества, близких и друзей...» (17). Сказанное может быть понято двояко, как в прямом смысле, так и в переносном: в одном случае Филон говорит об отшельничестве как необходимом этапе на пути к совершенной мудрости; если же перед нами метафора, то сказанное означает: человек, преодолевший вожделения и страсти, должен переходить к философскому созерцанию умопостигаемых предметов. В любом случае Филон представляет парадигму пути совершенного мудреца; он говорит об образце, идеале, говорит *in abstracto*, никому не приписывая осуществление этого идеала (у Филона только библейские пророки и патриархи выступают как истинные мудрецы и философы: так, Авраам, обратившись к мудрости и добродетели, покидает родину и отчий дом, зная, что, оставшись, не сможет найти истину,— *De virtutibus*, 213—214).

В *Vit. cont.* читаем: «И отрехшись от имущества, они бегут без оглядки, покинув братьев, детей, жен, родных...» (18). Отличие от вышеприведенного места из *De praem.* состоит только в модальности, но это принципиальное отличие: в одном случае перед нами призыв, побуждение к «бегству», то есть склонение субъективное; в другом — констатация факта, склонение «объективное». То, что в *De praem.* является для Филона идеалом, парадигмой (будь то отшельничество в прямом смысле или «уход» в мир умопостигаемых сущностей), в *Vit. cont.* воплощается, оказывается, реальностью.

В сочинении *De somniis* («О сновидениях») Филон так характеризует совершенную мудрость: «Блаженны (μακάριοι)

те, кому на пользу уклады мудрости, кто вкушает ее учения и поучения, кто ликуя томится неутолимой жадной жадностью...» (I.50 сл.). Перед нами развернутая метафора («духовная жажда»), облакающая стандартный философский тезис (знание как высшая ступень на пути к постижению Бога). В *Vit. cont.* говорится: «А те, в ком жажда познания сильнее, и по три дня забывают о пище; а иные так ликуют и роскошествуют на пиру мудрости, что лишь через шесть дней отведывают пищи, привыкнув, как это говорят о племени цикад, питаться воздухом...» (35). То, что в *De somniis* подается как идеал, как абстракция, в *Vit. cont.* оказывается реальностью, воплощенной в терапевтах, а заключительное сравнение с цикадами можно понять как прямой намек на то, что речь идет о каком-то мифологическом, сказочном народе: ведь в цикад, согласно мифу, некогда превратились люди, переданные Музам и больше всего на свете возлюбившие мусическое искусство⁵⁶. Заметим, что приведенный отрывок о «посте» терапевтов многословен, а сведений практически не содержит. «Масса» текста создается разворачиванием метафоры «духовная жажда — духовный голод», и в результате мы узнаем только, что терапевты отказывались от пищи телесной, стремясь к пище духовной — к постижению истины.

Еще пример. В заключительных словах *Vit. cont.* Филон дает обобщающую характеристику терапевтов. Он называет их «возлюбившими созерцание природы» и «живущими только ею (то есть природой.— *О. Л.*) и душой», а также «гражданами неба и Вселенной» (*οὐρανοῦ τε καὶ κόσμου πολιτεῖς*). В других сочинениях Филон часто употребляет выражение «жить душой», рисуя с его помощью особое состояние отрешенности от всего земного, тленного,— иными словами, состояние подлинного созерцания, достичь которого способны только истинные мудрецы. Так, лишь «живущие более душой, нежели телом», способны понять смысл Священного Писания (таков Авраам — *De Abrahamo*, 236); «жить одной лишь душой» — удел Моисея, совершенного человека, пророка (*Vita Mosis*, I.29). «Граждане неба и Вселенной» — излюбленная метафора Филона. В сочинении *De gigantibus* («О гигантах») он объясняет, что «космополигами» становятся представители высшего типа людей (так называемые «люди Бога», *θεοῦ ἀνθρώποι*), которые отрекаются от всего чувственного и «переселяются» в умопостигаемый космос, становясь гражданами «государства нетленных и бестелесных идей» (60 сл.). «Гражданами неба» названы в другом

сочинении чистые души, посвятившие себя Богу и отринувшие тленное (*De somniis*, I.243).

Можно ли вычитать из слов о «жизни душой» и «небесном гражданстве» терапевтов что-нибудь, кроме того, что они были истинные приверженцы созерцания?⁵⁷ Число примеров можно увеличить, но уже из приведенных ясно: Филон говорит о терапевтах то же и так же, как в других сочинениях — о неких мыслимых им идеальных мудрецах, примеры которых он находит лишь среди библейских пророков. Но если там Филон ставил перед собой задачу живописать идеал, парадигму, то в *Vit. cont.* он объявил иное намерение — рассказать правду об известных ему членах общины, «ничего не прибавляя и не приукрашивая». Однако вместо подробного и обстоятельного рассказа о жизни терапевтов перед нами предстает сочинение, на 1/3 состоящее из общих мест; сообщаемые детали быта и уклада терапевтов либо слишком общи, либо не поддаются однозначному объяснению и атрибуции; текст наполняют пышные метафоры, в которых тонет всякая реальность и жизненность. Справедливо замечено: «Оставаясь в рамках трактата, можно определить лишь основной тон жизни терапевтов: они аскеты, подвижники»⁵⁸. Это необычно, или, лучше сказать, невозможно, для исторического сочинения, но естественно для риторико-философского.

Посмотрим теперь, нельзя ли, рассматривая *Vit. cont.* как риторико-философское сочинение о созерцательной жизни, объяснить те его особенности, которые обычно вызывают недоумение исследователей. Прежде всего, это критика платоновского «Пира»: Филон так грубо толкует диалог, так безоговорочно осуждает его содержание, что возникают сомнения: мог ли это написать Филон, тонкий знаток и почитатель Платона? Филон уверяет, что об Эроте и Афродите Небесных в диалоге говорится только в шутку, что все внимание уделено *πᾶνδῆμος ἔρωσ*, которого Филон отождествляет с педерастией, и т. д. Основания для сомнений в авторстве Филона исчезают, если рассматривать *Vit. cont.* как сочинение на тему о созерцательной жизни, написанное «в пару» к другому сочинению в духе школьного рассуждения *in utramque partem*. Как уже говорилось, в такого рода сочинениях было важно умение доказать любой тезис. Филон «критикует» Платона, а потом опровергает мнение, которое сам ему приписал, используя при этом платоновские же тексты! Дело в том, что все обвинения, выдвигаемые Филоном против педерастии (лишает мужествен-

ности, поселяет в душах женственность, вредит телу, душе и имуществу и т. п.), почерпнуты им из речи Сократа в диалоге «Федр» (Сократ говорит и об изнеженности, и о вреде для души, и об ущербе, наносимом имуществу). Филон, таким образом, демонстрирует прекрасную начитанность, знание текстов, что и требуется от ученика. (Заметим, что в других сочинениях Филона обнаруживается точное знание и правильное понимание смысла и терминологии «Пира»⁵⁹.)

С предлагаемой точки зрения на *Vit. cont.* по-иному выглядят и слова Филона об обитании терапевтов «по всей ойкумене». Буквальное понимание ставит нас перед загадкой — ведь о терапевтах никто, кроме Филона, ничего не знает, да и сам он более нигде об этой общине не упоминает. Если же допустить, что за именем терапевтов — «почитателей/целителей» — у Филона стоит образ чистой созерцательности, то и слова о расселении терапевтов по всему миру приобретают более широкий смысл: люди, чья мысль обращена лишь к умопостигаемым предметам, есть повсюду.

Итак, мы предлагаем относиться к *Vit. cont.* как к части риторико-философского сочинения в духе традиционного рассуждения *in utramque partem*. С такой позиции объясняется и «небрежность» деталей, и «отвлеченность», «неточность» описаний, и бесчисленные отступления, и пышная риторика,— у Филона иная творческая задача! Нам могут возразить: в тексте *Vit. cont.* все же есть детали, как будто прямо указывающие на принадлежность терапевтов именно иудейской традиции (слова о том, что терапевты следовали законам Моисея, или о том, что слияние двух хоров во время торжественного ночного бдения терапевтов символизировало чудо, произошедшее некогда с евреями на Красном море,— 63—64; 85). Действительно, в тексте есть некоторые вполне конкретные указания, а также целый ряд более или менее узнаваемых деталей; это и позволяет заключить, что «ничего нового он (то есть Филон.— *О. Л.*) не сообщает»⁶⁰. Вместе с тем вся совокупность указаний и деталей не дает возможности однозначно определить религиозно-философскую принадлежность терапевтов. Именно поэтому одни увидели в терапевтах христиан, другие — правоверных иудеев-книжников и т. д. Все разногласия покажутся, может быть, не столь обескураживающими, если допустить, что задача Филона состояла не в описании той или иной секты, а в создании равно убедительных и ярких образов Жизни Деятельной и Жизни Созерцательной в рамках рассуждения *in utramque partem* на

тому «Деятельность и созерцание». Примеры и черты ревностной βίος πρακτικός гораздо проще найти в действительности, и Филон, как мы знаем, обратился к примеру ессеев. Найти образцы безупречных созерцателей, видимо, все же гораздо труднее, и потому Филон сложил образ терапевтов — «почитателей/целителей» — как мозаику, используя для нее самый разный «материал».

Если предлагаемый взгляд на Vit. cont. верен, то это сочинение вряд ли следует рассматривать как источник конкретных исторических сведений о характере и формах религиозно-философских движений в эпоху империи. Конечно, в окрестностях Александрии вполне могла существовать община отшельников, но из сочинения Филона мы ничего о ней не узнаем — даже того, вправду ли она существовала, ибо все жизненно-реальное навсегда растворилось в образе безупречных «почитателей/целителей» — столь заманчивом для философа образе βίος θεωρητικός.

¹ Eusebius. *Historia ecclesiastica*, II 16 sq.

² Полемика вокруг Vit. cont. достаточно подробно изложена в работах Иваницкий В. Ф. Филон Александрийский. Жизнь и обзор литературной деятельности. Киев, 1911. Смирнов Н. Терапевты и сочинение Филона Иудея «О жизни созерцательной». Киев, 1909. Елизарова М. М. Община терапевтов. Из истории есеевского общественно-религиозного движения I в. н. э. М., 1972. См. также: Lucius P. Die Therapeuten und ihre Stellung in der Geschichte der Askese. Strassburg, 1879. S. 203—210. Wagner P. Die Essener in der wissenschaftlichen Diskussion. Berlin, 1960. S. 4 f.

³ Lucius P. Op. cit., S. 197—198.

⁴ Massebieau L. Le traité de la Vie contemplative et la question des therapeutes // Revue d'Histoire des Religions, 1887, v. XVI. Conybeare F. C. Philo about the contemplative life. Oxford, 1895.

⁵ Смирнов Н. Указ. соч. С. 57. Ср.: Елизарова М. М. Указ. соч. С. 25.

⁶ Текст седьмого «небиблейского» сочинения — De animalibus — сохранился в армянском переводе. См.: Sandmel S. Philo: the Man, his Writings, his Significance // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; New York, 1984. Bd. 21 (1), S. 6 f. Terian A. Introduction to Philo's Dialogues, *ibid.*, p. 274 f.

⁷ Philo Alexandrinus. Works. In 10 vol. / Ed. Colson F. H. Cambridge; London, 1962. V. IX. P. 2.

⁸ См. в изд.: Philo Alexandrinus. Op. cit. V. IX.

⁹ Terian A., Op. cit. P. 278 f., 284. Philonis Alexandrini De animalibus: The Armenian text with an introd., transl. and comment. /By Terian A. Chico, 1981. P. 49 ф. Нет или почти нет сомнений в том, что текст, поданный как сочинение Александра, написан самим Филоном.— См.: Philonis Alexandrini De animalibus, p. III sq.

¹⁰ Нас прежде всего интересует, есть ли что-либо подобное в истории античной словесности вне риторической школы — там составление речей типа «pro et contra» было, как известно, одним из ходовых упражнений. Эти речи состояли из доказательства (κατασκευή) и опровержения (ἀνασκευή) того или

иною тезиса; темы выбирались либо мифологические, либо исторические. См.: *Rhetores Graeci* / Ed. Walz C. Stuttgart, Tübingen, 1832—1835. V. 1—2.

¹¹ *Gomperz H.* *Sophistik und Rhetorik. Das Bildungsideal des «ey legein» in seinem Verhältnis zur Philosophie des V Jahrhunderts.* Stuttgart, 1965. *Kerferd G. B.* *The Sophistic Movement.* Cambridge, 1981. *Sophistic* / Hrsg. von Classen C. S. — Darmstadt, 1976. *The Sophists and their Legacy* / Ed. Kerferd G. B. Wiesbaden, 1981. *Aristotle on Dialectic. «The Topics».* Proceedings of the 3-d Symposium Aristotelicum / Ed. by G. Owen. Oxford, 1968. *Krämer H. I.* *Platonismus und hellenistische Philosophie.* Berlin; New York, 1971.

¹² *Die Fragmente der Vorsokratiker* / Hrsg. von H. Diels. Bearb. von W. Kranz. Zürich, Berlin, 1951—1952. Bd. II (80 A 20).

¹³ Текст «Двояких речей» см. в изд.: *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Bd. II (90). Ряд исследователей считает «Двоякие речи» учебным пособием по изучению искусства софистических дискуссий; некоторые связывают это сочинение конкретно со школой Протагора, полагая, что «Двоякие речи» — это конспект Протагоровых лекций, сделанный каким-то его учеником. В любом случае в «Двояких речах» нашла отражение практика софистических споров. См.: *Kerferd G. B.* *Op. cit.* P. 85; *Gomperz H.* *Op. cit.* P. 138 f.; *Aristotle on Dialectic.* P. 70, 74; *Die Fragmente der Vorsokratiker.* Bd. II. P. 405. Ср.: *The Sophists and their legacy.* P. 25 f.

¹⁴ По мысли Ф. Корнфорда и Г. Райла, «двоякое» рассуждение в «Пармениде» имеет прежде всего «педагогическое» назначение — служить пользе тех, кто хочет обучиться диалектике (*Cornford F. M.* *Plato and Parmenides.* London, 1939. P. 108 f. *Aristotle on Dialectic.* P. 77). Ср. предположение о том, что та же схема рассуждения in utramque partem лежит в основе платоновского «Кратила», в: *Гринцер Н. П.* *Оппозиция «природа — закон» в системе античной теории языка // Балканские чтения — 2. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы.* М., 1992. С. 3—9.

¹⁵ *Krämer H.* *Op. cit.* S. 24 f.

¹⁶ *Aristotle on Dialectic.* P. 76.

¹⁷ *Krämer H. I.* *Op. cit.* S. 28—29; ср.: *Аристотель*, «Толика», 163 а 35 сл.

¹⁸ *Cicero*, *Academica* I, 46; *De finibus bonorum et malorum*, v. 10. Ср.: *Plutarchus.* *De stoicorum repugnantiis* 1035 F sq.; 1037 B. *Krämer H. I.* *Op. cit.* S. 46—47.

¹⁹ *Cicero*, *De re publica*, III 9; *Lactantius*, *Institutiones divinae.* V. 14, 3—5; *Epitome*, 55, 5—8.

²⁰ *Cicero*, *De finibus*, V. 10.

²¹ *Cicero*, *Tusculanae disputationes*, II 9.

²² *Лукиан.* Дважды обвиненный, 15. Здесь Академии предлагается произнести две речи — в свою пользу и в пользу «идейного противника».

²³ *Maximi Tyrii Philosophoumena* / Ed. H. Hobein. Lipsiae, 1910.

²⁴ *Joly R.* *Le thème philosophique des genres de vie dans l'Antiquité classique.* Bruxelles, 1965. *Eriksen T. B.* *Bios theoretikos. Notes on Aristotle's Ethica Nicomachea* X 6—8. Oslo, 1976.

²⁵ *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, I 34.

²⁶ Там же, II 7.

²⁷ *Eriksen T. B.* *Op. cit.* P. 19.

²⁸ *Платон.* Тезтет, 173 d сл.

²⁹ *Аристотель.* Никомахова этика, 1095 b 17.

³⁰ *Аристотель.* Политика, 1325 а 13 сл.

³¹ *Plutarchus.* *De liberis educandis*, 8 A.

³² *Альбин,* Учебник платоновской философии, II 3.

³³ *Philo Alexandrinus.* *De fuga et inventione*, 36.

³⁴ RE Hlbbd. 39, Sp. 4. Ср.: *Vogel C. G. de. Greek Philosophy*. Leiden, 1959. V. III. P. 354.

³⁵ *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980. С. 82. Ср., однако: *Маркус Р.* Эпоха эллинизма // *Маркус Р., Кохен Г., Галкин А.* Три великие эпохи в истории еврейского народа. Иерусалим, 1991. С. 66—67.

³⁶ *Dillon J.* The Middle Platonists. London, 1979.

³⁷ *Philo Alexandrinus*. Op. cit. V. IX. P. 2. *Philonis De Aeternitate mundi* / Ed. Fr. Cumont. Berlin, 1891. S. XXII—XXIV. *Terian A.* Op. cit. P. 275. №. 12. В целом о времени написания «небиблейских» сочинений см.: *Philonis Alexandrini De animalibus*, p. 28 sq.

³⁸ Напомним: причиной сомнений явилась неожиданная позиция Филона, который никогда не был сторонником концепции «неуничтожимости» и «несотворенности» Вселенной, а в *De aeternitate* выступает в ее защиту.

³⁹ Возможно, рассматривая некоторые сочинения Филона в контексте школьных философско-риторических упражнений, можно будет приблизиться к разгадке тайны сочинения *Υποβητικῶς*; см.: *Philo Alexandrinus*. Op. cit. V. IX.

⁴⁰ Можно было бы предположить, что Филон использовал усвоенную им в процессе обучения форму парного рассуждения так же, как Максим Тирский, то есть для создания эффектного риторического произведения. Такое предположение снимает необходимость связывать появление Vit. cont. с ранним периодом творчества Филона, однако полной уверенности в том, что Филон имел вкус к созданию сочинений такого рода и в зрелые годы, у нас нет.

⁴¹ Слово *πραγματεῖα* трудно для перевода. Оно может означать и «дело», и «занятие», и «задача». Предлагая перевод «предмет», мы ориентируемся на то значение русского слова, которое оно имеет в традиции школьного обучения («предметами» называют математику, физику и т. д.).

⁴² Во всех прочих сочинениях Филон употребляет слово *θεραπευτής* в его обычном значении «почитатель», «служитель» или «целитель», именуя так истинных служителей и почитателей Бога. О терапевтах как особой секте Филон не упоминает нигде, и попытки отождествить тех или иных упоминаемых Филоном благочестивых мужей с терапевтами из Vit. cont. безуспешны. См.: *Елизарова М. М.* Указ. соч. С. 39—40. Есть мнение, что греческое слово *θεραπευτής* — это семантическая калька того арамейского слова, к которому восходит слово «ессей». Может ли это быть случайностью? См.: *Vermes G.* The etymology of Essenes // *Revue de Qumran*. 1960. V. 7.

⁴³ Новейшие комментаторы указывают, что в описании места обитания терапевтов указаны лишь те приметы, которые отличают местоположение идеального города-государства (см.: *Платон*, *Законы*, 704b; *Аристотель*, *Политика*, 1326 а 39; также: *Les Oeuvres de Philon d'Alexandrie*. Paris, 1963. V. 29. P. 40). Не менее интересно сопоставить описание Филона с риторической разработкой Менандра («О похвальных речах» II 2, 63): город, по Менандру, следует хвалить либо за благоприятные климатические условия, либо за то место, которое он занимает в стране, в том числе относительно других городов; похвально, если он находится на равнине, а если на горе — то следует хвалить это. Поселение терапевтов, как мы видим, обладает большей частью возможных достоинств.

⁴⁴ Оба слова впервые встречаются у Филона. *Μοναστήριον* позднее входит в христианский лексикон, а *σεμνεῖον* так и не закрепляется в языке. *Μοναστήριον* у Филона вовсе не имеет того специфического значения, которое оно приобретает впоследствии, — здесь слово служит обозначением помещения, в котором человек пребывает в одиночестве. Можно предположить, что оба слова изобретены самим Филоном. В текст Vit. cont. они вводятся оборотом *ὁ καλεῖται*: возможно, Филон предполагал, что эти слова покажутся читателю непривычными, а потому оговорился.

⁴⁵ *Елизарова М. М.* Указ. соч. С. 31—32.

⁴⁶ К признакам такого рода относится и ношение белой одежды (терапевты надевали ее, собираясь вместе по седьмым дням и во время «величайшего» праздника); о белой одежде как своего рода внешнем показателе внутренней чистоты, необходимо присущей всякому «божественному мужу» (ἀνὴρ θεῖος), говорит Порфирий (De abstinentia, II 45); в белом ходит и Пифагор (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VIII 19). Склонность к пророческим снам, которая, по Филону, является характерной чертой терапевтов, присуща, по Ямвлиху, пифагорейцам (De vita pythagorica, XV 65).

⁴⁷ Лукиан, О пляске, 17.

⁴⁸ Les Oeuvres de Philon. V. 29. P. 100. №. 1.

⁴⁹ *Ib id.*, V. 29. P. 94; *Belkin S.*, Philo and the Oral Law. Cambridge, 1940. P. 36; The Cambridge History of the Bible. V. 1. P. 114.

⁵⁰ *Philo Alexandrinus*. Op. cit. V. IX. P. 522sq. *Belkin S.* Op. cit. P. 192; *Елизарова М. М.* Указ. соч. С. 74 сл.

⁵¹ *Смирнов Н.* Указ. соч. С. 57.

⁵² *Plutarchus*. Quaestiones convivales, IV 5; ср.: Об Исиде и Осирисе; *Cicero*, Tusculanae disputationes, V 78 sq.

⁵³ *Флавий Филострат*. Жизнь Аполлония Тианского, 1 13.

⁵⁴ *Maximi Tyrii* Philosophoumena, 15—16.

⁵⁵ *Barnes E. G.* Petronius, Philo and Stoic Rhetoric // *Latomus*. 1973. V. 32; *Philo Alexandrinus*. Op. cit. V. III. P. 209.

⁵⁶ См.: *Платон*, Федр, 259 С.

⁵⁷ Ср. еще одну характеристику терапевтов: «Они едят, чтобы не мучиться голодом, а пьют, чтобы не страдать от жажды» (37). Терапевты снова оказываются воплощением идеала, формулировку которого античная традиция приписывает Сократу: «Он говаривал, что сам он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть» (Диоген Лаэртский. Указ. соч. II 34). См. также: *Les Oeuvres de Philon*. V. 29, P. 106. № 3.

⁵⁸ *Смирнов Н.* Указ. соч. С. 58.

⁵⁹ The Cambridge History of the Later Greek and Early Medieval Philosophy / Ed. by A. H. Armstrong. Cambridge, 1970. P. 152 f.

⁶⁰ *Смирнов Н.* Указ. соч. С. 58—59.

КУЛЬТУРА

Л. Аннинский

ЕВРЕЙСКОЕ КИНОСЧАСТЬЕ

Странно: при таком интенсивнейшем участии евреев в советском кинопроцессе на протяжении десятилетий (меня поразило когда-то, что В. В. Шульгин в одном из последних интервью, желая похвалить евреев, а заодно, видимо, и отвести от себя застарелые подозрения в антисемитизме, одной из характерных сфер приложения еврейской активности назвал именно кино), так при такой активности, при таком титульном синодике: от Дзиги Вертова до Эйзенштейна, от Шкловского до Габриловича, от Зускина до Свердлина и от Шумяцкого до Дукельского — попробуйте найти в вашей зрительской памяти сколько-нибудь яркого экранного еврея.

Не то чтобы вовсе не было. Но кроме сахарной «биробиджанской» агитки про «искателей счастья», выпущенной в середине 30-х годов где-то под самые процессы «врагов народа», — вспомнить нечего. Ничего крупного, запоминающегося. Какие-то пробегающие силуэты на заднем плане, на обочине сюжета, на уголке «общего стола». Доктор Шапиро, портной Гурвич, военкор Вайнштейн. Кто еще? Еще Гурвич — на сей раз рядовая зенитного расчета из «Зорь» Ростоцкого... Скорее номинальные обозначения национальности, чем попытки проникнуть в собственно еврейскую драму, в еврейскую душу. А если попытки проникнуть — то анекдотичные, непременно с привкусом анекдота: акцент, юмор, нос и т. д.

В общем, можно считать, что в отцветшей пустыне социалистического кино еврея — нет.

А кто есть?

Ну, есть, например, «суровый северянин», «латыш» (помните Жакова?). Есть «азиат», китаец, солдат революции, есть Мустафа, который «дорогу строил» (Кырлю помните?). Есть «кавказец», «горец»... увы, часто тоже на анекдотическом уровне, «при тосте»; впрочем, в сюжете любви к русской «свинарке» такой горный «пастух» поднимался от опереточной пустячно-

сти до патетики почти оперной, вернее, балетной (Зельдина помните?).

А еврея, сыгранного на таком же уровне, — не вспомните ни одного. Даже и на скромном уровне — нету. Вакуум. Между «Товарищем Абрамом» А. Разумного, выскочившим на агитэкран в 1919 г., и «Комиссаром» А. Аскольдова, на экран не проскочившим, удушенным в 1967-м, но хоть снятым, сделанным, пережитым пусть в узком кругу, но — уже в реальности искусства — почти полвека на месте еврея в советской киноментальности (наполовину евреями создававшейся) — пустое место.

Конечно, душили. Бабель «Карьеру Бени Крика» для Эйзенштейна написал — поставить не дали: отложился сюжет на 65 лет. Хейфицу «Тевье Молочника» — не дали. Жалаквичюсу фильм о гетто — не дали... Но, кроме «не дали», была еще и встречная причина в этом еврейском сюжете: не х о т е л и.

Сами не хотели. То была инстинктивная защитная реакция как русской, так и еврейской интеллигенции в ответ на антисемитский привкус госзаказа: отказ от темы. Негласный запрет. О евреях как о евреях было нельзя... В этом «нельзя» тоже зияла бездна: неразрешимость «русского вопроса» для самих евреев, то есть невозможность решить, кто же они в русской культуре: русские (то есть ассимилировавшиеся) или все-таки евреи (то есть что-то особенное, неподдающееся, неисправимое, вызывающее). В этой ситуации и решено было — «не трогать». В ответ на двусмысленность официальной линии русская интеллигенция, подпираемая с одного боку государственным лицемерием, а с другого боку — собственной совестью, звавшей помочь евреям, но как? защитить их в качестве евреев — значит им же и навредить, подкрепить государственное их изгойство; защитить их в качестве неевреев, в качестве «просто людей» — значит игнорировать их своеобычность, их глубинную, веками выношенную «отделенность» от остальных: их еврейство, — в этой двусмысленной, нравственно опасной ситуации русская интеллигенция приняла негласное правило: о евреях молчать.

Евреи и сами молчали о себе как о евреях — те же полвека советской истории. По той же причине: по опасной двусмысленности их положения в стране, когда единственной их «почвой» была «революция» и малейший шаг в сторону собственно еврейской реальности (в сторону «быта», «местечковости», «просто жизни») автоматически означал измену «почве», то есть той же

«революции». Позднее такое решение, то есть объявление себя евреем, стало означать отъезд: изгнание.

Литература, как более тонкий инструмент самопознания, чем кино, предприняла больше попыток тронуть эту тему. Однако достаточно вспомнить, каким непредсказуемым читательским эффектом в «Думе про Опанаса» грозит по сей день обернуться образ комиссара Когана, смерчем проходящего по украинской земле, чтобы вздохнуть с облегчением: в кино такой смерч не провернулся. Кино грубее, оно ближе к массовому сознанию, к мифологии толп, к народному крутомыслию. То, что в тексте можно как-то сбалансировать, на экране — «выпрет».

Слава Богу, не выперло.

В результате: отсутствие еврея в образной галерее советского социалистического кино — свершившийся факт.

Другой факт — приход еврея на экран в нынешний, «перестроечный», «постсоциалистический», «постсоветский», период. Приход бурный, яркий, демонстративно откровенный. Пожалуй, даже мода на еврейскую тему.

Я пройду по экранным воплощениям этой темы, чтобы разобраться в своих чувствах и попробовать сообразить, что все это значит и чем оборачивается.

«Комиссар», конечно, этапный, поворотный пункт — без него не обойтись.

Жесть и сталь

В конце 60-х гг. фильм запретили наглухо, а когда в конце 80-х разрешили и выпустили, иным ценителям он уже показался устаревшим. Вадим Кожин заметил, что устарела в фильме концепция гражданской войны и устарел киноязык. Не у с - т а р е л в глазах Кожина, кажется, только местечковый юмор Магазаника: что-то «живое». Остальное — «риторика».

Вряд ли, однако, «живого» Магазаника можно было бы воспринять вне той «риторики», в контексте которой он существует и на которую отвечает. Всякий фильм, состоявшийся как произведение искусства, — единство элементов, иногда их напряженное сосуществование. «Комиссар» — пример драматического «соударения» стилей.

Из чего он создан, этот фильм?

В конечном счете — из жизнеощущения режиссера, из его «мировидения». Но что он ощущал, что видел, из чего конкретно строил?

Три составляющих видны сразу: гроссмановский сюжет плюс две актерские индивидуальности. Мордюкова и Быков.

Гроссмановский сюжет: о комиссаре Клавдии Вавиловой, которая полюбила, забеременела и родила в самый разгар боев гражданской войны,— мог бы показаться еще одной вариацией на тему борьбы чувства и долга, если бы не особенность, которая в середине 30-х гг. вряд ли бросалась в глаза, зато в середине 60-х воспринималась уже почти как вызов: я имею в виду тот факт, что стальную комиссаршу Гроссман определил на постой (то есть отвел рожать) не к «хохлу» или «кацапу», а к «жиду». Местечковый колорит, которым веяло от этого сюжета, в 60-е гг. воспринимался уже в стилистике анекдота, причем запретного, однако в 30-е гг. было не так. В 30-е гг. еврейская тема еще входила в круг серьезной литературы, и так называемая южнорусская школа прозы (иногда говорят: «одесская школа») занималась этой темой довольно активно. Правда, не самоцельно. То есть еврейская тема была важна и интересна не как еврейская, а как вариант темы общесоциальной. В качестве очередного объекта перековки. Как еще один пример крестного быта, сминаемого ходом истории. Гроссман, вышедший из того же «южнорусского» литературного края и быстро нащупавший свой путь (путь его как писателя как раз и начинается с рассказа «В городе Бердичеве»), обозначает черты еврейского быта со спокойной точностью, равно как и черты русской комиссарши, приведшей в город красных бойцов. Его интересует не столько национальное дыхание характеров и логика личных судеб, характерами определяемая, сколько дыхание социальных общностей и логика потоков. «Базар кипит как всегда». «Город лежит в подвалах, погребях, охает и стонет от страха». Город готовится к четырнадцатой смене власти, и «каждый раз это бывает, как в предыдущий». Сквозь социологию быта прорубается социология революции. Комиссарша Вавилова жаждет вернуться в свой батальон так же, как жестянщик Магазаник жаждет забиться в свой подвал,— оба инстинктивно тянутся в свою «сферу», в свой «поток». «Что с нею происходит», Вавилова не понимает; просто она видит колонну красных, идущих навстречу врагу, и бежит следом, «на ходу закладывая обойму в большой тусклый маузер». Жестянщик же грустно глядит ей вслед: «Вот такие люди были когда-то в Бунде. Это настоящие люди... А мы разве люди? Мы навоз».

Слово «навоз» предвещает у Гроссмана будущую сквозную тему: то, что он впоследствии назовет глиной, торфом, квашней, лавой,— человеческий материал. Тесто

истории — лейтмотив великого романа «Жизнь и судьба». Но в середине 60-х гг., когда Аскольдов делает свой фильм, роман «Жизнь и судьба» еще и не брезжит в печати: текст, едва законченный автором, намертво заперт «где следует»; еще два десятка лет должно пройти, пока мир узнает о существовании книги, сможет прочесть ее и связать ее лейтмотивы с давнишним полузабытым рассказом. Правда, судя по некоторым признакам, Аскольдов читал роман намного раньше других, но об этом ниже. Пока о том, как он прочел рассказ. Он прочел его как драму, наполненную скорее традиционной героикой, чем позднейшей эпической гроссмановской зоркостью. Он насытил эту драму теми эмоциями, какими жил в конце 60-х гг., в эпоху кончающейся Оттепели. Он отдал главные роли актерам, сконцентрировавшим чувства той эпохи.

Роль комиссара Вавиловой отдал Нонне Мордюковой.

Беглый абрис фигуры соответствует гроссмановскому: комиссарша у него «большая». Но это только абрис. Суть уже не совсем та: в Мордюковой нет стального фанатизма.

А что есть?

Есть тяжелая, иконописная, величественная красота, народная статья, размах русской красавицы, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Есть — лихость и удаль разухабистой бабы, которая за скандальностью прячет неразборчивую, доверчивую, любвеобильную душу. Есть — бесконечная двужильная терпеливость послевоенной колхозницы, не снимающей ватника и сапог. Однако и это не все: за обликом «бой-бабы», смекалистой, отчаянной, «своей в доску» горластой казачки не должно потеряться то, что когда-то, во вгиковские еще времена, пленило в Мордюковой Сергея Герасимова и Александра Довженко: таинственность женщины «со скифской вазы». Трагическая решительность Федры. Этот потаенный исток тоже кое-что объясняет, что-то означает в характере разудалой бабы, что-то именно казачье, отчаянное, безбытовое, проходящее быт насквозь: з а ч а р о в а н н о е.

Потрясающая органичность Мордюковой в роли комиссара Вавиловой связана не только с номинальной типажностью; драма там глубже и темнее. Чем-то осложнена у Мордюковой простецкая природная сила, чем-то «уведена»; что-то демоническое проглядывает в здравомыслящей крестьянке, которая создана — любить, рожать, вести дом... а все-таки бросает дом, и ребенка бросает, и гибель любимого человека приемлет как фатальную неизбежность: готова к смерти, не боится смерти, не удивляется смерти.

В сокрушительной природной силе, которую вкладывает Мордюкова в образ «комиссарши», нет именно того, чего более всего ждешь по номиналу и типу: нет сцепки слов, нет сухого фанатического огня. Есть что-то более глубокое, что должно зацепиться за слова, должно загореться от огня: какой-то просвет духа, провал духа, нечуждый демонизм, тихая доверчивость, перекрытая орущей решимостью. И эту потаенную драму в Мордюковой Аскольдов тоже чувствует, он понимает, что она важнее номинальной горячечной веры, традиционно ожидаемой от «комиссара». Словно бы есть какой-то вакуум силы, нуждающийся в замещении. Словно бы подавленный зов, ждущий отклика.

Иначе говоря, неприкаянная мощь Клавдии Вавиловой понятна в фильме лишь в связи с характером жестянщика Магазаника, под кровом которого она остается рожать.

Почему именно Ролан Быков должен был сыграть эту роль?

Что-то узнаваемое и неуловимое. Как «все мы», «вышел из «Шинели» Гоголя», но как никто оказался, по выражению Михаила Ромма, среди всех «особняком». В ГИТИС не приняли: «наигрывальщик»! Слишком вызывающ. Все навыворот, а вывернуть обратно — все просто. «Скоморох XX века». Одновременно: «жду беды» и «ненавижу несчастеньких». Что-то между Акакием Акакиевичем и Бармалеем. Двадцать пять характеров, и все друг другу противоречат.

Общее у двадцати пяти характеров, от колесника Перца до Сумасшедшего и от физика Пономарева до Трубача из «оркестра оперетты», — эта вот неуловимая легкость, воздушность. Призрачность существования.

Разумеется, такому технику, как Ролан Быков, ничего не стоило сыграть местечкового еврея. Он и сыграл. Виртуозно. Передал манеру речи, привычку отвечать вопросом на вопрос, саму иронию поведения, отдающую анекдотом... Смесь осторожности и беззащитности. Быков трижды меняет походку, пока идет по двору от дверей до ворот: сперва робкая радость, потом притворная готовность к унижению, потом кураж, готовый обернуться насмешкой над самим собой... Во всем этом есть что-то чаплиновское, но грань не перейдена нигде: не перейдена грань «еврейского анекдота»! Такт и бережность: не шарж, похожий на жизнь, а жизнь, похожая на шарж; перед нами реальность, как бы повисшая в воздухе. Это по Шолом-Алейхему, это по Шагалу, это по галутному еврейскому мифу, но более всего — это по достоверности местечкового быта,

когда ждут четырнадцатой смены власти, а заодно и сто четырнадцатого погрома.

Да, есть просвет между актером и ролью, так что прав был один пронциательный критик: Быков не «играет еврея», а «играет в еврея» — прекрасное наблюдение; и прекрасное актерское решение: играть человека, который все время как бы играет самого себя, не может освободиться от роли, как от судьбы, и волочит свой крест, делая вид, что ему легко и что все это шутка.

Анекдотический еврейский характер погружен в толщу быта, в звяканье ведер, в шлепанье половой тряпки, в вопли детей, в звуки тумачков и подзатыльников. Это мир реальный и вместе с тем невесомый. Мир местечка. Мир, чудом дышащий посреди войны.

У Гроссмана мир не несет никакой этнографической, никакой программной нагрузки, у Аскольдова — несет. Мотив обреченности — вот чем нагрузил Аскольдов фигуру гроссмановского жестянщика. Как нагрузил мотивом зачарованности стальную гроссмановскую комиссаршу.

Почему две эти стилистически несовместимые линии не разрывают картины? Почему не режут уха две сливающиеся мелодии: ироническая и патетическая: та, что у Быкова: «игра в игру», и та, что у Мордюковой: тяжкая, истовая, серьезная, монолитная? Я даже не о внешнем контрасте, это-то как раз весьма выигрышно, в этом есть даже какой-то напрашивающийся драматизм, как и в звуковом контрапункте еврейской молитвы и русской колыбельной песни, гениально учуянном Альфредом Шнитке, но почему актерский дуэт столь органичен, почему не разваливается от разницы школ, от несостыкованности самого языка Мордюковой и Быкова как артистов: он — вахтанговец, она — от Станиславского, он играет «просвет», она — «слитность» с образом, он — актер «формы», она — «натуры», он — «от ума», она — «от нутра»... Какою интуицией учуял Аскольдов, что, в сущности, перед нами — проекции одной драмы?

Это драма бытия, зависшего над пропастью, словно бы приподнятого — то ли взрывом, то ли порывом; это бытие, зачарованное какой-то силой, то ли грозящей, то ли влекущей: гипнотической, сокрушительной, неотступной.

Где-то на «мистической глубине» происходит встреча двух разнонаправленных начал (друг к другу направленных, друг друга вслепую ищущих): тяжелой «зачарованности» и зачарованности «легкой». Смысл скрещения двух бытовых стихий:

русской и еврейской — не в этнографизме и не в экзотике; смысл — в том трагическом, сквозь жизнь людей проходящем, сверхличном и властном, что можно считать войной, но можно и чем-то более глубоким в людях, лежащем в основе самой войны. Величественное, надличное, жестокое, отсеченное от обычных человеческих чувств и смыслов, от людской несхожести и незащитности — что это? То ли рок, то ли собственная жестокость людей, твердой сталью на них же и падающая? Это ощущение надличной силы проходит в фильме и сквозь душу угрюмой комиссарши, бросающей своего ребенка, и сквозь душу жалкого ремесленника, забивающегося с ее ребенком в подпол, и сквозь ритм войск, тяжелым шагом входящих в замерший, обезлюдивший городок, и сквозь ритм скачки коней в пустыне — под пулями, без седоков: всадники из Апокалипсиса!

Есть в фильме и еще одно апокалиптическое видение: исход евреев из гетто, путь на казнь, анахронически введенный Аскольдовым в сознание бердичевского обывателя 1920 г., за двадцать с лишним лет до Бабьего Яра и Освенцима. Эта сцена как раз и свидетельствует, что Аскольдов в 60-е гг. читал у Гроссмана не только ранние рассказы, но, судя по всему, и монолог идущей в газовую камеру Софьи Левинтон из романа «Жизнь и судьба», — в пору, когда роман Гроссмана был не просто не издан, а изъят из реальности, — такая скрытая цитата много стоила. И она — в стиле и в духе фильма, хотя и несколько форсирует, спрямляет трагедию.

Трагедию двух зачарованных душ, на секунду прислонившихся друг к другу за мгновенье до гибели.

Трагедию русской души, испытавшей нужду в ответе души еврейской.

Трагедию еврейской души, почувствовавший этот зов сквозь стальной лязг и грохот.

«Комиссар» Аскольдова — реквием революции, погребальный звон по революционной романтике, надгробный плач «шестидесятника» по разбитой мечте. Этот фильм по внутренней задаче — финальный аккорд симфонии «шестидесятников», прощающихся со своей верой; мотив расколотых очков в финале — конец «чеховской» мелодии; горстка красных бойцов, обреченно идущих на пулеметы по пустынной, обезлюдившей земле, — провал почвы, апофеоз гибели. Клавдия Вавилова идет на смерть — Ефим Магазаник прячется от смерти, но и ему гибель уготована. Двадцать лет спустя в Бабьем Яре. Судьба все равно наступит. Революция кончена — начался апокалипсис.

Еврейская тема подключена у Аскольдова к реквиему Интеллигенции — в духе «шестидесятников». Но выход фильма в 1988 г. открыл и в этой теме как бы второе дыхание. Отныне она обрела голос. И стала искать опоры.

Бабель явился одной из первых опор или маяков в этой теме.

В свете Бабеля

Бабель опасен.

Всегда был опасен.

При жизни — напрямую общаясь с людьми вроде Ягоды, вплотную приникая к бесовщине, рассматривая вблизи то, от чего другие в страхе отшатывались.

После смерти (после гибели в ежовско-бериевских застенках) — когда опасно стало для окружающих самое имя автора «Одесских рассказов».

После реабилитации, когда имя вернулось. Вернулось — в антисталинскую мифологию. Но не сразу. Долгие годы мешало сопротивление официоза. Мешал и густой еврейский колорит, дышавший опасностью «в обе стороны»: для одних — риском оказаться в «сионистах», для других — в «антисемитах», — замалчивание еврейской темы было моментом всеобщего соглашения, своеобразным конкордатом власти и интеллигенции. Только теперь этот молчаливый запрет снят.

Может быть, поэтому только теперь наши кинематографисты бросились к Бабелю. Дружно бросились. Фактура пьянящая, терпкая, «самоигральная». Нетронутая.

Вообще ее, конечно, трогали. Но так давно, что ничего уже не осталось в памяти культуры — ни от экранизации «Бени Крика» в 1928 г. в Одессе «на кинофабрике ВУКФУ», ни от одесского же спектакля «Закат» того же года. Ни от московского, во МХАТе-втором, спектакля, сошедшего со сцены тогда же, на семнадцатом представлении (ни Бирман не спасла, ни Берсенев в главной роли). Не больше следов оставила и постановка «Заката» в будапештской «Талии» в 60-е, не говоря уже о тель-авивской «Габиме». Куда более интересным фактором у нас была чтецкая программа С. Юрского, но далеко ли слышна чтецкая программа? В общем, оставалась-таки вокруг «Одесских рассказов» пустота. Целина. Минное поле. Теперь разминировано. Пошли.

Три фильма одновременно! На студии имени Горького Владимир Алеников выпускает отснятый на видеокассетах мюзикл Александра Журбина «Биндюжник и король». На «Мос-

фильме» Александр Зельдович ставит «Закат» — «фантазия на темы Исаака Бабеля». Наконец, на те же темы Георгий Юнгвальд-Хилькевич ставит свою фантазию; «Искусство жить в Одессе». Ставит на Одесской киностудии.

Как любят теперь говорить в интеллигентных кругах, «от-рефлексируем» названия. Как видим, один только режиссер воспроизвел бабелевское титульное слово («Закат»), двое других дали волю фантазии. Разумеется, в пределах бабелевской темы и бабелевского юмора. Но интересна точка акцента и пределы фантазии. Это, знаете ли, в Одессе! Не где-нибудь, а в Одессе. Жить в Одессе — это искусство. Это что-нибудь. Там биндюжник — король, а король — биндюжник. Там такое, «что не снилось больше никому на свете».

Я цитирую аннотацию алениковского фильма в одном из рекламных журналов. Она весьма точна не только в отношении этого фильма, она передает некий общий принцип, общий тон в нашем подходе к великому одесситу. Конечно, одним концом такая интерпретация коренится в Бабеле. Но другим концом уходит в современные одесские юморные фестивали, символизирующие наше перестроечное раскрепощение. Меня в данном случае интересуют не фестивали, хотя если Алеников и Журбин получают за свой мюзикл «Золотого Дюка», это будет только справедливо. Меня интересует не Дюк. Меня интересует Бабель.

Так вот, это Бабель анекдота. Бабель словечек и присловий. Бабель, который с середины 50-х гг. играет в нашей публике приблизительно такую же роль, какую в 40-е гг. играли Ильф и Петров: роль языка для посвященных. Теперь произносят с интонациями авгуров: «Фроим! Перестанем размазывать белую кашу по чистому столу!» — как раньше говаривали: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Командовать парадом буду я».

С середины 50-х гг. этим парадом командует Бабель. Налетчики и контрабандисты из его рассказов вошли в кодовую систему, для которой авторы вышеупомянутой аннотации к мюзиклу искали определений; после отчаянных налетчиков и безрасудных контрабандистов они остановились на хмельном веселье. Авторы аналогичной аннотации к фильму Юнгвальда-Хилькевича предпочли «удалых ребят и беззаветных подручных», но, конечно, все они уступают Фазилю Искандеру, сказавшему, что Бабель — это «полнокровное черноморское веселье... в сочетании с библейской печалью».

О библейской печали поговорим чуть дальше, но что касается веселья, то тут попадание в самую точку. Именно так функционирует у нас Бабель в массовой культуре. Бабель хохмы. Бабель галутной шуточки. Бабель анекдота.

Опасность пошлости, таящаяся в таком подходе, реальна. Но не фатальна. С хорошими актерами бабелевские анекдоты можно разыграть и пристойно, и тонко. Сверхзадача? Сверхзадача — искусство жить в Одессе. Как Бабель некогда сказал. Вернее, внушил, а Юнгвальд-Хилькевич «в свете Бабеля» сказал: озаглавил свою картину.

Но сначала о двух других.

О мюзикле. Я о нем судить не берусь, именно потому, что это мюзикл: здесь специфика, здесь нужен другой критик, имеющий к тому склонность и интерес. К тому же мне показалось, что это скорее не кинофильм и даже не телефильм, а... в и д е о ф и л ь м. Режиссер в споре со мной против этого возражал, я с ним согласился, и даже с облегчением, потому что в качестве видеофильма «Биндюжник и король» есть полная для меня загадка, хотя первоначально шел именно в кассетах. Может быть, поэтому действие показалось мне очень уж «комнатным». Актеры — впрочем, тут заняты масштабные. В роли старого Мендела — Джигарханян, в роли Арье-Лейба — грустноглазый Гердт...

И однако, все тонет в «комнатном действии». Уютно! Удалые ребята убивают, грабят, острят, пируют, спят с бабами,— все это должно нас увлечь, закружить, очаровать, чтобы и мы, отрешась от суетных дел, приобщились к славной жизни Бени Крика, погуляли бы на его свадьбе, вкусили бы от его щедрот.

Блюдо, предлагаемое здесь в особом изобилии,— голое женское тело. Хочу сказать об этом поподробнее, потому что обнажение груди и бедер во всех трех картинах достигает и количественно, и качественно такой чрезмерности, что как бы вызывает к особому отклику. Откликаюсь. Во-первых, в таких дозах на меня этот товар не действует — ни в смысле удовольствия, ни в смысле отвращения. Во-вторых, на меня действует сверхзадача, и действует, по-моему, не так, как рассчитывали авторы. Раньше — другое дело: когда обнажение тела и демонстрация постельного акта было запретно, как запретный плод оно и действовало — до «Маленькой Веры». А после «Маленькой Веры» все это уже не запретный плод, это обязательный ассортимент. Раньше меня хотели задеть, разозлить, раскрепостить. Теперь мне хотят потрафить.

Спасибо, достаточно. Можете одеваться.

Что поразительно, так это именно то, что парад нимфет наличествует во всех трех бабелевских лентах! Такое трогательное единение: смычка по телесам. Хотя стилистические замыслы вроде бы совершенно разные.

Зельдович, как ни странно, чемпион по этой части. Странно, потому что в его замысле вроде бы нет той внутренней комфортности, что в мюзикле. Там нас стремились втянуть, увлечь, закружить — здесь перед нами стоят с каменными лицами, бездвижно. Там кричали, пили, пели, ликовали. Здесь роняют слова через паузу. Там все было приближено к нашему быту, к нашим застольям («видяшник» — продолжение нашего стола). А здесь все удалено, отделено, отрезано от нас «зеркалом сцены». Там балаганчик, а здесь — Библия.

Фильм Зельдовича начинается с библейского текста, подкрепленного парой «живых картин» на фоне пустынных скал. Впрочем, Библия — лишь один из образных контрапунктов, лишь одно из «интеллектуальных полей», на пересечении которых в фильме реализуется бабелевский сюжет. Сцена налета реализована в другом ключе — в стиле современного вестерна: террористы в черной коже, взрывчатка эпохи «новых левых», стрельба «влет» — буквально: черные тела, простреленные и непростреленные, летают в пустейшем, выбеленном, геометрическом пространстве. Черное и белое — фон для красного: пятно крови рифмуется с плащиком убитой дамы, потом оно, конечно, откликается в красном автомобиле Бени Крика, потом — в красных флагах, развешанных по городу, причем это отнюдь не Одесса, жить в которой надо иметь искусство, а некий подчеркнута бутафорский город, может быть, времен Вавилонского пленения, а может быть, времен Первого Храма.

Все условно, мифологично, все знаково. Песок во дворе Менделя Крика срифмован с песком библейской пустыни; все отрешено от быта, пущено в вакуумную невесомость. Жизнь невесома и неменяема: посреди деревенской улицы (похожей, впрочем, на поселение у озера Кинерет) может танцевать классическая балетная пара, а посреди одесского борделя (похожего на римскую баню) может ломаться танцевальная пара совсем другого пошиба: что-то нэповское, в стиле 20-х гг. Коллекция цитат. И в звукописи тоже: на старинные еврейские распевы накладывается идиш, и еще: «Славное море, священный Байкал» (ну, это, правда, есть в пьесе Бабеля), но еще и цыганский романс, и украинское «Дывлюсь я на небо...».

И все это ирреальное сцепление масок и символов странным образом согласуется со статичными, фронтально развернуты-

ми к нам, «параджановскими» композициями, с замедленной речью, когда слова висят в пустоте пауз, с ощущением пустынности кадра, иногда, впрочем, похожего на чисто выметенное ателье, а иногда — на выгородку декорации, нечаянно снятой сбоку. Зельдовичу не откажешь в последовательности образных решений: и краски у него словно выгорели на прямом библейском солнце, и бликует экран контражурными пятнами, словно отбивая наш взгляд, мешая нам войти внутрь действия. Мы отрезаны от «того мира». И актерские работы соответственные: не столько характерность живых лиц нужна режиссеру, сколько узнаваемость застылых масок. Пожалуй, в ущерб киновыразительности, даже сравнительно с мюзиклом. Все ж у Аленикова Джигарханян играл Менделя Крика со страстью, с азартом, с горчинкой, а Рамаз Чхиквадзе в «Закате» у Зельдовича отрешенно величественен, театрально горестен, это, конечно, не одесский биндюжник, он вписан в другую сверхзадачу.

В чем сверхзадача? Она есть в фильме Зельдовича, и она не так проста, как может показаться, если все свести к «коллажу цитат».

Жизнь — ирреальна. Все — сон, все — ответ, все — тень в пустоте. Маски. Быта нет, есть библейское пространство, в котором висят декорации «быта», висит разыгранная «реальность», но и библейское пространство театрально, и оно — расчерчено в пустоте, разыграно как инсценировка. Реальности, которую можно было бы ощутить, — нет.

Она где-то в другом измерении. Она может прорваться. И прорывается. Двумя-тремя штрихами дана сцена погрома. Сама по себе потрясающая. Потом — долгий план: старый Мендель Крик везет тело убитого сына. Кадр сам по себе сильный. Но я уже плохо воспринимаю во всем этом реальность. Не потому, что Беня бандит и автор так торжественно хоронит убийцу. Это, допустим, за скобками стиля. Но я уже не могу подобные вещи воспринять именно внутри стиливого условия ленты, потому что даже и крошечные куски реальности помещены у Зельдовича в ирреальный контекст, расчерченный с математическим бесстрашием. Он в реальность не верит. И я, глядя его фильм, не верю. Я отдаю должное мастерству. Но и только.

Юнгвальд-Хилькевич, напротив, абсолютно и безраздельно верит в реальность, которую воспроизводит в фильме. Не так, как верит Алеников в мюзикле. Тот хочет в эту реальность нас втянуть, нас увлечь, нам понравиться. Этот — ужаснуть, потрясти.

Сочно, ярко, крупно. Актерски — иной раз просто замечательно по выразительности. Цудечкис — Олег Табаков, Тарта-

ковский — Александр Ширвиндт, Хава — Светлана Крючкова: можете быть уверены, что местечковый колорит, со вкусом отыгранный этими мастерами, удерживается на тонкой грани и не переходит в грубость и шарж и, однако, пронизывает терпко и сильно всю «ауру» фильма. Даже Бенья Крик в этой «ауре» укрупняется как характер — Бенья Крик в исполнении Сергея Колтакова. Почему «даже»? Потому что роль невероятно трудна: во всех трех лентах актеры играют не столько Бенциона Крика, сколько Остапа Ибрагимовича Бендера. Но в картине Юнгвальда-Хилькевича король Молдаванки все ж выразительней. Я отношу это на счет логики ансамбля. На счет выразительности всей картины еврейской жизни, в которой реб Арье-Лейб в исполнении грустноглазого Зиновия Гердта смотрится абсолютно органично. Как и в мюзикле.

Не могу не прокомментировать этот факт. Актер Гердт в гриме Арье-Лейба целехонько переходит из мюзикла Аленикова в драму Юнгвальда-Хилькевича. Что сон сей значит? Я, разумеется, допускаю, и даже уверен, что в обозримом будущем и наличном настоящем никто у нас не сыграет ребе Лейба лучше, чем Зиновий Гердт. Но когда персонаж так запросто переходит из одного фильма в другой — не говорит ли это о том, что фильмы эти связывает, скажем так, общая образная основа? Что в развеселом мюзикле и сугубой драме есть что-то родственное? Не то ли самое, что и называется: Бабель анекдота? Анекдот может быть качественным. Но оставаться анекдотом.

Один персонаж в фильме Юнгвальда-Хилькевича несколько выпадает из этой «среды». Фроим Грач в исполнении Алексея Петренко. Даже не выпадает, а... «выпирает». Крупностью штриха, мощью облика, ощущением потаенной силы. Конечно, и в нем есть нечто местечковое, но не больше, чем надо для общей связи с фоном. И окрас скорее «местный», чем «местечковый»: столько же еврейский, сколько южнорусский. Или украинский. Главное: глядя на этого мужика, веришь, что он действительно может разостлать кожух и выспаться под телегой. Конечно, он и налетчик — в простонародном варианте, с медленной и мертвой хваткой. Но не только. Что-то еще прячется, что-то еще ворочается в этом биндюжнике, а что — неясно. До поры до времени неясно. Потому что нам не до того: мы заняты Бней Криком и его подвигами. Его словечками. Его роскошной жизнью. Его легендой.

В фильме «Искусство жить в Одессе», повторяю, эта мифология воспроизведена крупно и сочно. И даже с перебором, что

тоже знаменательно. В сущности, тут досочинили за Бабеля всю центральную интригу, любовь «положительных героев»: Бороваго и Кати. У Бабеля мелькало: следователь ЧК Боровой, Катя — «обстоятельная» девица из борделя. У Юнгвальда-Хилькевича девица из борделя оборачивается чем-то вроде непорочной девы, которую Бенья Крик делает своей наложницей, а господина литератора месье Борового (не знающего, что ему придется работать в ЧК) приспособливает на роль не то гувернера, не то евнуха — читать заточенной красотке французские романы. В результате, естественно, тайная любовь.

Во-первых, от всего этого несет патентованной мелодрамой, что малоинтересно. Во-вторых, от всего этого несет нэпманской роскошью, что уже более интересно. Потому что это уже про нас. Конечно, время от времени вы замечаете, что дело происходит в домике близ одесского пляжа. Но домик хочет выглядеть дворцом. Одесса хочет быть Марселем, она шпарит по-французски. Нет, Рио-де-Жанейро! Телохранители в белом! Белые телефоны! Голливуд! Конечно, я вряд ли был бы так задет, если бы все это представало в откровенном балагане. Но, в отличие от Аленикова, Юнгвальд-Хилькевич, кажется, весьма серьезен по сверхзадаче. И, в отличие от Зельдовича, он, кажется, уверен, что размышляет — о реальности и воспроизводит — реальность. Так что значит эта роскошная жизнь? Чем навеяна? Реальность современных рэкетиоров, тайных миллионеров, «теневых» королей, воротил мафии? Голубая мечта честных одесситов, мечтающих выбиться из «анекдота» в «настоящую жизнь»?

И рушит эту голубую мечту Юнгвальд-Хилькевич всерьез. Первая половина ленты — идиллия пополам с анекдотом. Вторая половина — мистерия пополам с апокалипсисом. Застенки ЧК. Комиссар Симен, похожий в ледящем исполнении В. Авилова на статую командора. Пожар. Стрельба. Прыгающие, летящие, плавающие на лету фигуры. Между прочим, неожиданно похожие на летающих террористов из фильма Зельдовича. Хотя Зельдович в реальность не верил, а Юнгвальд-Хилькевич верит. Однако когда реальность собрана на базисе анекдота, а потом вывернута в апокалипсис, ее все-таки подстерегает бутафория.

Так что выход не здесь.

Где же?

Как всегда, в чуде искусства, неожиданном и непредсказуемом.

Идет сдаваться в ЧК Фроим Грач, старый биндюжник, старый налетчик, старый предводитель «сорока тысяч одесских воров». У Бабеля — три строчки. В фильме — грандиозный эпизод, выламывающийся из всего, потрясающий по своей мощи. Старик прощается с внуком. Меняются с ним шапки: отдает мальчишке кипу, себе берет буденовку. Буденовка сидит смешно и дико на огромной всклокоченной голове. Смешно и дико выглядит старик на площади перед подъездом ЧК. Он идет каким-то странным приплясом, кружась, вскрикивая, постанывая, крихтя. Вы не сразу понимаете, что означают эти звуки: стон это или песня. Что-то запредельное: веселье человека, идущего на расстрел. Да, это Петренко — великий актер, о нечленораздельных монологах которого, вошедших в историю кино, будут написаны диссертации. Другой актер просто не выдержал бы этой мычащей, немой, орущей сквозь немоту мощи. Но ракурс снизу, крупно выхватывающий пляшущие сапоги на брусчатке, — это уже не просто актер Петренко — это уже операторы, это уже режиссер, знающий свою сверхзадачу. И еще более резкий ракурс снизу — кружится старик в развевающихся одеждах, безумный, одержимый. На мгновение видишь снизу растрепанную, торчащую бороду — бороду пророка, праотца, библейского старца, внезапно проступившего в одесском биндюжнике.

И эта ассоциация воссоздана спонтанно, внутренним импульсом. То, что у Зельдовича было вычерчено математическим расчетом, здесь выброшено вулканическим взрывом. Вот что таилось в Петренко — мощь патриархов, загнанная в подпочву.

И именно это таится в Бабеле под анекдотическими легендами об одесских налетчиках. Бытийная память тысячелетней истории, прямо сконтаченная с текущей реальностью. Отсюда — прямое соприкосновение невообразимо далеких начал в его прозе. **О б ы к н о в е н н о о с т р а ш н о м , с т р а ш н о о б о б ы к н о в е н н о м .** Божье и дьявольское сближены до неразличимости. Грань опаснейшая! Король просвечивает в налетчике, древний царь в биндюжнике. Бытие притворяется бытом, место — местечком, но в местечковом быте, ломая его и корежа, вспыхивает бытие, и анекдот взрывается книгой царств. Слепящая чернота бездны. Это Бабель: фатальная готовность жизни поменяться обликом со смертью.

Свет, неотделимый от тьмы.

Впрочем, свет можно понимать и в совершенно другом смысле, если говорить о еврейском киносчастье.

Белый свет как копеечка

Свершилось. Мистер Питкин больше не один в тылу у врага. Бабетта не одна идет на войну. С ними Янкель. Янкель Лapidус. Нет, не из Жмеринки, а из Вильны. То есть из Вильнюса. То есть нет, прошу прощения, все-таки из Вильны, потому что когда Янкель готовился в университет, он готовился-таки в Варшавский университет, потому что Вильна тогда была в Польше.

Над крестами и крышами плывет полонез Огинского, мешаясь с еврейским напевом; певучий местечковый говорок перебивается польскими шикающими репликами; поляк и еврей спорят, чей же это город. Я понимаю, что когда они так спорят, то надо это воспринимать на юморе, но моего юмора хватает лишь до момента, пока я не представлю себе, а как на такое дело глянет литовец. Не то чтобы мне вообще было не до смеха в этой жизни, но что-то в этом смешном фильме не дает посмеяться досыта.

То, что еврейская мамочка, справив своему сыну новые ботинки, отправляет того в столицу под крики домашнего попугая,— смешно. И что Янкель такой непрактичный, неловкий и нелепый в своих ботинках со скрипом — тоже смешно. Смешно, как он акцентирует, сообщая мамочке по телефону, что поступил и что занятия начнутся с начала сентября.

Но то, что с начала сентября начинаются не занятия, а вторая мировая война,— не смешно. Не смешны кадры кинохроники, которые Эфраим Севела врезает в фильм. Слишком тяжелые ассоциации уже намертво врезаны в наше зрительское сознание этими хроникальными кадрами. Слишком серьезные проблемы входят в наше духовное бытие сегодня вместе с еврейской темой: сегодня, когда с темы сняли запрет и мы уже посмотрели «Тему» Панфилова. А также «Корчака» Вайды, «Дамского портного» Горовица и целый сонм экранизаций Бабеля. Собственно, Севела все это, я думаю, учитывает, вводя патетику в комическое действие. Или, наоборот, вводя элементы фарса в действие патетическое. Фильм работает на переключениях: они психологически мучительны. Но, наверное, неизбежны.

И вот что странно: меня это не коробит. Почти нигде. Хотя несколько центральных эпизодов (практически вся середина фильма) отдают «географической декорацией», «приключенческой кругосветкой» и «заграничным аттракционом». Разумеется, это оправдано сюжетом. Виленский еврей, мобилизованный

в польское войско, затем попавший в Ливию вместе с армией Андерса, затем попавший в Париж и вынужденный там бродяжничать, затем зачисленный во французский экспедиционный корпус и отправленный в Индокитай и только в финале (через вьетнамский плен и советский концлагерь) возвращающийся в Вильнюс в поисках своей мамы, — это, конечно, не вполне стандартный для советской действительности вариант судьбы. Но все-таки реальный. И, слава Богу, Севела, который по собственному сценарию поставил такую кругосветку, получил соответствующие возможности: вряд ли он имел бы их, останься в свое время диссидентствовать в Союзе; эмиграция сильно расширила его практические горизонты: он, как чувствуется, знает материал не по туристским проспектам.

И все же, несмотря на натуральность декораций и тщательность костюмов, фарс все время подстерегает картину. Парижские рестораторы и сайгонские проститутки все-таки производят впечатление немножко ряженых. Потому что в душу Янкеля они никаким образом не входят.

Как не входит и война, в которой Янкель вынужден участвовать. Все это для него — гигантское недоразумение и полнейший абсурд. Он не воюет — он ждет, когда все это кончится. Он палит в белый свет как в копеечку, но по стечению обстоятельств оказывается, что он задержал (напугал) немцев, после чего ему дают орден, ему совершенно ненужный. Фарс продолжается: Янкель случайно остается в живых один на захваченном плацдарме — и ему дают второй орден, такой же бессмысленный для его душевной ситуации. Затем он еще раз остается в живых единственный из группы десантников — и ему дают третий орден... Он гордится тем, что не убил ни одного человека, — а у него куча боевых наград. Он ходит в героях — а не умеет завязать шнурка на ботинке. Он вообще не солдат, он — сын своей мамочки, он маменькин сынок; он всю жизнь ищет маму, и этот мотив настолько существен и исполнен серьезного пафоса для автора, что Севела вводит его в название фильма, не боясь, что ассоциации перейдут к попугая на героя.

Они и переходят, по всем законам комического. И опять: странным образом это во мне почему-то не вызывает протеста. В фильм заложен стилевой оксюморон, решительно не укладывающийся ни в какие рамки, но он укладывается в какую-то глубинную реальную драму, которая сама — сплошной оксюморон, но тем и существенна. Ее хочется разгадать, хотя ты и терпишь при этом все время интонационную двусмысленность.

Как терпишь, скажем, антисемитские подлости польского сержанта, а потом этому же сержанту сочувствуешь, потому что он еврея выручает, а потом опять тебя толкают в отвращение и ненависть, потому что он еврея притесняет, а потом ты этого поляка опять жалеешь, потому что он гибнет на твоих глазах от руки вьетнамцев... Хорошо еще, Авангард Леонтьев своим артистизмом смягчает повороты... так что начинаешь думать, что и антисемитизм тут — деланный, декоративный, «программно-провокационный», а зло притворно, и дело вовсе не в том, что Янкель — еврей.

Конечно, длинный нос, черные волосы и общий книжно-закорюченный вид, старательно воспроизведенный в облике нашего героя, не оставляет сомнений в том, кто он по национальности. Но фамилия актера: Рамаз Иосилиани — опять подтверждает сомнения в том, что именно это так уж важно. То есть что так уж важно, из Вильны он или не из Вильны. И даже: еврей он или не еврей? Ибо в роли еврея может оказаться кто угодно: грузин, немец, поляк...

То, что двойственность, заложенная в картину, не разрушает ее образную систему, а странно ее обостряет, я не могу объяснить чистым «мастерством»; мастерство как раз несколько провисает в фарсовых эпизодах. А пронзительность патетических сцен к фарсу вроде бы и не клеится. Однако есть неуловимая, потрясающая, подспудная, интуитивная точность попадания в «еврейский вопрос», сама безумная фарсовость которого может сказать о катастрофическом состоянии мира больше, чем любая патетика.

Я попробую этот «вопрос» объяснить.

Значит, Янкель воевать не хочет. Он попадает в герои по недоразумению. У него болтаются шнурки. У него вызывающе нелепая манера вести себя. Он «ни в чем этом» душой не участвует. Его демонстративная непрактичность вызывает у всех ярость. Его все гонят. Всех раздражает даже его нос. Еврей — это человек, которому нигде «нет места».

Позвольте, есть место. Ну, конечно, не в Вильнюсе, где убили маму. И не в Сибири, где Янкель побывал дважды не по своей воле и оба раза валил лес под дулом конвоира. И не во Вьетнаме, где местные товарищи коммунисты не знали, что это за народ такой: «евреи», впрочем, выяснив, что евреем был Маркс, решили, что народ хороший. И не в Африке... но от Африки искомое место уже не так далеко.

Так вот, если еврей находит на этой земле свое место — он должен защищать его с оружием в руках.

Если же он упорно «не находит» своего места, если неприкаянность, агасферова печать, делается в его жизни своеобразной программой, тогда, извините, он будет оставаться в глазах других — «вечным жидом». Вопрос выбора. Я думаю, арабов в ситуации Войны Судного Дня совершенно не интересовали еврейские носы — их интересовали прочность линии Бар-Лева и боеспособность хермонского гарнизона. И евреи, при всей их приверженности гуманизму, вряд ли под Синаем и на Голанах палили в белый свет как в копеечку. И шнурки у них, наверное, на ходу не развязывались.

Резюмирую. Еврей — это не просто национальность и даже вовсе не национальность. Она таковой становится, только если совпадает с определенной системой поведения. Я бы даже сказал, что еврей — это прежде всего с и с т е м а п о в е д е н и я. В Израиле человек ведет себя не как еврей, а как израильтянин, и какой у него нос — совершенно неважно. Я в Иерусалиме встречал людей с черной и желтой кожей, у которых никто не вздумал бы отнять еврейскую национальность, формально обеспеченную им мамами, но мало вяжущуюся с «чистотой крови». Потому что дело не в крови, а в том, какой образ поведения человек выбрал.

Если в диаспоре еврей ведет себя не как «еврей», а как русский, как грузин, как француз,— так никому из нормальных людей и в голову не придет допытываться, кто он по крови, не Бейлис ли, не Дрейфус ли и так далее, как мне решительно не важно, что в роли еврея снялся артист по имени Рамаз, а в роли антисемита — артист по имени Авангард. Но если ты в армии ведешь себя как антисолдат, если вообще нигде не пускаешь корней, если для тебя весь белый свет — копеечка, тогда в глазах людей ты с т а н о в и ш ь с я «евреем», тогда у тебя и шнурки болтаются, и нос виноват.

Тогда не кричи «мама», если бьют. Уходи на свое место и там стой крепко.

Ну, а если все-таки хочешь жить «езде» и нигде,— можно и это. Живи. Но тогда неси крест и не жди сочувствия.

Или — уезжай.

«Отъездные» дела...

Любопытнейшая рецензия на фильм «Паспорт» появилась в «Литературной газете». Марина Дроздова рассказала несколько блестящих анекдотов про наши отъездные дела (лучший: «Коммунизм это есть Советская власть плюс эмиграция всей
4-4357

страны»). Кроме того, она высказала несколько существенных наблюдений касательно искусства и жизни (вст главное: в западном кино детективный сюжет выстраивается на отклонении от юридической нормы, у нас же отклонение составляет норму и определяет собой все художественное пространство фильма). Вообще яркая статья. Но вот что интересно: из трехсот ее строк собственно фильму «Паспорт» посвящено едва ли строк тридцать.

Маловато, конечно. Даже демонстративно мало. Да и сказанное как-то вскользь сказано: ни то ни се. Не про то, мол, речь. Так, словно и ругать неловко (Данелия все-таки), и говорить особо не о чем.

Между тем сказать есть о чем. Во-первых, как я только что заметил, Данелия все-таки. Во-вторых, команда-то у него какая! Габриадзе и Хайт в сценаристах, Юсов — оператор... А старинг: Гундарева, Джигарханян, Янковский, Леонов, Ярмольник... И Жерар Дармон, природный француз, сразу в двух ролях: в роли грузина и в роли еврея (чтоб вы поняли: там два брата единокровных, но разноутробных; один — от матери-еврейки, другой от матери-грузинки; «еврей» едет в Израиль — «грузин» провожает; братья похожи как две капли воды, так что когда один берет на минуточку паспорт другого...)...

В-третьих, «Мосфильму» в съемках походов брата-еврея помогали: французская «Паспорт продуксьон», австрийская «Тасона продакшн» и израильская «Израфильм». Так что без обмана: сцены венские — в Вене, сцены тель-авивские — таки в Тель-Авиве.

Ну, и наконец, слово «еврей», еще недавно рискованное во всех смыслах и со всех сторон табуированное, в этом фильме прокручивается на всех орбитах с большим смаком и без страха кого-нибудь обидеть.

Все эти зрительские радости обдумываешь потом, задним числом, а пока смотришь — особенно первую, более удачную половину ленты, — так просто себе смеешься. Сказано же было когда-то: «Н е г о р ю й!» — Мастер верен себе. А если «с л е з ы к а п а ю т»? А это уже ваша печаль. Пока смейтесь. Я лично засек, когда я, не выдержав, заржал, как лошадь. Братья едут из Тбилиси в Москву (самый короткий путь в Тель-Авив); поезд набирает скорость; брат-еврей спрашивает: а где синий мешочек? Брат-грузин отвечает: а я его выбросил, там какой-то мусор был. Брат-еврей орет: ты в своем уме?! Там же грузинская земля на память... Брат-грузин рвет стоп-кран, выпрыгивает из вагона и начинает тут же, у рельса,

наскрести грузинскую землю. Слышны приближающиеся вопли кондуктора: где ты копаешь!! Это же гравий из Астрахани! Неужели так трудно отойти на два шага от насыпи?!

Возможно, природа юмора здесь несколько словесная и мало кинематографическая, но цепочка неожиданных реакций, отводящих героя от здравого смысла, выстроена безошибочно. И вполне соответствует той общей «ауре» нашей жизни, которую герой носит в себе и согласно которой отклонение от здравого смысла (и от юридической нормы) заполняет все пространство картины и даже является образом жизни.

Все тут построено на обратной логике, по всем законам комического, причем «вывернутая жизнь» еще раз вывернута обратно «выворотным сюжетом» и таким образом возвращена нам для здравого рассуждения. К каковому я и перейду сейчас, а пока — еще немного эмоций по «еврейскому вопросу». Давно ли Глеб Панфилов в «Теме» решал эту тему трагическими полунамеками, так что не вполне понятно было, про еврея ли речь или вообще про некоего отъезжающего гражданина без адреса назначения, а теперь: даешь Тель-Авив! У Панфилова сама невозможность высказаться была включена в логику фильма как знак смертельной серьезности. Теперь возможность высказаться есть знак лихой несерьезности: не бойтесь! Смейтесь!

Смешно, что брат-грузин взял в Шереметьеве паспорт брата-еврея и «проскочил» паспортный контроль «на минутку», чтобы купить в «тамошнем» буфете шампанского (в «здешнем», естественно, нету). Смешно, что его не задержали, не воротили, а, наоборот, турнули в самолет (машина крутится). Смешно, что не вернули из Вены, а протолкнули дальше, к самолету на Тель-Авив. Смешно, что не вернули и из Тель-Авива... а, собственно, куда? Оттуда уже выдачи нет. Все! Мышеловка. Грузин в шкуре еврея, в роли еврея, в амплуа еврея. Дальше — только вперед.

Вперед! — толкает героя автор и подмигивает нам: не бойтесь! Ничего страшного! То есть страшно станет потом, в самом конце, и не герою: вам. А пока — он смело идет вперед, брат-грузин, без денег, без ничего, с проклятым шампанским в руках, с обаятельной улыбкой и трогательным страданием в глазах.

Он идет, а ты думаешь: ну, и надолго хватит этого обаяния? Его же сейчас отметелят! Ох, скорей бы его уже отметилили... Его, вообще говоря, должны были отметить еще в Шереметьеве, в милицейской комнате, но отлаженные рычаги Системы, которые устроены так, чтобы отбросить героя назад, вернуть в

4*

«строй», — вывернувшись, бросают его все дальше: в Вену... в Тель-Авив... в Амман... в Анкару... испортилось что-то в рычагах?

Ой, испортилось. Но в данном случае — это закон комического действия: герой, обаятельно улыбаясь, плывет «поверх барьеров», потому что он их «не видит». Он — вольтеровский Простодушный. Он — «просто человек». И потому перед ним распахиваются сердца и двери. Это, в общем, интернациональный сюжет, в нем нет ничего «еврейского», он имеет корни в русской душевной «безбрежности» и в безбрежном грузинском хлебосольстве. Сказано: шампанским не торгуем! Да и очередь! Но если попросить с улыбкой: «Дорогие! Мне очень нужно!» — и поднять в пальцах пару синеньких бумажек...

Кстати, пока снимали фильм, синенькие обесценились. Возможно, пока эта моя статья дойдет до читателей, обесцветятся и красненькие.

Так что все это действует лишь до тех пор и при том допущении, что у людей и вообще в природе в с е г о м н о г о: много шампанского, много авиарейсов, много разных синеньких и красненьких бумажек в карманах. Только при том условии, что пир идет горой, обаятельный протак может быть сытым крохами со столов и проходить сквозь стены. Правда, он как-то все время еще и помимо жанра канючит: «Слушай, дорогой, купи мне японский «видик», я тебе в Москве рублями отдам...» — Потом из Грузии по телефону доносится: «Дорогой!! Ты в Израиле! Слушая, у меня тут гайки наосные кончились, так ты привези штук шесть, я тебе рублями отдам!»

Сначала думаешь: господи, до чего же мы нищие. Даже в комическом сюжете посреди аэрокувырков и дипкульбитов норовим в «ихних» магазинах отовариться. Потом соображаешь: а ведь вообще нечисто что-то у Мастера с комическим действием. «Слезы капают»... невидимые миру слезы. И комизм понемногу подмокает. И думаешь: так плакать будем или смеяться? Данелия, правда, тактичен: взрывы и выстрелы звучат у него за кадром, и метелят нашего героя тоже за кадром (нет, не милиция и не полиция, а арабы, приняв его за еврея, а потом еврея, приняв за араба). А смысл этих невидимых миру слез, которыми Георгий Данелия плачет над своим комическим героем, заключается в том, что не выжить там человеку! Там — расчет, там за копейку удавятся, там за все платить надо. Это у нас улыбка открывает двери, а там — увы. Денег нет — закабалишься. Деньги есть — вымотают в момент, и все равно

конец. Нет «люфта» для «души»! И дядя Сеня — израильгянин, уголовник, убивец, кулаками расчищающий путь и помогающий нашему кузнечнику допрыгать (через Анкару) до родимой границы, — матерый мужик, бывший фронтовой разведчик, неулыба габеновского покроя (впрочем, у Джигарханяна на эту угрюмость свой патент и опыт «еврейских ролей» имеется), так, оказывается, и это исчадь ада хранит на дне души невыплаканную слезу: «Ты, Мераб, когда в Союз вернешься, съезди в Омск, пойди на кладбище и положи на могилу моей жены вот это колечко».

(Так правильно, что в Шереметьеве такие сердитые парни? И на границе? А то все кинутся в Омск, затопчут могилку...)

Но Мераб наконец добирается. Не до Омска — до границы. Побитый, ободранный, выпотрошенный допозаползает до пограничной речки. Ау! Братцы, не стреляйте! Я сво-ой!!

Господи, думаю, ты куда ж вернулся? Нет тут больше «советских пограничников». Здесь, дорогой, теперь не Союз и не «советская» граница, здесь держава суверенная, грузинская.

Родимый, как же ты теперь в Омск-то попадешь, с колечком? Ты же теперь красненькими, деревянненькими не обойдешься. Ни улыбочками, ни шуточками. Тебе ж теперь зелененькие нужны, цвета заморской капусты, а откуда ж они у тебя возьмутся? Нет больше «шереметьевской таможни», которая удерживала людей в рамках «добровольного идиотизма». Нет больше «русских дураков». Свободен! Плати, дорогой! «Пир горой» кончился. Финита ла комедиа.

Ну, эта кончилась, другая найдется. Найдется смешное и в суверенной перестроившейся реальности. Не останется без сюжетов Мастер, ДANELIA все-таки.

А евреи где?

О, это совсем другой сюжет.

На краю катастрофы

Люди, читавшие пьесу А. Борщаговского «Дамский портной», не хотят смотреть фильм: боятся. Страшно еще и еще раз переживать Бабий Яр. Да и что можно добавить к тому, что уже известно? Как все предусмотрели пунктуальные немцы, как все продумали, избрав в качестве мышеловки Брест-Литовский проспект, с которого убежать невозможно, если приказать дворникам запереть дворы, а немногие переулки перекрыть грузовиками? Как просто оказалось убить тысячи людей, если

пулеметчики ждут в конце пути, в узкой горловине оврага, и рационально расходуют боезапас? Как покорно шла из Города в Овраг еврейская масса, с дряхлыми стариками, спеленутыми младенцами, параличными инвалидами в каталках, с чемоданами, узлами, — шла спокойно, словно на поезд, не обращая внимания на далекое постреливание впереди, — чем была подтверждена и психологическая продуманность операции? И все это смотреть еще раз?

Нет. Не это. Этого в фильме нет. Два выстрела будут в кадре и только. Пристрелят дворника, который полезет к немцам в оцепление, чтобы они оттуда, из потока, вернули, вытащили его жену, случайно затесавшуюся: «Она же не жидовка!» — его пристрелят, чтобы не мешал работать. И еще пристрелят еврея, который с криком «Не хочу!!» побежит и, схваченный, будет рваться из рук. Вот все: два выстрела. Остальное — «мирный быт».

Сутки мирного быта. Сутки — между тем утром, когда обнаружили на стенах листки с приказом назавтра всем жидам города Киева собраться и явиться, и тем утром, когда собрались и явились. Сутки — на краю катастрофы.

Последний день и последняя ночь старого портного, дамского мастера, отца семейства, почтенного человека, окруженного дочерьми и невестками, внуками и внучками, соседями и другими соглядатаями его быта и бытия, как бы «не знающего», что его ждет завтра.

В этом «незнании» — главная тема фильма и главная, по сию пору не разгаданная до конца, тайна еврейского поведения в момент катастрофы. Поразительно, но все кругом понимают, что означает для евреев приказ собрать вещи, и только евреи уверены, что их повезут на новое место жительства, и даже в пассажирских вагонах. Девочка садится за фортепьяно и играет очередной заданный ей экзерсис, сквозь экзерсис слышны крики: что брать, чего не брать, как упаковывать, как увязывать. Одного этого кинематографического совмещения планов, звуковых рядов, уровней достаточно, чтобы вывернуть вам душу: профиль музицирующей девочки и гвалт сборов. Два краешка катастрофы. Мы уже все знаем о них. Они — ничего.

Так уж и ничего? Но ведь кричит же невестка: «Вы что, ослепли, вы что, не понимаете, куда вас всех повезут — надо бежать, прятаться, спасаться!»

Еврейский юмор несколько скрашивает серьезность, с которой ей отвечают: но ведь ты же литовка, ты им можешь показать паспорт...

Какой-то момент кажется, что грань обреченности, грань ведения — неведения и впрямь пролегает между евреями и неевреями, и литовка видит истину именно потому, что она — литовка, а евреи «не видят» именно потому, что евреи. Еще ведь надо так уметь спросить, так подойти к ним, чтобы не нарушить табу, чтобы слово «смерть» не вылетело ненароком, чтобы можно было продолжать эту игру в неведение. Ну, допустим, попросить спокойно: «Вы оставьте мне мальчика...» — как просит тихая русская женщина, жена дворника, о с т а ю щ а я с я здесь, в доме. А та, что с младенцем на руках должна у й т и, так же тихо отвечает: «Нет, что вы, мне без него там нельзя...» Где «там»? Глаза женщин говорят то, о чем они боятся сказать вслух.

Ведение и «неведение» могут меняться местами. Русская девушка, влюбленная в еврейского юношу, может вырваться из рук близких, побежать к нему: «Поеду с тобой!» — и он, все понимая и ничего «не зная», будничным голосом будет ее отговаривать и обещать, что сразу же напишет, вызовет ее, вот только устроится «на новом месте».

Так евреи и неевреи перекликаются через край катастрофы.

А немцев нет. Силуэты. Стрелковой шаг. Дальние выстрелы. Губная гармоника. Выкрики команд. Листки объявления. Ни одного лица. Немцы участвуют «функционально» — в д р а - м е л и ц они не участвуют.

Немцев можно, так сказать, и не заметить. Разительный, потрясающий еврейский синдром: идти по команде на смерть, не видя в упор того, кто ведет. Абсолютное абстрагирование. «Ты его режешь, а он смотрит с к в о з ь т е б я». Загадка. До последнего мгновенья — словно ничего не происходит. Дети с ликующими криками бегают во дворе между узлами и чемоданами. Матери кричат, чтобы те не шалили. Старик-портной соображает, кому бы оставить отрез, из которого он не успел сшить роскошное дамское платье.

Если не знать слов молитвы, которую этот старик шепчет в своем углу, то можно поразиться то ли его самообладанию, то ли равнодушию ко всему, что станет с ним и его семейством. Можно подумать, что дело и впрямь в том, кому он оставит ножницы!

В роли старика портного — Иннокентий Смоктуновский. Одна из лучших его ролей — точное продолжение его сквозной темы, через актерскую жизнь проходящей. Когда-то в «Девяти днях...» он терпеливо успокаивал железного фанатика-физика: «И все-таки доброта, и все-таки терпимость...» Теперь успока-

ивает дочерей и невесток перед лицом железной неумолимости. Про ножницы шутит... Что это?

Защита достоинства в безнадежной ситуации. То самое, что раскрыто было в классической реплике — помните? — «Вы можете меня расстроить, сломать, но играть на мне не-ль-зя!» Да чтобы сказать т а к, надо же быть принцем крови! А если ты дамский портной и вооружен только ножницами и сантиметром? А тебя ведут убивать?

Вот так и быть. Смотреть с к в о з ь н и х. И успокаивать детей, словно ничего не происходит. И принимать как должное все, что выпадает. И вежливо разговаривать с дворником, «не замечая» антисемитских шпилек.

Какой контраст стилей, манер, интонаций! Дамский мастер смотрит усталыми и добрыми глазами поверх ужаса жизни — дворник весь соткан из этого ужаса, его глаза цепки и быстры, его речь тороплива, сбивчива. Его старательный антисемитизм производит впечатление выученной роли, сам дворник втайне его немного стесняется и оттого нервничает и злится. Смесь зависти, робости и злости на себя за эту робость, и злости на «кучерявых» — за то, что доводят до злости, за то, что неуязвимы, за то, что «смотрят мимо...».

Страшный комплекс, страшная, подавленная боль человеческая в этом дворнике. Она видна сквозь злобу и агрессивность, слышна сквозь стандартные антисемитские словечки, надо только р а с с л ы ш а т ь. А как его расслышать, когда «смотрят мимо»? Когда дочь Сиона приходит с курицей в руках и просит отрубить той голову: мы-де никто на это не способны, — и дворник, прежде чем взяться за топор, переспрашивает: вы не способны, а мы, значит, способны, нам это нипочем? — и девочка отвечает: «Почему же нипочем? Мы вам заплатим...» Можете и из этого диалога извлечь те глубинные смыслы, которые прячутся в бегающих глазах дворника, этого вполне стандартного антисемита, и, конечно же, сексота, и к тому же бывшего охранника, вохровца...

А это еще зачем — вохровца?! Я не про сценарный ход — ход точен — я о с м ы с л е этого хода, о жизненной основе эпизода. Ну, какого черта пошел в вохру, что, не сиделось в деревне, что ли?

В деревне-то сиделось. Пока в коллективизацию с земли не поперли. И это лыко — тому же еврею в строку: когда н а ш и х детей на мороз босыми выгоняли, в а ш и дети продолжали музицировать в городских квартирах!

Так. Э т и дети и теперь музицируют: на краю катастрофы. А т е дети, наверное, не выжили по ссылкам да детприемникам. Т е дети, может, и не родятся больше от покалеченных отцов. Т е х детей уже не дождутся русские матери. «Оставьте мне мальчика...»

Конечно, дамский мастер лично не стоял в оцеплении, когда братишек того дворника выкулачивали из родной избы, вышибали голыми на мороз. Но так ведь и вохровец, мобилизованный из числа тех выгнанных, не сам стравливал уголовных с политическими, он только стоял в оцеплении. Он только по приказу стрелял. Он только трупы сцепившиеся, в лед вмерзшие, вырубал. Он только в падучей потом бился, вспоминая.

В оцеплении он и помрет. В немецком. Когда его жена, у дочерей Сиона ребенка вымаливая, так в этот поток и канет. А он с воплем: «Да не жидовка она!!» — примет немецкую пулю и, скорчившись, умрет у колес грузовика. И у меня не шевельнется ни злорадство, ни чувство возмездия, нет! А такая же душасающая скорбь. Оба гибнут: и портной, и дворник — под колесами безликой машины, под звуки губных гармоник. Гибнут, глядя друг на друга в упор и не видя лиц: один — остановившимся взором отрешенного, другой — бегающим взором затравленного. С двух разных краев два человека входят в одну катастрофу.

Два замечательных артиста встречаются в этом запредельном диалоге: Иннокентий Смоктуновский и Алексей Зайцев. Это встреча великих актеров.

И есть еще третья точка... сказал бы: точка опоры, если бы не висело над пропастью это общение теней, эти встречи бывших жизней, бывших жителей. Еще не ушло в Бабий Яр семейство портного, а на «освобождающуюся жилплощадь» с «аусвайсом» от управы в кармане уже являются еще одни «выброшенные на мороз» — погорельцы с Крещатика. Семья «бывшего директора фабрики»... «к р а с н о г о директора»; — уточняет дамский мастер с неисправимым еврейским юмором, на что жена (или вдова?) директора с плохо сдерживаемым презрением бросает ему: «Помолчи!» — и властность этого окрика выдает в ней даму не «фабричного»: нет, — бери выше! — обкомовского, а то и наркомовского полета. И это ей, ей рассказывает дворник-вохровец про то, как поливали в лагере из брандспойта дерущихся уголовников и политических, а потом вырубали трупы из льда. Чтоб не ждала! Чтоб не понимала о себе слишком много! И чтобы не верила сказочкам о невинности исчезнувших... Вы можете и здесь гадать,

сколько на ком вины, сколько и чего успел наворотить муж этой дамы прежде, чем он стал красным директором, но здесь уже только призраки, добредшие из «той жизни». Здесь — последний вздох. Краешек катастрофы.

Дамский портной раздает имущество. Даме он оставляет дорогой материал, из которого она когда-нибудь сошьет себе платье. А он успеет его скроить. И сейчас снимет мерку.

Этот обмер — танец теней. Ювелирно точные руки старого портного, без прикосновений, с неожиданно воскресшей молодой уверенностью оглаживают в воздухе силуэт женщины, и в этих движениях столько благоговения, столько уважения к модели и столько преклонения перед красотой, что в лице вдовы, закованном в волевою гримасу, тоже отгаивает замерзшее, человеческое, и она, поворачивая голову за летающими вокруг ее плеч, талии, бедер руками мужчины, вдруг чувствует себя вновь — не «ЧСКР» (членом семьи контрреволюционера), не женой врага народа, не потенциальной жалкой арестанткой, а Прекрасной Дамой. Еще один потрясающий актерский диалог: Иннокентий Смоктуновский — Елена Козелькова, безмолвный диалог рук и глаз, ищущих контакта и понимания. И не находящихся. Потому что это мираж жизни, танец теней, сон, морок. И дуновение Эроса, овеивающее этих людей, лишь напоминает о дыхании смерти. Я не в силах описать словами эту пантомиму любви на краю гибели, эту симфонию избыточности и бессмысленности чувств. Еле ощутимый поворот головы — ответ мгновенной благодарности в глазах — смесь улыбки и гримасы в уголке рта — отзвук полузабытой музыки — чуть заметное движение камеры — словно в вальсе — красноватый цвет фона — то ли цвет праздника, то ли цвет крови... В такие минуты кинематограф бывает гениален.

Замечательный фильм снял Леонид Горовец, и тот факт, что это — его первая яркая работа как кинорежиссера (сделанная, впрочем, по сценарию опытного Александра Борщаговского), говорит о том, что дух дышит — где хочет. Помимо трех выдающихся актерских работ, он дышит во всем старинге фильма (Светлана Смирнова, Татьяна Васильева, Нелли Климене, Елена Борзова), дышит и в полной достоинства операторской концепции Александра Яновского, передавшего красоту киевских дворов так просто и так прозрачно, что эта красота входит в симфонию катастрофы нотой пронзительной достоверности. Это очень красиво — когда в струящемся цветном воздухе вы видите фигуры людей, спокойно идущих на

пулеметы, и вы, любуясь их красотой, все время чувствуете, куда они идут.

Я хочу отметить все это для летописи киноискусства, а теперь вернусь к тому, о чем с жуткой прямоотой спрашивает нас этот фильм и что важнее всего.

Почему они так покорно, так послушно пошли на убой?

Этот вопрос звенел у меня в душе, когда в музее Яд Вашем на иерусалимских холмах я стоял перед фотографиями гетто. Когда мне рассказывали подробности о возвращении евреев из Европы в Палестину в первые послевоенные годы. И как палестинские евреи — сабры — отказывались давать им приют, им, иссохшим скелетам, выползшим из Освенцима, — потому что не могли им простить вот этого: что не погибли, что не сопротивлялись, что пошли... Потом-то уж смягчились: простили. Пожалели. Нашли общий язык, дали приют. Может быть, что-то и поняли.

Этот вопрос мучает меня неотступно, и, кажется, я начинаю понимать.

Почему не сопротивлялись?

Спротивлялись. Те, кто мог, кто имел силы носить оружие. Дрались против нацистов и в Красной Армии, и в европейском Сопротивлении, даже в безнадежности Варшавского гетто — дрались.

Так что вопрос в другом. Почему немощные старухи и малые дети не дрались с полицией на пороге газовых камер? Почему старики не рвали одежды перед пулеметами, а шли, застегнутые на все пуговицы, выпрямившись, в аккуратно надетых шляпах. О, и это можно понять. В фильме есть, напомним, эпизод в самом начале, нечто вроде эпитафии, когда один такой рванулся и побежал с криками. Так прежде чем пристрелить, ему спустили штаны. Убедиться, что обрезан.

Тебя ж не просто убьют — тебя сначала унизят, распатронят, расстегнут, над тобой походя надругаются. Так что есть последнее достоинство идущих на смерть — и д т и на смерть. А если ведут целый народ, по этому самому «признаку» отобранный, — так идти, как должен идти народ: всем вместе, с детьми, в хорошо сшитых костюмах, застегнувшись. Подняв головы.

И не дай Бог никакому народу такого испытания.

Такого еврейского счастья...

Ю. Ходорковский
(Киев)

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН УКРАИНЫ

В 1993 г. по заказу государственных органов охраны памятников архитектуры украинские специалисты приступают к работе по инвентаризации недвижимых памятников истории и культуры разных этноконфессиональных групп населения республики. Значительное внимание в этой работе предполагается уделить выявлению, фиксации и учету историко-архитектурного наследия еврейских общин Украины. Важным побудительным импульсом к исследованию указанной темы стали недавно принятые законодательные акты, в которых, во-первых, в качестве одного из критериев ценности объектов материальной культуры признается их этнографическое значение, а во-вторых, отмечается, что памятники истории и культуры национальных меньшинств на территории Украины охраняются законом¹.

Накопление фактологической базы, связанное с проведением инвентаризации памятников еврейской культуры, должно сопровождаться исследованиями историко-типологического характера, задающими общий контекст для рассмотрения всего массива конкретных данных и позволяющими вести многоаспектное сопоставление отдельных произведений, объединять их в типологические группы, фиксируя главные линии генезиса архитектурных форм. Постановке некоторых вопросов, вытекающих из этой задачи, и посвящена настоящая статья.

В существующих списках памятников архитектуры республиканского значения историко-культурное наследие еврейских общин Украины представлено преимущественно зданиями древнейших синагог. Следует отметить, что «объектный» подход к историческому наследию — существенный недостаток

¹ См.: Основы законодательства Украины о культуре; Закон Украины «О национальных меньшинствах на Украине».

существовавшей в республике системы охраны памятников. Представляется, что наряду с отдельными памятниками архитектуры должны быть учтены и сложные комплексные объекты историко-культурного наследия, среди которых в первую очередь необходимо рассмотреть комплексы исторической застройки городов и местечек. Каждый отдельный элемент такого комплекса, возможно, и не заслуживает статуса памятника архитектуры, но их совокупность (вся система связей застройки, планировки и ландшафта) вправе рассматриваться как специфический объект историко-архитектурного наследия.

Известно, что на рубеже XVI—XVII вв. Украина стала местом концентрации значительной части еврейского населения Европы. Еврейские общины сыграли заметную роль в формировании местечек — одной из наиболее распространенных на Правобережной Украине форм поселений (только на Волыни в начале XX в. насчитывалось 134 местечка). В процессе исторического развития многие из них превратились в города. Тем большего внимания заслуживают населенные пункты, сохранившие образные характеристики старинных местечек. Среди последних следует особо отметить Шаргород Винницкой области.

Возникновение Шаргорода связано с деятельностью известного польского политика канцлера Яна Замойского, которому поручил закрепиться на этом участке король Стефан Баторий. Костел Флориана Шарого, основателя рода Замойских, занял доминирующее место в центре местечка, расположившегося на высоком и узком холме, окруженном речками Мурашкой и Колбасной (при выборе территории для поселения, естественно, в первую очередь учитывались требования обороны). Ниже костела, вдоль дороги, ведущей к мосту через речку, Замойский, желавший превратить местечко в центр ремесленничества и торговли, разрешил селиться евреям. Учитывая высокую стоимость земли, они размещали свои дома узкой стороной к улице; здесь располагались помещения для торговли, мастерские, а жилые комнаты, постепенно пристраиваясь к ним, «вытягивали» здание далеко в глубину квартала. Между строениями оставались узкие (1—3 метра) проходы, в перспективе которых просматривался живописный пейзаж противоположного берега реки. Иногда соседние дома объединялись, образуя отдельные фрагменты плотной фронтальной застройки улиц. В направлении, перпендикулярном улице, длина здания иногда достигала 30 метров.

Своеобразие комплекса исторической застройки центра Шаргорода, сложившейся в конце XVIII—XIX вв., заключается в уникальном синтезе приемов планировки и застройки городского типа со средствами архитектурной выразительности, тесно связанными с сельской строительной традицией (использование дерева, штукатурки, черепицы и других местных материалов, применение таких традиционных архитектурных форм, как галереи, навесы над входными узлами и т. д.). Подобно образцам сельского жилища Подолии, элементы местечковой застройки удачно приспособлялись к сложному рельефу местности. Впрочем, специфичной для местечка чертой освоения территории являлось активное использование подземного пространства, обусловленное соображениями обороны, необходимостью эффективного хозяйствования на небольших участках земли.

Многими характеристиками напоминает шаргородскую историческая застройка местечка Черневцы Винницкой области. Среди наиболее типичных можно отметить следующие черты планировки: а) поселение формируется на мысообразном холме, окруженном рекой; б) центральные улицы проходят вдоль линии водораздела, соединяя мосты через речку с акцентированным зданием костела — центром местечка; в) застройка еврейской общины располагается ниже центра, охватывая как главные улицы, так и склоны холма вплоть до реки. Застройка Черневцов отличается высокой плотностью, органичной связью одно-двухэтажных зданий с живописной трассировкой улиц, сложным рельефом местности. В то же время некоторые региональные характеристики Черневцов не похожи на Шаргород. Более южное расположение местечка обусловило, в частности, широкое использование местного камня в качестве стенового материала, средства замощения улиц, устройства подпорных стен. Интересно, что в двухэтажных домах просматриваются черты жилища, переходного от местечкового к городскому типу. Еще более заметен процесс эволюции архитектурных характеристик застройки в местечках, постепенно превратившихся в города.

Например, одноэтажные здания района Ерусалимка в Виннице своей композицией и особенностями расположения вдоль улиц напоминают образцы местечковой застройки. Иначе выглядят двухэтажные дома, особую выразительность которым придает решение первого этажа, насыщенного большим количеством разных по архитектурной трактовке входов в маленькие

мастерские и лавки. Сохранившаяся застройка района Ерусалимка сложилась на рубеже XIX—XX вв., когда в архитектуре этого региона распространился «кирпичный стиль». Использование кирпича, естественно, придало новые черты архитектуре районов компактного проживания еврейского населения.

Если еврейская община Винницы к концу XIX в. превышала треть населения города, то в Бердичеве к этому времени она составляла 80% горожан. В 1907 г. здесь было зарегистрировано 6 синагог и 72 молитвенных дома². Так же, как и в Виннице, в Бердичеве в эти годы доминировал «кирпичный стиль» — рационалистическое течение архитектуры конца XIX — начала XX в. Однако в этом городе он оставил более совершенные образцы декоративного оформления фасадов зданий. В архитектуре отдельных домов Бердичева кирпичный декор удачно дополняют ажурные металлические навесы над входами.

Статус местечка это небольшое владение семьи Тышкевичей получило в 1630 г., а 1720 г. датируются первые документальные сведения о еврейском населении Бердичева. Занималось оно различными ремеслами (обработка дерева, металла, кож, изготовление обуви и одежды). Активно включились евреи в коммерческую деятельность, связанную с ярмарками, разрешение на проведение которых получил у короля Станислава Августа новый владелец местечка — магнат Радзивилл. Кварталы, где поселились евреи, размещались на север от могучей крепости кармелитов — главной архитектурной доминанты Бердичева. Их отличала высокая плотность застройки, густая сеть улиц и проездов. Интенсивность заселения района заставляла изыскивать дополнительные возможности для размещения вспомогательных помещений. Так началось использование подземного пространства, которое постепенно охватило значительную территорию плато, возвышающегося над поймой р. Гнилопять. Исследуя подземные сооружения в 60-е гг. XIX в., представители городских властей обнаружили их в районе Соборной площади, Кармелитской, Махновской и Белопольской улиц. Стены и своды галерей сооружались из кирпича, их высота достигала четырех аршин. Заканчивались подземные галереи большими помещениями, напоминавшими своей планировкой еврейский заезжий двор³.

² См.: Еврейская энциклопедия. СПб., 1909. Т. IV. С. 248.

³ Более детальные сведения об историко-архитектурном наследии города см. в ст.: Ходорковський Ю. І. Бердичів. Пам'ятки єврейської культури в Історичному середовищі // Архітектура України. 1991. № 5. С. 26—30.

Если Бердичев расположен на границе Волыни и Подолии, то Подгайцы Тернопольской области занимают аналогичное положение между двумя другими регионами Украины — Галицией и Подолией. Естественно, что историческая застройка города обладает своими региональными характеристиками: По свидетельству местных краеведов, вся центральная часть Подгайцев, включая главную площадь, сформирована домами зажиточных евреев. По аналогии с застройкой местечек, здания размещены узкой стороной к улицам или к площади. В архитектуре двухэтажных построек преобладают мотивы классицизма (пластично выделенные на фоне стен прямоугольники окон, карнизы, междуэтажные пояса и т. д.). Ось симметрии каждого фасада подчеркивает вход, акцентированный находящимся над ним балконом, решетка которого едва ли не единственный элемент декора. По обе стороны входных дверей расположены входы в лавки или мастерские. Еще одна черта, напоминающая местечковый морфотип застройки, — узкие (около трех метров) интервалы между домами.

Большой район компактного проживания еврейского населения находится в Черновцах — административном и культурном центре Северной Буковины. Характеризуя морфотипы застройки еврейских кварталов города, следует отметить, во-первых, преобладание одно-двухэтажной застройки. Во-вторых, встречается два варианта размещения зданий относительно улиц: а) объем постройки развивается в глубину участка (отдельные фасады, кроме дверей, имеют лишь два окна); б) объем здания вытянут вдоль улицы. Первый из этих двух вариантов, безусловно, унаследовал черты местечковой застройки. Фрагменты исторической среды этого типа отличаются особой живописностью (ул. А. Барбюса). Второй вариант больше отвечает представлениям о застройке городского типа, хотя и в этом случае значительный процент составляют одноэтажные дома. Этот морфотип преобладает в застройке ул. Сагайдачного (бывшая Еврейская улица). Сравнивая его с первым вариантом, подчеркнем еще одну особенность — композиционную артикуляцию узлов перехода с улицы во двор. Очутившись в таком дворике, легко представить себе плотность освоения территории в еврейских кварталах города.

Бывшая Еврейская улица Черновцов повторяет своей конфигурацией рисунок горизонталей рельефа; улицы, перпендикулярные к ней, с одной стороны, стремительно спускаются по склону, а с другой — поднимаются вверх. В этой связи нельзя

не обратить внимание на мастерство, с которым застройка адаптирована к сложным топографическим условиям. В сравнении с архитектурным обликом зданий в Подгайцах фасады домов тут более пластичны, насыщены декоративными элементами. Рядом с мотивами классицизма в Черновцах активно использовались детали внешнего оформления зданий, характерные для неоренессанса и необарокко.

Разумеется, там, где комплексы исторической застройки утратили морфологическую и композиционную целостность, уместно переходить к учету и охране отдельных зданий. Такой подход можно предложить, например, для Кременца Тернопольской области. Здесь сохранились единичные образцы застройки местечкового типа, дающие представление о жилище еврейского населения города (впервые кременецкие евреи упоминаются в грамоте великого князя литовского Свидригайла, датированной 1438 г.⁴). В отличие от четырехскатных крыш, применявшихся в Шаргороде, здания в Кременце имеют двускатные крыши и располагаются к улице соответственно треугольным фронтоном. Находящееся за ним мансардное помещение в некоторых случаях выходит на главный фасад балконом, опирающимся на столбы. Большое внимание уделялось оформлению ограждения балкона с использованием резных досок.

* * *

Продолжая рассмотрение крупных комплексных объектов исторического наследия, остановимся еще на одной типологической группе памятников еврейской культуры, которую образуют исторические кладбища. Охарактеризуем в первую очередь кладбища, тесно связанные с застройкой городов и местечек и имеющие, следовательно, особое градостроительное значение.

Еврейское кладбище Подгайцев находится в черте города, недалеко от его центра, на возвышенности, с которой раскрывается живописный пейзаж примыкающих к поселению природных ландшафтов. На этом фоне особенно эффектно выглядят длинные ряды надгробных плит (мацевей), древнейшие из которых датируются XVII в. От более поздних образцов они отличаются толщиной каменных плит, особой монументальностью, архаикой украшающей их резьбы. Завершение этих мацевей преимущественно треугольное, а углубленная плоскость с

⁴ См.: Еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. IX. С. 831.

выпуклыми буквами надписей выделена вырезом закругленной формы. В более поздних плитах аналогичной формы треугольник завершения заполнен растительным орнаментом; орнамент более мелкого рисунка покрывает другие плоскости, свободные от надписей. Стилизованные изображения животных (преимущественно львов) встречаются на надгробиях XVIII в. Буквы надписей уже заглублены в толщину плиты, а ее общая форма постепенно (существуют промежуточные варианты) приближается к закругленной. Стремясь обогатить композицию плиты сопоставлением закругленных и прямоугольных линий, еврейские мастера в этих случаях выделяли плоскость с надписями рамкой усложненной прямоугольной формы.

Иногда венчание надгробия усложнялось комбинацией закругленных и прямоугольных форм. Этот весьма распространенный в искусстве барокко мотив подчеркивался соответствующим обрамлением, в углах которого появлялись розетки полукруглой формы. Середину обрамленной таким образом и углубленной плоскости украшали менора и симметрично расположенные около нее птицы, розетки, другие изображения.

Заметную градостроительную роль играет и еврейское кладбище Шаргорода. Хотя склон холма, на котором размещено захоронение, находится на периферии города, он визуально связан с историческим центром поселения. С территории кладбища раскрывается широкая панорама застройки и окружающего ее ландшафта. Если кладбище в Подгайцах отличается большим разнообразием форм надгробий, то в Шаргороде преобладают мацейвы закругленной формы, датирующиеся XVIII—XIX вв. Небольшие по размеру и сравнительно тонкие каменные плиты интересны вариантами разработки композиции в границах, определенных этой формой. В одном из образцов видим, например, подход, связанный с отказом от противопоставления верхней и нижней частей композиции. Ее целостность обеспечивается тонко профилированной полосой обрамления, состоящей из трех элементов: боковых вертикальных частей, заворачивающихся в середину плиты, и верхней закругленной части. Резьба текстовой и орнаментальной составляющих мацейвы образует единое целое, чему способствует одинаковой высоты рельеф букв и светильника — главного сюжетного элемента композиции.

Другой памятник совсем лишен рамки. В его верхней закругленной части помещен исключительной художественной ценности рельеф с изображением львов, в котором проработа-

ны мельчайшие детали. Уникальна и нижняя часть надгробия: расположенные горизонтально пластичные полосы между строками надписей неожиданно изгибаются дугой, повторяя абрис плиты. В эту дугу соответственно вкомпонованы буквы текста. Фантазия мастера позволила создать весьма своеобразное произведение искусства в рамках освященного религией канона.

При сравнении плит одинаковой формы особенно заметны отличия разных местных школ художественной резьбы. Например, прямоугольные мацейвы на бердичевском кладбище невысокие и толстые. В их тектонике важную роль играет прямоугольное обрамление, четко разделяющее нижнюю часть с надписями и орнаментированное преимущественно растительными мотивами завершение. На кладбище района Садгора в Черновцах прямоугольные надгробия высокие, стройных пропорций. Отличает их также второстепенная композиционная роль обрамлений. Растительные мотивы встречаются и здесь, однако они откровенно подчинены изображениям диковинных животных и птиц. Ярким региональным своеобразием отличаются памятники кременецкого кладбища. Они невелики (как в Бердичеве), а рамка включает в себя верхнюю, украшенную неглубокой резьбой часть плиты. Вместо трех элементов композиции (низ, верх и обрамление) в этом варианте надгробия остаются два: обрамление и заглубленная нижняя часть с надписями.

Захоронения последней четверти XIX — начала XX в. находятся, как правило, в удаленных от исторических центров районах городской территории. Характерный пример — кладбище в Тернополе, надгробные памятники которого можно рассматривать в качестве образцов профессиональной интерпретации традиционных приемов композиции мацейв. Общими для большинства произведений чертами являются здесь прямоугольная форма и стройные пропорции плит, а также характерный пластический мотив завершения, образованный дугой, концы которой закручиваются в форме волют. От них в обе стороны расходятся еще две дуги, резко остановленные краями плиты. В большинстве памятников этот декоративный мотив лишь обозначен на прямоугольной поверхности плиты. Встречаются, однако, примеры его последовательной пластической разработки, в результате которой мацейва получает сложное силуэтное завершение. Остановив внимание на одном из наиболее совершенных образцов воплощения этой пластической темы, отметим четкое ордерное строение компо-

зиции. Сложное резное венчание надгробия воспринимается в этом случае как аттик, отделенный от остальной части памятника профилированным карнизом и поддерживаемый капителями колонн, которые обрамляют поле плиты, предназначенное для надписей. В центре аттика видим тонко вырезанную корону, сложность формы которой оттеняется прямоугольными столбиками, несущими волюты завершающей обрамление аттика дуги.

В еще одном примере упрощенной формы дуга обрамления служит фоном для надписи, а вместо короны под ней находится изображение надломленного бурей дерева. Рисунок этот ярко свидетельствует о знакомстве автора с искусством Сецессиона. Среди сюжетов резных изображений, размещенных в центре формы, образованной описанным выше обрамлением, встречаются светильники разного рисунка и пропорций, звезды Давида, другие мотивы. В тех случаях когда мастер стремился подчеркнуть целостность композиции плиты, он выбирал для обрамления ее текстовой части прямоугольную, но увенчанную полукругом рамку, повторяя таким образом характер завершения памятника.

Не уступают тернопольским образцам уровнем исполнительского мастерства и надгробия аналогичного периода, находящиеся на еврейском кладбище Черновцов. В этом обширном захоронении можно увидеть памятники самых разнообразных форм. Есть тут, в частности, надгробия, где прослеживается влияние украинского народного искусства. Один из таких образцов отличается явным доминированием верхней (орнаментированной) части плиты в общем пропорциональном строе памятника. Она в свою очередь состоит из двух элементов: вверху размещается асимметричная композиция из ветвей, окружающих птицу, а под ней находится орнаментальный сюжет, изображающий вазоны с цветами по краям композиции и геометрически-растительный орнамент в ее середине. Разделяются эти две декоративные части плиты профилированным поясом, средняя часть которого изгибается полукругом. Такой же формы рамка охватывает текстовую часть надгробия. Отметим попутно, что немало примеров еврейско-украинских художественных взаимосвязей можно встретить на сельских еврейских кладбищах Буковины.

Отдельного разговора заслуживают надгробные памятники зажиточных семей черновицких евреев, выполненные в форме павильонов. Это уже настоящие архитектурные сооружения,

формы которых напоминают синагогу в Ужгороде, караимскую кенассу в Киеве и другие образцы распространенного на рубеже XIX—XX вв. мавританского стиля. Особенно эффектно выглядит один из таких увенчанных куполом ажурных павильонов, установленный на высоком стилобате. Нарушают традиционные представления о композиции надгробий и монументальные скульптурно обработанные обелиски, напоминающие своей тектоникой башни. Лишь яйцеобразные завершения этих многоярусных, украшенных резьбой по камню памятников позволяют идентифицировать их с произведениями скульптуры. Композиционные аналогии между произведениями архитектуры и монументально-декоративного искусства, кстати, просматриваются и при анализе старинных памятников еврейской культуры. Углубление в закономерности композиционного строения надгробий помогает, в частности, выявить принципы достижения художественной выразительности архитектуры синагог. Речь идет об эффекте контрастного сопоставления крупных геометрических форм и мелкой пластики декоративных элементов, сочетания прямоугольных и округленных линий.

* * *

Переходя к разговору об отдельных объектах историко-архитектурного наследия еврейских общин Украины, заслуживающих статуса недвижимых памятников истории и культуры, целесообразно обратиться к функциональному признаку классификации материала. С точки зрения функциональной типологии необходимо упомянуть столь характерный элемент застройки местечек, как заезды (заезжие дворы). Они концентрировали в себе целый ряд функций: гостиница, лавка, корчма, жилье, укрытие для экипажей. Планировочная структура заездов решалась разнообразно. В заезде, сохранившемся в Кременце, помещения для лошадей и экипажей размещаются в дворовой части постройки. Для заезда, находящегося в с. Мурафа Шаргородского района Винницкой области, характерна симметричная планировочно-пространственная структура: всю среднюю часть длинного сооружения занимает проезд для экипажей (отсюда приезжие попадали в отведенные для них комнаты). Соответственно и ворота заезда фиксируют ось симметрии главного фасада здания. Учитывая небольшое количество уцелевших сооружений этого типа, все они должны быть обследованы и взяты на учет в качестве памятников архитектуры.

Этот же вывод можно сделать и в отношении еврейских школ — еще одного функционального типа зданий, которые изредка встречаются в городах Украины. Размещение вблизи синагоги следует считать типичным планировочным приемом. Именно так расположены хедеры в Подгайцах и Чорткове Тернопольской области. Из других функциональных типов памятников еврейской культуры отметим Народный дом, построенный в 1908 г. (к конгрессу сионистов) на Театральной площади в Черновцах. Здание является высокопрофессиональным образцом распространенного в эти годы на территории Австро-Венгрии неоренессанса. Невдалеке находится не менее монументальная постройка бывшего еврейского театра — еще один функциональный тип зданий, свидетельствующий о важной роли еврейской общины Черновцов в жизни города на рубеже XIX—XX вв.

Впрочем, наибольший интерес с точки зрения историко-архитектурной ценности, возможностей изучения генезиса архитектурных форм представляют, конечно, здания синагог. Характеристику наиболее типичного варианта пространственно-планировочной организации зданий старинных каменных синагог находим в словаре архитектурно-реставрационных терминов: «Синагога (божница) — иудаистский молитвенный дом. Функциональная специфика определяет ее не только как молитвенный дом, но и как место дискуссий и судебных заседаний. Наиболее характерна для композиции синагог центричность с амвоном (бимой) и ковчегом завета у восточной стены. Амвон, окруженный четырьмя столбами, является одновременно конструктивной частью постройки: на столбы опираются перекрывающие синагогу цилиндрические или крестовые своды, образующие девятипольную систему покрытия. К центральному объему с залом с трех или четырех сторон примыкали более низкие помещения (для женщин)»⁵.

Авторы приведенного определения не указали на еще одну функцию, которую выполняли древнейшие каменные синагоги. Имеется в виду оборонительное назначение этих сооружений. Примечательно, что к нуждам обороны приспособлялись на протяжении XV—XVI вв. и христианские храмы, например Богоявленская церковь Острожского замка или Успенская церковь Святогорского монастыря в с. Зимно на Волыни. В этом же регионе Украины сохранился интересный образец синагоги и оборонительного типа — так называемый «Малый замок» в

⁵ Словарь архитектурно-реставрационных терминов. Киев, 1990. С. 128.

Луцке. Местоположение синагоги на берегу р. Стырь, на окраине старого города, а также оборонительная башня, пристроенная к основному объему сооружения, свидетельствуют о том, что оно было составной частью оборонительной системы и, вероятно, служило для защиты западного района города.

Синагога в Луцке представляет собой монолитный кубический объем, фасады которого прорезаны большими окнами. Она состоит из прямоугольного в плане зала (16,2 × 14,7 м), к которому с юго-запада примыкает асимметрично расположенная оборонительная башня, а с юга и запада — две пристройки (зал для женщин и школа). Датируется сооружение концом XV — первой четвертью XVI в.⁶ Оригинально решена здесь задача устройства большепролетного перекрытия главного зала. Размещенную в центре зала биму окружают четыре восьмигранных столба, объединенных полуциркульными арками. Монолитная кладка над ними служит массивной опорой перекрытия рациональной конструкции из четырех арок и такого же количества одинаковых крестовых сводов. Зал для женщин и первый ярус оборонительной башни перекрыты цилиндрическими сводами и распалубками. Характерная для того времени конструкция складчатой крыши логично связана с глухим ренессансным аттиком синагоги, ритмично прорезанным бойницами. Основной элемент внешнего декоративного оформления пристройки — глухая аркатура из килевидных ниш, венчающая стены основного объема и башню, — повторяется и в интерьере зала. Его стены по периметру украшает аркатурный фриз таких же форм, но менее крупных членений. Важным элементом декора интерьера синагоги был лепной полихромный карниз, который дополняли розетки в виде звезд Давида. Особенно богато была украшена бима — лепным растительным орнаментом и кистями винограда.

Несмотря на отсутствие оборонительной башни, синагога в Шаргороде, построенная в 1589 г., также выполняла функции оборонительного сооружения. Большой квадратный зал здания (15 × 15 м) разделен четырьмя опорными столбами на девять компартиментов, перекрытых сомкнутыми сводами. На столбах сохранились фрагменты декоративной лепки конца XVIII — начала XIX в. Стены фасадов завершены профилированным карнизом и увенчаны по периметру фигурным аттиком с башенками по углам. В толщине стены устроена лестница, ведущая на крышу. К основному объему синагоги пристрое-

⁶ См. Яевцкий О. И. Луцкая старина. Киев, 1913. С. 8

ны прямоугольные помещения для женщин и школы для мальчиков.

Прослеживая дальнейшее развитие типа синагог с описанной выше пространственно-планировочной структурой, остановимся на острожском памятнике. Синагога в Остроге построена во второй половине XVI в., когда город принадлежал князю К. Острожскому. Это крупная, квадратная в плане (29 × 30 м) массивная постройка. Четыре высоких восьмигранных столба, увенчанных резными белокаменными капителями с полихромной росписью, делят парадный зал на девять равновеликих частей. Каждая из них перекрыта парусным сводом, опирающимся на стены и систему полуциркульных подпружных арок. Восточный и южный фасады синагоги прорезаны тремя большими окнами с полуциркульными перемышками; к двум другим фасадам примыкают двухэтажные помещения, перекрытые цилиндрическими сводами с распалубками над окнами. В одном из них — северном — находился зал для женщин, раскрывавшийся в центральный зал девятью небольшими окнами.

В результате реконструкции XVII—XVIII вв. к ренессансным формам добавились барочные элементы. Над аттиком главного фасада появился растянутый невысокий фронтон, украшенный пилястрами, карнизом, волютообразными деталями. Черты архитектуры барокко изменили и первоначальный облик синагоги в Жолкве Львовской области.

Дальнейший путь эволюции образных характеристик синагог с традиционной планировочной структурой представляет синагога в г. Дубно Ровенской области. Центр композиции здания, сооруженного в конце XVII—начале XVIII в., формирует квадратное в плане (19 × 19 м) кубообразное помещение просторного зала. И в этом случае четыре могучих столба разделяют его на девять одинаковых квадратных в плане элементов, перекрытых парусным сводом, опирающимся на стены и систему полуциркульных арок. На каждой из стен зала столбам соответствуют трехгранные пилястры. Центральный объем освещается двенадцатью большими окнами с лучковыми перемышками (по три на каждом фасаде); они размещены в верхней части стен над односкатными крышами пристроек. От охарактеризованных выше памятников синагога в Дубно отличается выразительной пирамидальной композицией объемов, обусловленной тем, что основной объем с трех сторон (кроме восточной) окружают невысокие двухэтажные пристройки. Тема скатных крыш, венчающих все составляющие объемной

композиции, подчеркивает ее пирамидальность. Новые черты появились и в пластике фасадов: каждый из них расчленен рустованными лопатками и увенчан развитым карнизом.

Аналогичная линия развития архитектурных форм прослеживается и в синагогах, планировочно-пространственная структура которых основывается на свободном от опор помещении главного зала. К этому типу памятника относятся синагоги XVI—XVII вв. в Гусятине (Тернопольская обл.) и в Сатанове (Хмельницкая обл.). Интерьеры этих зданий впечатляют эффектом, возникающим при переходе из вспомогательных помещений в чистое, свободное от конструкций кубообразное пространство главного зала. Анализируя внешний облик синагоги в Гусятине — одного из наиболее совершенных образцов влияния ренессанса на архитектуру сооружений такого типа, — хотелось бы отметить закономерность формообразования, выделенную при рассмотрении композиции надгробий. Речь идет о выразительном приеме сочетания простых геометрических форм с изящно прорисованными деталями, сопоставления прямоугольных и округленных элементов.

Если древнейшие синагоги завершались глухим аттиком, на уровне которого концентрировался утонченный пластический декор (аркатурные пояса с акантовым венчанием и декоративными башенками), то в более поздних примерах все более активную роль играли формы скатных крыш, придававших композиции пирамидальный характер. Указанная закономерность иллюстрируется примером синагоги в Бережанах Тернопольской области (XVIII в.). Ее свободное от опор пространство главного зала эффектно раскрывается (сквозь арочные проемы) в низкие помещения, окружающие центральный элемент композиции с трех сторон. Скатные крыши, венчающие все объемы сооружения, выявляют пирамидальность как основной принцип построения архитектурной формы. Синагога в Бережанах интересна, кроме того, устройством перекрытия: к деревянным балкам подвешен декоративный потолок, имитирующий сводчатые формы. В этом приеме можно увидеть стремление к переносу традиционной формы в условия, связанные с использованием дерева в качестве материала для конструкций перекрытия.

Затрагивая эту тему, коротко остановимся на архитектуре деревянных синагог — удивительных памятников еврейской культуры, ни один из которых не сохранился на территории Украины. Известный американский ученый Тит Геврик небез-

зосновательно считает, что образцами для развития этого типа сооружений являлись описанные выше примеры каменного зодчества⁷. Исследователь приводит интересные сведения о мастерах, украшавших деревянные синагоги росписями, характеризует их сюжеты. Так, популярными декоративными мотивами были надписи, изображения музыкальных инструментов, знаков зодиака, легендарных зверей, растений. Плафон синагоги в Михальполе (недалеко от Летичева, Подолия, XVIII в.) был украшен, например, изображениями Иерусалима, животными, орнаментом из виноградной лозы. Росписи высокой художественной ценности были выполнены в синагогах Ходорова, Фельштина, Яблонова, других городов и местечек Волыни, Галиции и Подолии.

Резко изменились композиционные и пространственно-планировочные характеристики в синагогах конца XVIII — первой половины XIX в. Здания утрачивают черты центрического типа планировки. План синагоги приобретает форму прямоугольника, а треугольный фронтон главного фасада подчеркивает конфигурацию двускатных крыш. Если в старинных памятниках низкие второстепенные помещения выглядят в сравнении с главным объемом как пристройки, то в синагогах указанного периода все помещения объединяются в целостную компактную форму. Характерными примерами могут служить синагоги в Бердичеве и Могилеве-Подольском Винницкой области. С точки зрения стилевых влияний в архитектуре этих построек преобладают мотивы классицизма.

Влияние классицизма заметно и в композиции главного фасада винницкой синагоги, построенной на главной улице города во второй половине XIX в. Синагога эта любопытна также не встречавшейся ранее постановкой здания на участке. В отличие от старинных образцов, выделявшихся в окружающей застройке, синагоги конца XIX — начала XX в., как правило, участвовали в формировании плотного фронта застройки улиц. Основное внимание в этих условиях, естественно, уделялось главному фасаду здания, выполнявшему роль местного композиционного акцента. В его формах воплощались разные стилевые предпочтения, например, неоренессанс с мотивами мавританской архитектуры (синагоги в Черновцах по ул. Н. Садовского и А. Барбюса) или неоготика (синагога в Виннице по ул. Краснокрестовской). Лишь в некоторых случаях (новая синагога Чорткова) за зданием сохранялась свободная

⁷ См.: *Геврик Т.* Синагоги // Пам'ятки України. 1989. № 3, 4.

постановка на участке и доминирующая композиционная роль в ансамбле. Примечательно, что в наиболее поздних произведениях прослеживается уменьшение роли скатной крыши. Как и в древнейших примерах, в формировании архитектурной выразительности постройки преимущественно участвуют вертикальные стеновые поверхности (их членения, пластика, пропорциональный строй, декор, форма оконных проемов).

В завершение еще раз укажем на то, что лишь древнейшие синагоги включены сегодня в списки памятников архитектуры Украины. Статуса памятников истории и культуры, безусловно, заслуживают и более поздние произведения, вплоть до построек начала XX в. Естественно, они нуждаются в тщательном обследовании, а многие сооружения — в срочном ремонте и реставрации.

1

2

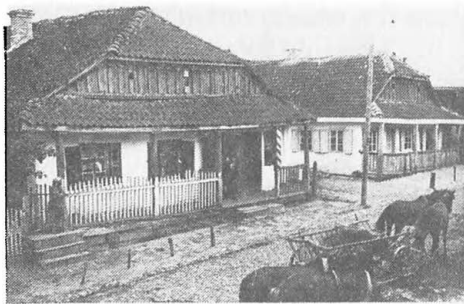

3

4

- 1, 2. Шаргород Винницкой обл. Фрагменты исторической застройки.
3, 4. Черновцы Винницкой обл. Образцы застройки местечка.

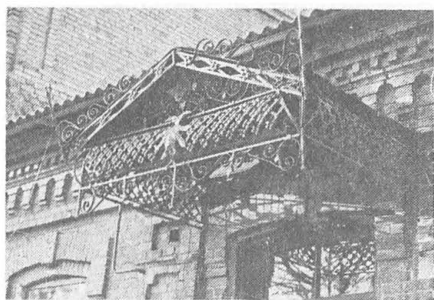
5

6

7

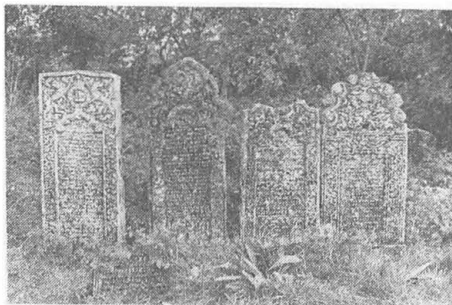

9

1

5. Берестечко Волынской обл. Характерная застройка.
6. Бердичев Житомирской обл. Вид центральной части города. Старый рисунок.
7. Бердичев. Типичный образец местечковой застройки.
8. Бердичев. Элемент декора жилого здания.
9. Кременец Тернопольской обл. Характерный пример застройки.
10. Гусятин Тернопольской обл. Особняк зажиточного еврея.

12

11

13

14

15

16

- 11, 12. Подгайцы Тернопольской обл. Еврейское кладбище.
 13. Образец надгробия на еврейском кладбище Меджибожа Хмельницкой обл.
 14. Фрагмент еврейского кладбища Шаргорода.
 15. Хуст Закарпатской обл. Фрагмент еврейского кладбища.
 16. Образец надгробия на бердичевском кладбище.

17

18

19

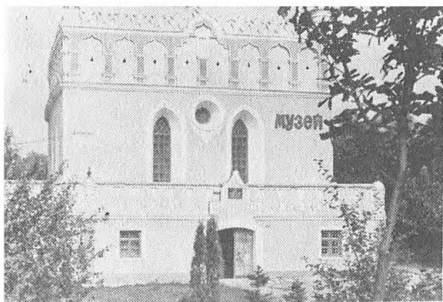

20

21

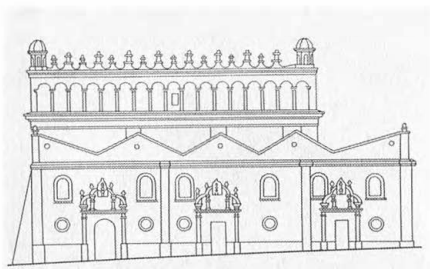
17, 18. Примеры надгробий начала XX в. на кладбище Тернополя.
 19, 20. Коломыя Ивано-Франковской обл. Образцы мацевей начала XX в.
 21. Надгробный памятник на еврейском кладбище в Черновцах.

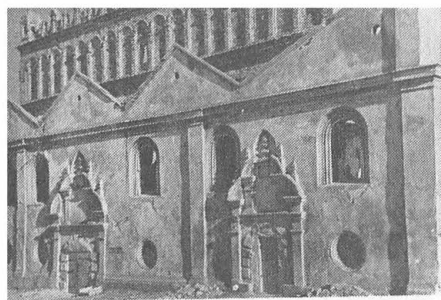
22

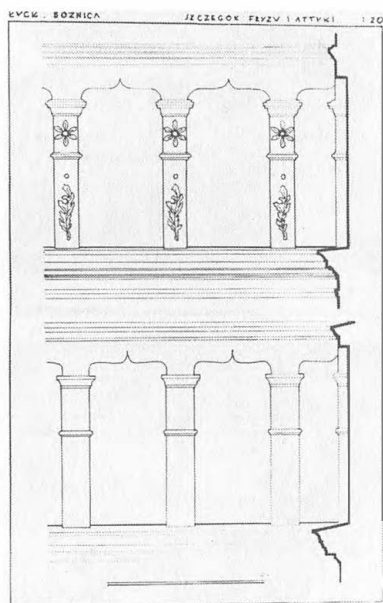
25

23

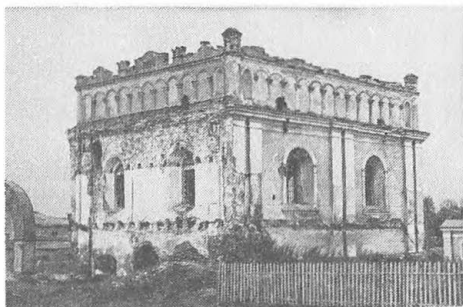

24

26

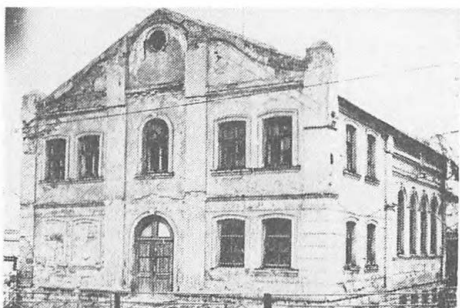
22. Синагога в Гусятине (конец XVI — нач. XVII в.). Общий вид.
 23, 24. Синагога в Жолкове Львовской обл. (1687 г.). Фасад и фрагмент.
 25. Изяслав Хмельницкой обл. Синагога XVI в.
 26. Элементы декора синагоги в Луцке (XV—XVI вв.).

27

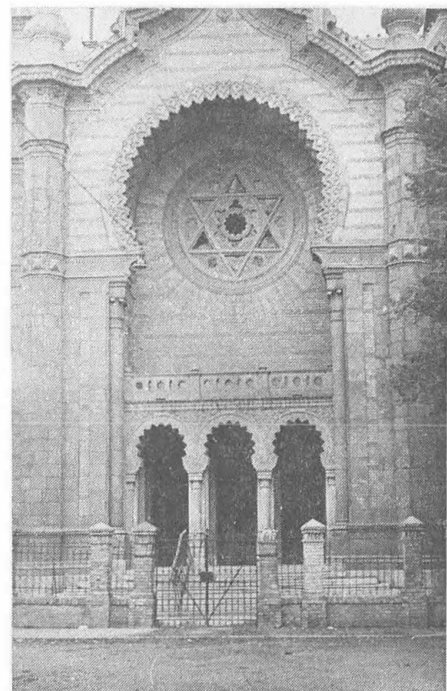
3

28

29

3

27. Синагога в г. Сокаль Львовской обл. (XVII в.).

28. Синагога в Могилеве-Подольском Винницкой обл. Середина XIX в.

29. Синагога в г. Кролевец Сумской обл. Середина XIX в.

30, 31. Синагога в Ужгороде (1900 г.). Общий вид и фрагмент входа. .

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ**

Г. Аграновский
(Вильнюс)

НАФТАЛИ БЕРЛИН И ВОЛОЖИНСКАЯ ИЕШИВА

В первой половине XIX столетия ученики и последователи Виленского Гаона создали поблизости от Вильнюса ряд иешив (в старой транскрипции — ешиботов), приобретших мировую славу. Наиболее знаменитой из них считалась иешива в Воложине — небольшом городке на западной окраине Виленской губернии (теперь Минская область Беларуси). Основал эту иешиву в 1803 году наиболее известный из учеников Гаона Хаим Воложинер (1749—1821). В 1857 году (по другим данным — в 1854) иешиву возглавил раввин Нафтали Цви Иехуда Берлин (1817—1893) — один из ведущих еврейских религиозных авторитетов XIX столетия. Избрание Берлина (в рассматриваемых документах он назван Гирш Берлин) главой иешивы было использовано царскими властями в качестве формального предлога для закрытия иешивы, так как, по утверждению чиновников, его кандидатура не была согласована с Министерством просвещения. Из документов, сохранившихся в Историческом архиве Литовского государства (ИАЛГ), становится ясной и действительная причина попытки ликвидации иешивы. Дело в том, что в 1847 году в Вильнюсе и Житомире начали действовать казенные раввинские училища, готовившие наряду с учителями и казенных раввинов. Царские власти, естественно, видели в иешивах конкуренцию раввинским училищам. Об этом, в частности, сообщал в 1858 году попечитель Виленского учебного округа своему начальнику — Министру народного просвещения: «...потому что... ешиботы не принимают к себе людей молодых и просвещенных, а еще наоборот, вселяют в народе к ним недоверие, так что ни одно общество не избирает себе раввина из окончивших курс в Раввинском училище, следовало бы закрыть все ешиботы...»¹. И далее: «Можно с достоверностью сказать, что доколе еврейский народ будет получать раввинов из ешиботов, дотоле новые образованные раввины, выпускаемые из раввинских училищ, не будут избираемы обществами...» По мнению этого же чиновника, популярность Воложинского ешибота среди евреев объясняется следующим: «Усиленные старания еврейских обществ западных губерний в сохранении сего заведения я приписываю большей частью тому обстоятельству, что оно находится в еврейском местечке, в стороне от почтовой дороги, вдали от непосред-

ственного надзора как учебного начальства, так и земской полиции, и в центре Виленской, Гродненской и Минской губерний, еврейскими обществами которых этот ешибот и содержался»².

Архивное «дело о закрытии Воложинского ешибота» охватывает период в 6 лет — с 1858 по 1864 год. Последний лист «дела» содержит всего две фразы: «1864 года, января 29 дня, нижеподписавшийся, даю сию подписку г. приставу 4 стана Ошмянского уезда о том, что указ Виленского губернского правления за №... мне вполне к исполнению объявлен — (подпись на иврите) — значит Гирш Янкелевич Берлин. Подпись Берлина собственноручно заверяю, Ошмянского уезда пристав 4 стана (подпись)»³.

Материалы, относящиеся к истории Воложинской иешивы и к судьбе ее руководителя Нафтали Берлина, отложились еще в одном деле, сохранившемся в ИАЛГ.

В 1879 году полиция перехватила письмо, как будто бы от Нафтали Берлина, в котором шла речь о поддельных ассигнациях. Следствие поручили начальнику жандармского управления Ошмянского и Вилейского уездов подполковнику Англаресу. Он оказался человеком объективным и вскоре пришел к выводу, что «письмо Берлина» является поддельным. Особый интерес представляют сведения о Воложинской иешиве, содержащиеся в рапорте Англареса: «... из дела и из собранных негласным путем некоторых данных видно, что в местечке Воложине находится академия для воспитания евреев под названием Ешибот, о существовании которой считаю нужным довести до сведения... Более 100 лет в местечке Воложин Ошмянского уезда было основано раввином Хаимом Иц-Хайкеном (Хаим Воложинер.— Г. А.) заведение, именовавшееся Ешибот, в коем обучение молодежи состояло в изучении правил Талмуда, и затем буквально никаких других наук не производилось. Цель этого заведения состояла единственно в приготовлении воспитанников на звание раввинов, что достигалось большим трудом, и весьма немногие устаивались из воспитанников этого звания; первоначально Ешибот не имел особой важности и значения между евреями, но впоследствии, когда сделался раввином Лейзер Ицко Фрида (Ицхак Воложинер? — Г. А.), который своим умом и знанием Талмуда приобрел известнейшую славу и до того сумел себя возвысить в глазах всех евреев, даже самых ученых раввинов, что его считали человеком сверхъестественным, и вот с тех пор заведение Ешибот сделалось известным и даже местечко Воложин считается между евреями священным местом... После смерти Фриды, 26 лет назад, сделался раввином Нафтали Иуда Берлин, который со вступления на эту должность успел заслужить почти ту же славу, как и предместник; своими сочинениями, знаниями и толкованием правил Талмуда приобрел известность между евреями, не только в пределах России, но и за границей он пользуется полнейшим уважением и почетом, к нему относятся с каким-то благоговением, имеет гро-

маднейшее влияние не только в религиозном отношении, но и вообще в обыденной семейной жизни, даже и в торговом отношении; во всех каких бы то ни было делах, спорах и недоразумениях обращаются к нему и его решениями остаются довольны. Первоначально существование Ешибота было известным, но лет 25 тому назад заведение это правительством было закрыто, и с тех пор, хотя евреи называли оное школой или молельней, но в действительности остался тот же Ешибот, и в нем по настоящее время съезжаются воспитанники не только из самых отдаленных уголков России, но даже из Иерусалима, Америки, Лондона. Раввин Нафтали Иуда Берлин ведет громадную переписку с различными лицами и раввинами упомянутых мест, откуда он получает на содержание Ешибота до 15000 серебром в год, из коих часть расходует на воспитанников, которых бывает ежегодно от 250 до 300 человек, часть употребляет в свою пользу; весьма многие из воспитанников живут без всяких видов и скрываются от воинской повинности. Здание, где помещается Ешибот,— большое, каменное, 2-этажное, с множеством комнат и подвалов»⁴.

В краткой форме этот рапорт повторен в донесении начальника жандармского управления Виленской губернии Виленскому генерал-губернатору, но кое-где чиновник высказывал и свое личное мнение, отмечая, в частности, что хотя Ешибот закрыт, «но в сущности он, благодаря известному умению евреев обходить всякий закон, остается и в настоящее время»⁵.

В этом же деле находится анкета Нафтали Берлина, составленная кем-то из чиновников жандармского управления. Принципиально новых сведений она не содержит. Интерес, однако, представляет запись в графе «семейное положение»: «...женат, имеет 2-х сыновей; от первого брака — Хаима, который ныне раввин в Москве, и от теперешней жены — Янкеля, 3-х лет»⁶. К этому можно добавить, что старший из сыновей, Хаим Берлин (1832—1912), стал в конце жизни главой ашкеназской общины в Иерусалиме, а младший, родившийся спустя 44 года (в «Краткой еврейской энциклопедии», изданной в Иерусалиме в 1976 г., стоит другая дата его рождения — 1880), известен еврейскому миру как Меир Бар-Илан.

¹ ИАЛГ, ф. 567, оп. 6, д. 598, л. 14.

² Там же, л. 15.

³ Там же, л. 35.

⁴ ИАЛГ, ф. 419, оп. 2, д. 660а, лл. 14, 15, 21, 22.

⁵ Там же, лл. 18—19.

⁶ Там же, л. 5.

ПОЛЯКОВСКИЙ ЗАЛ В МУЗЕЕ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ В МОСКВЕ

31 мая 1912 года в Москве состоялось торжественное открытие Музея изящных искусств. Каждый зал музея был назван определенным именем — именами членов императорской семьи или людей, вложивших в создание музея значительные средства. Идея именных залов появилась у создателя музея — профессора Московского университета Ивана Владимировича Цветаева. В письме архитектору Р. И. Клейну он сообщает: «Вчера я был у князя и княгини Юсуповых. Оба они вступили в Комитет и очень одобрили ту статью устава (§ 4, конец), по которому можно выстраивать жертвователям отдельные залы, получая за то право называть их собственными именами или именами дорогих им лиц»¹. Испытывая серьезные материальные затруднения, не получая поддержки от государства, Цветаев надеялся привлечь значительные средства московских благотворителей. Особые надежды он возлагал на Морозовых, но тут его ожидали разочарования. Из большой семьи крупных московских промышленников откликнулся лишь владелец Тверской мануфактуры Михаил Абрамович Морозов, остальные отказались, и Цветаев с горечью записывает в дневнике: «Люди колоссальных «громовых» и «темных», как говорится в здешнем купечестве, богатств и лица, известные своей щедростью на приобретение произведений искусства и живописи, в частности, уклонились, под тем или другим предлогом, от материальной помощи новому музею... Отказала, даже на письмо не ответила Мар. Фед. Морозова², как передавал Колесников³, сославшись, что она и ее покойный муж Тимофей Саввич только богатые мужики и потому им незачем устраивать какой-то музей... Отказал Лев Готье⁴, очень богатый торговец в Москве железом... Отказал Василий Алекс. Хлудов⁵, человек огромного состояния... Ничем не отозвался старшина купеческого общества Булочкин⁶».

Но идея соучастия в создании нового художественного музея в столице нашла отклик у многих людей. Музей был возведен и экспозиция собрана на средства основного мецената Юрия Степановича Нечаева-Мальцева⁷, а также на пожертвования многих дарителей. Среди них был председатель Московского еврейского хозяйственного правления московский банкир Лазарь Соломонович Поляков. В архиве Государственного Музея изобразительных искусств хранятся десять писем Лазаря Полякова, адресованных Ивану Владимировичу Цветаеву. Первое письмо⁸ от 22 февраля 1894 г. свидетельствует о деловых отношениях, связывающих профессора Московского университета и председателя Московского земельного банка. Приводим его полностью:

«Милостивый Государь
Иван Владимирович.

В ответ на Ваше почтенное письмо от 19-го текущего месяца имею честь препроводить Вам при сем чек на две тысячи (2000) франков, который благоволите переслать профессору Е. Петерсену⁹, в Риме.

Примите уверение в совершенном почтении и
глубоком уважении,
с которым имею честь быть,
Вашего Превосходительства

Л. Поляков».

Последующие письма свидетельствуют, что отношения между Цветаевым и Поляковым становятся более теплыми и официальный тон сменяется на слог знакомых и связанных деловыми и дружескими отношениями людей. Так, 27 октября 1894 г. Лазарь Поляков пишет Ивану Владимировичу письмо¹⁰, в котором поздравляет Марию Александровну и Ивана Владимировича с рождением дочери¹¹ и сетует на затяжную болезнь своего сына.

В переписку активно вводятся семейные имена. Сухой тон исчезает: в письме¹² от 12 сентября встречаем благодарность за поздравление с 25-летием Банка; в письме¹³ от 18 января, присланном из Парижа, Поляков благодарит Цветаева за выражение сочувствия в связи со смертью отца; и только одно письмо написано на бланке и является официальным ответом на просьбу И. В. Цветаева жертвовать в фонд строительства музея. Приводим текст письма¹⁴ полностью:

«Москва, 24 августа 1898 г.

Тверской бульвар, 87

Милостивый Государь
Иван Владимирович.

Вследствие письма Вашего превосходительства от 28-го мая имею честь сообщить, что, сочувствуя полезной цели устройства Музея Изяжных Искусств имени Императора Александра III при Московском Императорском Университете, я изъявил желание пожертвовать сумму в 22944 рубля для устройства зала № 12 греческой рельефной скульптуры V и VI веков до Рождества Христова и внес казначею Комитета И. Ю. Шульцу¹⁵, согласно личных наших переговоров, десять тысяч рублей на прилагаемую при сем квитанцию. Остальная сумма в размере 12944 рублей будет мною внесена по мере надобности.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в истинном почтении и совершенной преданности
Вашего покорнейшего слуги

Л. Полякова».

Свои обязательства Л. С. Поляков выполнил, и в день открытия было указано, что зал VIII сооружен на его средства. В зале экспонировалась греческая скульптура конца V века до н. э., в том числе наиболее ценный слепок — Фигалийского фриза с храма Аполлона в Бассах. В первом же изданном путеводителе по музею¹⁶ Иван Владимирович Цветаев приводит имена дарителей и среди них — Л. С. Полякова.

Благотворительная деятельность Лазаря Соломоновича не ограничилась музеем. Он, как и его старшие братья, вносил щедрые пожертвования в фонд попечительства детских приютов Рязани и в фонд Арбатского отделения попечительства бедных в Москве. Он же был щедрым дарителем еврейских общин родного города Орши Могилевской губернии и Москвы. На его деньги была открыта еврейская больница на Воронцевской улице и выстроена в 1891 г. Большая хоральная синагога в Спасоглинищевском переулке, ныне улица Архипова. В 1906 г. он привлекает для оформления большого молитвенного зала синагоги архитектора Романа Ивановича Клейна, с которым, видимо, контактировал по делам создания музея.

Имя Лазаря Соломоновича Полякова осталось в истории российского предпринимательства и в благодарной памяти еврейской общины в Москве.

¹ История создания Музея в переписке профессора И. В. Цветаева с архитектором Р. И. Клейном и других документах (1896—1912). М., 1977. Т. 1. С. 52.

² Морозова Мария Федоровна — владелица миллионного состояния.

³ Колесников Иван Андреевич — жертвователь музея, член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств, член строительной комиссии музея.

⁴ Готье Лев Владимирович — владелец металлических заводов.

⁵ Хлудов Василий Алексеевич — фабрикант.

⁶ Булочкин Сергей Александрович — старшина московского купеческого сословия, владелец продовольственных магазинов.

⁷ Нечаев-Мальцев Юрий Степанович — крупный российский промышленник, владелец стекольных заводов в г. Гусь-Хрустальный.

⁸ ГМИИ, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 3245.

⁹ Петерсен Евгений — археолог, профессор Дерптского университета, затем секретарь германского археологического института в Риме.

¹⁰ ГМИИ, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 3246.

¹¹ Мария Александровна — жена Ивана Владимировича Цветаева; дочь — Анастасия Ивановна Цветаева.

¹² ГМИИ, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 3248.

¹³ Т а м ж е, ед. хр. 3250.

¹⁴ Т а м ж е, ед. хр. 3251.

¹⁵ Шульц Иван Юльевич — казначей Комитета по устройству Музея изящных искусств.

¹⁶ Музей изящных искусств имени Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель. М., 1912. С. 12.

АРХИВ

ПУБЛИКАЦИИ

ОТЗВУКИ ГАСКАЛЫ

«Дело» о Бродской синагоге в Одессе

Активное участие российского еврейства в общественно-политической борьбе, шедшей в Российской империи в первые десятилетия XX в. заслонило и в известной степени исказило представление о подлинной духовной жизни народа той поры. А она была неизмеримо богаче и шире, чем это представляется нам сегодня. Важнейшей частью быта, по существу гарантом национального существования, оставалась верность религиозным традициям. Споры вокруг тех или иных аспектов службы и ритуала составляли все еще основу мировоззрения значительного числа евреев. Одним из примеров этому служат споры о службе в так называемой Бродской синагоге в Одессе. Она была основана в 1841 г. выходцами из галицийского города Броды, располагавшегося на территории Австро-Венгрии, и из Германии. Прибыв в Одессу, они принесли с собой идеи Гаскалы. Оставаясь в своей религиозной жизни в рамках традиционного иудаизма, они резко отличались от основной массы местного еврейства, прибывшего по большей части из местечек Украины и Белоруссии, а также из Бессарабии. Сгруппировавшись вокруг «своей» синагоги, «бродненцы» быстро приобрели значительный авторитет в общине. Пропагандируемые ими реформаторские взгляды не могли не беспокоить тех евреев, что оставались на ортодоксальных позициях. В 1862 г. было построено новое здание синагоги, а в 1908 г. «бродненцы» установили в ней орган. Это послужило поводом для открытого конфликта в еврейской общине Одессы. Жалоба на прихожан этой синагоги была направлена в адрес съезда представителей еврейских общин, состоявшегося в Санкт-Петербурге в 1910 г.

Документы, связанные с этим инцидентом, сохранились в архиве ученого, мецената и предпринимателя Д. Г. Гинцбурга, являвшегося председателем съезда. Фонд Д. Г. Гинцбурга находится в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург) (ф. 183, ед. хр. 38).

Судя по тому, что в стенограмме съезда эта тема не зафиксирована, можно предположить, что проблема была разрешена путем закулисных переговоров. Представленные документы ярко характеризуют накал духовной жизни еврейства той поры.

Порядок публикуемых документов соответствует их расположению в фонде Гинцбурга.

[Письмо Зака* Д. Г. Гинцбургу]

1 марта 1910 г.

Дорогой Давид.

Обращаюсь к тебе с покорнейшей просьбой по общественному делу. Ты назначен председателем раввинского съезда в Петербурге. Благодаря такому положению, а главным образом благодаря Твоему авторитету между еврейскими деятелями, Ты будешь в состоянии помочь нам в следующем вопросе:

Ортодоксальная часть еврейства желает на этом съезде возбудить вопрос об игре на органе в синагогах. Наша синагога ввела такой орган, и против того ополчились наши так называемые «истинно-русские» евреи. Администрация стала, конечно, на их сторону.

Если теперь съезд решит вопрос против органа, то это здесь по местным условиям будет опять *истолковано* как победа над так называемой интеллигенцией. И вот мы ищем Твоей поддержки. Мы этим не хотим сказать, чтобы съезд признал орган, но было бы очень важно *констатировать*, что каждая синагога свободна устраивать свое богослужение, как того *желают* прихожане.

Я был бы Тебе очень обязан, если бы в ответ на это письмо Ты бы мне написал несколько слов, как Ты смотришь на это дело. Можем ли мы рассчитывать на Твою поддержку, и в утвердительном случае сможешь ли Ты отстоять такую точку зрения.

Твой

Зак.

[Письма членов правления Бродской синагоги]

Одесса 7 марта 1910

Глубокоуважаемый барон Давид Горациевич.

Острая борьба между двумя группами нашей общины, установившаяся у нас года два назад при благосклонном содействии доктора Авиновицкого, выдвинула на очередь вопрос о допустимости игры на органе в синагогах, хотя музыкальный аккомпанемент хорового пения в нашей синагоге практикуется

*Одесский предприниматель, друг детства Д. Г. Гинцбурга, сын многолетнего сотрудника банкирского дома Гинцбургов.

уже с 1869 года. Темные элементы нашей общины добиваются рассмотрения этого вопроса на раввинском съезде или в раввинской комиссии. Зная состав большинства съезда, мы не уверены, что вопрос разрешится в смысле, который мог бы удовлетворить русское еврейство. Если сам по себе вопрос об игре на органе в синагоге не имеет особого важного значения, то он все же имеет симптоматическое значение. Для нас же, членов Одесской еврейской общины, вопрос этот имеет решающее значение: будет ли задавать у нас тон никем не признанный совет духовных правлений, привлекающий администрацию и «политику» к участию в нашей религиозной жизни, или ему будет указано на его надлежащее место. Конечно, решение раввинского съезда нуждается в санкции, но мы не желали бы, без особой нужды, стать в противоречие с раввинским съездом, независимо от его состава.

Препровождая при сем «Докладную записку об игре на органе», мы почтительнейше просим Вас, глубоко чтимый барон, представить ее на рассмотрение съезду лишь в том случае, если вопрос об игре на органе будет поставлен помимо нас, по инициативе других лиц. В этом случае мы имеем честь покорнейше просить Вас оказать авторитетную поддержку к разрешению этого вопроса в указанном смысле, во избежание столь вредного раскола. Русское еврейство с мучительной тревогой следит за *работами* съезда, и единственная наша надежда на Вас как на просвещенного и глубоко преданного интересам еврейства руководителя его.

Да поможет Вам Господь удержать измученное Русское Еврейство в пределах мира и согласия.

Примите, досточтимый барон, уверения в высоком почтении и искренней признательности.

Члены правления Бродской синагоги

Л. Маргулис

И. Фельдман

И. Розенблат

В Раввинский съезд в С.-Петербург

Докладная записка

об игре на органе в синагогах

Правление Бродской синагоги в Одессе

Наша синагога, основанная в 1841 году выходцами Германии и Австрии и получившая по месту происхождения название «Бродской», является пионером стройного хорового богослу-

жения не только в Одессе, но и в России. Во время возникновения нашей синагоги шла борьба против подобного типа синагог, борьба, в которой лучшая часть русского еврейства была за новшество, а фанатические элементы — против. Борьба закончилась победой прогресса. В настоящее время в Одессе имеется несколько синагог этого типа, а во всех крупных городах России имеется по меньшей мере одна синагога этого типа. Евреи не только свыклись с этим типом, но, судя по тому, что новостроящиеся синагоги все более приближаются к этому типу, можно думать, что они дают хоральной синагоге явное предпочтение перед синагогой традиционного типа.

Как известно, новый тип синагог отличается от старого не отступлением от ритуала или от установленного богослужения, а исключительно упорядочением внешней части богослужения, улучшением музыкальной части, от чего они получили название «хоральных». Наша община уже при постройке новой синагоги, в 1862 году, имела в виду ввести орган при богослужении, построив для него особую галерею, но не могла этого сделать по недостатку средств. Это видно из того, что уже в 1869 году она ввела фисгармонию, которая была более по средствам общине. Фисгармония, как инструмент, не соответствующий торжественному богослужению субботних и праздничных дней, аккомпанировала богослужение лишь в так называемые полупраздники Ханука и Пурим и во время венчаний. Община наша все время мечтала обзавестись настоящим органом, но высокая цена его при необходимости перестроить восточную стену синагоги, ввиду обнаружившегося неудобства поместить орган на западной стене, где построена галерея, мешала осуществлению этой мечты.

В 1908 году умер в Одессе один из выдающихся благотворителей нашего города, Абрам Моисеевич Бродский*, и в своем завещании отказал в пользу Бродской синагоги 15000 рублей с непременным условием приобрести на эти деньги орган. Если последний не будет приобретен в течение двух лет, то пожертвование возвращается наследникам покойного. Община Бродской синагоги на общем собрании постановила: «принять с благодарностью пожертвование своего покойного прихожанина». Правление немедленно купило дорогой инструмент и произвело капитальную перестройку в храме для удобной ус-

* Член семьи промышленников и меценатов, выходцев из г. Броды, активный участник общественной жизни общины.

тановки органа. Перестройка производилась открыто, на виду всех евреев, жителей г. Одессы. В газетах было сообщено о покупке органа, и никто — ни раввины, ни кто-либо из евреев — не думал протестовать против органа, как не протестовали в 1869 году при введении фисгармонии, как не протестовали в течение 40 лет ее существования.

Следует упомянуть, что аккомпанемент органа при богослужении в нашем городе не новость. Общество приказчиков-евреев г. Одессы еще в 1902 году ввело в свою молельню орган, который играет в праздники Рош-Гашоно и Сукос и в промежуточные Субботы. Если среди известной, весьма ограниченной части населения и слышно было неудовольствие, то оно скоро улеглось, а подавляющее большинство населения г. Одессы приняло его с большой радостью или, в худшем случае, равнодушно. Роптали, и то весьма недолго, те элементы населения, которые в сороковые годы кричали: «школ не надо» — и были готовы признать богоотступником всякого, кто надевал европейский костюм. По счастью, такие элементы, по крайней мере в Одессе, считаются десятками. Когда орган был установлен, правление вновь созвало общее собрание прихожан и предложило им установить, в какие дни должен играть орган. Прихожане, большинство — 88 против 17 голосов — высказались за то, чтобы орган играл все субботные и праздничные дни, за исключением Йом-Киппур, и чтобы органистом был нееврей. Следуя этому постановлению, правление открыло богослужение при аккомпанементе органа во все субботные и праздничные дни, приняв на службу органиста-нееврея. В первые дни игра на органе не вызвала никакого протеста. Протест начался позже и не стоит ни в какой связи с религиозным чувством населения, а имеет своим источником дразги и междоусобицы, установившиеся, к великому нашему несчастью, в Одесской еврейской общине. Дело в том, что в нашем городе с некоторых пор основан так называемый Совет духовных правлений синагог и молитвенных домов г. Одессы. Это учреждение, законом не предусмотренное и еврейской традицией не предвиденное, находится, к сожалению, под влиянием «плохих пастырей» и двух-трех лиц, ставящих свое тщеславие выше интересов общины. Интриги некоторых членов Совета уже несколько раз были причиной тяжких потрясений общины и ее учреждений. С уходом и. д. раввина Авиновицкого и избранием на пост председателя Совета старосты Бродской синагоги Л. М. Маргулиса можно было надеяться, что в недрах общины установит-

ся мир и согласие. Но, по-видимому, интриги свили себе слишком прочное гнездо в этом учреждении. Некоторым лицам понадобилось во что бы то ни стало устранить Л. М. Маргулиса от должности председателя Совета, чтобы посадить на это место своего фаворита. Так как причин к устранению не было, то на сцену явился орган. Протестовали против органа лица, открыто нарушающие обряды Субботы и другие религиозные обряды. Да не в органе было дело. Действительно, через два-три дня донесли Градоначальнику, что Бродская синагога является *гнездом масонов*, и этот грязный донос дал быстрые результаты.

Градоначальник устранил от должности председателя Совета старосту синагоги Л. М. Маргулиса, мотивируя это устранение тем, что *«он является представителем синагоги, в которой играет орган»*. Этого только и нужно было интриганам. Ныне место это занимает лицо, докладывавшее Градоначальнику о недопустимости игры на органе.

Резюмируя вышесказанное, мы констатируем:

1) Аккомпанемент богослужения на музыкальном инструменте производится у нас с 1863 г., и протестов против этого не было слышно. Местные духовные раввины, и даже заседающие на съезде, посещали нашу синагогу и тогда, когда играла фисгармония.

2) В нашем городе в молеельне Общества приказчиков-евреев г. Одессы богослужение с аккомпанементом органа совершается по Субботам и праздникам Рош-Гашоно и Сукоус уже с 1902 года,— и протестов не слышно.

3) О введении органа в нашей синагоге стало известно в городе с 1908 года. В течение прошлого лета открыто, на глазах всех, производилась капитальная перестройка восточной стены синагоги для установления органа. Цель перестройки была известна всем евреям, и мы своевременно никаких протестов ни от кого не слышали. В первые дни действия органа также не слышно было протестов.

4) Протесты и гнусные доносы, помимо их нечистого источника, стремятся ввести в нашу общинную жизнь порядки, которые не соответствуют ни русским законам, ни еврейским традициям, ни достоинству еврейского народа. Эти средства обратили все благомыслящее еврейское население города Одессы в друзей органа и горячих защитников его.

На основании всего этого мы заявляем: мы не желаем борьбы ни внутри общины, ни вне ее, но мы будем защищать нашу свободу отправления богослужения всеми законными и

моральными средствами. Мы надеемся найти защиту в почтенном Раввинском съезде и в русских законах. Утверждая это, мы всенародно объявляем пред почтенными членами Раввинского съезда, что мы, не дай Бог, и в мыслях не имеем в чем-либо отступить от предписаний нашей Св. Веры, изменить в чем-либо ритуал, сокращать или изменять молитвы. Пред нашими глазами — одна святая цель: увеличить благолепие и усилить торжественность богослужения улучшением ее музыкальной части, привлечь в синагогу молодежь нашу, столь оторванную от веры, и бороться таким путем с религиозным индифферентизмом подрастающего поколения; мы питаем твердую надежду, что эта молодежь, привлекаемая торжественностью и благолепием богослужения, в конце концов полюбит нашу многовековую синагогу и найдет в ее лоне утешение и опору в жизни. Мы также уверены в том, что введением органа мы не преступили законов и религиозных традиций. Не нам, конечно, указывать почтенному собранию раввинов на допустимость или недопустимость органа в синагогах, но когда нам заявляют «veto» без объяснения источников этого запрета, то мы смело заявляем: «Тора не на небе» — она дана не избранным, а всем евреям. Если при возникновении религиозных сомнений мы должны обращаться к «местному и современному судье», то там, где сомнений не возникает, можно прямо пользоваться указанием закона. А закон не против нас. Противники органа обыкновенно выставляют против него два мотива: 1) «хукот гагоим»* и 2) нарушение святости Субботы. По поводу первого мотива мы позволяем себе высказать следующее: 1) Под понятие «гоим» подходят только язычники, а не христианские народности, и заимствование у последних всего того, что не идет вразрез с догматами нашей веры, не возбраняется. В еврейской жизни установился бы необыкновенный застой, если бы мы, понимая так узко закон о «хукот гагоим», отказывались бы от всего того, что имеется в обиходе других народов. Следуя этому узкому толкованию, мы должны сбросить европейскую одежду, перестроить наши храмы, сооруженные в стиле нееврейском, и вообще уклоняться от всего того, что нами заимствовано от европейских народов. Заявляем, что мы по этому пути не пойдём и этого от нас не требует наша вера, которая олицетворяет собою свет и прогресс, а не тьму и застой. 2) Музыкальный аккомпанемент при богослужении и игра на

* Неёврейский обычай (*ивр.*).

органе в частности является одним из самых обязательных элементов нашего древнего богослужения. В первом Храме и во втором музыкальный аккомпанемент считался обязательным, на это указывает Псалом 150-й, в котором предписывается славить Бога трубными звуками, скрипкою, арфою, тимпанами, ударными и духовыми инструментами. К открытию второго Храма созваны были музыканты со всех концов Иудеи, причем сами священники носили на себе трубы, а Левиты — тимпаны «для прославления Бога». Мало этого, нет сомнения, что самый орган находился в Храме. На это указывает следующее место в Талмуде: «В храме был инструмент «Магрейфа», в этом инструменте было 10 труб, и каждая труба издавала 10 различных тонов, и т. д.» («Эрхин», 1012). Судя по этому описанию, «Магрейфа» и есть орган. Если с разрушением нашего Храма прекратился и музыкальный аккомпанемент, то все же возобновление его нельзя считать противозаконным.

3) Слышно и такое мнение, будто самое нахождение органа в Храме мешают, с религиозной точки зрения, установке его вне Иерусалимского храма. Нужно ли прибавить, что это мнение несостоятельное. Запрещается устанавливать храмовую утварь вне Храма лишь в том случае, если она копирует бывшую в Храме утварь. В том же случае, когда есть малейшее изменение: в величине ли, во внешнем ли виде и т. п., запрет уже не имеет силы, как это установлено Талмудом по отношению к св. елею.

4) Ни в одном религиозном кодексе позднейших раввинов, до автора «Шулхан-Аруха» включительно, не имеется указаний на запрет игры на органе в синагоге. Переходя к вопросу игры на органе в субботние и праздничные дни, мы должны указать на то, что если бы игра производилась евреем, то запрет, конечно, имел бы основание. В том же случае, когда играет нееврей, запрет отпадает. Ведь пользуемся мы услугами неевреев в синагогах и для других запрещенных еврей работ. Если можно для одних работ, отчего же нельзя для других работ. Мало этого, в «Шулхан-Арух-Орах-Хаим» прямо указывается на допустимость игры на музыкальном инструменте через посредство нееврея в субботние дни на свадьбах. Мы полагаем, что торжественность богослужения не отступает от свадебной святости своей цели. Интересно еще то, что в Талмуде вопрос о допустимости игры на органе в праздники через лиц, для которых соблюдение святости субботних и праздничных дней необязательно, разрешается в утвердительном смысле. В «Эрхине» группа ученых, утверждающих, что музыкальный аккомпане-

мент был в известных случаях необязателен и потому в субботние и праздничные дни недопустимым, разрешает производить игру эту через посредство рабов. Вот те соображения, которые привели нас к заключению, что наши действия не противоречат предписаниям нашей Св. Веры.

Мы считаем своим священным долгом почтительнейше представить высокоуважаемому съезду истинную подкладку недобросовестной агитации, созданной вокруг вопроса об игре на органе в Бродской синагоге, и наши соображения по этому вопросу. Мы прекрасно понимаем, что в съезде найдутся члены, которые этих соображений наших не разделяют. Все это побуждает нас просить съезд вопроса об игре на органе на съезде вовсе не рассматривать. Не надо забывать, что решения съезда не могут стать обязательными для евреев, пока они не прошли законодательным путем, на что имеется весьма мало шансов. Зато наложение запрета на орган может вызвать весьма чувствительный раскол в русском еврействе, что весьма и весьма нежелательно в настоящее время. На такое решение русское еврейство смотрело бы как на нарушение свободы вероисповедания и протестовало бы против этого всеми фибрами своей души. Не может оно также приостановить замечательное, к сожалению, среди евреев все большее и большее уклонение от совершения обряда обрезания и о недозволенной пище. Между тем в сравнении с этими вопросами игра на органе даже для самых ортодоксальных евреев является, конечно, вопросом весьма ничтожным.

Наша горячая любовь к еврейскому народу, высокое уважение к достопочтенному Собранию и вместе с тем любовь к истине, свету и прогрессу побуждают нас просить съезд, в интересах единения и согласия разрозненных овец Израиля, не постановлять никакого решения по вопросу о допустимости игры на органе в синагогах и таким образом предоставить решение этого вопроса на усмотрение каждой общины в отдельности.

Одесса

Марта 1 дня 1910 года

Члены правления синагоги по Пушкинской улице (Бродской)

Староста: Л. Маргулис

Ученый: И. Фельдман

Казначей: И. Розенблат

[Съезду представителей еврейских общин. Март 1910 г.]

Введение органа в городской синагоге в Одессе есть святотатственный акт, оскорбляющий святость еврейского храма Божьего и глубокое религиозное чувство молящихся. Органная игра при богослужении есть исчадие реформ в еврействе, возникших на Западе; это есть губительное начало для еврейской религии, подтачивающее главные духовные устои еврейского народа.

Молитва, заключающаяся в излиянии души человека пред Богом, облечена нашими законоучителями в определенную форму, которая ни под каким видом не может быть нами изменена, и дом молитвы имеет свой служебный культ, освященный тысячелетиями, всякое отступление от которого считается преступным грехом, грозящим гибелью всему еврейству.

Губительная богослужебная реформа на Западе закончилась тем, что группа лиц реформаторского толка совершенно откололась и устроила не только отдельную реформаторскую синагогу, но и отдельное кладбище. Наши реформаторы из Бродской синагоги домогаются публично в синагоге нарушить святость Субботы, один из главнейших устоев юдаизма. Заповедь Бога гласит: «Субботы мои соблюдайте и святилище мое благоговейно чтите», а реформаторы тем и другим пренебрегают. Они святотатственно нарушают святость Субботы, этого символа вечного союза между Богом и Израилем, и распоряжаются по-своему в народной Святыне, превратив ее в зал концертов. Одесский духовный раввинат заявил свой протест против действий Правления Бродской синагоги, но последние, как видно, не подчиняются [ни] авторитету раввинов, ни всему составу Совета Духовных Правлений, глубоко протестовавшему в свое время против этого святотатства. Ввиду этого Совет Духовных Правлений совместно с местными духовными раввинами обращается к съезду с просьбой вынести резолюцию по этому вопросу.

Вступительная заметка и публикация
С. КЕЛЬНЕРА.

ЗНАКОМСТВО ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Из записок Григория Шура

Нам предстоит познакомиться с некоторыми страницами рукописи Григория Шура, повествующими о жизни и смерти евреев в Виленском гетто. Эта книга отличается от большинства книг о Катастрофе тем, что создается не после нее, а **во время** — книга не о происшедшем, а о **происходящем**, не о пережитом, а о **переживаемом**. Заметку «О способах убийства на Понарах» (о массовых расстрелах евреев) Григорий Шур пишет, зная, что Понары у него впереди. Он пишет, что решен вопрос об окончательной ликвидации гетто и рабочих блоков, свидетельствуя о собственной близкой казни. Это — бесстрашная книга.

«Ни места, ни бумаги, ни чернил. Писал в страшной тесноте, иногда в клозете, иногда в сарае, когда не имел чернил, то писал на подоконнике, почти никогда за столом», — рассказывает автор. Прибавим: каждая минута, которую провел он с карандашом в руке над своими листками, могла, нет — неумолимо должна была оказаться последней в его жизни: запечатление слов на бумаге считалось в гетто преступлением и каралось без промедления. Ну разве не чудо? Григорий Шур провел за гибельным занятием сотни, тысячи минут — и уцелел. Он и на Понары-то, знаменитое, как киевский Бабий Яр, место уничтожения виленских евреев, не попал: на краю могильного рва был разлучен с близкими, переправлен в лагерь Штутгоф, где, прожив, сравнительно со своими согражданами, «лишних» несколько недель, наконец разделил их судьбу (по слухам, вместе с сотнями других узников был посажен на баржу, вывезен в море и утоплен).

Два десятка тетрадей с записями Григория Шура не похожи на дневник, хотя многие записи озаглавлены датами. Но даты часто отмечают не самый день записи, а число, месяц и год, когда произошло то или иное событие, ставшее вехой в жизни тысяч соплеменников автора, точнее, вехой на их пути к смерти. Записи Григория Шура отличаются от дневника практически совершенным отсутствием в них неизбежного во всяком дневнике местоимения «я»: автор не находит места для рассказа о своей судьбе отдельно от судьбы своего народа. Рассказывая про убийство — «похищение» — еврейских детей, он умалчивает о том, что среди «похищенных» был и его тринадцатилетний сын. Утром, когда взрослых выстроили, чтобы вести на работы, и объявили, что всех оставшихся в блоках детей увозят для «медосмотра», мальчик сумел выбежать из подъезда дома, уже оцепленного полицейскими. «Мамочка,

где взять чистую рубашку – нас ведут к врачу?»... Я знаю об этом не из рукописи.

Тетради Григория Шура – это материал для будущей книги о Катастрофе, о том, как она обернулась в Вильне, где в ее пламени погибло, по подсчетам автора, около 80 тысяч евреев. «Мне кажется, я не успею все переработать, переписать и подготовить к печати. Пусть это сделает тот, кто будет иметь мои черновики, да простит он мне неряшливость, неразборчивость и даже несистематичность писания. Условия работы были очень ненормальные...» – пишет Григорий Шур. Мы радовались, что можем исполнить просьбу автора из его полувекового далека. Обращенные в будущее слова его были для нас оправданием редакторской правки, которую мы сочли возможным внести в рукопись, учитывая, что издание предназначается для широкого круга читателей. В оригинальном тексте немало стилистических неточностей (автор жил не в русскоязычной среде, и русский язык не был для него языком постоянного общения), встречаются также заведомые повторы и, наоборот, пропуски, неоконченные фразы. Многие ожидали доработки автора, дальнейшего обдумывания и дополнения, точного композиционного построения. Мы читаем не ту книгу, которую мечтал написать Григорий Шур, но книга Григория Шура, которую мы читаем, несет в своей незавершенности особую подлинность, трагическую силу, исторический смысл... «А если бы я сам смог переработать и приготовить материал, то был бы счастлив...» – пишет Григорий Шур. Не выпало ему такого счастья.

Мы не многое знаем об авторе книги, страницы из которой предлагаются сегодня читателю. К началу войны ему было 53 года. В молодости он занимался журналистикой; за политические увлечения расплатился трехлетней ссылкой в Астраханскую губернию. Перед первой мировой войной возвратился в Вильну. Получил в наследство магазин товаров для малярных работ, к которому присовокупил со временем магазин электротоваров. В 1940 г. с присоединением Литвы к Советскому Союзу лишился обоих. Пришлось вернуться к давней профессии. Война застала его сотрудником маленькой газеты железнодорожного управления.

Не будем сетовать на скупость «анкетных данных». Представим себе, что нам попали бы в руки тетради Григория Шура, но имя автора осталось бы навсегда неизвестным: разве рукописи не было бы достаточно, чтобы в нашем воображении возник его образ. Вряд ли еще кое-какие биографические подробности (их можно бы и прибавить) скажут нам о нем больше, чем его записи. Перед нами книга исповедальная, хоть и не нашлось в ней простора местоимению «я» (и это тоже – образ автора), книга о жизни и смерти, создаваемая на грани жизни и смерти, книга о Добре и Зле у той предельной черты, за которой они оборачиваются жизнью или смертью. На страницах такой книги автор в отношении к происходящему всего себя открывает. Да и сам факт создания книги в постоянном ожидании, что через минуту-другую, через день-другой неминуемо попадешь в прорезь прицела, – разве не открывается в этом образ автора?..

И все же: «А если бы я сам смог переработать и приготовить материал...» Разрозненные листки и тетради он передавал литовской женщине, подпольщице Анне Нимайте, — она прятала их под полом в библиотеке Вильнюсского университета. После войны, пройдя ад нацистских лагерей, она оказалась в Европе и дала знать о рукописи, укрытой в университетском тайнике. Тетради извлекли на свет Б-жий и передали в основанный под горячую руку в Вильнюсе Еврейский музей. Но тут Сталин энергично взялся завершать не доведенное до конца Гитлером: готовилась новая катастрофа, Еврейский музей стал само собой не нужен и даже заведомо вреден. Спасибо, нашелся доброжелатель, а может быть, просто-напросто формалист-чиновник, не отправивший рукопись в макулатуру, — она была передана в Музей революции. Я давно слышал о рукописи Григория Шура, но все никак не находил возможности заполучить ее. Лишь пять-шесть лет назад мне стало известно, где хранится оригинал. На мое письмо в Музей революции Литовской ССР с просьбой о разрешении познакомиться с рукописью ответа не последовало: начиналась перестройка, Литва закружилась в вихре событий — было там, в Литве, уже не до музея, тем более до музея революции. Не поручусь, что рукопись жива и сегодня, слишком много удач встречала она на полувековом своем пути...

Но в Израиле живет дочь Григория Шура, девочкой бежавшая из гетто и долгие, страшные месяцы прятанная в оккупированном немцами городе. Перед отъездом из Союза, более тридцати лет назад, ей удалось с большим трудом добыть машинописную копию отцовых тетрадей. Эта копия и положена в основу настоящей публикации.

Началу войны, как представляется Григорию Шуру, предшествовали широкомасштабные провокации германского руководства, на которые, с непостижимой для автора доверчивостью, поддавались советские власти. Он не может понять, как в условиях всеобщей «бдительности», насаждаемой с момента присоединения Литвы к Советскому Союзу, остаются незамеченными действия подпольных националистических организаций, которые видятся автору безусловно профашистскими, а в значительной части попросту агентурой немецкой разведки. Он не может понять, почему на ответственные посты в новоиспеченной советской республике, под видом укрепления национальных кадров, назначаются лица, без большого труда распознаваемые им как «гитлеровцы» (правда, он пишет об этом, когда эти лица уже вполне проявили себя в первые же дни немецкой оккупации). Но более всего повлияла на развитие событий в Литве массовая депортация местного населения в середине июня 1941 г., которая по своему воздействию «казалась скорее работой немецкого генерального штаба, не-

жели работой НКВД». Автор, служивший на железной дороге, описывает эту акцию с выразительными подробностями.

«Целую неделю, днем и ночью, по всем городам и селам забирали людей и отвозили их прямо на ж.д. станции, где немедленно загружали в приготовленные товарные вагоны... Длинные эшелоны товарных вагонов, битком набитые высылаемыми людьми (в одних вагонах женщины с детьми, в других — мужчины), днями и ночами двигались по прибалтийским железным дорогам или часами простаивали на узловых станциях. Вагоны были наглухо заколочены досками наперекрест; а из малых четырехугольных отверстий, устроенных в доске при дверях, вроде водосточной трубы, стекали человеческие испражнения. Было жаркое лето. Люди, томимые жаждой, в беспорядке, как скот, в полуобморочном состоянии лежали в этих душных товарных вагонах, охраняемых солдатами НКВД, не допускавшими никого из желавших подать на станциях высылаемым хлеб, молоко или воду...»

Литовская антисемитская пропаганда (как с первых дней войны — гитлеровская) едва ли не поныне во всех «необходимых» случаях объявляет виновниками депортации евреев, вкуче с «комиссарами» и «коммунистами», которые, конечно же, тоже евреи. Тот факт, что депортация не была мононациональной, что, по нынешним данным, евреев, среди которых было много «буржуазных элементов» — владельцев предприятий, торговцев, кустарей-ремесленников, — было выслано в процентном отношении даже больше, чем литовцев, в пропагандистских построениях значения, понятно, не имеет. «Кроме того, что немцы вдруг оказались избавителями местного населения от страшного вывоза из родной страны», эта акция, по любопытному соображению Григория Шура, «несомненно была на руку и немецкому главнокомандованию: все товарные вагоны, находившиеся в прибалтийском крае, были заняты высылаемыми, а узловые станции заперты проезжавшими и стоявшими на путях эшелонами. Из-за недостатка свободных вагонов и занятых железнодорожных путей в критический момент нельзя было перебросить сюда новые войска».

Уже в первые часы войны толпы горожан начали покидать Вильну. Среди них было, естественно, много евреев, русские со своими семьями, присланные в Литву после 40-го г., а также некоторые из литовцев, сотрудничавших с советскими оккупантами. На виленском вокзале «на пятой линии стоял поезд

в составе свыше 50 вагонов еще без паровоза, а на первой линии — другой, малый поезд в составе только шести пассажирских вагонов, одного товарного и паровоза под паром. В большой поезд пускали всех желающих уехать, и он был битком набит, а в малый поезд могли попасть только начальствующие лица и туда впускали по специальным пропускам». Старшие литовские железнодорожники, по наблюдениям Григория Шура, всячески старались помешать посадке беженцев в эшелоны и отправлению поездов («особенно тяжело было положение женщин — жен большевиков: они хотели со своими детьми и вещами скорее попасть в поезд и уехать; но в общей суматохе никто не обращал на них внимания»).

«Неожиданно над самым вокзалом показался одиночный немецкий самолет. Началась паника. Люди в страхе перед бомбами попрятались в подземные тоннели — переходы с перронов в здание вокзала. Находящиеся тут же советские военные чины стали обстреливать самолет из ружей и револьверов. Но самолет был высоко и, описав несколько кругов над ж.д. линией и не сбросив ни одной бомбы, улетел... По перрону еще расхаживали советские и литовские железнодорожники и группа членов городского исполнительного комитета. Литовские железнодорожники всячески саботировали и тормозили отправку поездов, но еще исполняли приказы под страхом револьвера. Наконец подали паровоз под большой поезд и состав был отправлен со станции. Затем отъехал и малый поезд с последними советскими властями». Сотни беженцев уходили из города пешком, уезжали на подводах и велосипедах.

И снова любопытная информация из начальной тетради Григория Шура. «Люди, ушедшие в воскресенье и в понедельник, 22 и 23 июня, из города пешком, на лошадях и на велосипедах, дошли только до г. Радошковичи. До этого места доехали все, кто в понедельник уехал поездом. Они были в дороге несколько раз настигнуты немецкими аэропланами, бомбившими состав... Многие нашли свою смерть от пуль и бомб... Но как велико было горе тех, кто все же достиг бывшей советской границы... Тут по всей длине границы стояли пограничные войска НКВД и угрожали застрелить каждого, кто пожелал бы ее перейти. Пропускали только тех, кто имел специальный пропуск или билет коммунистической партии. А так как пропусков нигде нельзя было получить — в воскресенье

все учреждения были закрыты, а в понедельник уже всюду была суматоха,— то число таковых было очень незначительно. Огромная масса людей должна была вернуться обратно. Их положение было ужасно. Идти обратно означало наверно попасть в руки немцев, захвативших уже все оставленное позади пространство, а идти дальше почему-то не позволяли советские пограничные войска... Измученные, с опухшими ногами, с ничтожной частью и без того немногих взятых с собою вещей, дотащились беглецы через несколько дней обратно в город. Многие из ушедших остались по дороге в разных малых городках и деревнях... Никто из них не знал тогда, что их ждет впереди, какие муки, какие страдания должны они будут здесь еще пережить. Никто не мог допустить и мысли, что все они обречены на долгие и страшные мытарства и что большинству из них не удастся вообще остаться в живых».

Немцы вошли в Вильну на рассвете 24 июня 1941 г. Советских войск в городе уже не было. Накануне мчались через город лишь отдельные группы застрявших или заблудившихся красноармейцев. Отряды литовских «активистов», именовавших себя и «партизанами», устраивали засады, обстреливая каждую проезжавшую мимо советскую автомашину. Одна из таких засад — в садике францисканской церкви на Трокской улице — превратилась на другой день едва ли не в первое место массовой казни людей.

«Уже с самого утра 24 июня, когда немецкие войска еще только начали входить в город, в садике францисканской церкви начались расстрелы всех случайно задержанных на улице и приведенных по доносам евреев и советских военных. Первой привели туда молодую еврейскую девушку. По-видимому, она шла на службу, не подозревая об опасности. Ее подвели под установленный пулемет и тут же застрелили. Затем привели группу советских солдат, человек пятнадцать. Их выстроили в один длинный ряд с поднятыми вверх руками, слегка обыскали, вынули из карманов какие-то бумажки и одного за другим подвели под пулемет. Подпрыгивая как-то странно, бочком, они падали, пронзенные пулями, как подрезанные колосья.

В течение первых утренних часов в этот садик приводили и других лиц, но главным образом евреев. Над ними издевались, били по лицу, забирали все, что они при себе имели, и убивали. Сюда же, в садик, вскоре привели нескольких красноармейских командиров. Они, по-видимому, заблудились и обратились к

случайно встреченным литовцам, стоявшим около костела св. Николая, с просьбой указать им дорогу из горсда. Эти литовцы, оказавшиеся «активистами», охотно взялись им услужить, но вместо того, чтобы вывести их из города, предательски завели в церковный садик — под тот же пулемет.

Так за считанные часы тут было убито несколько десятков людей. Тела их лежали весь день на земле. День был очень жаркий. Тела убитых стали распространять трупный запах. Тогда приехали городские пожарные и облили водой начинающие уже разлагаться трупы. Весь день приходили смотреть на это зрелище разные празднично разодетые люди, преимущественно литовские и польские женщины. Эта «публика» всячески выражала свое удовольствие и наперебой ругала большевиков и евреев. К вечеру тела убитых были убраны и вывезены из города...»

С появлением немцев литовские «активисты» начали охоту за большевиками и евреями. «На вокзале и в городе они арестовывали, избивали и без суда и следствия расстреливали всех, кого им вздумается. Отдельные группы литовцев сейчас же использовали ситуацию и в целях личной наживы. Задерживали и обыскивали на улицах встречных людей. Начались грабежи в квартирах у евреев: у них отнимали деньги, искали золото, драгоценности...»

С установлением власти немецкого командования отношение к евреям — по существу начало их систематического уничтожения — было регламентировано четким сводом правил.

Для гарантии исполнения первого же приказа о введении в городе военного положения было арестовано 60 евреев-заложников (надо ли говорить, что заложники, взятые по любому поводу, вне зависимости от хода дел, как правило, уничтожались).

Началось массовое увольнение евреев с работы. Те, без кого совсем нельзя было обойтись, оставались ненадолго — в кратчайший срок они обязаны были сдать дела подобранным вместо них людям. Большинство евреев, таким образом, сразу же осталось без всяких средств к существованию.

С 5 июля 1941 г. евреям было разрешено покупать продукты лишь в специально для них предназначенных лавках и в строго определенное время (в течение всего двух часов).

С 21 июля евреям запретили менять квартиры, а также продавать или переносить куда-либо свое имущество. Телефоны у них были сняты, радиоприемники конфискованы.

Евреям было запрещено лечиться у врачей-неевреев и в общих больницах. Для них была оставлена всего одна больница в городе (№ 2 — на Завальной улице), которая должна была содержаться на средства еврейской общины. В эту так называемую «еврейскую больницу» перевезли евреев-больных из всех прочих больниц и госпиталей города. В свою очередь евреям-врачам запрещено было лечить неевреев.

Более того, евреям запрещалось здороваться с неевреями; разрешение ходить по улицам ограничивалось для них временем с 6 часов утра до 18 часов.

«Первый немецкий военный комендант г. Остман издал 3 июля приказ, согласно которому все евреи мужского и женского пола, без различия возраста, должны с 8 июля 1941 года носить специальные знаки в виде желтого кружка из полотна диаметром 10 см с буквой «J» посередине, нашитого на верхнем платье спереди и сзади, с левой стороны, на груди и на спине. Образец знака был вывешен во всех полицейских участках. Некоторые евреи за неимением желтой материи сделали этот отличительный знак из четырехугольного куска белого полотна, окаймив его желтой краской или лентой, с той же буквой «J» (т. е. «Jude» — еврей)... И хотя евреи знали, что в Германии уже давно введены позорные знаки, многие при виде этих желтых матерчатых кружков горько плакали, нашивая их на одежду своим домочадцам, в особенности детям».

По воле сменявшихся комендантов (или каким-то «высшим» соображениям) видоизменялись и знаки: обретали иную форму, нагрудным «латам» сопутствовала нарукавная, букве «J» — «звезда Давида» и т. д., но «мечеными» евреи остаются непременно.

Приказ военного коменданта Цеппфенига определял: «Евреем является тот, у кого дедушки и бабушки в трех поколениях были евреями. Евреем считается также тот, у кого двое из дедушек и бабушек были евреями. А также: а) если он 22 июня 1941 года принадлежал к еврейской религии, б) если он во время объявления этого приказа был повенчан с евреем».

На странице, помеченной датой «30 июня 1941 года», Григорий Шур рассказывает об изгнании детей из еврейского сиротского дома. «Надо было видеть, как малютки шли со своими узелками по улицам, группами и поодиночке, горько плакали и спрашивали, куда им теперь идти. Приют был для них родительским домом, заменял им отца, мать, братьев и сестер. Тут они ели, пили, учились. Теперь дети выброшены на улицу, на произвол судьбы. Кто приютит и накормит сироту,

когда весь город как бы замер в страхе. Евреи забились, как мыши, в свои норы, никто не выходит из дома, боясь быть пойманным и застреленным. Только темные элементы торжествуют, снуют по еврейским кварталам, грабят, доносят, разными способами мстят за какие-то прошлые неведомые обиды своим прежних товарищам, вынуждают их платить выкуп деньгами или вещами... Едва гитлеровцы выгнали детишек из приюта, окрестные жители расхитили запасы провианта, приготовленного для детей...»

Особой заботой гитлеровцев стала конфискация еврейского имущества. При советской власти промышленные предприятия и крупные магазины, принадлежавшие прежде евреям (как и все прочие, конечно), были национализированы. В руки немцев попали небольшие еврейские лавки и мастерские, оставленные при советской власти в собственности их прежних владельцев; но оккупантами приказано было свозить на специально назначенные склады также еврейское имущество, национализированное советским руководством. Эту работу возглавили литовцы, бывшие директора национализированных заводов, фабрик, магазинов, в большинстве назначенные еще советскими органами. При этом значительная часть оборудования и товаров была расхищена, распродана и припрятана. Одновременно в газете «Новая Литва» от 5 июля 1941 г. была напечатана статья, в которой виновниками хищений объявлялись евреи, бывшие владельцы имущества, и содержался призыв произвести массовые обыски в квартирах евреев, в подвалах и на чердаках населенных ими домов. Управляющие домами, которыми были назначены исключительно литовцы, вместе с добровольными помощниками, получившими в народе название «хапунов», самовольно проводили такие обыски и наживались, не брезгуя ничем. Немало перепадало и дворникам, которым был дан строгий приказ следить за евреями-жильцами с тем, чтобы никто из них не выносил из дома, никому не передавал и не продавал каких-либо вещей.

Планы создания гетто были, конечно, тщательно разработаны заранее. Расчистка территории для гетто, переселение туда нескольких десятков тысяч человек, а заодно и уничтожение значительной части евреев города требовали, конечно, определенных усилий. Но литовские «партизаны» взялись выполнить подготовленный в гестапо план за 24 часа. Претворение этого плана в жизнь началось 31 августа 1941 г. с немудреной провокации.

«Два литовских «партизана», одетых в штатское, вошли в квартиру дома № 29 на углу улиц Стекло́йной и Большо́й, где жил старый христианин, и дали два выстрела в окно. Было воскресенье, два часа дня, тут же, под окном на площади у входа в кинотеатр «Пан» («Ударник»), стояло много немецких солдат. «Партизаны» выскочили на улицу и стали кричать, что стреляли евреи, живущие в этом доме. Вместе с немецкими солдатами они стали врваться в квартиры и вытащили на улицу двух оказавшихся в доме евреев. Тут же их нещадно били и застрелили на месте. Это должно было послужить сигналом к погрому и очистке всего района, предназначенного для будущего 2-го гетто. Началась страшная оргия. Всех евреев, живших на улицах Стекло́йной, Ятково́й, Гаона, Еврейско́й, в Доминиканском переулке, с остервенением выгоняли на улицу из домов, где они прожили всю жизнь, избивая прикладами и не позволяя брать с собой ничего из вещей. Ночью продолжалась «очистка» Николаевского, Лидского переулков, части Немецко́й улицы, прилегающей к району будущего 2-го гетто, затем улиц Страшуна, Шавельско́й, Госпита́льной. Выгонялись все: старики, больные, дети, женщины с грудными младенцами на руках. Квартиры оставались открытыми на произвол судьбы и на расхищение желающим. Этот район сотни лет был населен исключительно еврейско́й беднотой — ремесленниками и мелкими торговцами. Но в то время, как немцы забирали только наиболее ценные вещи, литовские «партизаны» и горожане хватили все до последней нитки, даже посуду, горшки, щетки.

Вакхана́лия началась в воскресенье в 2 часа дня и продолжалась до полудня понедельника. Людей, некоторых в одном белье, погнали частью в тюрьму, а частью прямо на Понары, на смерть. В тюрьме немедленно отделяли мужчин от женщин, женщин с детьми до десяти лет размещали в одних помещениях и в других — женщин с детьми старшего возраста. В тюрьме многих зверски избивали, загоняли ножи в спину. Тюрьма находилась в руках литовских «партизан»*. Но огромная тюрьма не могла вместить тысячи людей, и уже наутро в понедель-

* Автора легко объявить излишне пристрастным (а он и был пристрастным, не мог таковым не быть!), но вот что пишет в недавно опубликованном дневнике 1941 г. литовка, доктор из Каунаса Е. О. Буйвидайте-Куторгене: «Весь день продолжается патриотическое садистическое упоение: с разрешения начальства убивают и терзают евреев... Все литовцы, за малым исключением, единодушны в чувстве ненависти к евреям... Врываются в дома, среди бела дня на возах вывозят еврейское добро, не брезгуя даже самым последним барахлом» (Человек. 1991. № 1. С. 183).

ник и в последующие несколько дней заключенных партиями отправляли на Понары — мужчин пешим ходом, а женщин и детей на грузовых автомобилях».

6 сентября 1941 г. работа по созданию Виленского гетто была завершена. В особо отведенном, очищенном от прочего населения и огражденном районе города были размещены все оставшиеся в живых евреи. Гетто разделялось на две территории — № 1 и № 2. По подсчетам Григория Шура, в первой половине сентября в гетто № 1 было 29 тысяч человек, в гетто № 2 — 9 тысяч (всего — около 38 тысяч). 15 сентября 1941 г. из гетто № 1 было уведено 1200 человек. 1 октября, вечером Судного дня, — еще 2300. В ночь с 3 на 4 октября из гетто № 2 было уведено 2000 человек, 16 октября — 3000, пятью днями позже, 21 октября, — около 1400, после чего гетто № 2 было ликвидировано. Всего из гетто № 1 к середине марта 1942 г., когда и ведутся подсчеты, было изъято 18 тысяч, а из гетто № 2 — 6500 человек. «Следовательно, теперь в единственном уже гетто должно находиться около 15 тысяч человек. Это число соответствует количеству хлебных карточек, выданных в гетто на март месяц 1942 года. Еврейское население Вильны, которое к началу войны насчитывало 76 тысяч человек, менее чем за год уменьшилось приблизительно до 15 тысяч», — завершает автор.

Объем публикации не позволяет привести многие страницы тетрадей Григория Шура, подробно рассказывающие о муках, выпавших на долю узников гетто. Впрочем, мы достаточно слышаны о жестокости фашистов, литература, художественные и документальные ленты кино помогают нам представить себе все творившееся в лагерях смерти достаточно образно, в полной же мере восстановить страшную картину, понять и прочувствовать ее могут лишь те немногие, кому выпало на долю самому пройти все ужасы Катастрофы и уцелеть. И все же выберем из рукописи Григория Шура десяток-другой строк — несколько мазков, положенных его кистью на громадный холст о страданиях и уничтожении народа.

«...Особенно усилились избиения и издевательства, когда в город прибыли из Германии рабочие команды РАД (Рейхсарбейтсдинст). Это были преимущественно молодые немцы. Они приходили в гетто, брали партию евреев и вели их на работу, строем, по правой стороне мостовой. Горе было тем, кто работал под их надзором. Люди должны были, например, с толстыми, тяжелыми колодами на плечах взбегать вверх на

гору, и если кто падал или не мог бежать достаточно быстро, того избивали хлыстами до крови. Женщины должны были вместо лошадей впрягаться в телеги и возить строительные материалы, их заставляли руками собирать лошадиный навоз, убирать казарменные дворы, причем метел им не давали. Летом женщины срывали ветки и ими подметали песок и грязь, поднимая страшную пыль; если же веток поблизости не было, то они выполняли эту работу руками. Если надо было мыть полы, окна и двери в казармах и других немецких учреждениях, то не давали ни щеток, ни тряпок, женщины должны были снимать с себя юбки и пользоваться ими вместо тряпок или вовсе мыть голыми руками. Поначалу брали женщин и для работы в кухнях — чистить картофель, а также стирать белье для немецких солдат, но позже на такие работы их перестали брать из боязни».

Иногда немцы принуждали молодых евреек к сожительству,— отказ и согласие равно грозили смертью. В одной из записей автор сообщает о расстреле четырех еврейских девушек за связь с солдатами рейха. «Тысячи людей ежедневно отправляли на тяжелые работы по строительству железных дорог, шоссе, аэродромов, на склады и станции. Многим приходилось проходить ежедневно по нескольку десятков верст. Измученные и оборванные, голодные, они приходили в гетто к своим голодным семьям (у кого такие еще остались). Нужда заставляла продавать последние вещи из взятых с собою в гетто, чтобы на местах работ покупать у местного населения хоть что-нибудь из съестных припасов... Но с 10 октября 1941 г. любые продукты, а также дрова вносить в гетто было запрещено».

Для полноты картины приведем также несколько страниц из тетради Григория Шура о быте обитателей гетто. В нашей мозаике отрывок, пожалуй, несколько велик, но очень уж выразителен, да и в соответствующей литературе, кажется, не встречалось подобных. Автор подробно описывает одну из квартир в гетто, причем предупреждает, что квартира эта — из лучших, в блоке для привилегированных рабочих меховой фабрики «Кайлис».

«Квартира, которую мы теперь осматриваем, как и большинство других квартир в этом доме, состоит из двух комнат и кухни. Войдя, мы попадаем сначала в кухню, размером пять метров на три. Здесь живут шестнадцать человек. Стены, потолок и пол почти одного цвета, т. е. одинаково грязные. Стены и потолок вдобавок покрыты плесенью, а пол почти всегда

мокрый, особенно в том месте, где находится водопроводный кран и раковина. В углу, напротив входных дверей стоит большая печь. Посреди комнаты и вдоль стен сделаны деревянные нары на козлах. На нарах, а где их нет, то и прямо на полу брошено темное постельное белье и заменяющие его лохмотья. По стенам, занимая почти всю их поверхность, висит мнжество узелков с вещами, кое-где вязанки лука.

На нарах посреди кухни лежит бледная, худая молодая женщина и кормит грудью ребенка. Тут же на нарах сидит ее муж, тоже молодой человек лет тридцати, а у ног женщины еще и старушка, мать мужа. На соседних нарах, налево, ближе к окну, помещается другая семья, тоже молодые муж и жена. Горло женщины обернуто шалью — она больна ангиной, у нее высокая температура. Женщина лежит у мокрой стены, у разбитого окна, а на дворе зима, бушует вьюга. Эта семья отделена от первой повешенной на веревку большой тряпкой — не то темной простыней, не то скатертью. Дальше, налево в углу, ютится третья семья из четырех человек — муж, жена, сын и девушка-племянница. Этим уже не хватило нар — сидят на своих мешках прямо на полу. Угол ничем не огражден и не завешен. На полу около печи, на разостланных листах газеты, живет молодая девушка, сестра милосердия. Рядом с печью на двух деревянных ящиках лежит старый продырявленный матрац, из него сыплется прогнившая солома. На матраце, лежа поперек, размещаются трое совершенно чужих друг другу людей. С другой стороны печи, на полу, на куче тряпья лежат два брата, оба с желтыми лицами и блестящими лихорадочно глазами. В этой кухне моются и готовят себе пищу и все остальные жильцы квартиры, поэтому тут всегда дымно, мокро от наливаемой у раковины воды. На всех обитателей кухни — один общий, сколоченный из досок столик. Теснота и давка увеличиваются особенно к ночи, когда жильцы начинают укладываться спать. Говорят все сразу и очень громко, от этого в кухне стоит несмолкаемый говор и шум, который сверлит уши, как дым ест глаза.

В двух комнатах живут по десяти человек в каждой. Но нары здесь в два и три яруса, как солдатские койки, на полу никто не спит. Но в меньшей комнате, площадью всего три метра на полтора, десять человек помещаются с большим трудом, и теснота тут такая, что люди буквально трутся один о другого. Спать при закрытых окнах невозможно, даже зимой приходится круглые сутки держать открытой хотя бы форточку...»

На основной территории гетто, продолжает автор, условия жизни были того хуже: в каждом помещении жило еще больше народу, приходилось селиться в подвалах и древних трущобах. «От тесноты и давки люди часто ссорятся между собой, особенно плохо приходится хозяйкам. Когда рабочие — мужчины, женщины, дети старше 16-летнего возраста — возвращаются с работ и каждый спешит приготовить себе какую-нибудь еду, ад общежития достигает кульминационной точки...»

Впрочем, дочь Григория Шура рассказывает в частном письме: в комнате рабочего блока, где размещалась их семья и семьи родных ее отца и матери, было 26 человек, — «как дружно мы жили в такой тесноте!..» А сам автор, завершая рассказ-описание, замечает: нужно удивляться, что несчастные «счастливыцы» — так именует он своих пока уцелевших от неминуемой гибели соотечественников и соседей по гетто — еще вообще способны жить.

«О способах убийства на Понарах» — деловито озаглавил страницы своих записей Григорий Шур. Он заносит в тетради рассказы тех, кто чудом уцелел во время расстрела, а также евреев-рабочих, которых до наступления их собственного часа пригоняли на Понары засыпать уже заполненные могилы и рыть новые. «Мужчин расстреливали в первую очередь, затем на глазах матерей расстреливали или забивали иным способом детей, грудных, держа за ножки, топили в ведрах с водой, разбивали им головы о стволы деревьев, наконец убивали женщин, предварительно раздевая их, как и мужчин, догола. Платье забирали и тщательно искали, не защиты ли в нем деньги или золотые вещи».

В другой тетради читаем заметки под общим заглавием — «Подробности»: «Более крепких гнали пешком, а женщин и детей везли в грузовиках. Всех их привозили в лесную местность, огороженную колючей проволокой. Находившиеся там литовцы в гражданской одежде (бывшие студенты, шаулисты, «партизаны», добровольцы), по большей части — пьяные, встречали новоприбывших криками, издевательской руганью, били рукоятками револьверов, прикладами ружей или просто дубинами по голове. Затем отделяли женщин и детей в одну группу, а мужчин в другую и загоняли тех и других в вырытые ямы. Тотчас начиналась дикая, беспорядочная стрельба. Крики расстреливаемых, вопли детей, смертный душераздирающий плач превращали все в кромешный ад, из которого иного выхода не было, как смерть. Чудом спасались в некоторых
6-4357

группах два-три человека. Одна женщина, раненная в руку, слышала, уже лежа в яме, как пьяные литовцы спрашивали друг друга, засыпать ли сначала убитых землей или сразу идти пить водку. Они вылезли из ямы и ушли. Следом вылезла женщина. Ребенка своего она оставила в яме, считая его мертвым, хотя никакой раны на нем не видела, вероятно, он был задушен или находился в глубоком обмороке. Женщина не может себе простить, что оставила ребенка в яме. Завязав рану на руке, она вышла на дорогу, одолжила у встречной крестьянки платок, серп и вязанку дров (на раненую руку) и добралась до Вильны». Уцелевшие, не зная, естественно, места пребывания еврейских партизан и не находя или страшась попросить убежища, обычно возвращались в гетто, чтобы вскоре снова отправиться на Понары, уже на верную смерть.

Вряд ли все эти «подробности» знал один только Григорий Шур. Великое мужество тысяч людей в том, что, ежечасно ожидая неминуемой гибели, они стремились создать в гетто некий мир, обитатели которого не утрачивали бы своего человеческого образа и подобия. «Надо было создать в этих пяти маленьких улочках целую систему для устройства, облегчения и поддержания порядка жизни оставшихся пока в живых нескольких тысяч человек. И чем тяжелее были обстоятельства, тем труднее было вести эту работу. А работа, надо сказать, проделана поистине гигантская — создано все, что было возможно, и почти все, что необходимо для жизни маленького государства, ибо гетто и выглядело и на деле было как бы государством в государстве».

Попробуем коротко пересказать основные сведения об организации жизни в Виленском гетто, почерпнутые из обширного раздела записок Григория Шура. Руководство гетто действовало по образцу городского самоуправления. При нем имелось несколько отделов, а также полиция, суд и почта, вскоре, правда, закрытая, поскольку всякие сношения евреев с внешним миром были запрещены. Полиция наблюдала за порядком на улице и в домах, вела следствие по кражам и другим преступлениям. Полицейские носили на левом рукаве повязку голубого цвета с белой «звездой Давида». Должным образом оценивая наведенный в гетто порядок, автор записок свидетельствует и о многих «некрасивых фактах», когда «полицианты», как на польский лад называет он стражей закона, обворовывали жилища увезенных на убой людей, присваивая их одежду, обувь, другие вещи. Из общей полиции была особо

выделена охрана ворот («торвахе»), — от этих ревностных, часто жестоких служак сильно страдало население гетто.

Техническому отделу подчинялись созданные в гетто разнообразные мастерские. Среди них были электрические мастерские, ремонтировавшие различные приборы (утюги, чайники и др.), столярные, среди прочих изделий изготавливавшие деревянную обувь («клумпы»), за неимением кожаной получившую массовое употребление, печные, сконструировавшие печи трех типов, требовавшие очень мало дров, а также мастерские, изготавливавшие щетки, кисти, обувь из соломы. Мастерские, помимо того, что обслуживали население гетто, получали заказы из города, от немецких и литовских властей, частных учреждений. Хорошо были известны мебельные мастерские гетто, по приказу командования выполнявшие работы для самых высокопоставленных лиц. В гетто существовали также артели сапожные, швейные, часовых дел мастеров и проч.

Продовольственный отдел видел свою задачу в том, чтобы спасти население гетто от голодной смерти. (Пересказывая порой почти дословно записи автора, еще раз поражаешься: как же неистребимо велика в людях жажда жить, действовать во имя жизни! Вот и здесь: постоянно отправляя людей на смерть, надо ли стараться уберечь их от преждевременной смерти?) В четырех магазинах распределялись продукты по получаемым от немецких властей карточкам; по инициативе отдела из крайне скудных пайков удерживалась небольшая часть продуктов и раздавалась в пяти устроенных для этой цели кухнях в виде обедов для слабых, больных, стариков. Хорошо работал старый, образцово оборудованный еврейский госпиталь, оказавшийся как раз на территории гетто. (И снова ловишь себя на мысли — лечить на убой? Нет, видно, нам, живущим пока по другую сторону стены гетто, многого не понять.) Отдел здравоохранения открыл также две бани и дезинфекционные камеры.

Культурный отдел «буквально спасал детей от моральной гибели». В гетто были организованы четыре школы, где учились дети начиная с семилетнего возраста, два детских сада, интернат для беспризорных детей, гимназические курсы для мальчиков и девочек старшего возраста. (Интересно, о чем думал какой-нибудь учитель математики, втолковывая обреченным детям теорему Пифагора, — неужели о том только, чтобы ученики быстрее и лучше его поняли?)

e-x

В гетто бывали даже театральные представления, давались концерты, существовал оркестр, число музыкантов в котором таяло от недели к неделе.

«Нормально также работала старая библиотека «Общества по распространению знаний» («Мефице-Гасколе») на ул. Страшуна, № 6. За изъятием по приказу немецких властей небольшого числа книг коммунистического содержания здесь имелось еще много книг на разных языках и по разным отраслям знания, а также художественной литературы. При библиотеке был хороший читальный зал. Как приятно было видеть тут сидевших за длинными столами людей, молодых и старых, серьезно углубившихся в чтение!..»

Еще больше удивляла спортивная площадка, где молодые люди занимались гимнастикой, увлеченно предавались подвижным играм. «Глазам не верилось. Хотелось крикнуть: «Что это? Сон или явь?..» От парадоксальности происходящего хотелось радоваться и плакать...» — пишет Григорий Шур. И прибавляет, как бы наперед отвечая на сегодняшние недоуменные наши вопросы: «Но, может быть, правы те, кто, притворяясь, что жизнь течет нормально, что все в порядке, что ничего кошмарного не происходит, или действительно не видя окружающего нас забора гетто, ведет эту ежедневную систематическую работу, забывает или старается забыть, что все мы находимся на железной ладони, готовой захлопнуться в любой момент...»

Люди забывают, стараются забыть, не хотят видеть, но настает день, железная ладонь снова сжимается и бросает новые сотни людей на смерть.

«Был такой случай... Одна девушка, хорошая пианистка, была уже брошена в ворота, где собирали всех тех, кого должны были увезти на расстрел. Еврейский комендант гетто г. Генс попросил немецкого офицера г. Геринга, руководившего «операцией», оставить талантливую музыкантшу в живых. Г. Геринг согласился подарить ей жизнь, если она действительно талантлива. Где-то нашелся инструмент, и девушка сыграла рапсодию Листа, прекрасно (говорили присутствовавшие) — как перед смертью». Ее не расстреляли — на этот раз.

Понятие «чистка» в обиходе гетто означало очередное уничтожение определенной части находящихся там евреев. В рукописи Григория Шура открывается подробно обдуманная механика «чисток». Сперва некоторому числу согнанных в гетто людей выдали белые рабочие свидетельства, «шайны»; все, не

получившие такие «шайны», были обречены. Затем на какой-то части этих «шайнов» сделана была надпечатка «специалист» — и уже лишь «шайн» с надпечаткой давал право остаться в живых. Спустя время белые «шайны» с надпечаткой обменяли на желтые — число желтых свидетельств было крайне ограничено, получить таковой стоило большого труда. «Тут было поле для несправедливости, — пишет Григорий Шур. — Очень часто случалось так, что действительно специалисты оказывались обойденными и выброшенными за борт, а неспециалисты разными способами и уловками, главным образом за деньги, получали эти драгоценные желтые «шайны». При этом было обделано много темных делишек...» Они — мастера разделять и властвовать, все эти сталины, гитлеры разного масштаба и чина, — на этом возрастают и держатся тоталитарные режимы.

В одной из тетрадей, почти целиком посвященной описанию этой разработанной системы «чисток», находим страшную картину перерегистрации желтых «шайнов». «Все чистки, проведенные в гетто, начинались совершенно неожиданно... Ночью, когда люди уже спали, еврейские полицейские являлись в каждый двор и выкрикивали, что обладатели желтых «шайнов» должны немедленно идти в Еврейский Совет (юденрат) для новой регистрации своих свидетельств. Поднялась страшная суматоха. Все понимали, что опять готовится что-то недоброе... Лил дождь. Тьма была кромешная, зги не видать. Зажигать огонь было строжайше запрещено из-за налетов авиации. Люди толпились в темноте, натываясь друг на друга. Все спешили в Еврейский Совет. Уже на улице перед домом Совета была ужасная давка, а на дворе, и особенно на лестницах, ведущих на второй этаж, где проводилась регистрация, давка была просто невероятная. Люди были так стеснены, что некоторые падали в обморок от духоты, изнеможения, отсутствия сил пробраться в комнаты. Что творилось, просто невозможно представить тому, кто сам там не был. Хаос, крик, плач, толкотня и драки доводили до исступления. За столиками сидели люди, записывающие №№ желтых «шайнов», имена их обладателей и членов их семейств. Для членов семьи тут же выдавались маленькие, простые карточки голубого цвета с номерком... Какие душераздирающие сцены, какие трагедии разыгрывались тут, в этих тесных коридорах и комнатах, где люди, не имеющие желтых «шайнов», умоляли счастливицев спасти им жизнь, приписать к спискам как членов семьи, чтобы получить этот голубой номерок. Люди были готовы отдать за

это все, что имели... Можно было спасти жизнь многим людям. Но не все оказались на высоте человеческого достоинства. Некоторые требовали за приписку и номерок от этих несчастных огромные суммы, другие боялись помочь своим братьям в беде, опасаясь за свою жизнь...»

«Этот клочок ничтожной бумаги с номерком, отбитым нумератором», означал жизнь,— пишет Григорий Шур. «Люди знали, что это только отсрочка смерти... но жить, хотя бы еще некоторое время, все же лучше, чем умереть сейчас же, немедленно». Сжимая в потной ладони желтый кусочек картона, часто дарованный случайностью или добытый обманом, подкупом, добытый-отнятый у другого, с кем делил вчера лист газеты, расстеленный на полу вместо простыни, к кому прижимался минувшей ночью, спасаясь от холода, пробирались удачники сквозь стонущую, мечущуюся толпу — «уходящие счастливыцы!.. Они все человековеды от дьявола — гитлеры и сталины! Ужас в том, что в страшной, поистине смертельной битве за нового цвета бумажку люди начинали ненавидеть друг друга больше, чем своих убийц.

Оставим ненадолго в стороне — как нечто само собой разумеющееся — уничтожение евреев немцами и литовцами; важная, мучительная и постоянно зовущая к раздумьям тема записок Григория Шура — присвоенное или полученное (не свыше, не от Б-га, конечно, а от немецких властей) одними евреями право распоряжаться жизнью и смертью других.

Сначала — короткая дневниковая заметка от 5 ноября 1942 г. «Трагизм положения евреев в гетто так велик, что трудно его выразить словами. Разве не кошмарно такое положение, когда люди должны выдать в руки палачей своих братьев на убой... В пятницу, 30 октября 1942, возвращающиеся с лесных работ еврейские рабочие привезли с собой съестные припасы, полученные в обмен на одежду. Они были задержаны, съестные припасы были отобраны, только благодаря вмешательству немецких солдат, руководивших группой, рабочие не были арестованы. Через несколько дней гестапо, узнав об этом, прислало еврейскому представителю гетто* приказ выдать на расстрел за это «преступление» 100 человек. После долгих торгов сошлись на 10 женщинах. Как ни ужасно, ни дико это бы

* Автор постоянно пользуется этим термином — «представитель гетто»: имеется в виду представитель от гетто или еврейский представитель в гетто немецких властей.

показалось умственно здоровым людям, соглашение было воспринято с «радостью», оттого что удалось покончить «дело» такой ценой, и эти 10 жертв, 10 одиноких женщин, мужей которых увели уже раньше, были выданы на расстрел. Они были расстреляны, и одежду их вернули».

Скорее всего эти женщины все равно погибли бы вместе с тысячами прочих обитателей Виленского гетто. И все же, все же... Было ли право (подлинно — высшее) у группы людей, теми или иными способами продлявших собственное существование, из каких бы то ни было соображений вершить судьбами остальных, отданных им во власть (призрачную, как мы понимаем)?.. Впрочем, даже нам, через полвека, поставив такой вопрос, вряд ли удастся и после долгих серьезных размышлений дать на него однозначный ответ.

В рукописи Григория Шура, на всем протяжении ее, сталкиваются две идеи, два полярных настроения и, соответственно, две политики, только и возможные в эпоху Катастрофы: героическая и прагматическая. Одни полагали, что лучше умереть в борьбе, чем дать уничтожить себя безнаказанно, с растоптанной душою покорно ожидать смерти. Другим представлялось, что сговором с убийцами, лавированием, уступками удастся уберечь от гибели некоторое число евреев.

Сегодня в Израиле, да и по всему свету новое поколение требует у старшего ответа: почему позволяли убивать себя, не сопротивлялись? Но исторический опыт молодых неизмеримо больше нашего: он включает в себя также историю Катастрофы и сорок лет существования государства Израиль. Молодые, даже те, кто не слышал о Масаде*, живут с убеждением в ее правоте. Но Масаду не объявишь приказом, не начнешь по доброму совету: к ней приходят в единении мысли и чувства. История восстания Варшавского гетто открывает нам, как вырезает дух Масады.

В Вильне преобладали прагматики, возглавляемые Якобом Генсом, бывшим офицером литовской армии, назначенным в октябре 1941 г. руководителем (представителем, комендантом) Виленского гетто. Не поспешим осудить их, как не спешит с осуждением Григорий Шур. Герои прекрасны (и автор неизменно любителюется ими), но всякое их деяние, как оно ни при-

* Все защитники этой крепости на берегу Мертвого моря, не будучи более в силах противостоять римлянам после долгой осады, предпочли убить друг друга, в том числе женщин и детей, или покончить с собой, но не сдались на милость победителей (это произошло в I в. н. э.).

влекательно, влечет за собой смертный приговор сотням и тысячам остальных, цепляющихся за жизнь и надеющихся на чудо. Нам, с нашим сегодняшним знанием, что все равно почти все погибли, легче гипотетически решать судьбы этих сотен и тысяч. Героизм, без сомнения, вел к многочисленным жертвам, но он возвышал души; прагматизм с его практикой выгадывать жизнь одним за счет других (иного способа не было) растлевал души, учил подставлять ближнего под пули, убеждать палачей в своей верности и необходимости, сам бросался навстречу этому любезному порабощителю «разделяй и властвуй». Прагматики, конечно же, надеялись, что хоть кому-то дарят жизнь, а не только оттягивают всеобщую смерть. И все же непросто найти оправдание тому, что можно торговаться с убийцами, согласовывать число завтрашних смертников, определять пригодность того или иного человека к дальнейшей жизни, деловито составлять списки, приговаривая к смерти себе подобных, провожать их на расстрел, еще и доказывая себе и другим, что действуешь с благими намерениями, прямо-таки с человеколюбивыми целями. Нравственный предел прагматизма слишком часто опускается до соучастия в убийстве.

Читая записки, видишь, как легко разрушается грань между допустимым и преступным, исполнением приказа и желанием выслужиться: тут и при обычных обстоятельствах трудно балансировать — что же говорить о ситуации, когда, как тебе кажется (и напрасно!), преступая нравственную границу, сохраняешь свою жизнь. К тому же власть, даже (или — тем более) власть раба, поставленного над рабами, с ее приманками и возможностями, для людей духовно нестойких испытание непосильное.

В одной из тетрадей находим рассказ о том, как еврей-полицейский в кровь избил рабочего-подростка, надрывавшегося на прокладке железнодорожного пути, только за то, что он второй раз встал в очередь, чтобы получить еще немного похлебки из общего котла. Жестокость ретивого полицейского возмутила даже немца-надсмотрщика — с помощью палки немец тут же указал ему место в общей системе субординации.

Тут и там встречаемся мы с упоминавшейся выше «воротной стражей», охранявшей входы и выходы из гетто и подчас с чрезмерным старанием исполнявшей приказы немецких владык. Дневниковая запись от 23 декабря 1942 г. (заметим, что дело происходит зимой) рассказывает про обыск в воротах после появления приказа, запрещающего евреям иметь какие-либо деньги, а также часы и обручальные кольца. В карательные

помещения у ворот гетто людей, измученных тяжелой дневной работой, впускали группами по 20 человек. Всех тщательнейшим образом обыскивали, раздевая донага. Тех, у кого находили случайно оставленные в кармане деньги, немилосердно били. Отобранные деньги, часы, обручальные колечки небрежно бросали на стол, как бы показывая, что смысл акции не в изъятии ценностей, а именно в запрете рабам владеть таковыми. «Раздетые женщины и мужчины должны были стоять голыми три минуты, некоторым велели делать гимнастику. Приговоренным к порке давали по 25 ударов, после экзекуции, полуодетые, с ботинками и платьем в руках, они должны были бежать до дому. Били людей — Левас, начальник воротной стражи, и другие полицианты, тут же присутствовал гестаповец Мурер с помощниками. Омерзительные сцены сопровождалось громким хохотом руководителей экзекуции. Видевшие эти сцены должны были зажимать руками рот, чтобы сдерживать вырывавшиеся поневоле крики омерзения, ужаса, страха и стыда. Был морозный, темный вечер. Длинные ряды оборванных, усталых, замерзших людей в страхе ждали своей очереди быть подвергнутыми позорной процедуре... Когда этот возмутительный спектакль был окончен, Мурер поучительно сказал начальнику стражи Левасу: «Ты молодец; вот так надо проводить проверку евреев». Надо добавить, что этот Левас попал несколько дней тому назад в опалу у Мурера, его должны были уволить со службы и даже арестовать по подозрению в попытке провезти в гетто контрабандным способом воз с мукой. После вышеописанной экзекуции этот рьяный исполнитель подошел к Муреру и отдался в его распоряжение. Но довольный его «работой» Мурер сказал ему, что он остается и дальше на своем посту...»

19 октября 1942 г. отряд еврейской полиции, направленный из Вильны в Ошмяны, провел, по приказу гестапо, «чистку» евреев в местечке. «За неделю до того гестапо решило сократить за счет «непродуктивных элементов» гетто в городке Ошмяны на полторы тысячи человек. После многодневных торгов удалось отстоять женщин и детей, квоту снизили до шестисот, только старики и больные»... Цитирую не записки Григория Шура — цитирую статью очеркиста «Известий» Э. Максимова: в Иерусалиме она беседует с директором всемирно известного Музея памяти — Яд Вашем — доктором истории и отставным генералом Ицхаком Арадом. Григорий Шур уверен, что «сторговались» даже удачнее — сошлись на четырехсот шести (среди них двое детей).

Автор очерка в «Известиях» приводит протокольную запись речи председателя еврейской администрации Генса, с которой он обратился к членам виленского юденрата: «Пусть простят нас они, кем пришлось пожертвовать. Вы должны знать, что это мой долг — обогреть свои руки в крови своего народа, ибо на мне, на вас лежит обязанность сохранить молодежь и интеллигенцию, наше завтра... Я отказался участвовать в акциях в Камилишках и Быстрице, и там уничтожили всех. Тут нет места сантиментам, заботе о своем добром имени... Здесь не суд. Ни у кого нет права обсуждать то, что я сделал и буду делать. Я взял на себя всю ответственность, и мне не страшно. Страшно станет, когда я буду вспоминать». Э. Максимова продолжает: «Вспоминать Генсу не пришлось. При ликвидации гетто он мог спастись, но предпочел разделить общую участь». И далее — о генерале Араде, директоре музея Яд Вашем: «Однажды на воинском семинаре он предложил офицерам обсудить ошмянскую историю. Они каменно молчали — поступок Генса подсуден разве что Б-гу».

Судить, конечно, только Б-гу, но на суде Истории, от которого тоже никуда не денешься, не грех послушать живой голос современника событий. Он еще расскажет нам по-своему о судьбе Якоба Генса: похоже, многое, последовавшее за Ошмянами, поколебало убеждение «мне не страшно» руководителя гетто, заставило его задуматься о безусловной правоте выбранного пути, повлияло на его гибель (еще до общей ликвидации гетто). Но пока о тех, кто осуществлял акцию в Ошмянах.

«Еще на день раньше, — читаем в тетради Григория Шура, — в воскресенье, 18 октября, пришел в гетто г. Вайс, представитель гестапо, и принес форменные шапки литовских солдат (те самые, добавим, которые внушали ужас евреям. — *В. П.*), только с металлическими значками «звезды Давида». В тот же день еврейские полицейские стали снимать у проходящих по улицам гетто евреев кожаные пальто. Это нужно было для экипировки «карательной экспедиции» еврейских полицейских: мало им было участвовать в омерзительной миссии, они желали для пущей важности иметь «солидную» внешность. Всего было одето в форменные солдатские фуражки 22 полицейского. Утром 19 октября они под руководством г. Деслера, заместителя коменданта еврейского гетто в Вильне, и под начальством г. Вайса поехали в Ошмяны «чистить» евреев... Вид вернувшихся еврейских полицейских в форменных литовских фуражках являл собой картину низкого падения людей, служащих

своим убийцам. Они, еврейские полицианты, вошли в роль, стали дерзки, нахальны, грубы, жестоки и воображали себя истинными владыками над жизнью и смертью прочих несчастных своих братьев в беде. Они воображали себя почти немцами из гестапо и думали, что гарантируют себе жизнь своей низостью и послушанием».

Это — обратная сторона политики прагматизма, построенной на заранее обреченной попытке «сторговаться» с немцами, «договориться»*. Точно так же была заранее обречена взятая на себя Генсом и юденратом «обязанность сохранить молодежь и интеллигенцию». Что до интеллигенции, то она оказалась среди первых жертв — она была физически слабее остальных узников гетто, не приспособлена к физическому труду; между интеллигентами было очень мало специалистов, нужных немцам и получавших спасительный «шайн». Молодежь, лучшие ее представители, не ринувшиеся в полицианты, в значительной своей части тяготела к борьбе, несмотря на принимаемые Генсом меры, уходила в партизаны, да и внутри гетто линия Генса и юденрата встречала достаточно сильное сопротивление, подчас открытое. Если не всеобщее презрение, то всеобщее сомнение, что есть цена, заплатив которую пусть меньшинство, пусть хоть кто-нибудь из обитателей гетто останется в живых, укоренялось с каждой проводимой в гетто акцией. Сразу вслед за описанием возвратившихся из Ошмян полициантов Григорий Шур замечает: «Но как тут теперь стало известно, немецкое гестапо в Барановичах вырезало все еврейское гетто в числе 9000 человек, в том числе всех полицейских во главе с комендантом и Советом».

В первых числах апреля 1943 г. такое же известие пришло из Гродно: гетто — около 25 тысяч человек — ликвидировано полностью. Известие совпало с мероприятиями, энергично проводимыми немцами в Виленском гетто и вызывавшими у его обитателей самые недобрые предчувствия. Неожиданно началась паспортизация евреев и выдача каждому жестяного номерка, который приказано было носить на шее («как собакам»). Паспорт представлял собой сложенный вдвое кусочек желтого картона с указанием основных данных (фамилия, имя, год рождения), примет (цвет волос, глаз и т. д.) и оттиском

* Участник еврейского Сопротивления и автор многих книг о нем Хаим Лазар-Литаи называет эту политику юденратов «системой спасения меньшинства за счет большинства», «выдачей многих ради спасения немногих» (Восстание Варшавского гетто. Израиль, 1991. С. 121).

пальца взамен фотографии. Власти объяснили свои действия необходимостью точнее наладить учет для распределения продуктовых карточек, но евреи уже были на горьком опыте научены тому, что всякая перемена в их жизни ведет к худшему.

В эту же пору резко ужесточились наказания за «проступки». Обнаружение при обыске запретных вещей, — а запретным стало теперь все: съестные припасы, деньги, часы, карандаш, гребешок, зеркальце, — каралось уже не публичной поркой, а смертью, причем расстреливали не одного «ослушника», но и всю его семью. «Представитель гестапо г. Мурер неожиданно прибегает несколько раз в день и вечером, — пишет Григорий Шур, — заглядывает в горшки, когда люди, придя с работ, варят себе пищу, осматривает грязные ведра с мусором — не выбросили ли туда в данную минуту что-нибудь из запрещенных продуктов, т. е. таких, которых не получают по карточкам. Если найдет у кого лук или яйцо, сало, мыло, а также книжку для чтения — горе тому и всей его семье. В последнее время ежедневно почти приезжает в гетто эта страшная зеленая автомашинка гестапо и забирает свои жертвы. И эта кошмарная жизнь продолжается, и люди еще живут в глубокой надежде остаться в живых и дожидаться светлых дней. Разве есть на свете более верующий в чудо народ...» Эта запись сделана 4 апреля 1943 г.

Большую тревогу вызвало переселение в Вильну евреев из гетто окрестных небольших городков и местечек — Ошмян, Свенцяи, Реши, Михалишек и др. Жизнь евреев в этих маленьких гетто была намного благоустроеннее, нежели в Виленском. При их создании было меньше строгостей, и евреи смогли захватить с собой туда кое-какое имущество; в местечках сохранялась более тесная связь жителей гетто с окрестным населением, путем обмена они имели возможность добывать продукты. И вот в первые дни апреля 1943 г. всем евреям из этих гетто приказано в течение суток собраться и прибыть в Вильну. Официальная причина — потребность соединения евреев в больших городах — Ковно, Шавлях, Паневеже, что, кстати, оберегает их от обвинений в сношениях с русскими партизанами. Приказ вызвал в местечках понятный переполох, начались лихорадочные сборы; вещи и съестные припасы переселенцам велено было сложить на крестьянские подводы, — спустя некоторое время обозы и колонны узников при них, окруженные литовскими солдатами и полицейскими, выстроились у ворот Виленского гетто. Совет гетто начал размещать несколько тысяч вновь прибывших; их расселяли в пустых сараях, сина-

гогах, магазинах, у знакомых (да и у незнакомых тоже); власти тщательно ревизовали доставленное на возах имущество, изымая все, что считали нужным.

В эти же дни были сняты и возвращены в гетто виленские евреи, жившие в загородных лагерях и занятые на лесных и торфяных работах.

Операцию по переселению евреев осуществляла еврейская полиция Виленского гетто во главе с Якобом Генсом. Он лично объезжал города и местечки, разъясняя евреям необходимость и преимущества их размещения в крупных гетто, «убеждая всех, что он везет их на жизнь, а не на смерть». Среди пожелавших перебраться в Ковно были и евреи из Виленского гетто, наслышанные, будто в Ковенском жизнь легче и безопаснее. На некоторых успокаивающе действовали заверения властей, что вывоз будет осуществлять еврейская полиция под началом Генса и начальника полиции Деслера.

Запись 4 апреля 1943 г.: «Начало конца как будто уже начинается. В гетто стало известно, что на железной дороге стоят приготовленные около 80 товарных вагонов, чтобы вывезти из Виленского гетто — и в первую очередь вновь прибывших евреев. Куда и зачем?!» И чуть ниже: «В 4 часа дня вывели из гетто задними воротами арестованных в предыдущую ночь людей, подозреваемых в разных «преступлениях» и спекуляции. Таких набралось 6 вагонов. Кто будет переселять их в другое гетто? Разве не ясно, что их переселяют на тот свет?..» Но то, что ясно простому узнику, поразительно не ясно тем, кто взял судьбу соплеменников в свои руки.

Все 80 вагонов заполняются евреями из окрестных мест и теми виленскими, которые пожелали переехать в Ковно. Накануне, рассказывает наш автор, евреи-рабочие из технических мастерских гетто под наблюдением гестаповцев заделывали окна вагонов колючей проволокой и тщательно забивали досками все отверстия в полу и стенах. Это само по себе было подозрительно, но люди поверили Генсу, а Генс в свою очередь поверил гестапо, что транспорт будет сопровождать еврейская полиция. «И сидевшие в вагонах были даже веселы, пели песни, ели и пили, т. к. взяли с собой из местечек и городков в значительном количестве съестные припасы, и были довольны, что едут в большой город Ковно, где гетто считалось самым просторным и относительно благоустроенным».

Читаем уже запись о событиях 5 апреля, сделанную, видимо, несколько дней спустя на основании свидетельств очевидцев:

«Но вот к последнему вагону, где сидела еврейская полиция во главе с представителем гетто г. Генсом и шефом еврейской полиции г. Деслером, подходит польский ж. д. рабочий и, оглядываясь по сторонам, чтобы не быть замеченным немцами, шепотом говорит: «Евреи, берегитесь! Поезд идет не в Ковно, а только до Понар. На это только расстояние выдано угля и смазочных материалов. Спасайтесь!»

Это известие ошеломило представителя гетто г. Генса. Он сразу понял, что тут что-то неладно. Но он все же не допускал, чтобы его так обманули. Ведь он имеет бумагу от окружного комиссара г. Вильны, что везет транспорт в Ковно. Ему ведь г. Мурер показал бумагу г. Миллера, представителя ковенского гестапо, что им нужны 5000 еврейских рабочих. Он спешит к дежурному по станции немецкому офицеру, но тот заверяет его, что поезд идет в Ковно. Г. Генс возвращается обратно в вагон и сообщает о своих подозрениях г. Деслеру, но размышлять уже некогда: поезд трогает с места, и еврейская полиция, встревоженная и взволнованная, едет неизвестно куда, сидя в последнем вагоне огромного эшелона. Но вот поезд медленно проезжает через малый тоннель перед ст. Понары, и тут слышатся вдруг голоса агентов гестапо и солдат литовского особого отряда. Все сразу стало ясно... Поезд останавливается на полустанке Понары... К вагону, в котором сидят еврейские полицейские, подбегает представитель гестапо г. Вейс и велит им немедленно сесть в грузовую машину и ехать в Вильну, в гестапо, и там ждать его возвращения. Еврейская полиция, таким образом, на этот раз спасена.

Тогда начали открывать по порядку вагоны, выводить оттуда людей по вагонам, загонять на приготовленную площадку, окруженную литовскими солдатами, а также в огромную яму. Там все должны были под ударами нагаек и ружейных прикладов раздеться донага, снимая даже нижнее белье и оставаясь совершенно голыми, все мужчины, женщины и дети загонялись голыми через канал, идущий из первой ямы в другую, где их и убивали. Разъяренные, пьяные солдаты особого отряда, в количестве около 100 человек, под руководством десятка немцев, агентов гестапо, стреляли в пригнанных людей из ружей, револьверов и пулеметов, туда же, в яму смерти, бросали ручные гранаты...

Когда люди, сидевшие в задних вагонах, увидели, что делают с теми, кто был в передних, они в отчаянии и панике начали выламывать окна и двери и разбегаться в разные стороны. Но

литовские солдаты и агенты гестапо расстреливали убегающих на лету, как птиц, жертвы падали тут же, на полотне железной дороги, или недалеко, в лесу, где их настигали пули. Иногда агенты гестапо и сам г. Вейс гонялись за убегающими по лесу и там убивали их револьверными выстрелами. Некоторые молодые, здоровые люди отчаянно бросались на своих убийц с маленьким перочинным ножиком или чем-нибудь другим, утаенным и попавшим под руку. Тут были убиты двое литовских солдат и ранен один немец-гестаповец.

Расстрел обманутых людей продолжался с 11 часов утра до 3 часов дня пополудни. Убито было около 5 тысяч человек. Спаслись очень немногие. Один человек спасся, спрятавшись в вагоне с вещами, где он пролежал под мешками с одеждой и едой два дня. Некоторые уцелели от пуль, удачно спасшись бегством, и на следующий день возвратились в Виленское гетто. Немецкие власти, узнав об этом, издали приказ, чтобы евреи, прибывшие самовольно в гетто, немедленно были выданы...

Уверенность гестапо в послушании еврейской полиции была настолько велика, что на следующий день после этой страшной трагедии, когда все гетто было потрясено известием об ужасающей бойне, устроенной в лесу при ст. Понары, агенты гестапо с г. Вейсом во главе приехали со своей большой зеленой машиной, в которой могут поместиться человек 30—40 и в которой часто из тюрьмы вывозили на расстрел в Понарах арестованных людей, и потребовали от Генса немедленно дать им 25 полицейских, бывших вчера в Понарах. В гетто начался обычный переполох, усиленный страхом вчерашних убийств. Все стали прятаться по углам. Перепуганный представитель гетто наскоро собрал требуемое число полицейских и выдал их г. Вейсу, который увез их на своей машине. Куда и зачем уехали эти 25 полицейских — никто не знал. Как потом оказалось, их увезли сначала в виленское гестапо, а оттуда в Понары, и они должны были собирать и хоронить мертвых евреев, лежавших в разных местах в лесу, где они были настигнуты пулей.

Кроме того, еврейским полицейским приказано было всю одежду убитых, лежавшую в первой огромной яме, где они раздевались перед смертью, собрать и загрузить в товарные вагоны и вместе со всеми домашними вещами и съестными припасами отправить в Вильну... Доверчивость провинциальных евреев, уверенность, что их действительно везут в Ковенское гетто, были так велики, что они взяли с собой подушки, одеяла, кухонную посуду и всякую домашнюю рухлядь. Все это

было привезено в Вильну на склады гестапо, где еврейские же рабочие из гетто, в присутствии агентов гестапо и под их контролем, должны были тщательно сортировать вещи убитых, искать, не спрятаны ли в них деньги и драгоценности. Хорошую одежду и вообще все лучшие вещи забирали немцы. Ветхая одежда, порванные одеяла, подушки, кухонная рухлядь были отосланы в гетто. Когда подводы, нагруженные этими вещами, стали въезжать в гетто, население его как бы пронзил электрический ток... Убийцы открыто показывали оставшимся еще в живых евреям, что было сделано только что с их братьями и что ждет их впереди.

Все поняли этот вызов, но безоружные и бессильные люди ничего иного не могли предпринять, как только в ужасе ждать своей очереди. Да набожные евреи, как обычно в таких случаях, объявили ближайшие дни днями поста и траура в память об убитых. Это все, что сделали несчастные рабы...

Когда через несколько дней немецкая Биржа труда потребовала от гетто известное количество евреев на работы, еврейская Биржа труда Виленского гетто многозначительно ответила, что рабочих «вывезли в Ковно»...

Виленскому гетто оставалось еще жить около полугода. Оно было окончательно ликвидировано в двадцатых числах сентября 1943 г. Ликвидации предшествовало «изъятие» все новых и новых партий людей, отправляемых на расстрел. Так, в конце августа были арестованы молодые мужчины и женщины, которые намеревались в случае начала ликвидации гетто встретить убийц с оружием в руках. Эти группы были, видимо, выданы провокаторами. Четверо суток, 1—4 сентября, в гетто продолжалась кровавая «акция», проводимая с помощью эстонских полицейских: придравшись к тому, что в кратчайший срок не была собрана затребованная немцами тысяча мужчин, гестаповцы и их помощники начали «общую ловлю» — хватили всех, кто, представлялось им, способен к сопротивлению. Генс, по свидетельству нашего летописца, видя, что населению гетто грозит полное уничтожение, вызвался сам набрать нужное число людей: он надеялся, что это предотвратит активность гестаповцев и таким образом уменьшит число жертв. Еврейская полиция, которая поначалу разбежалась и спряталась, приняла участие в «акции». Ей на помощь Генс призвал подонков, воров, ломовых извозчиков.

Генс, как говорили позже, знал также о существовании хорошо вооруженной группы молодых людей, решивших защи-

щаться до последней капли крови. Эта группа находилась в одном доме на ул. Страшуна, и руководитель гетто всячески старался не допустить туда гестаповцев и их прислужников. Отстранив приготовившуюся к самозащите группу от борьбы, Якоб Генс, как ему казалось, предотвратил полную катастрофу.

В ходе «акции» были обнаружены, подчас обманом или с помощью предателей, многие «малины» — заранее устроенные в толстых стенах и погребках укрытия, тщательно замаскированные, даже снова замурованные. Узнав о существовании «малины», пришедшие с немцами солдаты пробивали дыру в стене или в полу и бросали в тесное, забитое людьми помещение ручную гранату. Взятых живыми и добровольно вышедших из укрытия тщательно обыскивали, загоняли в грузовые машины и увозили; за каждым грузовиком следовал автомобиль гестапо с установленными на нем пулеметами...

В ходе «акции» заминировали и взорвали три больших каменных дома, под их обломками погибло несколько сотен человек. Все четыре дня в гетто были выключены электричество и вода. Паника была неимоверная. Многие женщины сами просили, чтобы их отправили вместе с мужьями. Но схваченные в первые дни мужчины были уже далеко. Как только грузовики доставляли к железной дороге группу людей из гетто, их тут же погружали в вагоны, двери закрывали, закручивали проволокой и пломбировали, через несколько часов поезд отъезжал под охраной гестаповцев и вооруженных солдат. Товарные вагоны подавали составами по 50 вагонов на железнодорожную ветку на улице Россу, где раньше был склад дров и каменного угля.

В течение первых четырех дней сентября гетто хотя и не было уничтожено, однако было уже совершенно повержено. Всего было схвачено и вывезено около 8 тысяч человек. В понедельник 5 сентября 1943 г. Виленское гетто было объявлено закрытым, то есть никто уже не мог ни войти туда, ни выйти оттуда. На виленском вокзале был вывешен плакат: «Вильно свободно от евреев». В гетто оставались еще евреи, но для немцев они как бы уже не существовали...

Просматривая записки Григория Шура, обнаружим, что до нас, видимо, не дошла полностью одна из самых страшных глав, которую автор предполагал назвать «Похищение детей». Массовое уничтожение еврейских детей в одних случаях, там, где палачи опасались хотя бы попытки сопротивления со стороны родителей, обставлялось разного рода тактическими «хитростями», в других, когда такого сопротивления заведомо

не могло быть, производилось откровенно и бесцеремонно. Но и уцелевших страниц довольно, чтобы в воображении встала фантазмагорическая картина, казалось бы, немислимой, невозможной жестокости. Вот евреев-рабочих заставляют «готовить вагоны» — заколачивать окна и заделывать их колючей проволокой, при этом гестаповец предупреждает их: «Даю вам офицерское слово, что это не против евреев»; а час спустя эти же рабочие, уже изолированные, видят, как в «приготовленные» ими вагоны «сваливают как мусор», по выражению автора, маленьких детей, матерей с младенцами, стариков. Но вот, — Григорий Шур рассказывает об этом со скорбной гордостью, — некто г-жа Жуковская бросает в лицо гестаповцу, что, пока жива, не отдаст ему ребенка, — и, конечно, получает пулю в затылок; но своими руками ребенка — не отдала!..

Наиболее подробно рассказывает автор о «похищении детей» в рабочих блоках меховой фабрики «Кайлис». Уже говорилось, что сам он пережил ликвидацию гетто: около двух тысяч евреев, трудившихся на этой фабрике, в военных автомобильных мастерских и еще на нескольких объектах, были нужны немцам и потому расстреляны ими лишь при отступлении, уже в 1944 г. Дети, жившие с родителями в рабочих блоках, тоже «зажились» в сравнении со своими сверстниками, помещенными в гетто. Их убили месяца за два до того, как расстреляли родителей, — 27 марта 1944 г.

«Всюду заранее были подготовлены списки, дети рассортированы и распределены по группам. Надзиратель в блоках «Кайлис», рафинированный и хладнокровный гитлеровец Рихтер, задолго до «акции» проводил частые проверки, так наз. «аппели», и постепенно приучил к ним детей — они совершенно безбоязненно выходили на эти «аппели».

В злосчастный понедельник 27 марта 1944-го детей, по обыкновению, вывели на проверку якобы с тем, чтобы после по спискам отправить их на медицинское освидетельствование в военный госпиталь. До этого в 6 часов утра Рихтер появился в сопровождении какого-то немца, указав на него как на «врача», и обратился с «невинным» вопросом к еврейским комендантам блоков, имеется ли у них подходящее помещение для проведения медицинского освидетельствования детей, сам прекрасно зная, что такого помещения нет, что теснота всюду неимоверная. Но «невинный» вопрос был задан с определенной целью — усыпить внимание евреев, отвлечь их от надвигающейся опасности. Когда Рихтеру указали на одно возможное

место — подвал, где был устроен детский клуб и где незадолго перед тем была проведена регистрация всего населения блоков, гитлеровец мягко возразил, что там будет неудобно. Всех рабочих он приказал раньше обычного отправить на фабрику, а детей в близлежащий госпиталь. «Там будет лучше»,— добавил он спокойно.

Ничего не подозревая, рабочие ушли на предприятие, хотя им могло показаться странным, почему на этот раз трудовой день начался на полчаса раньше, а доверчивые дети поскорее умылись, приоделись по красивее и поспешили на «медицинское освидетельствование». Когда все дети были собраны в госпитале, вдруг приехала грузовая машина с литовским особым отрядом во главе с известными гитлеровцами Шредером, Милем, Газеном и началась вся эта страшная ловля детей...

Когда ватага вооруженных ружьями, револьверами и ручными гранатами исполнителей ввалилась в госпиталь, старшие дети и матери, державшие малюток на руках, сразу поняли, что попали в страшную ловушку. Начался невероятный крик и плач... Тогда один из гестаповцев торжественно заверил всех, положив при этом руку на сердце, что никому ничего не грозит, просил, чтобы все были спокойны. Затем детей начали выводить из помещения и сажать на подъехавшие к этому времени грузовики... Машины немедленно отъезжали одна за другой. Матерей, которые хотели ехать со своими детьми, нарочно не пускали, а тех, которые не хотели ехать, непременно забирали... Лишь нескольким детям удалось спастись, спрятавшись в самом госпитале под кроватями и под сложенными во дворе досками...» Среди спасшихся, прибавим от себя, была племянница автора, девочка лет двенадцати; после, в гетто, ее прятали в углу за шкафом, закатывая в постельный матрас,— зато ей выпало счастье быть расстрелянной со всей своей семьей.

Впечатляющая подробность: гестаповец Рихтер после им же проведенного «похищения детей» как ни в чем не бывало заходит в квартиры блоков, проверяет, не уцелел ли ненароком удачливый еврейский ребенок, и всего более потрясает автора спокойствие гестаповца — не то чтобы даже убежденность в своей правоте, а какое-то беспамятно-беспечное отношение к произошедшему: людоед входит в дома родителей, у которых только что сожрал детей, именно как ни в чем не бывало.

«Ужас, холодный и зеленый ужас воцарился в блоках... Сердца еврейских родителей опустели, как опустели квартиры... Никто не хотел больше жить»...

Однако возвратимся к последним дням Виленского гетто.

14 сентября 1943 г. был убит руководитель гетто Якоб Генс. «В 4 часа пополудни он был приглашен в гестапо и через два часа в гетто уже стало известно, что его застрелил самолично начальник гестапо г. Нойгебауер... Весть об убийстве г. Генса молнией пронеслась по всему гетто и поразила всех его обитателей. Все сразу почувствовали себя осиротевшими и беззащитными...»

В записках излагается несколько версий гибели Якоба Генса. Согласно одной из них, Генс, узнав заранее, что назначен день ликвидации гетто, сообщил новость ближайшим своим сотрудникам. Он еще надеялся, увеличив насколько возможно производительность мастерских, убедить немцев в приносимой евреями пользе; но если ничего не поможет, он предложил открыть ворота гетто и позволить всем оставшимся в живых евреям разбежаться кто куда захочет. Шеф еврейской полиции Деслер донес о решении коменданта в гестапо. Другие версии — более «романтические» — связывали Генса с подпольными литовскими и еврейскими организациями, партизанами и т. п. Во всяком случае, утром 14 сентября Генса, кажется, предупредили, что он будет ликвидирован, и посоветовали ему бежать или скрыться в самом гетто. Он отказался: его исчезновение может привести к гибели всех остальных. У ворот гетто он простился со своим братом Соломоном, просил принести ему коробку папирос и ушел, предупредив, что если не вернется до 8 часов вечера, значит, вообще больше не вернется. Он больше не вернулся. «Так погиб человек, который хотел с честью выйти из того ужасного, запутанного положения, в которое сам поверг Виленское гетто, а подлец, предатель и сам по себе полное ничтожество Саул Деслер предал его, своего начальника и товарища, и, украв огромную сумму общественных денег, удрал», — замечает автор записок. И еще: «Если раньше было в гетто два мнения о г. Генсе, были у него сторонники и противники, то теперь уже не было врагов у него».

Окончательная ликвидация Виленского гетто началась 23 сентября 1943 г.

«В 11½ часов утра гетто было густо окружено немецкими солдатами, вооруженными с ног до головы, в стальных касках, с ручными гранатами, точь-в-точь как на поле сражения. На этот раз солдаты не только окружили гетто — их тесно сомкнутые ряды стояли начиная от ворот гетто, вдоль улиц Гетманской, Сиротской — до ул. Россу, где проходила ветка железной

дороги... Представители гестапо гг. Китель и Ликнер с балкона б. квартиры коменданта гетто г. Генса еще накануне рокового дня объявили евреям, чтобы все были готовы к 12 часам следующего дня к отъезду, т. к. Виленское гетто «эвакуируется»...

Всем стало ясно, что наступил последний день их жизни. Притом, что поднялась невероятная паника, большинство людей, измученных голодом и бессонными ночами, отнеслись к этому почти равнодушно: пусть будет что будет, лишь бы скорее конец... О каком-либо противодействии не могло быть и речи. Чтобы окончательно истощить людей, немецкие власти оставили население гетто на некоторое время даже без той ничтожной пищи, которую евреи получали по карточкам...

Если раньше еще могло быть организовано какое-нибудь сопротивление, то со смертью г. Генса это стало совершенно невозможно, т. к. в гетто не было никакой организаторской силы, никакого авторитетного человека, вокруг которого могли бы уцелеть остатки молодых сил. Тут обнаружилась ошибочность тактики г. Генса, который все время шел по линии уступок немцам и выдавал им по их требованию все новые и новые тысячи людей. Он не только не организовал евреев в гетто для борьбы с немцами, а, наоборот, ослабил их и в результате довел до того плачевного состояния, в котором они оказались в последний день.

Немногие уцелевшие молодые люди начали ночью на рассвете рокового дня разными путями покидать гетто: проламы-вали ворота, ведущие на соседние улицы, выбирались через канализационные ходы...

В 11½ ч. утра 23 сентября в гетто вошел г. Китель с солдатами, агентами немецкой и литовской полиции и начал выводить людей...»

Люди выходили маленькими группами, иногда поодиночке. С маленькими узелками, подавленные, едва волоча ноги, они медленно шли между шпалерами солдат...

Всех вышедших из гетто сначала направили на Сиротскую улицу, где происходила сортировка... «Мужчин отделили от женщин и погнали на ул. Россу, где был пункт для погрузки евреев в товарные вагоны, а женщин, детей и стариков загнали в обширный двор бывшей (в польские времена) Биржи труда на Сиротской ул., 19, и в соседний двор церкви отцов-миссионеров. Там, на сырой земле и в болоте, вблизи искусственных прудов для разведения рыбы, расположилось около шести тысяч человек — под дождем пролежали они кошмарные два

дня и две ночи. Ни пить, ни есть никому не давали. Теснота, грязь, крики и плач детей, вздохи и мольбы старых и больных дополняли общую картину горя в этом лагере слез...»

Затем отправили на Понары и этих...

Гетто было отдано на окончательное разорение. Туда ворвались солдаты и стали грабить оставленные квартиры, расхищая все, что в них еще было. «В брошенных домах весь день горело электричество, зажженное с вечера, и уже некому было потушить свет. Каким-то страшным казался днем этот забытый в лампах свет. Квартиры были разгромлены, окна и двери распахнуты, стекла выбиты. По опустевшим улицам расхаживали полупьяные солдаты и на разных музыкальных инструментах, украденных в еврейском театре, наигрывали веселые песенки...»

Книга должна была открываться посвящением: «Самоотверженному и благородному человеку, идеальному и дорогому товарищу Гершену Малакевичу в знак благоговения, поклонения и удивления перед его жизнью и смертью». Гершен Малакевич — друг автора, журналист, человек мужества и чести. В первые же дни оккупации он заявил, что не пойдет умирать, как собака на живодерне. Малакевич сам отправился в гестапо, высказал все, что думает о национал-социализме, и был немедленно расстрелян.

Автор предполагал закончить книгу стихами популярного в дни его молодости Надсона:

Мир устанет от слез,
Захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой —
И поднимет к любви, к беззаветной любви
Очи полные скорбной мольбой...

Он прибавил от себя:

«Кто же учит людей любить — будет любим и почитаем людьми, и имя его будет сиять и светить во все времена и годы, ибо любовь свята и ей принадлежит будущее истинного человечества».

Это написано накануне казни, в мире, где владычествует смерть, где убийство перестало быть преступлением, сделалось повседневностью, частью быта.

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ

Г. Ландау

ВОСПОМИНАНИЯ

5

Последующие годы вплоть до середины девяностых годов едва ли внесли изменение в это положение. В это время появилось несколько новых сотрудников из среды молодежи того времени, заново вошедшей в еврейскую общественную жизнь. К этому времени и вообще численно возросла та часть петербургского еврейского общества, которая интересовалась еврейскими делами, и стала принимать участие в еврейской жизни, интенсивность которой стала быстро возрастать, оживляя деятельность еврейских учреждений; открылся новый период петербургской еврейской общественности. По-видимому, основною причиною этого перехода было значительное увеличение петербургской еврейской колонии за счет провинции. С численным ростом дипломированной интеллигенции, а также и богатевших верхних слоев купечества быстро нарастал слой евреев, получивших право жительства и возможность деятельности в столице; само собой <разумеется>, что продолжались или даже усовершенствовались и способы обхода запрещений. Принимая во внимание исторически исконную тягу еврейства в столицы, неудивительно, что еврейская провинция высылала сюда все свои энергичные, пробывавшиеся на передние места элементы. Так, конечно, уже и сызначала создавалась и росла петербургская еврейская община,— и другого пути ее происхождения и роста не было и быть не могло; да, в сущности, в значительной степени аналогично растет и общество казенное, но это последнее представляет <собой> неизменно обширный приемник, который, впитывая в себя новые элементы, поглощает, перерабатывает их, приспособляя к себе. Еврейское же

общество было малочисленно, и нарастание шло чрезвычайно быстро, переливалось за края первоначальной колонии, затопляло ее собой. Помню, как в последние годы жизни отец нередко с удивлением отмечал большое число незнакомых ему лиц и семей, и притом не из только что прибывших, а из уже вкоренившихся, между тем как по старой привычке ему было свойственно предполагать, что он знает все сколько-нибудь значащие семьи петербургского еврейства. Аналогичное замечал я и у других его сверстников. Это было чувство старожил<ов>, привыкших считать себя здесь как бы аборигенами, хотя и они лет за тридцать назад приехали в столицу из провинции,— но именно тому уже прошло тридцать лет (мой отец приехал в П<етер>б<ур>г 19-летним мальчиком, если не ошибаюсь, в 1863 году); знавших друг друга наперечет, встречавшихся друг с другом в разных сочетаниях и в разные последовательные периоды своей жизни; приблизительно знавших поэтому взаимные жизненные линии и потому друг с другом свыкшихся, постепенно заняв каждый свое положение на глазах друг у друга.

В этом чувстве был своего рода элемент аристократизма, исключительности по отношению к множеству незнакомцев, со все возрастающей быстротой заселявших столицу. Это не был аристократизм, противопоставимый «демосу», ибо среди приехавших было отнюдь не меньше богатых людей, влиятельных, деловых, со связями, ибо и приехавшие были такой же буржуазией, как и старожилы; это было своего рода аристократизмом в отношении к *homines novi, ragvenus**. Повторяю, я говорю не об определенном отношении и чувстве, а об оттенке, который мелькал в интонациях, сочетавшемся с другим оттенком, уже более определенным,— печали при воспоминании о семьях и лицах, которые ступшеывались, затирались, исчезали с горизонта.

Конечно, большинство евреев, стекавшихся в столицу, мало жили еврейской жизнью и нисколько еврейской общественностью не интересовались. Но естественно, что в этом возрастающем потоке находилось немало евреев еще почвенных, а вместе с тем — в связи <с> назревавшими общественными течениями и настроениями — возрастало число лиц, активно еврейскою жизнью, еврейскою заботой живших, готовившихся в общественные деятели или выступавших уже в качестве таковых.

* новые люди (*лат.*), выскочки (*франц.*).

Этот приток молодых общественных сил отразился и на Восходе; в середине девяностых годов в число близких сотрудников вступают четыре молодых общественных деятеля, только что переехавших в Петербург по окончании М<осков>ского унив<ерситет>a; из них двое в настоящее время уже закончили свой земной путь — Л. О. Зейденман¹⁹ и М. В. Поузер²⁰, двое ныне здравствующие сыграли заметную роль в еврейской общественной жизни — Л. М. Брамсон²¹ и Ю. Д. Бруцкус²². Последующие весьма существенные, коренные общественные расхождения этих лиц только еще начинали сказываться в их разных устремлениях на страницах Недельной Хроники, но не мешали их совместной работе в налаженном издании. Вообще же — в той плоскости, в которой я сейчас упоминаю о них, следует отметить, что общественное организовывание не отразилось перестроением редактирования Восхода на коллегиальных основаниях. К этому приблизительно времени на нервах и здоровье отца стала сказываться духота и тягота пережитой работы. Нервы, некогда, по его выражению, бывшие «как канаты», стали сдавать, стали повторяться рецидивы рожистого воспаления, определилась сахарная болезнь. Поездки за границу стали учащаться, и время пребывания за границей удлиняться. Редактирование книжек Восхода он сохранял за собой; но редактирование Хроники, естественно, должно было быть передаваемо на время отсутствия; а позже — и по возвращении — он не сразу вступал в заведование газетой, или даже и вовсе на это больше не хватало сил. Но характерно для моей темы, что и при этих, казалось бы, столь благоприятных для установления коллегиального ведения дела обстоятельствах сохранилось единоличное руководство органом. Если память меня не обманывает — один раз заместителем отца во время его отсутствия оставался Л. М. Брамсон; но, в общем, во всех остальных случаях таковым был С. О. Грузенберг, которому передавалось ведение Недельной Хроники. Единоличный характер руководства органом не менялся. В сущности, положение было такое, что руководство поручалось отцом давнишнему сотруднику, в то время — старейшему сотруднику Недельной Хроники, но — так ск<азать> — структура самого руководства от этого не менялась.

Многолетняя работа д<окто>ра Грузенберга в Недельной Хронике началась в заграничном отделе, который оставался в его ведении до конца (т<о> е<сть> до 1899 г., когда резко ухудшившаяся болезнь отца заставила его окончательно рас-

статья с Восходом, продав его группе лиц, в состав которых входили и вышеупомянутые четыре сотрудника; Грузенберг не вошел в эту комбинацию и создал свой собственный орган — «Будущность»²³). Прекрасно ориентированный в вопросах еврейской жизни, человек живого темперамента, большой энергии, даровитый, он, конечно, без труда мог взяться и за другие отделы Хроники; выдающаяся работоспособность помогала ему справляться с большой работой. Между тем отъезды отца происходили летом, когда и вообще Петербург неизменно был и до самого последнего времени оставался склонным к всеобщему разъезду. Может быть, к этому отчасти присоединилось и идейное расхождение, ибо Грузенберг представлял в Восходе крайний антиссионистический фланг, задором своих зарубежных хроник вызывая немало раздражения и против себя, и против Восхода (что, между прочим, создало особое недоумение, когда Будущность стала органом сионистическим). Правда, и отец вел искони антиссионистическую линию и вызвал немало против себя и своего органа озлобления и вражды. Тем не менее по общей своей склонности к терпимости в вопросах более теоретических, выходявших за пределы конкретной политики, отчасти принципиально считая невозможным сделать единственный русско-еврейский орган исключительно выражением одного только направления, отчасти, может быть, и потому, что к этому времени он стал менее твердо держать в руках редакторский руль, с ним, кажется, легче, чем с Грузенбергом, могли работать лица отклоняющихся воззрений. Как бы то ни было, по той ли или другой причине или по нескольким сразу, Грузенберг, оставаясь заместителем отца, не только замещал его в единоличном руководительстве Недельной Хроникой, но подчас оставался на некоторое время и едва ли не единственным в ней работником. Только редкая работоспособность его позволяла ему справляться с трудной задачей.

Эти воспоминания я привожу к тому, чтобы отметить, что так крепко было установлено, — как бы подразумевалось само собой — единоличное руководство органом, что даже в эти последние годы нарастания общественного движения и ослабления редакторской работы Восход сохранял изначально данное ему устремление и скорее шел по пути расшатывания, внутреннего разбредания, но не по пути перехода к коллегиальному ведению, к форме коллективности. Если не ошибаюсь, только с передачей в новые руки установились и новые формы управления органом.

6

Разного типа бывает единоличное руководство, и стоит несколько ближе выяснить, к которому именно принадлежала деятельность отца. Отец не был теоретиком; он был человеком дела, инициативы, ~~реального~~ созидания; не созерцатель и теоретик, а деятель, созидатель. В литературе деятель становится публицистом, ибо публицистическая статья — это не только (а иногда и не столько) литературное произведение, сколько акт, поступок — общественный или политический. Отец и был публицистом, и притом публицистом боевым. Неоднократно уже был в печати отмечаем как отличительный для Восхода и Нед<ельной> Хр<оники> — по сравнению со всей предыдущей еврейской журналистикой — его боевой тон, в особенности же в погромную эпоху начала 80-х годов. Помню, что и отец именно к этой эпохе обращался воспоминаниями как к наиболее яркой полосе своей литературной работы; главным образом он имел при этом в виду свои «Внутренние обозрения» в журнале (помещавшиеся в нем в первый год его существования до выпуска еженедельника), в частности обратившую на себя в то время внимание полемику с Аксаковым²⁴, а затем и передовые статьи первых годов Недельной Хроники. Годами отец писал множество (думаю, значительное большинство) передовых статей Недельн<ой> Хроники; помещал их, как это делали писатели того времени, без подписи, анонимно, не выделяя себя, а сливаясь с газетой, вливая себя в газету, не создавая в глазах публики своего особого писательского лица, а — определяя общественно- политическую физиономию органа. Скучная, малоподвижная, засасывающая общественно-политическая жизнь 80-х и начала 90-х годов мало разнообразила публицистические темы, непрерывная борьба с цензурой давила и притупляла, и, помнится, отцу в последующие годы становилось в тягость слишком часто возвращаться к обсужденным темам. Он охотно шел навстречу статьям других сотрудников, рассчитывая (как гов<ор>ил) найти в них больше свежести, чем у себя, и обык<н>овенно, кажется, разочаровываемый в своих расчетах. И на этом тусклом и тяжелом фоне общественно-государственного маразма 80-х годов он останавливался на воспоминании о своих статьях начала 80-х годов, как на ярком и смелом боевом моменте своей публицистической работы.

Публицист — это деятель и руководитель. На единоличном редакторском руководительстве и отражаются резко различно

типы деятеля и теоретика. Теоретик поглощен содержанием своей мысли, своей истины, своей теории; если он обладает сильной волей, активностью, способностью или даже и страстью к руководительству, он, естественно, руководит сообразно содержанию своей мысли, навязывает ее, подчиняет ей других, приспособляет к ней чужие мысли, не дает от нее уклониться. Его единоличное руководство есть подчинение по содержанию. Такое подчинение — при достаточной духовной силе руководителя и благоприятном для его идеи стечении обстоятельств — может создать духовное явление большой значительности и высокого напряжения; может при иных обстоятельствах превратиться в исключительность, в фанатическую односторонность и слепоту, может — при сочетании теоретизма, страсти к руководительству и духовной слабости — выродиться в сплошную мелочность, придиричивость и несносное менторство.

Иначе — когда руководителем является человек не теории, а дела, не теоретик, а практик. Критерием для деятеля является не соответствие теории, а реализация в действительности; цель не подчинить содержанию, а добиться осуществления. Поэтому для руководителя-деятели существеннее подобрать людей — самостоятельных людей, если можно, — и направить их деятельность так, чтобы добиться осуществления основной своей цели, а вовсе не непременно согласных с собой или всецело подчиняющихся, контролировать соответствие их проявлений своим взглядам. Если теоретик, руководя по содержанию, естественно вмешивается в каждый шаг руководимых, то практик, наоборот, легко предоставляет свободу и самостоятельность в пределах общего преследования поставленной цели.

Мало того, человек типа единоличного руководства легче и полнее предоставит своим сотрудникам самостоятельность и инициативу, нежели люди коллегиального руководства. При этом последнем — все подлежит совместному обсуждению и решению. Единоличное руководство, опирающееся на чувство самостоятельной инициативы, личной ответственности, допускает и, в сущности, даже и предполагает, требует предоставления такой же инициативы, самостоятельности — хотя бы только частичной и в некоторой степени predetermined общими рамками — и другим.

Эти соображения я и хотел привнести в характеристику единоличного руководства моего отца. Как человеку прежде всего дела, ему всего существеннее в работе было осуществление своих целей. Не связанный коллегиальным ведением и

вмешательством, привыкший к самостоятельности, он и сам охотно предоставлял самостоятельность; с другой стороны, не будучи теоретиком, он, ведя орган по определенной политико-практической линии, не подчинял воззрений своих сотрудников своим мыслям. Такое отношение находило опору или, в сущности, можно сказать — находило выражение в глубоко присущем ему чувстве терпимости, толерантности, как он любил выражаться устно и в статьях. Впрочем, к этому еще присоединялось и соображение, тоже нередко им высказывавшееся и в статьях и устно, что как руководитель единственного еврейского органа на русском языке, он и не может всецело закрывать доступа <в журнал> и представителям расходящихся с ним воззрений. Сфера его редактирования распалась как бы на ряд концентрических кругов; теснейшим кругом была собственно политико-общественная сфера, публицистика в тесном смысле слова, которую он сам и вел и которую руководил по вполне определенной линии; только с его болезнью, частыми отсутствиями и связанным с этим общим ослаблением редакторской работы в последние годы редактирования Восхода — здесь стал появляться разнобой, в который выливались расхождения молодых сотрудников. Затем около этой неизменной и определенной сферы можно наметить все более удаляющиеся от центра концентрические круги — критики, беллетристики, истории, теории, — в которых последовательно слабела неизменная определенность редакторского руководства и — в разных степенях — открывались возможности проявления и расходящихся воззрений.

Не будучи теоретиком отец не навязывал всему журналу, всем сотрудникам какого-либо предопределенного взгляда. Не будучи человеком коллегиального ведения, он отыскивал людей, которым мог бы поручать самостоятельное ведение тех или иных отделов и работ и охотно такую самостоятельность предоставлял, подчас, т<a>к ск<азать>, делегируя отдельным лицам даже и некоторые редакционные функции в тех пределах, в которых этих лиц считал компетентнее себя.

Таким образом, единоличное редактирование и руководство, работа под знаком самостоятельной инициативы и неразделенной ответственности отнюдь не приводили к односторонней узости и постоянному вмешательству, обуславливали и терпимость, и предоставление сотрудникам права в определенных пределах, но весьма широкой самостоятельности.

Если единоличным делом была редакторски-организационная работа отца по Восходу и Нед<ельной> Хр<оники> Восхода, то в не меньшей степени таковою же была и сторона издательски-организационная, материальная. Восход вырос из Еврейской Библиотеки; Еврейскую библиотеку отец создавал с большими трудностями, отголоски которых на ней же и проследимы, на перерывах в ее ведении, на издательском сообщении о необходимости отложить следующий выпуск до лучших времен и т<ак> д<алее>.

Издательская деятельность отца органически выростала из его жизненных путей. С ранней молодости, еще до первого приезда в Петербург, т<о> е<сть>, по-видимому, еще из Виленского раввинского училища, он стал сотрудничать в петербургской печати; помнится его рассказ о том, как, приехав в Петербург и зайдя в редакцию газеты, в коей он писал корреспонденции, для получения причитавшегося ему гонорара, он вызвал удивление и недоверие, как мог быть такой молоденький мальчик автором ряда напечатанных статей; было ему в то время лет девятнадцать, но по худенькой фигуре и всему облику, по-видимому, он выглядел и того моложе. С тех пор он уже не покидал журнальной работы, от времени до времени помещая статьи по еврейскому вопросу и в иных общих изданиях, в которых постоянно работал, и вместе с тем сотрудничал и в изданиях еврейских. Позже — в 70-х годах — по случайностям жизненных путей он стал сперва совладельцем, потом собственником небольшой типографии; совмещение этих двух линий и послужило основой его издательской деятельности. Впрочем, издательская деятельность отца началась еще до того, как он получил в свое распоряжение типографию, и более чем вероятно, что самое решение завести таковую и сохранить ее было обусловлено его идейно-издательскими замыслами. Так, книги А. Иллинека «Еврейское Племя» и И. Кайма «Столетие эмансипации евреев» были им переведены в 1869 г. и выпущены в свет в 1870 г. не в своей типографии, и точно так же в том же году был выпущен им в свет его же перевод этюда Эм. Дейтша «Талмуд»²⁵. Он стал переводить и выпускать в свет работы по еврейскому вопросу, задумал и осуществил Еврейскую Библиотеку; она стала, так ск<азать>, обрастать рядом брошюр и книг и наконец претворилась в Восход и Недельную Хронику Восхода, при котором непрерывно выпускались в свет

отдельными изданиями печатавшиеся в нем капитальные труды и романы. В качестве издателя отец в 70-х и 80-х годах делал единолично, на свой страх и риск и по собственной инициативе, то, для чего в последние десятилетия понадобились целые партийные или общественные организации со сложным рабочим и финансовым аппаратом. Конечно, сильно возрос масштаб работы за последние десятилетия; но насколько несоизмеримо выросла и читательская масса, и интерес к еврейской книге на русском языке, и резонанс на русско-еврейскую литературу. И думается, что если бы вовсе не было у отца публицистической и редакционной работы и вся его деятельность ограничивалась одним издательством, то и тогда он заслужил бы признательной памяти в числе деятелей русского еврейства второй половины XIX века,— этот человек, единолично в продолжение десятилетий создававший еврейскую литературу на русском языке.

Отец был крайне скуп на разговоры о себе; но из <его> случайных попутных замечаний по тому или иному поводу я знаю, что он прошел суровый путь труда и усилий, пока самостоятельно, без чьего-либо содействия или поддержки, выработал свою жизненную позицию. В частности, необходимо было своеобразное сочетание непрерывной духовной заинтересованности практически-деловыми умениями, чтобы создать первые и по тем десятилетиям единственные издания, каковыми были Еврейская Библиотека и Восход; и та и другой были проведены сквозь полосы больших материальных затруднений, сквозь полосу еле налаживаемого сведения концов с концами. И та и другой оказались возможны только потому, что и типографией своей отец продолжал то, что делал и на столбцах газет и журналов,— работу просвещения евреев, ознакомления с еврейством русских.

Собственно, и много времени спустя, на моих глазах, когда уже окрепли самостоятельно и журнал и типография,— они в своей материальной связности оставались неразделимыми, и отец нераздельно руководил и тем и другим. Вероятно, только благодаря этому и могли долгие годы существовать отцовские издания. Я несколько не был посвящен в их хозяйственную сторону, но насколько теперь, на расстоянии годов, по воспоминаниям могу составить себе представление, она велась без какого-либо бухгалтерски сложного аппарата, пожалуй, даже кустарно, домашним способом. Отец имел превосходную память и был в высокой степени работоспособен, и так как ему

не перед кем было отчитываться, то его память и активность и являлись основным деловым аппаратом его предприятий. Это, конечно, усугубляло характер единоличности распорядительства, ибо все его дела не только формально были за его единоличной ответственностью, но и фактически целиком опирались на его работу, опыт, память, решения; естественно, что когда к середине 90-х годов здоровье и, в частности, нервы его пошатнулись, у него, всю жизнь привыкшего работать и распоряджаться, не только создалось ощущение угрожающего полного развала, но и в действительности момент бесхозяйности, движения без руля и ветрил стали сказываться как на организационно-деловой, так и на редакционной стороне Восхода более угрожающе и заметно, чем это могло бы быть при других обстоятельствах. Отчасти, м<ожет> б<ыть>, расстроенная нервная система преувеличивала опасность, ибо когда надрывается нервная система у человека, который всю жизнь отличался чрезвычайной выдержкой и подчеркнутым спокойствием, то субъективное ощущение тревожности и даже беспомощности должно сказаться особенно остро. Но отчасти и действительно особенно велика угроза для человека, который всю жизнь был и *единственным хозяином, и главным работником* в своих предприятиях, чьей энергией, работой и хозяйственностью создавались они и держались.

Одновременно и хозяин и работник. Я вижу отца с раннего утра сидящим за своим письменным столом или стоящим за пультом, заваленным корректурами,— в халате или летнем далеко не первой свежести пальто, служившем ему вместо халата; он обычно вставал первым в доме, прислуга еще спала, и ему приходилось немало дожидаться, пока получал кофе. Когда я вставал, торопясь в гимназию в темные утренние часы петербургской зимы, отец уже давно сидел за работой при свете своей рабочей лампы. Статьи свои он писал чаще всего, наоборот, поздним вечером, в самый последний срок перед выпуском номера, писал на клочках бумаги разного формата, на чистых половинках, оторванных от бесчисленного множества писем подписчиков,— писал своим характерным малоразборчивым почерком, превосходно, однако, знакомым и легко разбиравшимся старыми наборщиками типографии. (Наоборот Фруг и д<октор> Грузенберг писали на аккуратно разрезанных продолговатых полосках, причем первый мелким, аккуратным, каллиграфическим, второй более свободным, но также чрезвычайно гладким почерком.) Статья по частям отправля-

лась этажом ниже в том же доме, адрес которого, из года в год повторяемый на столбцах Недельн<ой> Хр<оники>, был хорошо памятен еврейской читающей провинции того времени. Позже утром отец просматривал множество газет, затем начинались посещения лиц, то случайных и непредвиденных, то посетителей более или менее постоянных. Телефонов в те времена еще не было, и даже когда он у нас появился, он еще был слишком мало распространен в городе, чтобы заменить личные посещения или коротенькие записочки, посылавшиеся по почте или с конторским служащим. Из детских лет сохранились почему-то в памяти две фигуры посетителей, своим случайным сопоставлением, б<ыть> м<ожет>, не лишённые некоторой характеристической показательности,— это старик Н. Д. Градовский²⁶, автор статей и книги по еврейскому вопросу, одно время весьма часто бывавший у отца, и некий артельщик бумажной фабрики Печаткина («от Печаткина пришел»), долгие годы со счетами регулярно приходивший к отцу и в последний раз пришедший уже после смерти отца,— оба невысокие, добродушные, оба какие-то диккенсовские. Между прочим, некоторый трагикомический характер носили посещения Л.²⁷, способного фельетониста и неотразимого остряка. Кажется, каждый литературный период имел в Петербурге своего еврея — короля шуток, каламбуров, острот, часто метких, подчас и наглых, почти всегда победоносно-смешных. Тип таких остроумцев не перевелся и до сих пор. Это — посредственные литераторы, иногда и вовсе не литераторы, а только при литературе состоящие лица, которых, б<ыть> м<ожет>, на литературный путь и вовлекло по недоразумению своеобразное словесное искусство остроумничания. С увеличением числа евреев в журналистике еврей — мастер каламбура может стать своего рода фигурой общерусской журнальной среды; в то время Л. ограничивался известностью лишь в кружках еврейских. По-видимому, он был действительно неотразимый шутник, злой и меткий остроумец, неотрашимый говорун. Но тактом Л. не отличался и, когда, бывало, приходил в дни усиленной спешной работы, как ни в чем не бывало неограниченно предавался непрекращавшейся болтовне. Отец выходил из себя; помнится, прибегал к своего рода «крайним» средствам, стремясь от него отделаться. То его не принимал, то попросту предлагал уходить или больше не приходиться. Л. обижался, но как-то так выходило, что через некоторое время он снова приходил и если только не попадал на особо занятой

день, то удачными шутками снова располагал на мирную беседу; ибо, в сущности, отец его ценил и при своей собственной малой словоохотливости и рабочему устремлению — м<ожет> б<ыть>, в виде контраста к ним — любил посмеяться остроумному словцу или благодушно предаться непритязательной беседе. Он только не выносил смещения дела с бездельем, и кажется, что в конце концов он с Л. таки окончательно разошелся.

8

Помимо редакционных или внешне деловых свиданий, постоянные, ежедневные хлопоты, заботы, дела доставляла типография и контора Восхода. Контора помещалась рядом с нашей квартирой, и в стене, их разделявшей, была пробита внутренняя дверь. Поэтому большинство дел сосредоточивалось тут же, в отцовском кабинете, куда вечно приходил снизу из типографии метранпаж, или бегали мальчики с корректурами, или заходил кто-либо из конторы. Разумеется, и отец часто спускался в типографию, что уже лежало за горизонтом моего детского внимания; в контору же благодаря ее непосредственной смежности с нашей квартирой я постоянно забегал и потому был вполне в курсе ее внешнего *habitus*'а*. На моей памяти в типографии сменились два старших метранпажа, первый смутно помнится из раннего детства скорее по имени, чем по облику; облик молодого печального чахоточного человека рисуется каким-то выделенным из среды силуэтом — сам не знаю, по зрительным ли воспоминаниям или понаслышке от отца. Но имя, очевидно, через голос отца (позови Черткова, Чертков пришел, скажи Черткову) как-то необычайно живо и сочно стоит в памяти, точно я лично с ним имел в продолжение десятилетий оживленнейшие дела. Вторым метранпажем, сменивший Черткова, выработался в типографии отца из «мальчика» и кончил в ней же вроде как бы управляющим, проведя, таким образом, в ней всю свою рабочую карьеру. Воробьев был неотъемлемой фигурой моей молодости, в сущности, неотъемлемым персонажем в жизни Восхода. Привычная фигура, привычный говор, привычные прогулы после периодических усиленных возлияний, привычные упорствования, привычные распекания отцом, привычные брюзжания. Но при всем том он знал свое дело, тоже привычное, и отец ему доверял.

* вида, порядка (*лат.*).

Как бы то ни было, типография, естественно, была занята не одним Восходом, и тем самым работа и хлопоты по ней выходили за пределы связанных с Восходом дел. Целиком была связана с ними контора, экспедиция Восхода, и нужно сказать, что она отнимала у отца и много времени, и нервов, доставляла много хлопот, беспокойства и волнений. Собственно контора была всегда несколько кустарно налажена; если я не очень ошибаюсь, был только сравнительно небольшой период, когда в ней был заведен строгий деловой порядок и система — период, когда ею заведовал Э. Но собственно для него это было переходной полосой; стал он заведовать конторой как-то случайно; познакомился с отцом, прислав несколько небольших беллетристических очерков, которые были напечатаны в виде фельетонов; потом, временно не имея работы, стал вроде секретаря редакции, затем в связи с каким-то переходным состоянием конторы стал ею заведовать, но позже вновь вернулся к более обширным и выгодным коммерческим делам. Это был аккуратный, дельный, деловой человек немецкой сноровки, и работа шла у него хорошо, но, естественно, не могла выдержать конкуренции с перспективой больших коммерческих дел. <Среди?> лиц, наиболее продолжительно работавших в конторе Восхода, были и Л. и В.

Л.²⁸ был моим первым учителем; с грустным чувством на расстоянии многих лет вспоминаю я этого живого маленького человека, заслуживавшего лучшую участь, нежели та, которая ему выпала на долю. Систематического образования он не получил, уж не помню теперь, чем он объяснял, что не попал в Университет; кажется, то ли он кончил реальное училище, а потом сдавал или должен был сдавать какие-то экзамены, то ли наступили затруднения для евреев и он уже не мог их преодолеть; но вернее всего — в основе лежала та самая слабохарактерность и несосредоточенность, которые загубили его жизнь. Начал он свою карьеру, как рассказывал, одновременно с Чеховым и Баранцевичем²⁹, причем с гордостью упоминал, что критика их совместно отметила. Помню название той повести, которая обратила на себя внимание критики: «Дитя меблированных комнат». Сам он был исконным их обитателем и, вероятно, взял тему своей повести из собственного опыта. После он еще писал и даже печатал рассказы, но, по-видимому, редко и малоудачно; рассказы, какие мне пришлось как-то позже прочитать, были из рук вон плохи. В Восходе он написал одну критическую статью о русско-еврей-

г-*

ских беллетристах, которая для своего времени представляла небезыңтересный критический синтез; писал заметки и не лишєнные живости фельетоны (под псевдонимом Оптимист), заведовал канторой. Впоследствии профессией его осталось корректорство, и — при его интеллигентности и большом опыте — был он корректором превосходным. Образованность его была скромная, поверхностно-позитивистическая, как это было свойственно 70-м годам, времени его молодости; поверхностен был он по всему своему складу; тем не менее это был человек живых духовных интересов, ясного, подвижного ума и легкой ориентировки в окружающем. Учился я у него охотно, причем каждый урок распадался на две части,— сперва шли учебные «предметы», как-то язык, арифметика, а под конец — рассказы из древней и русской истории. Смутно помнится, что отец, который иногда заходил на эти уроки, проявлял не то некоторое недовольство, не то сомнения по поводу рассказов из Илиады, с которых Л. начал древнюю историю. Как бы то ни было, он бесспорно заинтересовывал меня, и кажется, что размашистая поверхностность второй половины уроков не вредила добросовестности первой.

Выработаться, развить свои способности, свою духовную живость мешали Л. дефекты характера, поверхностность, слабоволие, увлекаемость попутными житейскими случайностями, в некоторой степени — и страстями. Сам он с добродушным юмором рассказывал, как, получив небольшое наследство, составил план его использования; в этот план входила и поездка на поправление здоровья в Ниццу; но дело кончилось весьма скоро тем, что приехав в Ниццу, он почти немедленно все свое наследство проиграл в Монте-Карло, причем, кажется, у него уже денег не хватало на обратный путь. Карточная игра была его слабостью и в Петербурге; на почве легкомысленного доброжелательства его личная жизнь сложилась в тяжелую неудачу. Вдобавок ко всему он не имел права жительства и непрерывно мучился с всевозможными прописками и обходами закона. Все это вынудило его позже уехать куда-то из Петербурга, но, промучившись некоторое время в провинции, он вновь вернулся в П<етер>бург, найдя в крещении одновременный выход и для урегулирования своего семейного положения (семья к тому времени его сильно разрослась), и для получения права жительства. Длительное жизненное неудачничество наложило на этого некогда веселого маленького человека печать безнадежности; корректорство (в одной из ежеднев-

ных газет) и вспышки старых карточных увлечений поглощали его дни и ночи. Он оторвался всецело от окружающей духовной жизни, в которой по молодости принимал, так сказать, равноправное участие: опустил ся и духовно и физически — глаза стали слезиться, зубы выпали, вечные повязки окугывали лицо; единственным остатком бывшего сохранилось стремление вывести в люди, к культуре сыновей. Но и в этом постиг его ряд несчастий, и один за другим они трагически погибали еще юношами. Жуткой, трагической фигурой кончил этот жизнерадостный, легкомысленный, живой, увлекающийся человек. Можно себе представить, что в те годы, когда этот человек заведовал конторой Восхода, конторские дела не были в блистательном порядке и доставляли отцу немало хлопот. Уже одной интеллигентской культуры Л-а было достаточно, чтобы с малой аккуратностью относиться к прозаическим и мелочным конторским обязанностям; но с другой стороны, и от специфически интеллигентского труда он уже также отходил, и таким образом как бы оставаясь на весу, в пространстве между конторой и редакцией, между экспедицией очередного номера и писанием фельетона. Во всяком случае, некоторая безалаберность конторы заставила отца посвящать ей немало внимания и работы. Однажды, вернувшись после летнего отдыха, отец нашел крупные не порядки, но и помимо того, в постоянном обиходе главной жидительной силой оставалась его память, его внимание, его вмешательства и распоряжения. Отчасти по условиям времени, отчасти по условиям дела, постепенно выраставшего из малых зачатков, внешний технический аппарат, делопроизводство было всегда слабо поставлено в конторе,— и при намеченных свойствах Л. заменой технического делопроизводственного аппарата и служили, в сущности говоря, память и опыт отца.

Тем не менее при всех слабых сторонах Л-а в годы заведования конторой он был человеком и интеллигентным и толковым. Гораздо хуже обстояло дело, когда позже конторою стал заведовать В. В. был товарищем отца по раввинскому училищу. Позже отец потерял его на многие годы из виду; как-то по прошествии многих лет он получил от него письмо, сколько помнится, из глубины Сибири, с просьбой устроить ему какую-либо работу. Отец был очень обрадован этим письмом. По-видимому, он сохранил о В. хорошее воспоминание, по крайней мере позже он говаривал, что, пригласив его в Петербург, он главным образом рассчитывал, что благодаря его солидным

еврейским знаниям из него выработается и ценный сотрудник по редакции. На самом деле то ли юношеские воспоминания обманули отца, то ли В. за промежуточные годы растерял свои познания, то ли он опустил в провинциальной борьбе за существование, как бы то ни было — весьма скоро обнаружилось, что не только о редакционной работе и сотрудничестве не может быть и речи, но и в области конторской В. оказался человеком весьма малопригодным. Его рассеянность, небрежность, нетолковость, непреременные ответы невпопад в некоторой степени вошли у нас в семейную поговорку. В этот период конторские дела причиняли отцу бездну хлопот, отнимали массу времени. Ему приходилось не только входить во все мелкие дела, но и постоянно их поправлять. Между тем дело было сделано, человек был выписан, получил работу, перевести его на другую было невозможно, лишить таковой — тем менее; и так долго тянулось дело в вечных неприятностях и раздражении.

9

Я уже упоминал о несколько кустарном характере внешнего издательского аппарата, исправляемого памятью и опытом отца. Вероятно, это обуславливалось тем, что дело развивалось постепенно и медленно из дела маленького и затрудненного: может быть, имел значение и характер отца, который за трудную затею брался и вел ее, рассчитывая лишь на свои силы и вкладывая их без счета и целиком; вероятно, имел значение и тот личный характер дела, о котором я выше упоминал, — деловая независимость от кого бы то ни было постороннего и вместе с тем отсутствие в ком-либо опоры, ответственность лишь перед самим собой, сознание, что в конце концов только на себя-то и можно ему положиться, что он один и на нем лежит судьба всего дела. Имел значение и неразделенный характер изданий отца от типографии — ибо одни счета являлись общими с типографскими, а других и вовсе не было, ввиду того, что типография была своя. Наконец, кроме всего этого, основной подоплекой все же было, вероятно, то, что дело и выросло, и развивалось из литературных замыслов на почве личных усилий и потому-то в чисто деловом смысле и было делом в некотором смысле кустарным.

Конечно, такой порядок имел отрицательные стороны, которые в особенности сказались к тому времени, когда, с одной

стороны, издания разрослись, а с другой — силы стали покидать отца; и то самое, что он чувствовал и знал, в какой мере все было основано на нем, увеличивало тревогу и беспокойство и так уже расстраивавшихся нервов. (Хотя надо отметить, что так велика сила налаженности, что долго все еще продолжал действовать по-старому механизм, расстраиваясь лишь медленно — несмотря на болезнь и длительные отлучки отца во второй половине 90-х годов.) Но с другой стороны, справедливо отметить, что, вероятно, только благодаря этим условиям и такому характеру дела и оказалось возможным появление и столь длительное существование издания, единственного русско-еврейского периодического органа почти за два десятилетия. Отец знал трудность и необходимость дела, которое он делал, и, чувствуя себя одиноким и без поддержки, нередко говорил, что его работа будет оценена по заслугам лишь когда-нибудь после его смерти. Можно в этом усомниться, видя как коротка людская память, пристрастна оценка и малозначительна признательность. А между тем достаточно припомнить, сколь кратковременным было существование еврейской печати до Восхода (и Еврейской Библиотеки), достаточно припомнить, какими усилиями партийных организаций, богатых меценатов поддерживались таковые после Восхода и как погибали, несмотря на подобные усилия,— и это в эпоху несравненно повысившегося к ним интереса еврейского общества, несоизмеримо выросшей и по количеству и по темпу еврейской общественности, чтобы совершенно объективно установить необычность и значительность его дела. Именно теперь, двадцать лет спустя, когда еврейская общественная жизнь неузнаваемо разрослась, весь опыт русско-еврейской повременной печати сугубо обнаруживает трудности дела в те времена — вместе с тем подчеркивая и его значительность. И вот оглядываясь назад, я склонен отметить, что если в основе этого явления — длительно существующего независимого органа русско-еврейской печати — лежит вообще неустанно деятельный, независимый, за свой страх самостоятельный характер отца, сочетавшего практичность с упорным служением еврейству и верой в свое дело, то, в частности, одним из элементов успеха была та материально-организационная подоплека, о которой я говорил.

Одновременно и хозяин и главный работник,— хозяйская воля, самостоятельное распорядительство, независимая инициатива, дозированная деятельность, отсутствие помех и разноречивых устремлений — и вместе с тем личный труд, личный

контроль, не один надзор, но и непосредственное участие в работе, покрытие своей работой всяких пробелов и недочетов. Одновременно и хозяин и работник — это само по себе уже приводит к некоторому кустарничеству, ибо нет разделения функций, и ответственностей, и отчетностей. Работнику, который является и хозяином, не перед кем отчитываться за свою работу; хозяину, который вместе с тем является и работником, незачем контролировать и обставлять работу гарантиями, делопроизводственным аппаратом. Когда к этому присоединяется большая работоспособность, неустанная энергия и хорошая память, то все и складывается в неотделимый комплекс с жизненной личностью деятеля.

Поэтому у отца никогда не было какой-либо выделенной, особой сметы, или бюджета, или, так сказать, счета его периодических изданий; и думается, благодаря этому-то они и могли существовать. Ни своей типографии, ни себе самому он, разумеется, ничего не выплачивал. Когда в первые годы существования Восхода журнал давал дефицит, это означало, конечно, что поступления не покрывают тех расходов, которые приходилось производить на сторону; когда же журнал стал на ноги и считался уже окупающим себя — в его расходы отнюдь не входили ни оплата общих расходов типографии, ни ее прибыль, ни гонорар редактору и прочее; труд отца как писателя и редактора, и руководителя, и организатора, или доход отца как владельца типографии, или хотя бы оплата общих расходов по типографии или вообще расходов по таким отраслям, которые в типографии и без Восхода существовали, никогда отцом не учитывались в бюджете Восхода.

Не в том дело, разумеется, чтобы отец не знал или не видел этих соотношений, — я только хочу наметить ту деловую психологию, которая лежала в предпосылке существования Восхода. Это было личное дело отца, как и другие его дела и в кассовом, в бюджетном, в хозяйственном отношении от них нераздельно. Исходными предпосылками было стремление отца к созиданию русско-еврейской литературы и фактическая наличность типографии. При этих условиях вопрос стоял об использовании своей типографии, своих деловых связей и прочего для осуществления своих же литературных, редакционно-издательских задач и планов.

В непрерывном стремлении к литературному созиданию и собственные силы, и типографские средства были готовой предпосылкой; материальная возможность осуществления этих

планов определялась теми расходами, которые сверх того требовалось затратить — так сказать, затратить вовне — на эти издания. Путем бережливости и хозяйственности (и здесь опять-таки имело значение сочетание собственной хозяйской и рабочей деятельности) можно было сжать их до таких размеров, чтобы возможным было их выдерживать, чтобы возможно было через некоторый период времени их окупить, чтобы возможно было изданиям стать на ноги. Без такой материальной структуры (опиравшейся не на большое количество свободно затрачиваемых средств, а на определенное сочетание духовных особенностей с материальными возможностями) в то время не могла бы существовать еврейская периодическая печать, как она не могла сколько-нибудь длительно существовать ни раньше, ни позже, пока не оперлась о устойчивые кадры политико-общественных организаций.

10

Особые обстоятельства сделали в те времена возможным то единоличное руководство, которое я выше намечал. Я усматриваю эти обстоятельства в двух направлениях: во-первых, в характере отца, во-вторых, в характере окружавшей его общественности.

В Петербурге еврейская общественность в 80-х годах еще только зарождалась. В другом месте я попытался дать систематическую характеристику той стадии, на которой она тогда стояла. Если оставить в стороне кружковую жизнь, в которой, может быть, подготавливались направления и деятели будущего, но которая на общественность того времени влияния не оказывала или оказывала влияние весьма незначительное, то можно сказать, что еврейская общественность сосредоточивалась в то время около некоторых еврейских «магнатов», являвшихся и представителями еврейства вовне, и руководителями их внутри; к ним прислушивался еврейский обыватель, и около них, как бы при их «дворе», состояли еврейские деятели, зарождались еврейские учреждения и общественные начинания. Но в эти рамки никак не мог вместиться мой отец. Человек независимый, боевой, самостоятельно создавший дело своей жизни, не мог состоять ни при каком дворе, не мог к кому-либо приспособляться в своей деятельности. Быть может, одно из наиболее частых высказываний о себе самом, какие мне при-

ходило от него слышать, было то, что он всю жизнь держался ни от кого не зависимым литератором и всю жизнь и будет себя так вести. Также и в печати он высказывался неоднократно в том же смысле, правда, уже в несколько ином разрезе, подчеркивая независимость линии, по которой он ведет Восход, от каких-либо кружковых, групповых давлений и требований. Его смелая политическая борьба с правительственной политикой начала 80-х годов, впервые в еврейской публицистике взятый им тон политической смелости и общественного самосознания были отмечены современниками и подчеркнуты теми, кто о нем писал. Недавно в разговоре со мной М. И. Кулишер*³⁰ передавал мне как характернейший момент в своих воспоминаниях об отце — черту непокладистой независимости как по отношению к противникам, так одинаково даже и по отношению к друзьям, на разрыв с которыми готов был идти скорее, чем отказаться от того, что ему казалось правильным.

Борьба с внутренним строем еврейской жизни была одним из лейтмотивов его литературной работы еще до Восхода, в корреспонденциях Гамаббита (в Дне)³¹ и более ранних статьях. Борьба с уродствами еврейской жизни, с заск<о>рузлой темнотой, с корыстным распоряжением общественными интересами проходит красной нитью в его публицистике. Как уже было отмечено в печати, борьба внешняя не мешала борьбе внутренней, защита против внешних врагов ни на минуточку не удерживала от разоблачений и борьбы против внутренних язв и уродств. Независимую и боевую позицию отец сохранял и в отношении внешнего и внутреннего фронта борьбы.

При такой позиции и характере естественно, что менее всего он мог стать, т<a>к ск<азать>, официозным литератором при ком-либо из еврейских магнатов. Десятилетия прошли с той эпохи. И теперь мы можем со спокойной исторической оценкой отнестись к ней, отнестись и к самим руководителям еврейской общественности того времени, и к борьбе против них; мы можем спокойно и справедливо оценить историческое значение этих самочинных центров еврейской общественности, каковыми являлись еврейские магнаты, можем оценить и их историческую неизбежность, и полезность их исторически обусловленной общественной роли,— как вместе с тем признать и правомерность и необходимость борьбы с ними, приведшей к уничтожению их силы и влияния. Но если в

* Уполномочивший меня на опубликование его указаний.— *Прим. Г. Л.*

исторической перспективе законной нам представляется т<a>к наз<ываемое> «засилье» магнатов, то, уж конечно, не менее следует нам оценить первых людей свободной, независимой общественности, которых дала еврейская жизнь.

Литератору, публицисту, руководителю печатного органа, притом единственного <русско-еврейского> печатного органа,— в ту эпоху были открыты только два пути — или стать в большей или меньшей степени официозом господствующих кругов, или остаться на позиции индивидуальной независимости. Для отца не могло быть ни сомнений, ни даже выбора,— он остался создателем и руководителем независимого органа печати, и тем самым на десятилетия русско-еврейская печать оказалась построенной по типу общественной независимости и свободы.

11

Отражение отношений отца к господствующим силам еврейской общественности того времени я вижу на отношениях отца с Д. Ф. Фейнбергом³², как они рисуются в моих детских воспоминаниях; конечно, я не могу с уверенностью сказать, чтобы у отца не было и других прямых связей и сношений с властителями еврейского общественного мира; но думаю мне, что именно Д. Ф. оказался естественным передаточным звеном, и б<ыть> м<ожет>, даже и единственным. Во всяком случае, в своих детских воспоминаниях он один вспоминается в такой роли.

Д. Ф. Фейнберг был другом молодости и университетским товарищем моего отца. Он был на несколько лет старше отца, хотя и умер почти на полтора десятилетия позже его — все еще бодрым, живым и дееспособным. Мне представляется, может быть, впрочем, и ошибочно, что Д. Ф. не вышел, как мой отец, из Виленского раввинского училища или, во всяком случае, не был там одновременно с ним (отец кончил раввинское училище очень молодым, кажется, моложе нормального); это были товарищи именно университетских годов; вместе работали они в студенческие годы; помнится, упоминалось, что вместе готовились они к каким-то экзаменам, вместе увлекались мыслями о служении еврейству. В этом служении они разошлись в разные, в некотором смысле можно сказать — противоположные стороны, сохранив на десятилетия — при всем различии

жизненных путей — дружественную привязанность и доверие; во всяком случае, я могу это сказать об отношениях к Фейнбергу отца. Помню неоднократные разговоры, в которых отца старались поставить на сторону против Давида Фадеевича; с большим или меньшим нажимом нападали на него, в частности на его слишком услужливые, иным казалось — и несколько подобострастные отношения к еврейскому столичному high-life'y*; помню и неодобрение отцом тех или иных общественных линий Д. Ф., — тем не менее всегда, неизменно отец защищал его от всяких личных нареканий, отстаивал его общественную добрую волю, самоотверженность и бескорыстие — что, бесспорно, Д. Ф. вполне и оправдал всей своей жизнью и что впоследствии получило и всеобщее признание. Между прочим замечу, что отец и вообще отличался доверчивостью к людям, весьма неохотно и — т<a>к ск<азать> — медлительно допуская в них что-либо дурное; но в данном случае действовало, конечно, не это свойство, а непосредственное с молодых годов близкое знание человека.

К тому времени, до которого доходят мои воспоминания, эта близость сохранялась в довольно своеобразной форме, в форме какой-то потенциальной, само собой подразумеваемой — т<a>к ск<азать> — подоснове отношений, к которой всегда можно апеллировать, которая мысленно всегда присутствует, но которая в действительности сравнительно мало или редко осуществляется. Они были на «ты», Д. Ф. приходил к нам совершенно запросто, когда случится, днем или вечером, к завтраку или обеду, иногда довольно часто, иногда с весьма большими промежутками (с годами все возраставшими); бывало — но это бывало уже очень давно, — что, не застав никого дома, он ложился в кабинете у отца вздремнуть в ожидании возвращения хозяев. Но на моей памяти как-то так складывалось, что хотя Д. Ф. всегда являлся запросто, но, кажется, едва ли когда-либо являлся спроста; весьма скоро из разговора выяснилось, что он имеет какое-либо дело — выяснить какое-либо, по его мнению, недоразумение, проскользнувшее в газете, внести поправки к сообщенным сведениям, поместить какую-либо информацию, предупредить о чем-либо, просить о чем-либо сообщить или не сообщать, возразить на точку зрения, сказавшуюся в тех или иных статьях, отстоять свою — т<o> е<сть>, в сущности, официозную позицию еврейских руко-

* высшему свету (англ.).

дящих кругов, побудить изменить точку зрения, смягчить нападение, вызвать сочувствие и прочее». Особенно участились его посещения ко времени созидания Гиршевского предприятия³³. В смысле же чисто личного общения едва ли я ошибусь, отметив, что оно постепенно все более сходило на нет.

Припоминая жизнь того времени, я склонен теперь представить себе, что Д. Ф. и был фактически главным — если не единственным — проводником воздействий на отца со стороны руководивших в то время столичных общественных еврейских кругов. Конечно, это только предположение, ибо ребенком и отроком я, разумеется, не был в курсе всех отношений и общений отца; с другой стороны, я отнюдь не хочу сказать, что Д. Ф. был, так сказать, чьим-либо сознательным орудием для влияния на Восход. Но с одной стороны, насколько я изнутри семейной жизни восстанавливаю в памяти обиход отца, я не вижу других регулярных внешне определенных точек соприкосновения его с «командующими» кругами еврейского общества, я вижу его неизменно живущим как-то погруженным в круг редакционных и личных, издательских, типографских, семейных дел, в некотором замкнутом круге, не связанном, независимом, отъединенном от кругов внешних. И с другой стороны, общение с Фейнбергом складывалось естественно, самопроизвольно из старых, дружеских чувств и отношений. Весьма возможно, что — если я не ошибаюсь в понимании этих отношений — этот путь и был наиболее целесообразным путем общения командующих кругов с отцом, ибо при его независимости и самостоятельности, может быть, от него и вообще многого добиться нельзя было, но насколько возможно было — то именно лицу, которому он непосредственно дружески доверял.

Теплота дружеских отношений молодых лет сохраняется на всю жизнь и продолжает согревать сознанием всегда возможной близости, даже когда самые отношения в силу расхождения жизненных линий фактически замирают и гаснут. Неизменная возможность близости сохраняется и тогда, когда жизненные случайности или предустановленные различия фактически вызывают расхождение людей. Я думаю, что такое именно фактическое расхождение на неизменно сохраняющейся поднive молодой близости — и было у отца с Фейнбергом. И в сущности, на общей почве еврейского общественного дела трудно себе представить большие противоположности, чем эти два человека. Между прочим, даже по внешности они представляли характерный контраст. Фейнберг был небольшого роста, прямой, худощавый, сухопарый, с быстрыми, отрывистыми дви-

жениями, такой же быстрой торопливой речью скороговоркой (и несколько неточным произношением гласной е, — в ушах до сих пор звучит его «Пэтэрбург»). Живой, подвижный, говорливый, тщательно одетый, в обращении как бы с претензией на светскость, хотя и светскость несколько провинциального толка, несмотря <на> едва ли не полувековое пребывание в Петербурге и посещения западных столиц, жизнерадостный, jovialный, общительный — таковым оставался Фейнберг в продолжение десятилетий. Другие менялись и старились, он же, смолоду седой и до седых волос сохранивший молодость и подвижность, казался неизменным на протяжении долгой жизни. Отец, в молодости худошавый блондин, как говорят, обращавший на себя внимание своей наружностью, годам к тридцати сильно пополнил; при своей тучности он сохранял и позже видную и <Ирзб> осанку, проявлявшую природное изящество, когда он считал нужным приодеться; но, в общем, он мало того, что не обращал внимание на внешность, но и запуская ее, и старое, замызганное пальто, заменявшее ему халат, в котором он по утрам работал и принимал кого случится, было в некотором роде знаменитым, долго оставаясь предметом шуток и поддразнивания. Внимательными, медлительными движениями, малословоохотливый, скорее — молчаливый, он и в этом отношении представлял противоположность своему другу. Старый холостяк Фейнберг жил вечно вовне, на людях, вечно при ком-то состоял, кого-то посещал из еврейского бомонда, к кому-то направлялся, всем и всеми в этом мире интересовался, был в курсе всех дел людей и отношений. Отец был или — во всяком случае, к тому времени, до которо<го> доходят мои воспоминания, — стоял вдали от еврейского «света», поддерживал отношения с небольшим кругом знакомых, охотно посещал клуб, но скорее всего — был домоседом.

Стихией Фейнберга были личные отношения, главным образом с влиятельными людьми, переговоры, уговоры, докладные записки, убеждения, вообще — общественное посредничество; отец одиноко работал за письменным столом; его орудием было печатное слово, его деятельность писательскою и издательскою работой; адресатом заботы Фейнберга были те или иные влиятельные лица, адресатом заботы отца — общественное мнение, читательские круги; Фейнберг присужден считаться с настроениями, наклонностями, симпатиями отдельных лиц, приспособляться к таковым, ибо без этого не могло бы состояться ни одно общественное дело, он осужден был неизменно оставаться в зависимости от лиц; отец был

независим от лиц и кружков и, в сущности, был независим и от читательской публики, ибо задача создания русско-еврейского печатного органа была настолько трудной задачей, что его энергия и опыт делали его в 80-х и 90-х гг. фактическим монополистом русско-еврейского журнального издательства; он работал, как мог и как умел, без чьего-либо давления, без подчинения кому-либо, непосредственно сосредоточенный в себе, косвенно общаясь с неопределенным, безымянным, коллективным читателем. Деятельность Фейнберга сообразно <с> характером общественности того времени, сосредоточивавшейся около отдельных еврейских магнатов, будучи службой, не могла не окрашиваться в цвета службы личной и, пожалуй, даже формально облекалась в такую оболочку. Только значительно позже, когда стали создаваться еврейские учреждения как самостоятельные организации, появился и весьма быстро размножился еврейский общественный служилый класс. Фейнбергу как его *doyen d'âge** было в нем предоставлено почетное место; но едва ли он уже на деле мог принимать подлинное участие в работе этого еврейского «третьего элемента», чиновничества; слишком для этого он был человеком другой эпохи и в новое время едва ли мог занимать в нем иначе как только почетный пост.

Для отца, человека независимого характера, свободной профессии и самостоятельной деловой инициативы, ни в служилом классе, ни тем более в формах приближенности к магнатам места не было; путь для него был в литературу; но литературы русско-еврейской почти не было, участие в ней или в общей литературе по еврейским вопросам было бы слишком спорадическим, случайным и, в сущности, в этом смысле и зависимым, несамостоятельным. Человек практического дела и упорной энергии, он и взялся сам организовать, наладить органы русско-еврейской печати,— это стало и при его характере возможно потому, что органы печати являются единственным учреждением, в которых организаторы, имея дело с безымянным коллективом, делая практическое дело, остаются ни от кого конкретно не зависимыми. Общественное служение Фейнберга облекалось и только и могло облечься в формы частной службы, общественное служение отца — в формы самостоятельного дела. Покладистости и уменью ладить с людьми у Фейнберга должны были соответствовать у отца непокладистость и готовность восстанавлять против себя; общительности Фейнберга — изолированность отца; готовности подчиняться

* старейшина (франц.).

чужой воле, ограничиваясь влиянием на нее,— решимость продолжить свой самостоятельный путь; Фейнберг был советником и исполнителем при влиятельных, отец — хозяином и работником в своем собственном деле.

Фейнберг до конца своей жизни оставался бодрым, свежим, жизнерадостным; за несколько дней до острого заболевания, сведшего его в могилу, мне пришлось встретиться с ним на улице, во время его ежедневной прогулки по Невскому,— то были уже тяжелые и тревожные для России дни,— он был оптимистичен, как всегда; между прочим я его попросил о свидании как раз с целью узнать и записать с его слов некоторые конкретные, фактические данные о молодых годах отца. Разумеется, он с полнейшей готовностью пошел мне навстречу, и мы условились о свидании, а через несколько дней он слег и в короткий промежуток времени его не стало. Но еще за несколько дней он был почти таким же, каким неизменно оставался всю жизнь, и умер окруженный доброжелательным почетом как тех богатых и влиятельных кругов, при которых он некогда состоял, так и тех новых слоев общественных работников, которые пришли ему на смену, в полном признании если и не содержания своей работы, то, во всяком случае, ее неизменной полной бескорыстности и преданности делу. Отец, в молодости обладавший редким здоровьем и, в частности, необычайно крепкими нервами, умерший несравненно раньше Фейнберга, уже за несколько лет до смерти стал болеть, нервы его поддались и, по-видимому, на этой почве развилась сахарная болезнь. Долгие годы тяжелой борьбы и работы завершились годами усталости и болезни. Болезнь привела к необходимости оставить любимую работу; после многих треволений он принужден был расстаться со своим детищем — журналом; несколько оправившись, он вернулся к изданию сборников Еврейской Библиотеки, но второго уже не смог довести до конца. В обществе торжествовали течения, все дальше отклонявшиеся от тех позиций, которые он всю жизнь занимал; жизнь проходила мимо, в сторону — оставляя его все более одиноким.

Так складывались его последние годы. Работа публичная, работа печати оказалась разрушительнее работы служилой; деятельность исполнительская — более обеспечивающей признание, нежели деятельность общественного руководства.

И все же как бы ни были непохожи друг на друга эти два человека и по глубокому существу характера, по деятельности и по судьбе, по своим жизненным путям и даже по внешности, есть что-то связывающее их помимо молодой дружбы; это то,

что оба они, — если я не очень ошибаюсь, — единственные люди петербургского еврейства той эпохи, всецело посвятившие себя еврейской общественной работе, на всю жизнь оставшиеся ей верными; посвятившие себя не между прочим, не на втором плане, посвятившие не часы своего досуга, не излишки своих сил, посвятившие себя ей не в качестве дополнительного интереса своей жизни, ее отдыха или меценатского украшения, — посвятившие себя смолоду и до конца своих дней. Сделали они это по-разному — в соответствии каждый со своим характером.

12

Я отметил, как самый характер общественности 80-х годов, еще не разбивший общества на партии, общественные группировки и пр<очее>, освобождал орган печати от давления организованных групп и тем делал возможным и даже необходимым единоличное создание и ведение такового; однако иногда наличность кружков и кружковых течений могла бы извне помешать единоличному руководству и тем самым помешать и самому существованию журнала.

От вмешательства и воздействия кружковых направлений Восход был предохранен опять-таки особенностями характера отца. Трудно себе представить человека, менее его приспособленного для интеллигентски-кружкового препровождения времени. Я совершенно не представляю его себе часами разглагольствующим в табачном дыму о бесчисленных теоретических и практических, отвлеченных и конкретных, политических и философических материях, как то полагалось в добром интеллигентском кружке. И не то чтобы он не любил общества или беседы; он любил часы досуга проводить в кругу близких людей, родных или в старых приятельских домах, за благодушно<й> беседой, ценил, с другой стороны, общение с квалифицированно-культурными людьми, в молодости любил музыку и усердно посещал оперу, не пропуская ни одного интересного спектакля, — то было время расцвета «итальянской оперы», еще в бывшем «Большом Театре», в котором у него было постоянное место (на площади этого театра, в доме, адрес кот<орого> был хорошо известен всей евр<ейской> читающей публике тех годов, отец прожил несколько десятилетий)³⁴; позже любил посещать клуб, проводя свободные вечера за игрой в карты, но, во всяком случае, его досуг определенно отличался, отделялся от работы.

Чаще всего я его вижу работающим за письменным столом или за конторкой, заваленной корректурами, просматривающим газеты, журналы или книгу, ведущим сухие деловые разговоры; вижу его в родственном благодушном кругу, в неизменно ласковой и нежной заботе обо мне, вижу его, обычно несловоохотливого, в приятельской беседе за обеденным столом, на прогулке где-нибудь в Шварцвальде или Швейцарских горах радующимся открывающемуся виду или бодрящему воздуху, вижу его высказывающимся с обычной словесной сдержанностью о каком-либо политическом событии, с дружелюбной шутливостью поддразнивающим кого-либо из понравившейся ему молодежи, вижу его с неизменно свойственной ему выдержкой и самообладанием играющим в карты, иногда в среде легко возбуждающихся от удач или неудач людей; но всегда вижу, как дело для него есть дело, а досуг, отдых, удовольствие — есть именно отдых и удовольствие.

Устраивать приятное времяпрепровождение из обсуждения высоких проблем и высокие проблемы усматривать в пустой болтовне — а это сочетание и есть априорная форма кружковщины и интеллигентщины, — болтать о высоких материях и серьезную страстность изливать про поводу выеденного яйца, — повторяю, я просто не вижу отца в таком положении, в такой среде, в таком моменте. Думаю, что он должен был почти автоматически отъединяться от подобного общения. Для приятного времяпрепровождения он, вероятно, шел в оперу, к знакомым, в клуб; для работы — уходил в свой кабинет, в редакцию, в контору; но забавляться серьезным делом или углубляться в безответственные словоизлияния — это было ему бесконечно чуждо. Потому-то кружки не могли ни захватить его, ни на него влиять. Потому он оставался вне сферы воздействия интеллигентских кружков, как оставался и вне сферы влияния руководящих магнатских кругов. Независимый, он создавал и вел свое самостоятельное дело — создавал русско-еврейскую печать и руководил ею; и это его самостоятельное дело <было?> делом еврейского народа.

Я не задавался целью дать цельную, законченную характеристику отца, или его детища — Восхода и Нед<ельной> Хр<оники> Восхода, или окружавшей их атмосферы. Значительная часть относящихся сюда фактов либо выходила за поле моего детского восприятия, либо относится уже к последующему, сравнительно недавнему времени, к ныне живущим людям.

О первых я не могу писать по личным воспоминаниям, о вторых я не хотел этого делать. Я хотел дать не характеристику или законченную картину, а дробные воспоминания и размышления; и буду рад, если они послужат тому, чтобы у кого-либо оживить память о прошедшем, других вызвать на новые воспоминания, а кому-либо послужат материалом, дав какую-либо нужную и неизвестную ему черточку.

Однако некоторая общая мысль все же — для меня по крайней мере — выделяется из высказанных соображений, — мысль о том, что русско-еврейская печать в 80<-х> и 90<-х> годах была создана и поддерживаема благодаря единоличной инициативе, как самостоятельно частное дело, независимым писателем и деятелем, кот<орый> в своем деле был одновременно и самостоятельным хозяином, и главным работником, который на свои плечи взвалил и моральную и материальную ответственность за дело и вел его в полной независимости от руководивших влиятельных кругов <и> от интеллигентских кружков. Иные, вероятно, преисполнятся глубоко отрицательных чувств к такому неколлегиальному (единоличному), необщественному (частное дело), мелкобуржуазному (хозяин и работник) ведению дела — во всяком случае, большой общественной важности. Другие признают, что в то время — при отсутствии сколько-нибудь сильных партий и общественных организаций, сколько-нибудь деятельной общественности — печать, чтобы быть независимой и исполнить свое общественное назначение, только и могла существовать на таких началах. Но для третьих встанет и еще вопрос: не были ли эти начала и вообще более производительными, более творческими, более делу способствующими, нежели те начала коллегиального ведения и, след<овательно>, неизбежной личной безответственности, общественного субсидирования и, след<овательно>, материальной зыбкости и бесхозяйственности, на которых строились позже множество эфемерных и даже и не эфемерных органов печати. Впрочем, эти общие вопросы пускай каждый решает как знает; от этого может измениться признание или непризнание большой произведенной общественной работы, но не изменится самое ее объективное значение для своего времени и народа; и может быть, когда-нибудь — как верил отец — это значение, отойдя в прошлое, будет более справедливо оценено, чем это было сделано до сих пор по горячим следам еще не остывшей борьбы противниками, которые привыкли уже побеждать, еще не научившись добродетелям победителей. А может быть, нам еще придется увидеть, как в

предстоящих сдвигах новые течения найдут своих предшественников и учителей среди тех, кто уходили покинутыми и оставались забытыми.

¹⁹ Зейденман (Зайдеман) Людвиг (Лазарь) Осипович (1868—1905) — юрист по образованию, историк, публицист, общественный деятель. В печати выступал под псевдонимом Унус.

²⁰ Поузнер Мордехай Вульфович (Матвей Владимирович) — петербургский юрист, общественный деятель.

²¹ Брамсон Леонтий Моисеевич (1860—1941) — юрист, общественный деятель, публицист, активный участник еврейской и общественной политической жизни начала XX в., депутат I Государственной думы. Умер в эмиграции.

²² Бруцкус Юлий Давидович (1870—1951) — врач, общественный деятель, публицист, активный участник сионистского движения.

²³ «Будущность» — русско-еврейский еженедельник, издавался в Петербурге в 1899—1904 гг. под редакцией С. О. Грузенберга. В начале XX в. перешел на позицию сионизма.

²⁴ Имеется в виду разоблачение опубликованных в 1883 г. газетой И. С. Аксакова «Русь» сфальсифицированных документов с «планами захвата евреями мирового господства».

²⁵ *Дейти Эм*. Талмуд. Этюд. Пер. А. Е. Ландау. СПб., 1870.

²⁶ Градовский Николай Дмитриевич (1829—1907) — публицист, в 50-е гг. служил в Департаменте Духовных дел, печатался под псевдонимом Русский в еврейской печати, автор ряда работ по еврейскому законодательству (например: Отношение к евреям в древней и современной Руси. СПб., 1891).

²⁷ Лазарев Михаил Наумович (50-е гг. XIX в. — 1912) — журналист, писатель, автор серии очерков о жизни русского и еврейского мещанства. Выступал в печати под псевдонимом Оптимист. В 80-е гг. несколько лет заведовал конторой журнала «Восход». Фельетоны, печатавшиеся в «Восходе» в 1882—1902 гг., были опубликованы отдельно в книге «Наблюдения и впечатления оптимиста». СПб., 1902.

²⁸ Лазарев Михаил Наумович.

²⁹ Баранцевич Казимир Станиславович (1851—1927) — писатель, автор книг «Порванные струны», «Под гнетом», «Маленькие рассказы» и др.

³⁰ Кулишер Михаил Игнатьевич (1847—1919) — юрист, историк, этнограф, общественный деятель, публицист, издатель. В «Восходе» среди прочих опубликовал очерки «Экспроприация евреев в средние века и ее причины» и «Еврейский вопрос в Англии в последние три века».

³¹ «День» — русско-еврейская газета, выходила в Одессе в 1869—1871 гг. А. Е. Ландау печатался в ней под псевдонимом Гамаббит.

³² Фейнберг Давид Фадеевич (1841—1917?) — юрист, общественный деятель, один из руководителей еврейской общины Петербурга.

³³ Гиршевское предприятие — в 1891 г. австрийский финансист М. Гирш основал Еврейское колонизационное общество, одной из целей которого была организация сельскохозяйственных поселений в Аргентине для евреев — эмигрантов из России.

³⁴ Театральная площадь, д. 2.

Публикация В. КЕЛЬНЕРА и Е. ГОЛЛЕРБАХА.
Предисловие и комментарии В. КЕЛЬНЕРА.

ВЛАДИМИР ЖАБОТИНСКИЙ: ОПЫТ АВТОБИОГРАФИИ

Жанр автобиографии, успешно освоенный гражданами бывшего СССР, не был столь широко распространен в России начала XX в. Тем более не было к нему приучено еврейское население, практически лишенное доступа к государственной службе, на которой в основном и требовались документы подобного рода. В наши дни стали бесценными реликвиями любые документы, связанные с историей народа. Особую же значимость имеют свидетельства о деятельности людей, определявших национальную жизнь, стоявших во главе еврейских политических, общественных и религиозных организаций. Одним из таких людей был лидер антисоциалистического направления в сионизме Владимир (Зеев) Жаботинский. В № 1 «Вестника Еврейского университета в Москве» за 1992 г. была уже опубликована подборка писем Жаботинского, адресованных русским писателям и хранящихся в российских архивах. Теперь мы публикуем документ из архива Жаботинского, находящегося в Тель-Авиве (Израиль).

Эта автобиография — возможно, первый опыт писателя в жанре мемуаров. Несколько десятилетий спустя этот жанр получит воплощение в книге воспоминаний «Повесть моих дней». Однако ряд фактов, приведенных в данном документе, не нашел места в последующих мемуарных трудах Жаботинского. Видимо, сведения, казавшиеся важными тогда, в 1913 г., по прошествии десятилетий утратили для автора свою значимость. Ведь к моменту написания мемуаров Жаботинский был уже не российским журналистом и писателем, а всемирно признанным политическим деятелем, вождем влиятельного (так называемого ревизионистского) крыла сионистского движения. Впрочем, на наш взгляд, это нисколько не снижает научной значимости данной автобиографии. Она позволяет уточнить ряд деталей российского этапа жизни и творчества Жаботинского, прояснить его политические взгляды тех лет.

Судя по некоторым деталям, эту автобиографию Жаботинский написал для так и не увидавшего свет тома «Словаря русских писателей», создаваемого С. А. Венгеровым.

Жаботинский, по паспорту Владимир Евгеньевич, еврейское имя Зеев-Вольф Ионович. Родился в Одессе, 5 октября 1880 г. Отец был крупный торговец хлебом на Днепре и в Одессе, талантливый коммерсант, которого до сих пор помнят в городах по Днепру ниже порогов, он умер в 1886 г. Мать родом из

Бердичева, получила для своего времени хорошее образование, т. е. знала древнееврейский язык и читала немецких поэтов. Воспитывался на русском языке, впрочем, первой школой был детский сад в Берлине, где семья провела два года из-за болезни отца. После смерти отца учился в Одессе, сначала в частной еврейской школе для детей обоего пола, затем во 2-ой прогимназии и в Ришельевской гимназии. Благодаря заботам матери изучал до 13-ти лет еврейский язык, между прочим под руководством известного еврейского публициста и педагога И. Х. Равницкого¹. Пребывание в прогимназии сопровождалось беспрестанными столкновениями с начальством², на этой почве созрела мысль бросить гимназию и продолжать учение за границей. Будучи в 7-ом классе, перед самыми экзаменами, занял у родственников 200 рублей, уехал в Берн и поступил на юридический факультет, потом перевелся в Рим и здесь прослушал полный курс юридических наук. Впоследствии сдал в России экстерном экзамен на аттестат зрелости и за курс юридического факультета (при Демидовском лицее в Ярославле).

В школьные и студенческие годы не принадлежал и не примыкал ни к каким определенным общественным течениям. В 90-ые годы гимназическая среда в Одессе не знала никаких «вопросов», а просто готовила уроки, обманывала учителей и устраивала романы, в Риме же, благодаря полному отсутствию соотечественников, попал в среду местной молодежи и жил по-молодому, как они. В сионистический идеал верил инстинктивно с ранних лет детства, под влиянием матери и учителя Равницкого, но стоял совершенно в стороне от еврейской жизни. В первые годы своей литературной деятельности если и увлекался какой-нибудь общественной идеей, то была это идея индивидуализма. Однако с 1902 года стал делать попытки сближения с еврейскими национальными сферами, толчком послужило семинедельное пребывание в Одесской тюрьме (по случайному аресту в 1902 г.), где впервые познакомился с детьми еврейской массы. После Кишиневского погрома (1903 г.) активно примкнул к сионистской партии.

¹ Равницкий Йегошуа-Хона (1859-1944) — еврейский писатель и издатель, выпускавший сионистские сборники «Пардес», еженедельник «Дер юд», агадические сказания (совместно с Х.-Н. Бяликом).

² В. Е. Жаботинский был исключен из гимназии в 1897 г. за участие в ученическом рукописном журнале. См.: Гимназисты. В. Жаботинский и К. Чуковский в воспоминаниях Л. Кагана / Публ. Х. Фирина // Народ мой — Ами. 1991. № 3.

Писать по-русски (стихи) начал лет с 14-ти от роду, в 1896 году перевел целиком стихотворения Эдгара По, из которых напечатана только часть. Первым напечатанным произведением была статейка о вреде отметок в школе, в газете «Южное обозрение», август или сентябрь 1896 года, за подписью В. И. С 1897 по 1901 г. писал корреспонденции из Рима в «Одесских новостях», сотрудником которых остался до сих пор. С 1901 по 1903 год работал в той же газете в качестве фельетониста. В 1904 и 1905 писал фельетоны в «Руси»-и «Нашей жизни». С 1906 г. оставил русскую печать (кроме «Одесских новостей») почти совершенно. Стихов по-русски писал много, но из них напечатано было не больше десяти пьес. Кроме того, в 1901 году поставил в Одесском городском театре драму в трех действиях, в стихах, с заимствованным сюжетом, под заглавием «Кровь», а в 1902-м — одноактную пьесу «Ладно», тоже в стихах.

На итальянском языке напечатал — в 1901 г.— два перевода рассказа из М. Горького, не помню, где и какие, и статью о «литературных настроениях» («L'impressionismo nella letteratura russa») в журнале «Nuova Antologia», а также ряд корреспонденций из России в газете «Vita» — на французском языке писал в 1909—1910 в константинопольской прессе: в газете «Courrier d'Orient» серию статей о национальном вопросе в Турции, по вопросам международной и оттоманской политики в газете «Leune Ture» и на еврейские темы — в еженедельнике «Aurore».

Деятельность свою в качестве еврейского литератора начал в 1897 или 1898 году, когда в «Восходе» поместил стихотворение на сионистскую тему «Город мира» за подписью Эгаль. Затем в 1903 г. редактировал сионистский отдел в одесском еженедельнике «Южные записки». С 1904 года стал постоянным сотрудником возникшего в Петербурге ежемесячника «Еврейская жизнь» (ныне ежемесячный журнал «Рассвет»), где помещал статьи и, первое время, стихи оригинальные и переводные. Много также писал на еврейские темы в «Одесских новостях» за 1910—1912 год, в «Русской мысли» (январь 1910 г.) и «Современнике» (февраль 1911 г.). Наконец, в 1911 г. издал том переводов из еврейского поэта Х. Н. Бялика.

Общественные взгляды в той части, которая может представлять интерес для «Словаря **русских** писателей», сводятся к следующему. Человечество может развиваться только в форме отдельных наций. Ассимиляция есть регресс. Национальные индивидуальности подлежат охране во что бы то ни стало, все остальные социальные проблемы отступают на второй план перед

этой задачей. Россия должна быть преобразована в народно-союзное государство, этнически однородные территории должны получить автономию, национальные меньшинства — общинное и национально-культурное самоуправление. Все народности равноправны, и языки их признаются государственными языками России, русский язык есть национальный язык великороссов и, кроме того, язык тех немногих высших государственных функций, которые действительно требуют единства языка (например, язык Свода законов). В школе, от детского сада до университета, господствуют исключительно национальные языки, в суде и местном управлении тоже. При выборах во все учреждения, государственные, областные и муниципальные, проводится пропорциональное представительство и т. д.

События, сыгравшие роль в направлении жизни, кроме упомянутых, немногочисленны. В 1903 г. впервые участвовал в качестве делегата на конгрессе сионистов. В 1907 г. дважды кандидировал в Государственную Думу — во вторую Думу от Волынской губернии, в третью Думу от Одессы, оба раза неудачно. В этом же году женился на подруге детства. 1908 г. провел в Вене, изучая национальный и восточный вопросы. После того посетил Палестину и прожил год в Константинополе, руководя по поручению сионистской организации несколькими органами прессы на еврейском, французском и испаньольском языках. На выборах в Думу 1912 года опять выставил свою кандидатуру по второй курии в Одессе, но снял ее ввиду выяснившейся невозможности провести по этой курии прогрессиста.

Библиография. Перечислить все напечатанное с деталями не могу, т. к. не сохранил ни вырезок, ни брошюр. Могу указать только на главное, и то приблизительно.

Стихи

«Бедная Шарлотта», поэма под псевдонимом Владимир Ж., брошюра. СПб., 1905.— Отзыв в «Золотом Руне».

«Кровь» («Министр Гамм»), драма в стихах, под псевдонимом Altalena, брошюра. Одесса, 1902.— Отзыв в «Русской мысли».

«Ворон» Э. Поэ, перевод в стихах, перепечатан в сборнике «Чтец-декламатор». «Nesrêd», стихи на смерть Т. Герцля, «Еврейская жизнь». 1904, VI.

«Карменсита», имеется в издании для мелодекламации с музыкой Вильбушевича. «Чочары», напечатано в газете «Понедельник», СПб., 1907 г.

В «Одесских новостях» были в 1901-1903 напечатаны другие переводы из Э. Поз («Аннабель Ли», «Дин-дон», «Элалюм», «Эльдорадо»), из Стеккетти и др. Там же была «Сказка о Витмальде Филине и Витмальде Соколе».

«Шафлох» и «Гейша» (сценка из Überbrett!) в сборнике «В студенческой богеме», Одесса, 1903 (псевдоним Altalena), «Чужбина», комедия в 5-ти действиях, в стихах, напечатана, но не издана, СПб., 1910. Экземпляр прилагаю. «Х. Н. Бялик. Песни и поэмы», изд. 2-е, СПб. 1912 г. Экземпляр прилагаю.

Беллетристика

«В студенческой богеме», сборник новелл, Одесса, 1903 (псевдоним Altalena). «Дианы», повесть. «Новое слово» 1910 г. «Edmée», рассказ, «Одесские новости», 1912.

Публицистика

«Фельетоны», СПб., 1913. Экземпляр прилагаю.
«Десять книг», разговор (псевдоним Владимир Ж.), брошюра, СПб., 1904.
«К вопросу о нашей политической платформе». Киев, 1909, брошюра.
«Критики сионизма», брошюра, Одесса, 1906. «Бунд и сионизм», брошюра, Одесса, 1906.
Несколько мелких брошюр не заслуживают упоминания. Остальные статьи в газетах, а также статьи в «Образовании» 1910, «Русской мысли» 1910, «Вестнике Европы» 1909, «Современнике» 1911.

Псевдонимы

Altalena, Владимир Ж.
(25 апр. 1913)

Предисловие и публикация **Х. ФИРИНА**

«ДЖОЙНТ» В РОССИИ: ЧТО ПОМНИТСЯ

Деятельность американской еврейской благотворительной организации «Джойнт», организованной в 1914 г. с целью помощи евреям, пострадавшим в первой мировой войне, достаточно известна.

Известна она и в России, где ее деятельность во многом способствовала сохранению и, можно даже сказать, выживанию в прямом смысле российского еврейства. Широко известны медпункты, ссудные кассы, профессионально-ремесленные училища для евреев, организованные и финансировавшиеся «Джойнт» в начале 20-х гг. по согласованию с советским правительством, а также огромная помощь евреям в организации сельскохозяйственных поселений на Украине и в Крыму. Эту работу «Джойнт» проводил совместно с «ОЗЕТОМ» — «Обществом землеустройства еврейских трудящихся», организованным в 1925 г. и ликвидированным в 1938 г. Был даже создан «Агро-Джойнт».

Сведения об этом можно найти в различных справочниках. Там же можно узнать о суммах, выделенных для этого «Джойнт», и др. Но для современника эти цифры превращаются в некую абстракцию, ибо масштабы любой деятельности с течением времени имеют тенденцию к размыванию и забвению. Особенно это касается России и деятельности «Джойнт» в 20-е гг. и начале 30-х. Причин этому несколько. И объективные (свойство человеческой памяти забывать), и субъективные конъюнктурно-политические. Да и советская пропаганда в течение многих лет немало сделала для дискредитации деятельности «Джойнт», не только замалчивая об оказанной Советскому Союзу помощи, но и обвиняя представителей этой организации в шпионско-диверсионной деятельности (стандартное обвинение тех времен). Были случаи прямого убийства представителей «Джойнт» на территории России (И. Фридлиндер, Б. Кантор), на Украине и в других местах.

И сейчас, по прошествии стольких лет, мало кто помнит о конкретной помощи, оказанной «Джойнт» религиозным евре-

ям, жителям крупных городов, особенно Москвы, Санкт-Петербурга (тогда Петрограда и впоследствии Ленинграда).

Поэтому мне хочется поделиться своими воспоминаниями о тех годах в этом аспекте, ибо о других сторонах жизни евреев России, о личных встречах с интересными людьми можно говорить много. Долгая жизнь дает обильную пищу воспоминаниям. Мне, естественно, трудно говорить о глобальных вопросах. Я был тогда очень молод, многого не знал. Но я расскажу о том, чему я был свидетелем и каких событий был участником. В основном речь пойдет о Москве.

Сам я из местечка Смиловичи в Белоруссии. Мой дедушка и отец были там известными раввинами. Рассказ о моей семье, корни которой уходят в глубь истории, в том числе истории хасидизма в России, может быть интересной темой отдельного рассказа.

Говоря о деятельности «Джойнт» в России, следует сначала сказать несколько слов об обстановке и настроениях среди евреев в годы первой мировой войны и первые годы советской власти. Большая часть евреев — жителей местечек Польши, Белоруссии, Украины стали беженцами. Они были вынуждены оставить свои дома, нажитое имущество и бежать в глубь России подальше от линии фронта, ибо жить там евреям было опасно. Бандитизм, грабежи, убийства, погромы, — все это испытали евреи в дополнение к общим тяготам народов, населяющих Россию. Вдобавок ко всему евреи были ограничены в перемещении по территории России (пресловутая черта оседлости!), в большую часть городов въезд им был запрещен. Беженцы были лишены работы, даже порой и ночлега, несмотря на посильную помощь местных еврейских общин.

Не лучше было и положение тех, кто остался на месте, в родных местечках, и в моральном и материальном плане. Разрыв семейных связей, отсутствие привычной среды деятельности, а отсюда и средств к существованию, страх перед будущим — вот что было характерным для того времени. Люди боялись завтрашнего дня.

И вот именно тогда «Джойнт» выступил с имевшей большое значение благотворительной акцией. Мы — жители местечек — впервые услышали тогда об этой организации, которая, используя любые средства информации, официальные и неофициальные, оповестила всех евреев, что те, кто нуждается в помощи, могут сообщить свой адрес, и помощь будет оказана.

Это обещание было выполнено. Мне трудно, конечно, судить о масштабах этой акции, но знаю, что очень многие евреи в городках и местечках получили крайне необходимую им помощь в виде продовольственных посылок либо посылок с вещами. Многим, особенно ремесленникам — портным, сапожникам и др., — «Джойнт» помогал машинами, орудиями производства, сырьем. Это дало им возможность относительно нормально работать и существовать. (Это направление помощи, о чем я скажу ниже, «Джойнт» продолжал и в последующие годы.)

Такая же помощь была оказана беженцам. Им эта помощь, кроме всего прочего, помогла устроиться и обосноваться на новых местах.

В социально-политическом плане (но не в материальном) ситуация для евреев резко изменилась после революции 1917 г. Евреи получили право свободного переезда в любые города России. Многие потянулись тогда в центры: Москву, Петроград и др. Считалось, что в Москву прибыло более 100 тыс. евреев, в основном молодежи. Среди прибывших было и около 200 раввинов из местечек. Большинство их было беженцами.

Жизнь всех прибывших на первых порах была очень нелегкой. У большинства не было ни средств к существованию, ни специальности, негде было даже жить. С огромными трудностями люди все же снимали жилье, ютятся в чуланах, кладовках, кухнях, коридорах и проходных комнатах. Лишь бы можно было переночевать. В основном евреи селились на окраине города, где жилье было доступнее: в Черкизове, Останкине, Ростокине, селе Алексеевском, Марьиной Роще.

Известно, что до революции в Москве было около 8 тыс. евреев (официально разрешалось жить в Москве лишь евреям-юристам, врачам, купцам 1-й гильдии и ремесленникам) и 4 действующие синагоги. Первая — Хоральная, которую построили в 1891 г., а через год закрыли, выслев из Москвы ее раввина Соломона Минора, занимавшего должность казенного раввина Московской еврейской религиозной общины с 1869 г. Синагога была вторично открыта в 1906 г. Были также синагоги в Зарядье (ее прихожанами были в основном хасиды), на Большой Бронной улице (синагога С. Полякова) и на Пятницкой улице. Московскими раввинами были Шмуэль Рабинович и Яков Мазе. В Москве было 4 резника: Арон Бокштейн из Бердичева (чтобы ему было разрешено жить в Москве, на его имя был куплен патент купца 1-й гильдии), Носон Блях и др.

Раввины и резники представляли собой религиозное руководство евреями Москвы.

Прибывшие после революции в Москву евреи сразу образовали большое число миньянов, во главе которых встали раввины-беженцы. Можно сказать, что почти на каждой улице тех районов, где жили евреи, были миньян, а то и два-три. В некоторых из них собирались молиться по субботам, в некоторых — каждый день по утрам, а то и по вечерам.

Но материальное положение большинства евреев было очень тяжелым. Надо иметь в виду еще одно важное обстоятельство. Значительная часть евреев относилась к категории так называемых «лишенцев» (то есть лиц, лишенных гражданских прав) из-за того, что были служителями культа (раввинами, резниками и т. п.) или членами их семей. Лишенцев не принимали на работу ни в государственные учреждения, ни в другие места, практически никуда. Не могли они получить и образование (оставаться же в своих местечках, где их все знали, было для них еще опаснее).

К этой категории лиц относился и я — сын раввина, прибывший совсем молодым человеком, можно сказать мальчиком, в Москву в 1922 г. с целью не подвергаться лишениям и для поисков работы.

И вот в этих условиях «Джойнт» пришел нам на помощь еще раз, посылая большое число машин для кустарей и кустарных производств. В основном это были машины чулочные, вязальные, оверлочные, кетгельные, мережечные (продукция, произведенная на этих машинах, пользовалась спросом). Люди учились работать на них, работали и зарабатывали на жизнь.

Даже некоторые раввины становились кустарями (опять-таки из-за страха продолжать жить лишенцами — это грозило еще большими лишениями, а также из материальных соображений), одновременно уделяя внимание миньянам, где они руководили религиозной жизнью, поддерживая веру в людях и их дух.

С развитием так называемого НЭПа (новой экономической политики) положение изменилось. Экономическая жизнь в стране, в частности в Москве, начала оживать, причем весьма активно. Повсюду открывались новые продовольственные, мануфактурные и другие магазины, появились новые производства. Возникла потребность в приказчиках, в руководителях среднего звена. На эти должности в первую очередь попадали прибывшие евреи, поскольку именно их предпочитали брать

на работу еврей-хозяева. Оставшиеся же кустары объединились в артели, товарищества, деятельности которых помогали еврей-юристы, большей частью являвшиеся прихожанами Хоральной синагоги. Наибольшую известность приобрели товарищества «Трудкредит», «Самодетельность» и др. И там работали на машинах, присланных «Джойнт», сырье давало государство. Производимые изделия можно было продавать на рынках или сдавать в товарищества.

Одним из руководителей «Трудкредита» был Фукс — габбай Хоральной синагоги. Руководители общины в те годы были удивительно бескорыстными людьми, они отдавали общине все свои силы, не преследуя никаких материальных выгод.

Экономико-политическая ситуация в годы НЭПа благотворно сказалась на жизни евреев. Люди работали, условия жизни улучшались. Начали прибывать в Москву еще тысячи евреев (в еще большей степени это имело место в конце 20-х — самом начале 30-х гг., когда начали бежать из местечек оставшиеся там служители культа — раввины, резники и др., которым грозил арест и в самом лучшем случае выселение. Так, по статистическим данным, еврейское население Москвы к 1939 г. увеличилось до 400 тыс. человек). Была построена еще одна синагога — в Марьиной Роще (она существует до сих пор, там сейчас иешива и синагога, во главе которой с недавнего времени встали представители Хабада), чуть позже — на улице Арбат (сначала в доме № 5, потом в доме № 31, потом в подвале дома одного из арбатских переулков). Продолжали существовать и миньяны.

В те же годы «Джойнт» открыл в Москве еврейскую столовую (по улице Маросейка, дом № 1, на втором этаже), где для всех была кошерная еда. Причем 50% посетителей питалось по бесплатным талонам, выдаваемым в Хоральной синагоге. Средства на это тоже давал «Джойнт». Столовой пользовалось много людей: нуждающиеся старики, рабочая и учащаяся молодежь.

Я крайне редко ходил туда, лишь только первое время (я работал в другом конце города, а чуть позже мои родители переехали в Москву и мы жили вместе), но мне вспоминается один эпизод. Как-то мне довелось (до приезда родителей) праздновать в столовой второй седер в Песах. Я сидел за столиком в углу, ел очень мало, заказал минимум (не позволяли средства). За соседними столиками сидели люди, многие были с семьями, с детьми, даже с внуками. К моему столику подошел мужчина средних лет, попросил моего разрешения сесть за

стол. Он заказал самые дорогие блюда из меню, кроме вина, что сразу удивило меня, ибо даже я со своими ограниченными средствами заказал вино на «арба койсос»*. Потом он достал из внутреннего кармана пиджака небольшую бутылку, предложив мне выпить арба койсос с ним и именно его вина. Я с благодарностью согласился. Он и я произнесли кидуш. Я начал читать агаду. Он слушал, но сам не читал. Потом мы приступили к трапезе в соответствии с нашими заказами, выпили всю его бутылку вина. Я с интересом прочитал надпись на этикетке бутылки.

Я не знал, кто это был, естественно, не спрашивал его, да и сам не представился. Никаких вопросов обо мне он тоже не задавал. Разговор за столом касался самых обычных «дежурных» тем.

И лишь двадцать лет спустя я узнал о нем, узнал и его фамилию. В 1948 г., когда Голда Меир (тогда Меерсон) приехала в Москву в качестве первого посла государства Израиль, ее первой официальной резиденцией стала гостиница «Метрополь». К вечеру перед Рош Гашана у центрального входа в гостиницу на флагштоке был вывешен израильский флаг. И именно этот человек подошел к гостиничному входу, с трудом неся на плече лестницу. Он приставил ее к стене, поднялся и поцеловал флаг. Спускаться ему было легче, ему помогли люди в штатском... Конца его я не знаю, но о нем можно догадаться. Человек этот исчез навсегда. Его фамилия была Могилевский, он был пламенным сионистом, и в тот пасхальный вечер он принес с собой в столовую вино «Кармель».

В годы нэпа «Джойнт» способствовал (и финансировал) открытию многих производственных артелей. Это был период возобновления деятельности последователей движения билуэцев. Многие евреи готовились выехать в Палестину. Им нужна была специальность. И вот многие артели создавались именно для этого: для обучения людей различным специальностям. Примером могла служить артель «Нагорья». Советские чиновники, естественно, никак не могли понять, откуда произошло это название, но в те годы многие даже необычно звучащие названия не вызывали особого подозрения. «Нагорья» — от слова *גור* — столяр. Артель производила матрацы, диваны, кресла, походные и дачные кровати. Люди работали там в среднем 1—1,5 года, приобретая, как уже отмечалось, специ-

* «четыре бокала» вина, выпиваемые во время пасхального седера (*ивр*).

альность, и уезжали. Артель просуществовала до 1930 г. Потом ее ликвидировали, и практически все, кто не успел уехать, были арестованы. В живых остались лишь единицы.

Этот огромный пласт работы «Джойнт» — столовая, артели, обучение специальностям — был наиболее ощутимым в те годы. Многие души и даже жизни были спасены.

В 1928—1929 гг., в конце НЭПа, началась новая волна арестов владельцев патентов (нэпманов). Многие из них были высланы в Сибирь, в основном в Новосибирск. Людей туда перевозили etapом в течение месяца, некоторые умирали по дороге.

В Новосибирске люди были уже практически свободными, но оставались без имущества, без жилья, без средств к существованию. И там «Джойнт» организовал большую кампанию помощи. Проводил ее Шмарьягу Зельвинский. Он ежедневно приходил на вокзал, встречал высланных евреев, забирал их домой, давал им возможность привести себя в порядок (помыться, постричься), а затем после отдыха в течение нескольких дней, иногда недель эти люди с помощью Зельвинского находили работу и жилье. Ему активно помогал в этом Шолом Певзнер, который был казенным раввином Новосибирска, и раввин Нотэ Олевский. Так люди, благодаря «Джойнт», получали возможность существовать в ссылке в мало-мальски сносных условиях (срок ссылки был 3—5 лет).

Через два года, в 1931 или 1932 г., все трое организаторов помощи переехали в Москву. Ш. Зельвинский стал резником, моголом, кантором в селе Алексеевском (один из районов Москвы), умер он в 50-х гг., похоронен на Востряковском кладбище. Н. Олевский стал раввином синагоги в Марьиной Роще, умер в 1966 г., похоронен в Малаховке. Ш. Певзнер занял место раввина Я. Мазе. Каждую субботу или через субботу он выступал в Хоральной синагоге с пламенными и мудрыми речами. Говорил он по-русски, продолжал и в этом лучшие традиции С. Минора и Я. Мазе. В 1945 г. Певзнер был арестован, погиб в сталинских застенках.

В конце 20-х гг. власти запретили частным лицам получать машины для кустарного производства из-за границы, иначе говоря, от «Джойнт». Но высылка машин продолжилась. Составлялись заявки уже не от кустарей, а от специально созданных объединений. А в них были составлены списки очередников, и люди так или иначе получали машины, продолжали работать и зарабатывать на жизнь. В числе получивших тогда

фанговую машину был и я. Я работал на ней вплоть до поступления в институт.

В начале 30-х гг. положение евреев резко ухудшилось. Не говоря уже о преследуемых служителях культа, верующих, ситуация изменилась и для рабочих, кому «Джойнт» оказывал помощь. Во-первых, их начали заставлять сдавать свои машины, полученные от «Джойнт», и работать в общих мастерских. Очень многие отказывались, не желая работать по субботам, другие шли на это, но работали недолго. Во-вторых, ужесточился закон о лишенцах — а многие еврей, как уже говорилось, относились именно к этой категории,— которых запретили брать на любую работу, даже на рабочие должности.

Тогда в Москве организовали новые специальные артели, самой большой из которых была артель «Точдревмех», располагавшаяся по 3-й Сокольнической улице, дом 7. Артель производила мебель, в основном мягкие стулья, на которые был большой спрос. Помогло ее организовать руководство Хоральной синагоги, а материальное обеспечение взял на себя «Джойнт». Перед государственными организациями, заинтересованными в этом производстве (не исключено, что и руководством этих организаций удалось заинтересовать лично), было поставлено условие: разрешить брать на работу лишенцев. Удалось договориться на число 50% (всего в этой артели работало немногим более 300 человек).

Председателем артели стал Шая Шустерман, бухгалтером Бэрл Пантелеев, завхозом Мойше Поляк. Там работали известные хасиды Залман Френкель, Бенцион Ривкинд, весьма образованная в вопросах иудаизма дочь известного юревичского раввина Софья Эпштейн (фамилия по мужу), племянница знаменитого реб Мойше-Мордехая, руководителя иешивы в Слободке. Была с ними и Мария Нудель. Все эти люди внесли большую лепту в дело трудоустройства евреев.

Сторожем артели числился Яков Сущик — председатель хевры «Ахим» — организации, созданной с благородными целями и существовавшей в Москве многие годы. Когда ему приходилось дежурить в субботу, он приносил с собой вино на кидуш, халы, приглашал из цеха З. Френкеля, С. Эпштейна и других евреев, кто был в цехе. Они встречали субботу вместе. А Я. Сущик проводил в своей камерке целые сутки, естественно, и не думая о работе.

Артель процветала, но и ее в конце концов ликвидировали из-за состава работающих, неугодных государственным органам.

Были и другие мебельные артели (в них работали раввин Ш. Шлифер — бухгалтером, известный раввин синагоги «Шой-авей маим» из Минска реб Арье), были аналогичные артели, выпускавшие швейные изделия (в одной из них работал известный хасид Бенцион Клювланд), и др.

Приблизительно в те же годы мне довелось принять участие в организации артели, где работали многие известные люди, хасиды. Способствовало этому то обстоятельство, что в период учебы на так называемом рабфаке (рабочем факультете, где велась подготовка рабочих для поступления в высшие учебные заведения) и потом в институте со мной учился Л. Трок, ставший впоследствии довольно крупным деятелем в области организации кооперативных производств. В его подчинении было более 300 артелей в Москве и Московской области, где работали десятки тысяч людей. Благодаря нашей с ним связи удалось организовать в Егорьевске (Московская область) мебельную артель, председателем которой стал Нохим-Илья Пинский (кстати, я у него в детстве учил гемару). Помощником его был Авроом-Шмуэль Горелик, сын Шнеура Горелика — первого раввина в Кфар-Хабаде в Израиле (эту должность впоследствии занял его зять Нохим Требник). Там работали многие хасиды-хабадники: Симха Городецкий, Мендл Футерфас, упомянутый Бенцион Клювланд, Исроел Певзнер, Цейтлин из Перловиц и др.

Артель прекрасно работала (тем более что план у нее был заведомо заниженным, что мне удавалось обеспечить), завоевывала красные знамена (знаки отличия в те времена), получала премии и т. п. Н. Пинский сидел в президиумах различных собраний рядом с партийными секретарями города, районов, пользуясь большим авторитетом.

В 1937 г. инструктор организационного отдела объединения Плис приехал в Егорьевск с инспекторской миссией, и как назло в субботу утром. Конечно, ни в правлении, ни на производстве никого не было. Благодаря подсказке местных жителей он застал почти все руководство в частном доме, где после утренней молитвы люди сидели за столом, делали кидуш. Назревал скандал. Во избежание крупных неприятностей в считанные дни пришлось ликвидировать артель и распустить людей. Многие сразу же выехали из Москвы в Ташкент, в

Самарканд и другие города. Ведь это был печально известный 1937 год!

В тот же год был арестован и расстрелян один из немногих уцелевших в свое время работников «Нагореи» — Ноах Розин. Начались массовые репрессии, закончившиеся трагически для многих-многих людей.

Мне удалось поработать в этой системе еще некоторое время. Знаю, что и в период войны, и сразу же после ее окончания «Джойнт» посылал посылки с вещами, которые в основном теми или иными путями попадали к евреям, хоть в малой степени облегчая им жалкое существование.

Затем начался период борьбы с так называемым космополитизмом. Она имела явно антисемитскую направленность и принесла большие беды советским евреям, практически уничтожив их культуру и деятелей культуры. «Джойнт» была определена как буржуазно-националистическая и шпионская организация, связи с которой были прерваны на долгие годы.

Сейчас, с позиций сегодняшнего дня, многое, о чем я рассказал, может показаться мелочью, но если мысленно охватить все сделанное «Джойнт», то скольким тысячам людей была оказана конкретная помощь, скольким людям тем самым были спасены жизни в прямом смысле этого слова и сколько людей в своих сердцах хранили и, быть может, хранят чувство глубокой благодарности этой организации.

И все сделанное «Джойнт» для российских евреев остается в памяти.

П И С Ь М А

ПОЧТИ СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

О нескольких пачках неопубликованных писем Шолом-Алейхема

ХАЯ-ТОЙБЕ-ТАЙБЛ — НАТАША МАЗОР

Мы уже раньше упомянули, что Наташа Мазор (Хая-Тойбе-Тайбл Лоева) была одной из ближайших родственниц Шолом-Алейхема, с которой он вел оживленную переписку на протяжении многих лет. Наталья Евсеевна Мазор жила вместе со своим мужем и тремя детьми в Киеве, и когда Шолом-Алейхем со своей семьей находился за границей, у Мазоров жил старший сын Шолом-Алейхема — Миша, который учился в гимназии.

Первые два письма, которые мы публикуем, по хронологии самые первые. Написал их Шолом-Алейхем в июне 1886 г. из Карлсбада, где он лечился от болезни желудка. Возможно, в архиве Шолом-Алейхема, находящемся в распоряжении наследников писателя, имеются еще другие письма того времени. Во всяком случае, маленьким письмецом из Карлсбада к дочери Эрнестине Рабинович начинается раздел «Письма Шолом-Алейхема» к его семье в «Книге Шолом-Алейхема». Но это письмецо датировано 26 июля 1887 г., то есть спустя год, когда Шолом-Алейхем второй раз приехал в Карлсбад на лечение.

<Карлсбад>, 16(28) июня 1886 г.

Дорогая моя племянница Наташа!

...Мораль этой басни? ... Что следовало и тебе немножечко полечиться карлсбадскими водами... Впрочем, так как ты еще не достигла высочайшей степени почтенности, то я бы посоветовал тебе вместо воды соблюдать лишь ту мучительно-жалкую диету, которой подвергается твой несчастный, голодный дядька, питающийся одним лишь воздухом да великолепными ландшафтами природы... Но ты увидишь, как я отомщу всем этим жестоким мучителям моим, когда я приеду здоровым домой. О, тогда я произведу, в некотором роде, опустошение на боярском рынке, особенно по части телятины.

Но я не могу говорить о еде: меня злость берет, тогда и я благодарен судьбе хоть за то, что не лишен, как другие, аппетита, что подтверждает отчасти твою надежду, что я возвращусь домой здоровым дядюшкой. Дай-то Бог!

Окончание. Начало см. № 2 1993 г.

Напрасно ты оговорила в письме, что ты написала какую-то чепуху. Знайте, друзья мои, что для меня не существует теперь чепухи, когда дело идет о домашних моих и о близких мне людях. Мне дорога всякая весточка, всякая даже мелочь, когда они исходят из родного уголка моего. Что же вы поделаете с природой? Когда я случайно слышу возле себя русскую речь, я невольно содрогаюсь. Однако до свидания. Я потому посылаю каждой из вас конверты, дабы вы больше и чаще мне писали.

Твой дядька Соломон.

<Карлсбад>, 18(30) июня 1886 г.

Милый друг Наташа!

С тобою, брат, я церемониться не стану. Почему ты мне не пишешь? Надоело тебе уже писать мне? Или лень одолела? О, постой, я с тобою еще рассчитаюсь! Твое счастье, что я теперь голоден и спешу на Ривьеру обедать. А то я бы не так еще выругался бы, чорт возьми! И после этого меня еще упрекают в скуке, унынии, хныкании и пр. Я заставляю тебя — слышишь? — исписать мне целый лист бумаги со всех сторон вот какими буквами: «Милый дядюшка! Ваше письмо я точно получила. Решительно я свинья ужасная, что не писала вам...»

Вот таким шрифтом непременно, а то я тебя в бараний рог скручу, в порошок сотру и по ветру пущу! Со мною шутки плохи.

До свидания.

Твой сердитый дядюшка Соломон.

Как мы уже раньше упомянули, племянница Шолом-Алейхема (со стороны жены) Наташа Мазор (Лоева) жила в Киеве, и они были очень близки между собою... С Наташей Шолом-Алейхем делился всеми делами, всеми радостями и горестями. Их переписка началась в середине 80-х гг. прошлого столетия и закончилась всего за несколько месяцев до смерти писателя. Эти письма не только дают возможность вникнуть в человеческие чувства Шолом-Алейхема, а добавляют некоторые очень важные подробности, касающиеся и творчества великого писателя.

Вот еще некоторые письма Шолом-Алейхема к Наташе Мазор, которые он писал в 80—90-х годах, когда его племянница была больна и лечилась в Крыму.

(Написано на личном бланке: «Соломон Наумович Рабинович. Адрес для писем: В Киев, Театральная улица, дом № 3, кв. № 7, С. Н. Рабиновичу. Для телеграмм: Киев, Театральная, Соломону Рабиновичу».)

Киев, 10 октября 1887 г.

Дорогая Наташа!

Тися говорит: «Наташа больная» и кланяется тебе чистосердечно. Саррочка тоже. Когда снимут карантин и нам можно

будет видеться, то я уверен, что не узнаешь Саррочку, до чего очеловечилась эта крошка. С нетерпением ждем того времени, когда опять узрим тебя в прежнем цветущем здоровье. Сглазили тебя, Наташка, типун им на язык и соль в глаза им всем, завидовавшим твоему вожделенному благополучию. Нужно ли мне добавить что-либо к той диете, которую доктора тебе прописывают и которую ты, вероятно, не так строго выполняешь? Тися собственной ручкой кланяется тебе (р о с п и с ь Т и с и). Она читает «Пускина». Не отвечай на письмо: отложи ответ на другое время. Будь здорова, цветуща, румяна, как была ты донине и вовеки. Твой дядя Соломон.

(Приписка Ольги Рабинович: «Милая Наташа, исполни диету и берегись простуды, а то я буду сердиться. Тися говорит, что Натася больна оттого, что не слушалась бабушки. Будь здорова — твоя Ольга. Скука ужасная через карантин».)

(Бланк: «Соломон Наумович Рабинович. Киев, Большая Васильковская, № 5».)

Киев, 1 сентября 1898 г.

Дорогая Наташа!

Дома у тебя все благополучно. Миша не только угомонился, но и забыл, что у него есть мама где-то в Феодосии. Ольга бывает у тебя ежедневно. Впрочем, она тебе сама пишет. Пожалуйста, Наташа, не забудь бочонок вина белого, мускат. Было бы недурно, если бы ты выслала нам корзину или бочонок винограда на праздник, по крайней мере, Йом-Кипур. Поправляйся, будь здорова и толста, как того желает тебе любящий тебя дядя

Соломон.

Поздравляю — Эмма поступила в гимназию сегодня. Вся моя республика шлет тебе привет.

Киев, 8 сентября 1898 г.

Милая Наташа!

Твое первое письмо мы сегодня получили и крепко сочувствуем твоим коченеющим членам на южном берегу Крымского полуострова. Как только выпадет у вас первый снег, протелеграфируй — и мы вышлем тебе шубу; а пока советуем протопить печку и запастись калошами (глубокими). У нас, на севере, пока еще не так холодно, хотя в море не купаемся, а виноград у нас вполне созрел на Бессарабке у торговков, только он чертовски дорого стоит и почти всегда бывает гнилой; а потому вышли нам корзину или бочонок винограду как можно

скорей. Вина в бутылках не надо: есть у Лысикова по 30 к. бутылка самой лучшей кислятины. С твоими ребятами мы видаемся частенько. В первый день Рош Гашаны были у нас М. С. и Митя, а во 2-й те же и Люся, который умнее своих лет. Сегодня же я был у тебя дома и видел всю тройку борзых, переворачивающих дом вверх дном. Застал там много клиентов. Моисей здравствует и передал мне свой желудок, т. е. свои страдания. Поспеси с виноградом, ибо кроме винограда мне все запрещено! Adie.

Твой дядя Соломон.

Киев, 18 сентября 1898 г.

Разлюбезная Наташа!

Только что вернулся из Парижа, то есть из Бердичева, и застал твое письмо. Экая важность выслать сюда виноград! Берут извозчика и едут на базар за корзиной; затем едут в сад или даже на базар, покупают виноград, потом его тащут в гостиницу «Чудный приют»; затем идут за веревками и простуживают; потом берутся его паковать и так как дело на лад не идет, то идут за дворником, ругаются с ним, дают ему полтинник и посылают его к чорту, потому что он пьян. Между тем, как наигостеприимнейшая Берта пока его кушает (ей не повредит!). Затем едут на вокзал, и оказывается, что нет артельщика; приходится отложить на завтра; а завтра воскресенье, а потому отправляют его во вторник (потому что в понедельник забыли), и, таким образом, после долгих мытарств получается в Киеве квитанция, посредством коей немедленно, то есть меньше чем две с половиной недели, получается корзина с истекшими шкурками и прочей гнилью, за что Бабушка бранится, отплевывается и объявляет войну не только корзине с вонючей дрянью, но курортам вообще, а крымским в частности. Кажется, процедура не ахти какая сложная, а между тем ты отказываешь себе и нам в такой громадном удовольствии. Ты просто злая барынька и больше ничего. Что же касается до оскомины от кислого винограда, что ты пишешь, то я скорее склонен согласиться с мнением вашего врача. Очень просто: чем больше кислятины, тем больше оскомины; чем больше оскомины, тем меньше аппетита; чем меньше аппетита, тем больше оскомины; чем больше оскомины, тем меньше аппетита; чем меньше аппетита, тем больше кислятины; чем больше кислятины, тем больше и т. д. Ясно, как день; неужели ты не понимаешь? А спроси его, какого он мнения насчет монастырских арбузов, красных, сладких, рассыпчатых? Не лучше ли они феодосий-

ского винограда? Впрочем, да ведь здесь нет и быть не может таких северо-восточных ветров и бурь, как там, на благословенном Юге. Счастливица ты, Наташа, как тебе везет!!!

Твой любящий дядя

С. Рабинович.

После этого письма, датированного 18 сентября 1898 г., настает в переписке Шолом-Алейхема с Наташей Мазор перерыв почти в восемь лет. Во всяком случае, в коллекции, хранящейся в Пушкинском Доме, больше писем писателя к племяннице за этот период не обнаружено. Переписка с Наташей Мазор возобновляется уже во второй половине 1906 г., когда Шолом-Алейхем находится в пути, едучи в Америку.

Первое письмо, которое мы здесь публикуем, написано в Женеве, где Шолом-Алейхем остановился на короткое время. И несмотря на то, что оно в свое время уже было опубликовано в 15-м томе избранных произведений Шолом-Алейхема издательством «Дер эмес» в 1941 г., мы его даем вторично, принимая во внимание, что составители этого тома пропустили в нем целый кусок: «Адлер делает со мной контракт на предмет репертуара и платит мне за 1-й сезон (8—9 месяцев) 4000 долларов, почти 8000 рублей. Все же мое время свободно для журнальной и другой работы, в надежде, что и оно будет небесплодно для меня. Одним словом, мы едем с тем, чтобы *делать* деньги».

Составители считали, по-видимому, неудобным цитировать слова Шолом-Алейхема о деньгах. Но что мог делать измученный, выброшенный из своей страны писатель, оставшийся без копейки денег? Конечно, он возлагал большие надежды на Америку, где ему пообещали золотые горы, в основном за пьесы, которые он будет ставить в театре Якова Адлера и в других театрах. Как известно, надежды Шолом-Алейхема не оправдались и проблема «делать деньги» оставалась для писателя до самой смерти самой глущей, неразрешимой.

Женева, 11 августа 1906 г.

Милая, дорогая Наташа!

Как всегда бывает с людьми перед и после доягой разлуки, у них является материал для разговора уже после того, как они расстались. А расстались мы с тобою Бог весть на сколько времени. По крайней мере, такое предчувствие было у меня в ту минуточку, когда ты стояла на подножке площадки вагона. Признаться, еду я в Америку полный радужных надежд, но чувство разлуки с Россией, с нашим Киевом и с единственным существом (тобою), напоминающим нам, что и у нас когда-то был свой очаг,— вызывает тоску невероятную... Я бы сказал — слезы, но боюсь показаться малодушным, бабой в глазах хотя бы твоих малышей, которые прекрасно все понимают и отлично все критикуют. Кстати, о твоих малышах. Не могу удержаться, чтобы не похвалить твоего Мишу. Он производит чудесное впечатление. По крайней мере, меня он очаровал.

Итак, милая, прощай. Мы, конечно, будем тебе писать из прекрасного далека настолько часто, насколько это позволяет нам время и дела. Будешь ты делать то же самое? Я надеюсь, что не забудешь нас, особенно семью, здесь остающуюся среди чужих, незнакомых людей, точно на необитаемом острове. Ты так и будешь делать; посылать письма им сюда, в Женеву, которые они будут пересылать нам в Нью-Йорк. Что же касается до «устроения» нашего в Новом Свете, то не знаю, говорила ли тебе Ольга, что главным основанием служит театр. Адлер делает со мной контракт на предмет репертуара и платит мне за 1-й сезон (8—9 месяцев) 4000 долларов, почти 8000 рублей. Все же мое время свободно для журнальной и другой работы, в надежде, что и оно будет небесплодно для меня. Одним словом, мы едем с тем, чтобы *делать* деньги. Окажется ли Америка для аргонавтов настоящей Колхидой — это скажет первый сезон. Знающие Америку и меня предсказывают блестящую будущность. Пока же тяжело, очень тяжело, во всех смыслах, а хуже всего, что расстаешься с семьей почти на целый год! О других неприятностях, как родина, долги и пр. пр., я не говорю. Все вместе составляет океан волнений, отделяющий Старый мир от Нового, и поневоле становишься фатальным и говоришь языком русских самодержавных венценосцев, когда им приходится подписывать какой-нибудь этакий важный манифест о войне или конституции: «С нами Бог!..»

Считаю лишним распространяться о том, сколько счастья я желаю тебе, Моисею Савельевичу и детям. А главное — будьте здоровы, спокойны и бодры.

Целую тебя.

Твой дядя Соломон.

Пока наш адрес, как видишь, в Лондон. Туда и просим писать от времени до времени. Пробудем мы в Лондоне, вероятно, недельки 2 или 3. Оттуда будем писать еще.

В начале лета 1906 г. Шолом-Алейхем поселил свою семью в Женеве, провел там некоторое время и опять уехал с женой и с младшим сыном Нумой в Лондон, откуда он должен был ехать в Нью-Йорк. В Лондоне он пробыл целых две недели, ибо не смог достать билет на пароход. Чем он занимался это время, он пишет племяннице в следующем письме.

Лондон, 7 сентября 1906 г.

Дорогая, милая Наташа!

Воображаю, какой вид имел Киев в ваших глазах после Берлина! Что касается до Лондона, то этот город уже слишком велик. Здесь люди немножко хватили через край, переборщили.

Если мы пережили здесь адский август (123 по Фаренгейту), то, значит, долго будем жить. А надоел он нам как! Уехать бы поскорее. Мы не могли достать билеты раньше чем на 6 октября (1-й день Холомойд), и приедем мы в Нью-Йорк 13-го (на другой день после Симхас-Тойре — в субботу). Жаль только, что мы привязаны здесь, прикованы и не можем вырваться хотя бы на неделю-другую — в Женеву. Быть может, все-таки под конец сентября сумеем вырваться. Ах, какой бы подарок ты сделала нам, если бы хоть раз в неделю высылала нам номер или два какой-нибудь киевской газеты. А то приходится узнавать о смерти того или другого через тебя, моя похоронная племянница. Время, проведенное нами здесь, не пропало даром, я закончил вчера вторую драму. Сегодня приступил к третьей. Это будет на весь сезон. Там едва ли будет время писать. Наш Беркович прислал сюда рассказ («Огурцы»), из-за которого три редактора дерутся здесь и платят хорошие деньги. За право печатания. Это действительно очень толковая вещь, которая могла бы украсить страницы любого толстого журнала. «Огурцы» печатаются в сионистском еврейском журнале в Вильно «Дос идише фолк» (адрес: Погулянка,7), номера же, кажется, 11, 12, 13. Раз заговорили о литературе, сообщаю Моисею Савельевичу, что на тему о социальном строе, о которой мы беседовали в Женеве, когда искали дем нехтикн тог⁴, то есть дачу с пансионом, печатается теперь в лондонском журнале моя шутка под названием «Ойс гелт!» — пришлю.

А что у вас, в России, делается. Боже мой! Даже стыдно говорить о литературе. Ольга и Нумчик еще спят.

Целую тебя.

Твой дядя Соломон.

Таким образом, мы узнаем, что Шолом-Алейхем в Лондоне много работал. Помимо выступлений с чтением своих произведений в английских провинциальных городах, он интенсивно готовился к приезду в Америку уже с готовыми пьесами, ибо «там едва ли будет время писать». Из других источников мы знаем, что Шолом-Алейхем действительно привез тогда в Америку свои две пьесы: «Негодяй, или Шмуэль Пастернак» (обработано по его комедии «Якнегоз») и «Стемпеню» (драматический вариант его романа).

Рассказом И.-Д. Берковича «Огурцы» был доволен не только Шолом-Алейхем, но и другие еврейские писатели, которые тогда находились в Лондоне (И.-Х. Бренер, О. Бейлин и др.). Лондонская газета «Джуиш кроникл», имевшая тогда отдел на идише, охотно взяла рассказ Берковича, но с условием, чтобы название рассказа изменить на «Ривка» и чтоб Шолом-Алейхем написал к нему предисловие, ибо так пожелал Беркович.

И еще что примечательно в письме Шолом-Алейхема к Н. Мазор от 7 сентября 1906 г.: чем больше писатель отдаляется от России, все больше

болит его сердце за судьбу своей родины, где так жестоко издеваются над евреями. Душа Шолом-Алейхема истосковалась по киевской газете...

20 октября, в 3 часа дня, Шолом-Алейхем с женой и сыном Нумой прибыли на пароходе «Св. Луис» в нью-йоркский порт, и он сразу пишет первое письмо Наташе.

Нью-Йорк, 20.X.06, 3 ч. дня

Дорогая Наташа!

Только что прибыли в Нью-Йорк. Встречу, которую мне устроили здесь, мог пожелать себе разве какой-нибудь сановник. Подробности описывать не стану. Никогда мы ничего подобного не ожидали. Если судить по этому, то надо ожидать новую эру в нашей жизни. Да и пора уже, ибо пострадали мы уже слишком. Не прошло еще дня, как меня рвут на части с одной стороны пресса, с другой стороны театр. Есть уже заказы на колоссальные вечера. Словом, начало дали невероятно успешное. Посмотрим, что будет далее. В самый момент приезда мы на берегу получили телеграмму из Женевы о том, что Тися родила девочку. Вот тебе здравствуй, бабушка!.. Забрал нас к себе мой брат Берт, теперь Бернард. Он довольно богатый господин. Говорят, стотысячный. Уход за нами отеческий. Мешают лишь интервьюисты, от которых житья нет. Американские евреи взялись меня рекламировать. Здесь это называется «бум». Хорошо, пускай бум. Одна газета предлагает мне 100 долларов в неделю за фельетон и. Это 800 рублей в месяц. Но люди не советуют, потому что направление несимпатичное. Передай поклон Мише. Мы ему пишем отдельно. М. С. привет. Целую тебя.

Твой дядя Соломон.

Приведенное письмо является единственным, написанным из Нью-Йорка на адрес Н. Мазор, в коллекции, находящейся в Пушкинском Доме. Примечательно, что Шолом-Алейхем написал его сразу после прибытия в Америку, в первые часы пребывания там. Для писателя это был счастливый день: во-первых, ему устроили грандиозную встречу и засыпали заказами. Во-вторых, он, еще на пристани, получил телеграмму, что он стал дедушкой — родилась его первая внучка Тамара (дочь Тиси и Берковича). На второй день, 21 октября 1906 г., пишет он к дочери Эрнестине, что, «конечно, в первый день еще нет откуда сыпаться золоту, но ближайшее будущее предсказывает впереди много, много хорошего — очевидно, новая эра всходит на нашем горизонте».

Но нет, «новая эра» не взошла на горизонте Шолом-Алейхема. Золото не стало сыпаться, и вскоре писатель разочаровался в американском «счастье». В июне 1907 г. он вместе с женой и младшим сыном Нумой вернулся в Женеву, где находились остальные члены семьи.

Опять настала пора тяжелой нужды, болезни, отчаяния. И пошла новая серия писем к племяннице: где бы он ни находился, он пишет ей, жалуется

на судьбу, делится своими впечатлениями, рассказывает о своих творческих делах. Наташа для него очень близкий человек, перед которым можно излить всю наболевшую душу и при этом пошутить, пошалить и ждать отзыва. А когда племянница задерживается с ответом, выходит из-под его пера такое, к примеру, назидание.

Женева, 21 марта 1908 г.

Дорогая Наташа!

Переписка наша становится вполне естественной; раз в три месяца — так и надо. Все же это лучше, нежели ничего. Что сказать тебе о себе? Глупости: пишу очень много, почти во *всех* органах печати Нового и Старого Света. А проку мало. Рвется душа в иной мир, цы ди гоим <к русским>. Стыдно, но это правда, нечего греха таить. Еврейского писателя, даже самого популярного, ждет могила на счет общества. Поработавши с четверть века среди *своего* народа, нельзя не прийти к такому грустному выводу. Ты знакома с моим другом Сыркиным. Узнай, в каком положении находится их предприятие насчет большой книги о еврейской народной литературе. Кстати, передай ему мой привет. А что насчет Монрепо вашего в предстоящий летний сезон? Есть ли надежда увидеться где-нибудь? Давно ты не писала о киевских событиях уже. Кто умер? Кто обанкротился? Кто разбогател? Возможно, что некоторые дела (театральные) меня вызовут на несколько дней в Россию. Но об этом еще поговорим, когда будет нечто более определенное.

Прощай.

Твой дядя Соломон.

Моисею Савельевичу и детям поклон от меня.

В те дни Шолом-Алейхем по совету врачей побывал то на одном, то на другом курорте на юге Европы, ища подходящее место для лечения. Вот он в Италии, вот в Швейцарии, вот в Германии, а вот он вынужден опять вернуться в Италию. Это его очень изматывало, и в одном из писем он жалуется Наташе.

Берлин, 29(12) сентября 1908 г.

Дорогая Наташа!

Рассказывают про одного еврея, который, едучи зайцем под скамейкой, ответил на вопрос: «Куда вы едете?» — «Если выдержат бока, я буду на Субботу в Кишиневе...»

Точно и я. Если здоровье не изменит, то будем на Субботу в Италии. Пока мне довольно тяжело. Как только приедем на место, вероятно в Нерви или Нервис, то дадим телеграмму и будем просить писать нам туда. Пока же до свидания, ви дер

дайч зол азой коех обн цу лебн, ви их об коех цу шлепн зих мит зайне шнелцугн...⁵

Моисею Савельевичу, детям, равно как и Н. С. Сыркину и другим, мой привет.

Твой дядя Соломон.

Бывало, Шолом-Алейхем писал своей племяннице дважды в день. Если от домашних он мог утаивать страшные боли, которые его мучили, притом все превращать в шутку, хохмить, не выдавать страданий (иногда эта игра ему удавалась, чаще, конечно, нет, ибо на страже его состояния стояли преданнейшая жена Ольга и некоторые из его дочерей), он с Наташей мог в своих письмах чувствовать себя свободным и откровенным. 7(20) октября 1908 г. он посылает племяннице отчаянное письмо.

Нерви, 7(20) октября 1908 г.

Милая Наташа!

Играется со мной судьба-злодейка, хочет омрачить душу, испортить настроение, бросить меня во тьму меланхолии, но я не из тех, которые так скоро распускают нюни. Раскис я только тогда, когда ты, словно добрая фея, слетела ко мне в Барановичи. О, тогда было совсем другое дело. Тогда я плакал, бывало, по два раза в день, но, кажется, напрасно. Теперь я уже не плачу. Я только пугаюсь немножечко, и больше ничего. Вот, к примеру, позавчера утром снова показалась кровь, а так невесть что, самые пустяки, какие-то «кровяные шарики в выделениях мокроты»... И я подумал: вот-вот повторится барановическая история. Стоило ли в таком случае трудиться и ехать в эту благословенную страну? Но явился врач (Мандельберг — милый человек) и высмеял нас; выяснилось, что это отрыжка барановических грехов. И действительно, я встал, гулял по марине (взморье), и меня ласкают лучи такого солнца, какого я до сих пор еще никогда не видывал. Какое солнце! Какой воздух! Если я отсюда не уеду богатырем, значит, судьба моя решена! Ты получишь, Наташа, это письмо в самый день моего праздника, моих литературных «именин», к которым, как нам пишут, готовятся повсюду, во всех уголках. А я буду в этот день бродить, одинокий, по берегу Средиземного моря, один со всеми мыслями, темными как ночь, с непостижимым страхом перед неизвестным будущим, так как я не знаю сегодня, на что мы проживем завтрашний день... А если и проживем, то на чьи средства? На средства «общества»? Да, как ни верти, все всегда грустно, чорт побори, и, уж во всяком случае, не так весело, как это обычно рисуется в моих глупых, но веселых писаниях. Было когда-то и весело, но это было давно, это было в ту

счастливую пору, когда мы праздновали твой 19-летний юбилей (в Одессе, помнишь?). Ну, мне уже надо идти в море. Желаем вам веселиться на этом свете. Моисею Савельевичу, Н. С. Сыркину, Евгению Львовичу и всем моим друзьям в несчастье и в радости — мой самый теплый привет!

Твой дядя, не падающий духом

Шолом-Алейхем.

Здесь требуется объяснение в связи с тем, что Шолом-Алейхем вспоминает в письме: «...когда ты, словно добрая фея, слетела ко мне в Барановичи». Речь идет о посещении Шолом-Алейхемом белорусского города Барановичи в ряду других городов России, в которых он летом 1908 г. выступал с чтением своих произведений. 26 июля он выступил на вечере в городском летнем театре и имел огромный успех. Местные литераторы и общественные деятели попросили его повторить выступление, на что он согласился. Но 29 июля писатель вдруг тяжело заболел, и тогда к нему приехала его преданная племянница. Именно из Барановичей Шолом-Алейхем, по совету врачей, поехал в Нерви.

Приведенное письмо является одним из наиболее содержательных в коллекции Пушкинского Дома. Его еще опубликовал журнал «Советише литератур» (Киев, 1939, № 3—4), затем оно было включено в упомянутый 15-й том избранных произведений Шолом-Алейхема на еврейском языке, а также в шеститомник издательства «Художественная литература» в переводе на русский язык. К сожалению, составители всех этих изданий не потрудились заглянуть в оригинал, написанный Шолом-Алейхемом по-русски, поэтому были допущены неточности и искажения оригинального текста.

В тот же день, когда было написано приведенное письмо, Шолом-Алейхем послал вдогонку еще одно письмо к племяннице.

Нерви, 7(20) октября 1908 г.

Дорогая Наташа!

Сегодня я отправил тебе письмо более или менее грустное. Но получилась почта и твое письмо. Газет не получил. Однако, спасибо, что не забываешь нас. Остальное напишет тебе Ольга, если ты мастерица читать ее письма, виноват: не читать, а догадываться, улавливать смысл по какому-то наитию свыше. Этим даром наделен не всякий, и потому неудивительно, что один ее корреспондент на днях повесился, оставив записку: «Прошу никого не винить (в моей смерти), кроме мадам Шолом-Алейхем с ее убийственным почерком...»

Целую тебя.

Твой дядя Ш. Алейхем.

Моисею Савельевичу, Сыркину, Шкловскому и всем друзьям, а также Мише нашему и Мише вашему мой привет.

Как видим, два письма в один день к одному и тому же адресату — и как они отличаются друг от друга, словно одно было погружено в мрак, а из второго будто блеснул солнечный луч... Шолом-Алейхем нередко любил пошутить по поводу неразборчивого почерка своей жены Ольги, но она никогда не обижалась на его добродушную иронию...

В том же ключе, с той же улыбкой написано следующее письмо. Приписка обращена к Мише, старшему сыну писателя, который учится в гимназии, но не любит географию.

Нерви, 16(29) октября 1908 г.

Милая, дорогая Наташа!

Спасибо за твои частые письма и за милое отношение и заботы обо мне. Уж я тебе покажу, как поправляются здесь больные! Не узнать тебе меня вовеки. Кабы только да комнату такую же мне дали, как ты пишешь, на юге чтобы, да на солнышко здешнее. Нет у вас такого, поверь, солнца. Куда вам!.. А что до воздуха, так это бальзам, ну лекарство прямо из аптеки — и шабаш! А аппетит-то какой, господи Боже мой! Было бы только что жрать. А то, слышишь, деньжонок-то почти табак... Не приносит, хоть ты ей что! А телеграмм этих — во сколько! Франков тыщу одним только разносчикам за ефти, стало быть, телеграммы. Показала себя наша еврейская нация, что и мы не лыком шиты. Трогательно! Ну, ей же ей, от радости поплакал давеча. Говорю серьезно. И вообще я человек серьезный. К этой моей серьезности да кабы меньше кашлялось. Эх-эх-эх! Не забудь. Пиши уж лучше много, лишь бы чаще. Да-с...

Твой неунывающий дядя Ш.-А.

...А как, брат Мишель, насчет географии этой самой? Дело скучное, это правда, да необходимое. Ничего не поделаешь. Кончай уже там эти два класса. Бог с ними. А пока не зевай, читай книги, да пиши письма, да будь здоров.

Папа.

Состояние здоровья Шолом-Алейхема требовало исключительной заботы со стороны его родных, и жена писателя делает все, чтобы облегчить ему боли. О том, как Шолом-Алейхем лечится, он и рассказывает в своем письме к племяннице — не письмо, а прекрасная новелла.

Нерви, 1(14) ноября 1908 г.

Я видел сон.

Будто мы живем на самом берегу Средиземного моря. С обеих сторон, востока и запада, — благоухающие парки. Окна — главные с двумя верандами — на юг, а окна — боковые — на

восток и на запад. Таким образом, ни один луч пылающего шара не пропадает даром для меня. Самую большую (сравнительно) комнату отдала будто мне. Все оттуда вынесено. Оставили лишь чистенькую кровать, крошечный умывальник, шкафчик и письменный будто столик и особую веранду. И сплю я в этой светлой и чистой комнате совершенно один, при открытом балкончике на море, а убаюкивают мой сон равномерные, мелодичные морские волны. С утра, как только зажигается первый луч дневного Светила, а звездочки, отражавшиеся всю ночь в волнах, одна за другою гаснут, я будто просыпаюсь, и тут же являются на сцену гоголь-моголь, растирание морской водой, одевание, завтрак из жирной ветчины, 3-х яиц всмятку и молочной с таниокко каши, и затем я будто отправляюсь на марину (набережную), на которой, собственно, мы и живем. Там я с тетрадкой и карандашом в руках провожу на солнце, которое особенно в это время греет, ласково и приятно, как женщина, — от 9 до 12 часов. Затем я медленно будто направляюсь к дому, где застаю стол накрытым. Обедаешь будто очень вкусно, так как все приготовлено — так мне кажется — руками Ольги. Тут тебе и рыба по-еврейски, слаще меду, и суп чудесный, и жаркое а-ля Еврейской Зразы, и зелень свежая, с огорода, и фрукты сочные, фиги с дерева будто и пр. Кончился обед — и меня, раба божьего, в 1/2 второго ведут на балкон № 2, юго-западный, на личекур. И мне снится, будто там кроватка чистенькая, с зонтиком у изголовья, как защита от солнечного удара, и на ней-то меня укладывают на целых 2 часа, в течение которых я обязан будто выпить небольшими бокалами целый литр стерилизованного молока. Затем в 4 будто чай, прогулка на марине, а в 5 запираются двери и окна на два часа (заход солнца будто), и в 6 ч. вечера ужин — опять очень сытный и очень вкусный, тоже будто изделие рук той же Ольги. После ужина идет игра в бб или в Дурака с Нумой или вкруговую Тертель-Мертель. Часы пробили 8 — опять яйца всмятку, опять молочный суп с макаронами в придачу. Здесь сон становится непонятным, ибо яйца и суп с макаронами после ужина — это уже совсем какой-то анахронизм. Если прибавить к этому, что в 10 ч. вечера, перед тем как уснуть, опять пара яиц в виде гоголя-моголя, то ты поймешь, что сны бывают подчас весьма причудливы и непостижимы. Но Боже мой! Ведь все, что я тебе описал здесь, не сон, а *действительность!*

От такого образа жизни неудивительно, что в короткий промежуток я набрал около 3-х кило (6—7 фунтов), и набрал бы еще больше, если бы не перерыв, о котором тебе уже писала

Ольга. Простуда вдруг, кашель с кровью, температура выше 37 и пр. Однако это прошло, и я живу теперь, как писал тебе в вышеупомянутом сне. А главное — кабы не заботы о «завтрашнем дне»... Этот «завтрашний день» мне стоит много жизни!..

Итак, ты собираешься в Нерви? Мы уже мечтаем о том времени, даже постель тебе определили, в юго-западной комнате, а Наумчик собирается показать тебе «Русскую Скалу» — единственную достопримечательность Нерви.

Целую тебя и кланяюсь М. С. и детям.

Твой дядя Ш.

Миша! Тяни, брат, лямку; в твоём возрасте только и надо что учиться мудрости разной. Пишут тебе дети особливо. А мама кланяется.

Твой па.

Нерви, 30 ноября (13 декабря) 1908 г.

Милая и дорогая Наташа!

Посылаю тебе при сем два бланка на случай, если бы один испортился. Надеюсь, что ты не употребишь во зло мое доверие и не выставишь на меня обязательство в 200 000. Что касается до того, что ты пишешь, будто ты не знаешь еще о твоей поездке в Италию, то я тебя отлично понимаю и сочувствую. Тебе хочется устроить нам сюрприз. Это как раз в моем духе. Итак, ты ведь в Нерви не будешь. Хорошо-с. Мы приготовим для тебя комнату с двумя окнами: на юг и на запад. Ты увидишь такой закат солнца, какого в жизни не видела. Куда тебе. Разве ты что-нибудь видела, кроме Софиевского собора? С какой стати вдруг ты стала покашливать? Это ведь по *моей* специальности. Не разрешаю — и все. Должен тебе писать целую Иеремиаду — жалобу на Ольгу, но, за поздним часом, откладываю до следующего раза. А пока до свиданья, то бишь прощай, ибо ты ведь в Нерви не поедешь? Пожалуйста, Наташа, как поедешь в Нерви, захвати «адреса».

Твой дядя Ш.-А.

Наташа была у Шолом-Алейхема доверенным лицом в Киеве. Она вместе со своим мужем Моисеем Савельевичем, присяжным поверенным, вела финансовые дела писателя. Как раз в то время, когда вышеприведенное письмо было написано, литературная общественность во многих странах мира готовилась отмечать 25-летний юбилей его литературной деятельности, а в Варшаве был создан специальный комитет, который занимался выкупом произведений Шолом-Алейхема, попавших ранее в нечистые руки. Комиссия и другие литературные общества объявили сбор средств в пользу этого дела. Часть этих денег пересылалась в Киев, и Шолом-Алейхем оформил полномочия на племянницу.

Что касается «адресов», которые Наташа должна была привезти в Нерви, то это тоже было связано с юбилеем писателя. Часть поздравительных адресов прибывала в Киев, а некоторые даже писались в Киеве. В одном из писем к писателю и другу Н. С. Сыркину, жившему тогда в Киеве и часто заходившему к Мазорам, Шолом-Алейхем пишет (6 декабря 1908 г.), например, об «очень дружеском адресе», написанном киевскими друзьями: «Адрес меня тронул до слез. Это ведь Киев, а Киев — это мой город. Сколько мне стоит Киев — могли бы оба, я и вы, иметь. Везде побывать на моем празднике — глупость. Но то, что я не смог быть в Киеве,— это для меня очень печально!..»

В следующем письме к племяннице разговор о юбилее и о сборе денег для выкупа произведений писателя продолжается.

Нерви, 7(20) декабря 1908 г.

Дорогая Наташа!

Шлем тебе вторично бланки. Относительно мифических сумм, что ты пишешь, мы можем дополнить следующее. О Баку нам писал в виде слуха Дубнов из Петербурга, но мы ничего не знаем. На все наши справки мы узнали, что это пока слух. Лондонский 1-й вечер дал 300 рублей. О 2-м мы еще сведений не имеем. Кажется, что его и не было. Нью-Йорк лишь собирается через неделю праздновать первый юбилейный вечер (15(26) декабря). Я там имею друзей: Пинского (писателя) и Любарского (коммерсанта). 2-й может более успеть, нежели 1-й. Затем Варшава имеет в фонде 2000. А в Лодзи 650 в банке. Для выкупа моих всех сочинений (с готовыми экземплярами около 4000 штук) нужно будет до 5000 рублей. Вот и весь сказ. Вчера имел быть в Петербурге большой литературный вечер. Некоторые небольшие суммы были направлены к нам сюда, но, конечно, не в таких размерах, чтобы мы могли беспечно прожить здесь сезон. Больше всего меня занимает вопрос о выкупе произведений. Они в таких тяжелых, мелочных и нечистых руках, что буду считать себя счастливейшим, если это дело состоится. Здоровье мое как иногда. Иной день прекрасный, а иной день — того-с. Аппетита нет — это хуже всего. Однако за все время я нажил 5 кило в весе, то есть 12 с чем-то фунтов. Но ведь я же был скелет. Считаю уже дни, когда приедешь. Для нас это большой праздник. Однако, не возгордись и пиши письма.

Любящий тебя твой дядя Шолом-Алейхем.

Нерви, 4 февраля 1909 г.

Дорогие Моисей Савельевич и Наташа Евсеевна!

Итак, вы перебивали везде. Побывали в Париже, теперь в Берлине. Особенно я рад за Наташу, что она, наконец, увидела

мой Париж, которым я так горжусь. Надеюсь, Моисей Савельевич тебе показал все, начиная с Лувра-музея и Лувра-магазина и кончая ля Гранд-опера. А бульвар? А кафе в вечернюю пору? Эх, Наташа, Наташа! Каким мизерным покажется теперь Киев после блестящего Парижа и опрятного Берлина. Однако, если бы мне предоставили выбор между сими тремя городами, я бы остановился на не столь благоухающем и не столь благоустроенном Киеве. И чем чаще я слышу, что мне придется жить здесь не один сезон и не один год, тем больше меня тянет туда, *домой*... До нынешнего дня я чувствовал себя прекрасно, много гулял на марине, еще больше писал. Лишь сегодня температура как будто подскочила, но это пустяки. Кашляю куда меньше. Аппетит есть. Вес прибавился. Чего ж еще? Погода у нас один восторг. Запахло маем. Вчера писал вам в Киев и о «первофевральской утке» в Виленской «Идише цайтунг» по поводу моего юбилея в Филадельфии. До сего дня загадка не разрешена. Кончаю мое послание приветом по адресу многоуважаемой Анны Львовны и пожеланием как вам, так и ей, всего наилучшего.

Ваш Соломон Рабинович.

Объявляется солидная премия тому, кто прочтет написанное на обороте.

(На обороте: «Дорогая Наташа и Моисей С-ч. Шлю привет. В Киев уже напишу большое письмо. Теперь воспользуюсь случаем и шлю привет Анне Львовне. Много воды или, скорее, крови протекло с тех пор, как видела Анну Львовну. Ольга».)

Это письмо, как и еще одно (за 11(20) февраля 1909 г.), опубликованные в переводе на идиш впервые в журнале «Советише литератур» в 1939 г., весьма характерно для Шолом-Алейхема того времени, когда он лечился в Нерви и очень тосковал по родине. Не первый раз он об этом пишет Наташе.

Интересно также следующее письмо Шолом-Алейхема к племяннице от 14(27) февраля 1909 г. из Нерви. Первые несколько строк письма напечатаны на машинке на идише (все остальные письма к Наташе он писал от руки своим красивым, четким каллиграфическим почерком на русском языке) и сразу переведены им на русский язык. Это Шолом-Алейхем хотел похвастаться тем, что друзья его из Америки прислали ему в честь юбилея пишущую машинку с еврейским шрифтом — к тому времени это была уникальная вещь. Об этом подарке он известил также своих друзей и близких. В одном из писем к своему будущему зятю Михаилу Койфману от 6 марта 1909 г. он пишет: «Писать мне вообще запрещено. Разрешено только на машинке. Что же делает Бог? Внушил он моим нью-йоркским коллегам, чтобы они мне купили пишущую машинку — подарок к моему литературному празднику. Всевышний! Да будут благо-

словенны их руки!» С Наташей он делится этой радостью еще раньше — по-видимому, сразу, как только получил машинку и отстукал немедленно первые строчки.

Нерви, 14(27) февраля 1909 г.

(Первые 6 строчек написаны по-еврейски на пишущей машинке: «Вот это пишущая машинка, которую мне прислали из Америки,— подарок к моему 25-летнему юбилею от моих коллег, писателей. Пока что я учусь еще писать. Чтобы ты, Наташа, так быстро научилась читать, как я смогу писать... Когда научусь писать, напишу больше».)

Из этого Ремингтона заключите, какая деятельность у меня теперь, настоящая литературная горячка. Помилуйте, когда-то можно <будет> писать несколько копий сразу, не обмакнув перо в чернила. Долой чернила! Да здравствует Ремингтон! За здоровье американских еврейских литераторов. Уррра!

Что же касается твоих, Наташа, финансовых соображений, то мы полагали бы, что 2-й план более приемлем, нежели 1-й, т. е. лучше держать в процентных бумагах, а бумаги сдать в банк на хранение.

Доверенность на имя твое (в 2-х вариантах, т. к. ты когда-то, до знакомства со мною, носила малопоэтичное, но весьма национальное имя: Хая-Тауба-Табел-Табеле) при сем прилагаю.

Из Иоганнесбурга (Африки) получилось письмо, что там был вечер, принесший чистых 450 р. Из них 300 р. они отправили бр. Бахрах в Варшаву и еще 150 имеют прислать.

Зима у нас прошла, и есть надежда, что завтра будет лето. У нас это мигом делается.

Ваш Соломон.

В следующем письме идет опять речь о средствах, которые собираются для выкупа произведений Шолом-Алейхема у варшавских издателей И. Лидского, М. Кринского и др. А. Подлишевский, который упоминается в письме, был членом комиссии по выкупу произведений.

Нерви, 2(15) марта 1909 г.

Дорогие М. С. и Н. Е.!

Для ради Наташи, не знающей своего национального языка, я вынужден отказаться от своей еврейской машинки и писать лежа карандашом.

Доверенность выслал вам, явленную у консула. Стало быть, все в порядке. Насчет процентных бумаг мы вполне полагаемся на вас. Вы на месте — вам виднее. Наташа, ты обещала прислать

список от д-ра Бых. Мне он нужен не для отчета, а лишь для сведения: из каких мест были поступления. Есть ли также при счетах какие-либо письма, хотя бы адресованные не ко мне непосредственно? Также передай Н. С. Сыркину, может, у него собрались какие-либо письма, имеющие отношение к юбилею? Что касается самого юбилея, то из Америки еще поныне получают сведения, что там и сям праздновали и т. д. Из Варшавы пока мало сведений. Было письмо от Подлишевского, но запоздалое по содержанию. Пока нам известно, что откуплено у Лидского 75 листов и уплачено 2700 р. В кассе имеется еще 800 р. для уплаты («Тушии» за 50 листов). С Кринским пока дело швах. Без суда не обойдется. Seriously подумываем о поездке Ольги в Варшаву на недельку. Ждем письма. Я же всю эту неделю хворал довольно-таки серьезно. Температура подгуляла, ну, голова, кашель, желудок — все такое. Надоело, право. Как вы после Ниццы, Моисей Савельевич? Бросились в омут с головою? С Гр. Бор. Бых. переписываемся. На Пурим написал 2 рассказа. На Пасху 3. Стало быть, живем, хлеб жуем. До свидания. Всем по поклону.

С.

Врачи каждый раз меняли места лечения Шолом-Алейхема. К лету 1909 г. он из Нерви переехал в южную Швейцарию и остановился в санатории Ст. Блазиен. На бланке следующего письма к Н. и М. Мазор за 11(24) мая 1909 г. Шолом-Алейхем указывает адрес, по которому следует ему писать.

11(24) мая 1909 г.

Дорогие Нат. Ев. и М. Сав.!

Вот наш настоящий адрес, по крайней мере, до поры до времени. Здесь хорошо безусловно. Вопрос — как будет дальше, в связи с тем, что мне нужно выше и выше, в горы. Услышим, что скажет Бог медицины — Сали? Пока же довольно-таки слаб. Ожидал я большего от Швейцарии, а тут еще инфлуэнца, а может, и не инфлуэнца? Я обманывать себя не люблю. А что сказать про здешнюю жизнь? Природу? Воздух? Но да ведь это не ново. Рай земной, да кратковременный. К тому еще не всякому достижимо. Единственное утешение, что, по крайней мере, никакой пристав не справится о паспорте и правожительстве. Что лучше — быть здоровым, но изгнанным из Боярки? Или больным да свободно проживать в Швейцарии? На досуге решайте вопрос. Поклон Сыркину и детям.

Ваш Сол.

И в Шварцвальде Шолом-Алейхем долго не задержался. Следующее его письмо к Мазорам написано, несмотря на бланк Шварцвальда, уже из немецкого санатория.

Шварцвальд, 12 июля 1909 г.

Дорогие Н. Е. и М. С.!

Как видите, я в санаториуме немецком. Это почти что в больнице. Режим наистрожайший. А жаль, что не попал я сюда прямо из Нерви, хотя погода здесь была и есть дождливая. Я бы не потерял так много здоровья и даром проведенного времени и потраченных расходов в Швейцарии, и главное — не нажил бы бронхита, который мне столь же нужен, сколько тебе, Наташа, краснуха. Подумаешь, ни одна детская болезнь не минует тебя. Скоро у тебя начнут прорезываться первые зубки. Воображаю восторг Моисея Савельевича. А как я живу нынче, так ни в сказке сказать, ни пером описать. Весь день на дворе, в лесу сосновом, под дождем. Движений почти никаких. Затем обтирание, душ и пр. Пища однообразная, но питательная, немецкая. Воздух напоминает боярский, только совершенно свободный, чистый, без примеси плохих клозетов, пыли и гнили. Высота над уровнем моря 800 метров, однако не так чувствительна, как в Швейцарии. Сколько мне здесь прозябать — сам не знаю. Писать исключено. Грусть большая. Не скука, а грусть. Кажется, обо всем уже. Много писать мне нельзя. Только урывками, между обедом и лежанием. Какими отметками прошли ваши хлопцы? Миша, видно, уже в Барановичах. Ляля говорит, будто у него будет *масса* уроков. Ольга пишет особо. Обнимаю вас.

С.

В коллекции писем к Н. Мазор Миша, старший сын Шолом-Алейхема, вспоминается не раз. Но в них говорилось о Мише — киевском гимназисте. Здесь же говорится, что Миша находится для чего-то в Барановичах. Можно предполагать, что он там проводил каникулы.

Лугано, 24 сентября 1909 г. Эрев Йом-Кипур
<накануне Йом-Кипура>

Дорогая, милая Наташа!

Сегодня Ольга уехала в Люцерн на Йом-Кипур. Оттуда она в воскресенье, вероятно, уедет с Марусей и Тamarой в Варшаву. Дело в том, что Тися устраивает себя и Берковича в России. Ольга думает, что ей удастся и Марусю как-нибудь пристроить

при Тисе. Ляля сейчас после Сукес выйдет замуж (за Койфмана). Понемногу, значит, семья наша расплывается. Остались при мне пока Эмма, без которой я совсем не могу обойтись, т. к. я теперь слабее, нежели в Шварцвальде, и Нумчик. А что со мною делать — я сам не знаю. От Ольги я скрываю свою слабость и тебя прошу не писать ей об этом. И если возможно, то и Мише не говори. А если Миша как-нибудь узнает, то и его прошу не писать Ольге ни слова о моей болезни. Возможно, что это временная слабость, которая пройдет. Боюсь повторения болезни, т. е. прогрессирования процесса... А может быть, это нервы или просто сплин. *Сплин* — это по-английски; а по-еврейски: унгедуст афн арцн...⁶ Не хочется помирать — чорт поberi! Из всех глупостей, которые я делал и делаю в жизни, это была бы наигромаднейшей. А погода здесь райская!.. Привет Моисею Савельевичу.

Твой дядя С.

2(15).1909 г.

Дорогая Наташа!

У нас летняя гроза. Гром и молния. Оттого, вероятно, я такой хворый. А может быть, и не оттого. Однако, Ольга через 2 дня меня оставляет. Едет в Жмеринку на Лялину свадьбу, которая состоится в пятницу 13(26) ноября (надеюсь — сего 1909 года). Хорошо было бы, если бы и ты могла пожертвовать одними сутками и поехать на свадьбу вместо меня. Ольга едет через Вену, и там она купит для тебя рубахи, в которые и облачится, дабы не платить пошрины. Привет Моисею Савельевичу и Сыркину.

Твой дядя С.

В последних двух предыдущих письмах говорится о Ляле, второй дочери Шолом-Алейхема. Она выходила замуж за Михаила Койфмана, а свадьба должна была состояться в Жмеринке, на родине жениха. Шолом-Алейхем не смог приехать на свадьбу из-за состояния здоровья, но он принимает активное участие в этом важном событии. 23 ноября 1909 г. он пишет дочери: «Лялюк, осталось всего три недели до твоего выхода в тираж. Было бы неплохо, если бы осуществилась хотя бы сотая доля благословений, которые я желаю тебе и твоему избраннику. Примите оба по несколько поцелуев от папá».

На второй день он опять пишет дочери и сообщает, что в честь ее свадьбы он устраивает в Нерви семейное торжество со специальным концертом, в котором участвовали все его друзья, находившиеся тогда в Нерви, а также младший сын Нума.

2 апреля 1911 г.

Дорогой Моисей Савельевич!

Ваше заказное с переводом получили. 2 шляпы-панамы куплены. Ждем случая, чтобы передать в Киев.

Что касается до Вашего счета, то он, к сожалению, неправилен и несправедлив. Я говорю о последней цифре 260 лир. Вы говорите, что Вы не настолько бедны, а мы не настолько богаты и т. д. Может быть. Но Вы упустили из виду, что небогатые люди имеют право оказывать гостеприимство тем, кому им приятно. Ваше же замечание «на курорте» меня удивляет. Если бы это говорила Наташа, было бы простительно ей, не знающей Талмуда. Вы же учили Талмуд и, вероятно, знаете, что сказано о **הכנסת אורחים**, если речь идет о **שחלמיד חכם**, причем прямо говорится: **ואפילו עבדים רציימ לפניך**.

Для Наташи придется мне перевести. Если приходится тебе принять в своем доме гостя-интеллигента — «талмуд-хохема», значит, почетного, желанного гостя, то не жалеть для него никакой роскоши, даже если он привык, чтобы рабы бежали перед его колесницею. Что Вы были для нас гостем желанным, в этом Вы не сомневаетесь. Что Вы оказывали гостеприимство Мише в течение 2-х лет — это факт, которого отрицать не можете. Почему же Вы обнаруживаете желание препятствовать нам хоть чем-нибудь отплатить Вам любезностью за любезность?

На основании всего вышесказанного позвольте представить Вам контр-рехенунг:

$$\begin{array}{r} \text{За 2 шляпы по } 13 = 26 \\ \text{Лично Вам следует } - 260 \\ \hline 234 \end{array}$$

каковую сумму мы перевели Вам сегодня через Банк.

Засим идут нервинские новости-сплетни. Шапиро, слава Богу, поправился. Получил еще 2 пуда весу. Мадам, наоборот, потеряла 2 кило — из-за «еврейки», которая тащит у них по 2 лиры в неделю (за каждые 2 лиры долгой 2 кило). Шефтель вдруг... поумнел! У него наличного капитала теперь свыше 300 лир. **ЫН АЗ МЕ ОТ ГОЛД — ИЗ МЕН А ХУХЕМ?** Бердичевские еврейки уже уехали. Елизавета Яковлевна нашлась. Ее накрыл экспресс-дуг под Римом. Конечно, пешком. Нума разучился играть в Башню. Он теперь играет в индейцев, метущих стрелы в дикарей и попадающих в цивилизованных. Копье его знакомо Наташе. Это не знаменитая палка, которую Миша водружает для своего колоссального зонтика, защищающего его от тени заходящего солнца. Палка имеет, как изве-

стно, железный солидный наконечник. И вот, сей индеец, то бишь Нума, подкрался к Эдемским конюшням и оттуда направил свою верную стрелу прямо железным наконечником в мичеган, пробив насквозь стекло, которое разбилось вдребезги на моей шапочке и халате (дело было в 2 часа), перепугав насмерть прежде всего Ольгу, всех нас, Штейнберга, Добина, но больше всех испугался сам охотник и до того расплакался, что пришлось его успокоить и уложить в постель. Несчастий с людьми не было. «Ракетта» еще не поумнела, но похорошела. Находят, что она красивее мадам Ш-нг. Но это Моисею Савельевичу неприятно. Бог с ним. Закончу. Целую вас.

С.

Есть ли у тебя достаточно книжек, Наташа, для писем?

Шолом-Алейхем написал немало произведений, в которых он дал ряд типов из мира курортников, лечившихся вместе с ним в санаториях Южной Европы. Это были те же образы Касриловки, очутившиеся в специфической обстановке. Описание некоторых из них находим и в письмах к Мазорам. В письме, приведенном выше, упоминаются и некоторые друзья писателя, находившиеся вместе с ним на лечении. Среди этих друзей — Шимон Добин (1869—1944). Здесь нелишним будет привести отрывок из воспоминаний Ш. Добина «Шолом-Алейхем, каким я его знал», опубликованных в № 12 альманаха «Советиш» (1941 г.). Отметив, что с Шолом-Алейхемом он в Нерви встречался почти ежедневно, Добин пишет:

«После обеда мы сидели на квартире у Шолом-Алейхема — в Бужи — на балконе. Шолом-Алейхем отдыхает полулежа. Сверху чистое голубое небо, и со всех сторон высокие горы, воздух — одно удовольствие...»

В один из таких дней и могла случиться история со «стрельбой» Нумы. Дальнейшие письма полны другими интересными подробностями из повседневной жизни Шолом-Алейхема и о том, что адресат — Наташа — тоже лечилась где-то недалеко от своего дяди. То и дело писатель делится с племянницей, как идут его литературные дела. Он тогда печатал в варшавской газете «Гайнт» роман «Кровавая шутка», и один из номеров газеты конфисковали, найдя в романе «крамолу».

2(15) апреля 1912 г.

Дорогая Наташа!

Наконец-то услышим, что сказал тебе Краузе? Неужели и этот пошлет тебя в Шварцвальд (б. м., в Баденвайлер)?

Был сегодня в Лозанне у Роя. Но у него нет места в клинике. Придется взять место в другой клинике и пригласить для консультации Роя. Здешние врачи думают, что нужна будет операция, т. к. никакие средства не помогают. Опиум лишь успокаивает боль. Завтра будет доктор — увидим. Пока я нанял (условно) амбуланс-автомобиль (стоит 90 франков) для перевозки самых необходимейших вещей. Но я надеюсь, что

Бог поможет нам, обойдется без Лозанны. Завтра напишу тебе еще, думаю, что к этому времени ты будешь уже в Берлине. А как чувствуешь себя вообще? Думаю, что Краузе будет тебя держать недельку в Берлине. Не беда. Лишь бы добиться какого-нибудь толка. Передай Мине мой поклон. И Анне Львовне, если она в Берлине. А как ты нашла Лялю и ее Бэллу? Неужели она не преувеличивает и не переоценивает, как, впрочем, всякая мать?

Я же совсем здоров и много очень пишу. Возможно, что к осени появится мой роман в «Р. Богатстве». Из-за него я уже имею неприятность: конфискован № газеты («Гайнт»), и возможно, что гг. редакторы издания (их двое) попадут на скамью подсудимых. Был у меня новый русский издатель из Москвы на днях только. Нарочно приехал. Вообще русские издатели интересуются нашей еврейской литературой. МИР ОБН ЗИХ ДЕРЛЕБТ⁸. Но все так в мире: поздно приходит и счастье, и слава, и все. Видишь ли ты хоть Берлин, или кто? что? (по выражению моих переводчиков).

Твой дядя Соломон.

Шолом-Алейхем вел переговоры с редакцией журнала «Русское богатство» о помещении его романа «Кровавая шутка» в этом издании. По поводу этого сохранилась переписка между ним и В. Г. Короленко, бывшим тогда заведующим беллетристическим отделом журнала. Перевод романа Шолом-Алейхем взял на себя. Однако переговоры ни к чему не привели.

8(21) мая 1912 г.

Дорогая Наташа!

Я уже писал тебе, что это за болезнь у Ольги. Называется «Флебит»; а лечения нет, кроме лежания, терпения и времени. Твой вывод о состоянии здоровья Ольги, основанный на моей переписке с Марголиным, немножко странный. Или мы тебя не поняли? Ты спрашиваешь о Тисе. Она едет с Берковичем прежде всего в Варшаву по делам издания, т. к. Ольге и думать нельзя о поездке в Россию в этом году. Затем она заедет в Берлин посоветоваться насчет сердца (ведь она *очень* неблагополучна насчет сердца). Оттуда Беркович отвезет ее на купанье (по дороге, разумеется, заедет к нам, оставив или, как они выражаются: «подбросив» нам Тамару, которую мы охотно «поднимем»). Ляля же, бедняжка, со своей красавицей Бэллой из-за болезни Ольги, расстроившей все наши планы, вынуждена пока маяться в Берлине. Поедет, верно, на лето в Липканы с матерью Михаила, гостящей теперь у них, а затем лишь

осенью к нам на месяц, что ли. Ольга лежит — стало быть, все неладно. Все вверх дном. Шиворот-навыворот. И ты это поймешь, никто другой. Когда едешь в Берлин? Лялин адрес: 34 Иоахим Фриш-штрассе, Халензее, Берлин. Михаил мог бы вместе с тобою бывать у профессора. Ты не стесняйся. Не знаешь, что за искренний малый этот Койфман. Да он теперь больше в курсе дела. Студент-медик и очень усердно учится. На днях и я и Эммочка заболели и пролежали дня два. Можешь себе представить, что за картина дом *без Ольги и без Эммы*.

.....

Я поставил целую строчку точек, которые красноречивее всяких слов. Особенно *для тебя*. Наш дом без Ольги и без Эммы! Нет, это потеха! Кажется, все? Да, Миша поступил в Лозаннский университет, но он больше лечит в Лозанне горло, чем учится в университете. Да он и не совсем-то здоров. Нервы и все такое. Ему лечиться надо еще год целый. Нумчик учится на 5 (здесь 10). Маруся хозяйкой сделалась. Право. До свидания. Когда и где увидимся? Привет твоим!

Соломон.

Лозанна, 9(22) октября 1912 г.

Дорогая Наташа!

На обороте наш зимний адрес.

Твоя барышня Бублик была у нас в Монтрэ в тот день, когда мы переезжали. Тем не менее ее устроили в отель-пансионе «Катерер», в Кларане, довольно хорошо и дешево. Весьма симпатичная девушка. Но вышел курьез: я почему-то был уверен, что она еврейка, и говорил с нею больше по-еврейски, рассказал ей, что у нее есть родственник в Нью-Йорке Гедалья Бублик, которого я действительно знаю. Она только улыбалась и немного краснела. Ждем писем.

Твой дядя С.

Нерви, 14 марта 1913 г.

Дорогая Наташа!

Мы ждем все от тебя да ждем писем. Думали, что Люся будет так любезен и впредь. Оказывается, что и он умолк. Блеснул двумя открытками — и баста.

Мне со дня на день все лучше. Дай Бог, чтобы и ты так поправилась от болезни твоей, как я от своей. Погода дивная. Беда — я ничего, ни буквы не пишу. Это меня немного тяготит. Но я вижу, что мне необходим отдых! Абсолютный покой. Причина моей болезни (последней) — переутомление умствен-

ное. Хотя «где имение, где вода?». Где мои умственные способности и где мочевого пузыря? Однако, это так. С врачами нельзя спорить, раз они говорят. Итак, если тебе трудно, пусть Моисей потрудится за тебя. Открыточку написать не Бог весть что. Ждем.

Твой дядя Соломон.

Это последнее письмо Шолом-Алейхема к племяннице, написанное из Южной Европы. Мы уже раньше отметили, что когда вспыхнула война, Шолом-Алейхем со своей семьей еле спаслись, добравшись до Копенгагена. В «Книге Шолом-Алейхема» опубликовано лишь одно письмо писателя, написанное из Копенгагена к редактору нью-йоркской газеты «Варгайт» Луису Миллеру. Поэтому весьма важны следующие два письма, написанные Шолом-Алейхемом отсюда же и адресованные Наташе Мазор. В первом письме дата не указана, но по личному бланку, на котором оно написано, указывается адрес: Копенгаген, Провинц-готель. По содержанию видно, что написано письмо в сентябре 1914 г.

В сентябре-октябре Шолом-Алейхем находился с семьей в столице Дании, ожидая перевода на деньги, чтобы иметь возможность уехать в Америку. Последнюю открытку из Копенгагена он написал племяннице 12 ноября 1914 г. Неделю спустя он должен был сесть на океанский пароход «Фредерик VIII». 7(20) ноября пишет он открытку к Наташе непосредственно с парохода.

Копенгаген

Дорогая Наташа!

После того, как я написал Сыркину слезное письмо, прося телеграфировать мне о твоём здоровье, получилось твое заказное, а потом телеграмму. Слава Богу, а то мы были без головы. Бог даст, война окончится, и, конечно, с победой на стороне России, — тогда все будет хорошо, но пока надо ехать в Америку искать счастья. Вопрос лишь, во-1-х, где взять денег? А я не жертвы просил, а ссуду под очень хорошие векселя издательства «Централь». Во-2-х, где взять здоровья? У меня ведь новая болезнь — диабет, сахарная болезнь без сахара, то есть невероятная жажда! Доктора говорят, что это «шок», следствие нервных потрясений. Перемена климата была бы для меня благодеянием. Особенно Италия. Наш денежный адрес, если банки уже принимают суммы больше 300 руб., то через Азовский банк телеграфным переводом на здешний «Ландсмандсбанк», но необходимо телеграммой известить нас об этом с точным обозначением банка и суммы. Если же через банки нельзя еще, то телеграфно через здешнюю Генеральную русскую миссию или Консульство. Но через банк удобнее. В случае, если больше 300 р. не принимает банк, тогда придется сумму дробить и выслать: по 300 рублей на имена — мое, Ольги, В. Беркович, Мише, Е. Бер-

кович и др. — и всем на адрес, обозначенный в заголовке, т. е. Провинци-готель. Прости, что дую тебе голову о деньгах, которых потом не будет... А может быть, будут — чем чорт не шутит? Привет Моисею Савельевичу и детям.

Твой дядя Соломон.

Копенгаген, 12 ноября 1914 г.

Дорогая Наташа!

От сего числа через семь дней (6(19) ноября) мы уезжаем на «Фредерике VIII» в Америку. Но вместо 12 человек, как предполагалось вначале, едем лишь 7. Михаил, Ляля и Бэлла — в Липканах. Миша — в санатории возле Копенгагена, а Эмма в Копенгагене остается до поры до времени. Надеемся, что их пропустят в Швейцарию. А если нет, то и им придется в Америку к нам, как скоро здоровье позволит, а затем мы надеемся все собраться в одном общем пункте — в России, которая наверно выйдет победительницей из этой великой войны. Будь здорова, крепись духом. Привет Моисею Савельевичу и детям. Целую.

Твой дядя Соломон.

7(20) ноября 1914 г.

Дорогая Наташа!

Привет тебе и всем твоим с парохода, который везет нас в Америку. Море пока спокойно. Как будто в отеле живем. Из Нью-Йорка — если Бог даст доедем благополучно — дадим вам телеграмму. Целую.

Соломон.

Всего пять писем Шолом-Алейхема, написанных к племяннице Наташе из Америки, имеются в коллекции, хранящейся в Пушкинском Доме. Они охватывают период с декабря 1914-го до октября 1915 г. По-видимому, были еще письма, но след их пропал. Первые письма еще полны надежд, но постепенно восторг писателя после горячего приема гаснет. Америка, может быть, и хороша, но он не может приспособиться к торговым махинациям вокруг литературы. Мечта Шолом-Алейхема — «молим Господа об окончании войны и возвращении домой».

Но возвращаться домой писателю не было суждено...

Нью-Йорк, 3 декабря 1914 г.

Дорогая Наташа!

Из вчерашней нашей телеграммы ты уже знаешь, что после двухнедельного тяжелого пути мы наконец достигли берегов

Америки. Мы пережили все: и бурю, и ураган, и страх от минных заграждений. Все страдали от морской болезни, кроме меня. Я писал почти все время. Написал пьесу для американского *английского* театра. Если она пройдет, то я буду оллрайт! На этом можно разбогатеть, несмотря на пессимизм Ольги. Уже одно то, что я потерял жажду на корабле, чего стоит! Все газеты, как на еврейском, так и английском, полны моим прибытием. Встретили меня помпозно, с фотографическими аппаратами, интервью и пр. и пр. 1-й вечер мой здесь 14-го. Говорят, все билеты проданы, т. е. записаны. Остановились в отеле временно, а Тися у Берковичей. Ищем квартиру. Привет М. С. и детям. Адрес пока прежний... Целую.

Соломон.

Нью-Йорк, 15 декабря 1914 г.

Дорогая Наташа!

Вчера был мой 1-й вечер. Жаль, что нельзя послать ни еврейских, ни английских отзывов. Огромный Купер-Юнион был переполнен, но тысячная масса осталась без билетов, и проектируется поэтому 2-й вечер в Карнеджи-холл, который вмещает до семи тысяч людей. Трудно описать радость евреев, встретивших меня. Я это знал и рвался сюда, а помочь никто не хотел, никто из наших русско-еврейских магнатов, даже, хотя бы, в виде одолжения. Это сделал датский еврей, профессор Сименсон — спасибо ему. А то пришлось бы умереть в Копенгагене! Мы сняли квартиру вместе с Тисей. Устроились по-американски довольно сносно. Беркович получил место редактора еженедельной газеты. От Эммы и Миши получаем письма, которые идут недельки три. От Ляли давно не имели писем. Это мы, которые привыкли переписываться ежедневно! Ждем от тебя писем, хороших писем. Привет М. С. и детям твоим.

Твой дядя Соломон.

Нью-Йорк, 29 декабря 1914 г.

Дорогая Наташа!

Сообщаю тебе, что сегодня заключил агримент (договор) с самой богатой еврейской газетой в Нью-Йорке за довольно приличный гонорар по рублю за строку, т. е. за 10000 строк 10000 рублей в год. Собственниками газеты являются Мира Шапиро и Аронсон.

Начало недурное. Остальные мои бизнесы еще в ходу (театры, переводы, синемато и пр.). Было бы лишь здоровье. После 2-го вечера (9 января) я собираюсь на недельку в Калифорнию — здешнюю Ривьеру. Ольга пишет тебе особо. Привет всем твоим. Целую тебя.

Твой дядя Соломон.

Нью-Йорк, 2 сентября 1915 г.

Вот по этому адресу и надо писать нам.

Твои письма ты напрасно адресовала в Монто Клемен. Мы теперь в Бельмаре, возле моря. Ольга все еще возится с ногой, а Тися заболела гриппом. Вообще мало отрадного принесло мне лето. Сегодня из Копенгагена должны были выехать сюда Эмма с Мишей. Маруся в городе, ищет квартиру для нашей зимней резиденции. Нью-Йорк город с 6-миллионным населением, а квартир порядочных не имеет. Трудно нашему брату европейцу приноровиться к американской своеобразно-безобразной жизни. Дороговизна поразительная! Получая 10 тысяч при газете, кроме боковых доходов, мы еле сводим концы с концами! Молим Господа об окончании войны и возвращении домой. Пиши, не отставай. Привет М. С. и детям.

Твой дядя Соломон.

Следующее, последнее в нашей коллекции письмо написано на двух листках бумаги с грифом «Шолом-Алейхем — Соломон Рабинович» и с черной рамкой. По адресу сверху видно, что отправлено из Бронкса — района в Нью-Йорке, где писатель жил в последний год жизни. Навечное внезапной смертью сына Миши, оно полно отчаянья и горя. Ему самому уже оставалось недолго быть на свете...

Нью-Йорк, 16(29) октября 1915 г.

Дорогая Наташа!

Судя по твоему письму от 20 сентября, ты еще не знала тогда о смерти Миши. Думаю, что от Ляли ты узнала уже в течение этого месяца о постигшем нас горе, для выражения которого даже у меня нет слов. Что уже сказать об Ольге? Лучше ничего не сказать... Если ты еще не дала анонса в местной газете («Мысль»), то не дашь ли теперь? Он умер 29 августа, в Копенгагене, собираясь в Америку, 24-х лет, студент последнего курса Лозаннского университета. Вот и все. 2 недели тому назад вернулась сюда Эммочка одна. В каком виде — можешь себе представить. Мы ожидали их двоих, а вернулась одна...

Больше писать не о чем и нечего. Я за этот год потерял 25 ф. весу, но держусь на ногах и работаю непрерывно. Ольга едва ли может писать, кроме привета. Будь здорова и пиши нам. От Ляли имеем радостные письма. Слава Богу, Тися с нами. Нет здоровья. Целую.

Твой дядя Соломон.

Пожалуйста, не забудьте прислать этот номер газеты.

На этом заканчиваем публикацию писем Шолом-Алейхема к племяннице Наташе Мазор, хранящихся в Санкт-Петербургском Пушкинском Доме. 37 писем, охватывающих отрезок времени с 1886 до 1915 г.— с тех дней, когда Шолом-Алейхем только вышел в большой литературный мир, до последнего, очень короткого «американского» периода его творчества. По этим письмам можно составить почти полную биографию великого писателя — биографию, насыщенную радостью и горем, счастьем и страданиями, вдохновением и отчаянием. Одним словом, к тому, что мы до сих пор знали о Шолом-Алейхеме, прибавились важные подробности, которые безусловно интересны для каждого, кому дороги сам образ великого писателя и гениальные его произведения.

⁴ Искали дем нехтикн тог (*идиш*) — букв.: искали вчерашний день.

⁵ Ви дер дайч зол азой коех обн цу лебн, ви их об коех цу шлепн зих мит зайне шнелцугн... (*идиш*) — чтоб немец имел столько сил, чтоб жить, сколько у меня есть сил тащиться его скорыми поездами...

⁶ Ун гедуст афн арцн... (*идиш*) — муторно на душе.

⁷ Ын аз ме от голд — из мен а хухем (*идиш*) — и у кого есть деньги — тот мудрец.

⁸ Мир обн зих дерлебт (*идиш*) — мы дожили.

Подготовка текста, предисловие и примечания Х. БЕЙДЕРА.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО Ю. И. ГЕССЕНА

В 1917 г. Ю. И. Гессен предпринял усилия для организации выпуска «Еврейского исторического журнала» и начал договариваться с рядом еврейских деятелей об их участии в нем. С этим связано его письмо И. В. Галанту в Киев с приглашением войти в состав редакции. Одновременно он просил И. В. Галанта по этому вопросу поговорить с Я. И. Израэльсоном и с С. А. Ан-ским, которые в то время также были в Киеве.

Однако Октябрьский переворот привел к резкому усилению разрухи в стране, начались репрессии в отношении еврейских деятелей. Все это сорвало планы Ю. И. Гессена по выпуску журнала.

Письмо И. В. Галанту от 11 марта 1917 г.¹

Уважаемый Илья Владимирович!

Я Вам очень благодарен, что Вы отнеслись столь сочувственно к моему намерению издавать «Еврейский исторический журнал». Заручившись Вашей поддержкой, я вчера же вечером имел продолжительное совещание с моим литературным другом С. Г. Лозинским², который выразил полную готовность принять ближайшее участие в журнале. Мне кажется, что если журнал будет выходить ежемесячно, в размере 10 листов каждая книга, то содержание журнала по отделам должно принять следующую форму: пять листов посвящено статьям по истории России и Польши, три листа истории евреев в Западной Европе, Америке и др., один лист рецензиям, библиографическим заметкам, а также систематическому описанию литературы по истории евреев, один лист документам, снабженным редакторскими пояснениями.

Сообразно с указанным распределением материала работа в редакции могла [бы] быть следующим образом распределена между нами: 1. Отдел истории в России и Польше я хотел бы взять на себя (впоследствии я имею в виду пригласить для истории евреев в Польше компетентное лицо). 2. Отдел истории евреев в Западной Европе — С. Г. Лозинский. 3. Отдел библиографии хочу поручить Вам. 4. Отдел документов — участие всех членов редакции.

9-4357

Так как интересы дела требуют, чтобы работа была планомерна и организована, то я считал бы полезным, чтобы мне было предоставлено заведование делами редакции и конторы. За редакционную работу не полагается вознаграждения. Но когда организационный капитал, который мы надеемся получить от просвещенных лиц, будет им возвращен с процентами, тогда доходы журнала будут принадлежать основателям его.

Перед тем, чем перейти к денежной стороне дела, я должен просить Вас оказать все Ваше содействие, чтобы мы заручились фактическим участием Якова Израилевича Израэльсона³ и Семена Акимовича Ан-ского⁴. Представляется в высшей степени необходимым, чтобы эти лица, по собственному их плану, давали нам из книги в книгу систематический материал. Между прочим, Яков Израилевич принес бы нам большую пользу и в отделе библиографии.

Что касается денежной основы журнала, то я представляю ее себе в следующем виде. Лицо, которое намеревается дать средства на издание журнала, считается одним из его основателей, и имя его остается навсегда прикрепленным к журналу и тогда, когда данные им займы нашему делу деньги будут ему возвращены. Желательно, чтобы поддержку нам оказало одно лицо, а не группа. Я потому решаюсь взять на себя издание журнала, что уверен в большом его успехе, а следовательно, уверен и в том, что затраченные деньги будут очень скоро возвращены нашему капиталисту.

За себя могу сказать, что мною будут приняты все меры не только к тому, чтобы литературная сторона была хорошо поставлена, но и к тому, чтобы деловая сторона издания была прочно основана, чтобы журнал возможно скорее стал на собственные ноги. Журнал будет главной задачей моей жизни, а Вы знаете, что я с любовью, преданностью и энергией работаю в том деле, которое служит культурным нуждам еврейского народа. Уверенность в успехе подкрепляется тем, что мне известна, с другой стороны, и Ваша энергия и любовь к нашему делу.

В настоящее время смета расходов должна быть повышена; как только наступит мирная жизнь, расходы уменьшатся, но в интересах дела необходимо, чтобы еще в нынешнем году было начато издание. Я имею в виду выпустить в текущем году четыре книги; этим будет в значительной мере обеспечен успех подписки 1918 г. (Далее следует годовая смета на 33 тысячи рублей.— *В. Г.*)

Если годовую подписную цену назначить в 16 рублей, что по нынешним условиям считается нормальным, то нам достаточно будет 2500 подписчиков, чтобы покрыть все расходы. То, что мне известно о ходе продажи книг, позволяет надеяться, что это число будет достигнуто в течение года. Но так как надо будет иметь запас на дальнейшее время, то я полагаю, что в конце первого года существования журнала наш капиталист получит обратно половину затраченного капитала; остальная же часть не заставит себя долго ждать. Наш капиталист не может не принять во внимание, что в наших личных интересах возможно скорее вернуть ему деньги, так как, пока мы не расплатимся с долгами, редакционная коллегия будет работать бесплатно.

Если судьба улыбнется — а я верю в ее расположение! — то мы не забудем, что дело наше создано не только нами, работниками пера, но и нашим капиталистом, и мы почтем своим долгом отчислять часть дохода на общие просветительные цели. Остальная же часть дохода будет распределена между нами в известном соотношении с работой каждого из нас. Спорю, надеюсь, не будет.

Итак, возьмитесь за работу. Надо спешить, так как подготовительный труд велик. Если в течение двух недель Вам не удастся найти капиталиста, то сообщите нам, дабы мы могли искать другого выхода.

Хочу еще прибавить, что нам было бы особенно приятно, если [бы] наше дело взял под свое покровительство барон Владимир Горацевич Гинцбург⁵. Я не знаю его лично, но то, что мне довелось о нем слышать, убеждает меня, что такое лицо было бы украшением нашего дела. Я с благодарной памятью отношусь к его брату, покойному Давиду Горацевичу⁶, так много помогавшему мне в деле издания «Еврейской энциклопедии». Хотелось бы и новое дело связать с именем лица из той же фамилии, такой культурной и благородной.

Я горячо воодушевлен нашим делом, и я уверен, что всякий, кто примкнет к нам, будет столь же честно, с воодушевлением работать, как и мы, основатели журнала. Наш журнал будет беспартийным, он будет служить чистым целям истории, и это даст нам много друзей.

Жду от Вас скорых известий. Передайте, пожалуйста, мой привет Якову Израилевичу и Семену Акимовичу. Пусть они доверчиво отнесутся к нашему предприятию. Мы не большие люди, мы только добросовестные работники. Но, право, мне

кажется, что именно такие скромные работники и смогут принести пользу таким делом, как наше, требующим напряженной честной работы. Дружески жму руку. Преданный Юлий Гессен.

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 2129, оп. 3, № 44, лл. 14—16.

Галант И. В. (1868—1924) — известный еврейский ученый-историк. Опубликовал ряд работ в еврейских журналах Санкт-Петербурга в 1905—1915 гг., в «Еврейской энциклопедии». В 1919 г. возглавил научную работу в созданной в Киеве Еврейской историко-архивной комиссии. В 1929 г. при участии руководства Института еврейской культуры Комиссия была ликвидирована.

² Лозинский С. Г. (1874—1945) — историк религий и экономической жизни. Автор статей об антисемитизме в России и во времена инквизиции. Сотрудничал в «Еврейской энциклопедии», во многих еврейских периодических изданиях. Ректор Петроградского еврейского университета в 1919—1923 гг.

³ Израэльсон Я. И. (1856—1924) — семитолог, специалист по еврейско-арабской литературе. Готовил научные материалы для защитников Бейлиса во время судебного процесса. В 1922 г. выехал в Брюссель, где и умер.

⁴ Ан-ский С. А. (настоящая фамилия Раппопорт; 1863—1920) — активный участник движения народников, затем — партии эсеров. Крупнейший знаток фольклора евреев Украины и Белоруссии, этнограф, основатель музея Еврейского историко-этнографического общества, писатель и драматург. В 1918 г. выехал в Варшаву.

⁵ Гинцбург В. Г. — брат Д. Г. Гинцбурга; в основном занимался финансовой деятельностью.

⁶ Гинцбург Д. Г. (1857—1910) — востоковед, писатель и общественный деятель. Автор ряда трудов по еврейской литературе и истории, основатель Курсов Востоковедения — первого еврейского высшего учебного заведения в Санкт-Петербурге, главный редактор «Еврейской энциклопедии». Участвовал в работе многих еврейских обществ (распространения просвещения между евреями в России, ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России, еврейского колонизационного, любителей иврита и др.).

Вступительная заметка, публикация
и примечания В. Ю. ГЕССЕНА.

КРИТИКА
БИБЛИОГРАФИЯ
РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА ОТ ЭПОХИ ПАТРИАРХОВ ДО ВОССТАНИЯ БАР-КОХБЫ. Учебник для среднего школьного возраста. Пер. с иврита. 221 с. Тетрадь для самостоятельных заданий. 90 с. Иерусалим, 1992.

Появление на русском языке пособий по еврейской истории — явление отрадное, и не только с точки зрения развития еврейской школы в России. Они должны привлечь внимание читателей — юных и взрослых, евреев и неевреев. Книг на эту тему не публиковалось уже много десятилетий, а невежество — самая питательная среда для антисемитизма, как, впрочем, и для иных предрассудков, расовых, национальных, религиозных. Культура предполагает широту кругозора и живой интерес к прошлому, знание истории, в частности истории того народа, которому мир обязан созданием священных книг еврейства. Чем более важной представляется миссия авторов учебника еврейской истории, тем более ответственна их задача.

В основе книги лежит учебник для государственных средних школ, подготовленный коллективом авторов под руководством Ш. Шавита и одобренный Министерством просвещения и культуры Израиля.

Он состоит из трех основных разделов: «Библейский период» (22 главы), «Иудея во времена эллинистического правления» (9 глав) и «Иудея под властью Рима» (11 глав). Так как дети в 5—6 классах лишь начинают изучать предмет, понадобилось краткое общее введение «О чем рассказывает история?», где очень выразительно формулируется общая цель исторического повествования: рассказать о том, «как наш народ поселился на земле Израиля» и «почему вынужден был ее покинуть». То и другое тесно связано с современностью — «как возвращается народ в Израиль в наши дни» (с. 11). В соответствии с этой целью изложение древней истории настойчиво актуализируется. Идет ли речь о борьбе с ханаанеянами, о превращении Израиля в ведущую политическую силу в регионе при царях Давиде и Соломоне или о проблеме западного (эллинистического) культурного влияния, авторы постоянно рассчитывают на прямые аналогии с современностью. Они, очевидно, придерживаются принципа, сформулированного у нас когда-то М. Н. Покровским: «История — политика, опрокинутая в прошлое».

Учебник предваряется также главой «Как можно узнать сегодня о том, что происходило в прошлом?», где разъясняется понятие «исторический источник». Данное понятие (даже в средних классах школы) неотделимо от исторического анализа. Поэтому в сложном положении оказываются авторы глав о «библейском периоде», ибо их подход к сведениям Торы практически исключает критику источника. В редких

случаях делается небольшая оговорка — «согласно традиции нашего народа», но в целом какие-либо сомнения в достоверности традиции и в букве текста представляются явно неуместными. Соответствующие главы изобилуют цитатами в оригинале и в переводе, авторские же ремарки сводятся главным образом к пересказу тех же цитат. Текст, таким образом, подлежит лишь заучиванию и комментированию, но не расчленению, положим, на повествование «мифологическое» и «легендарное».

История древних евреев представлена как нечто совершенно уникальное, несходное с тем, что знали другие народы. Последние, в сущности, и не представляют интереса для авторов. О Египте говорится только, что в этой стране есть широкая река, почва плодородна, и потому евреи пришли сюда, спасаясь от голода (с. 28). О ханаанеях — что города их были укреплены и потому евреям трудно было их завоевать. Наличие более или менее постоянных мест для кочевий еврейских племен трактуется так: «праотцы укрепляли свою связь с Эрец-Исраэль».

Пересказывая сообщения о первых израильских царях, авторы последовательно отбрасывают все колоритные детали древнейшей исторической традиции книг Самуила и Царей. Они предпочитают идти за хронистом в его сухой схеме: не было никаких противоречий между Саулом и Давидом, не было никаких сложностей при воцарении Соломона. Вопреки «Книгам Царей», Давид якобы просто не успел осуществить свою мечту о строительстве Храма, но его сын и законный наследник выполнил все заветы отца (с. 56) и т. п.

В результате подобного подхода пропадает живая история: быт семитских племен Восточного Средиземноморья, красочно рисуемый, например, в «Рассказе Синухе», архаичные черты общественных отношений (для авторов «семья» и «род» — просто одно и то же, см. с. 28) ...Отсутствует интереснейшая проблема формирования еврейской народности, урезается, схематизируется и модернизируется Та-нах. Конкретное содержание соответствующих глав представляется весьма бледным, невыразительным, местами просто примитивным. Этому способствует и малый объем каждого урока — собственно текст занимает обычно от одной до полутора страниц. Дело, конечно, не в экономии бумаги — довольно часты дословные повторы целых фраз (см., например, с. 30 и 31). Авторы, видимо, полагают, что учебник не должен быть интересным чтением. Его следует заучить, а запомнить более 1,5 страницы подобного повествования ребенок, конечно, не в силах. В этой связи и вопросы зачастую формулируются предельно элементарно, например: «Туннель, пробитый в горах,— это письменный источник или нет?» Обычно предполагается, что при ответе на вопросы ученик должен просто воспроизвести соответствующее место из урока. Указанные особенности книги вызывают отчетливые воспоминания о тех учебниках истории, по которым занимались в школе мы сами.

Во втором и третьем разделах значительная часть отмеченных недостатков отсутствует. Текст становится более насыщенным факта-

ми и зачастую увлекательным по форме. Гораздо интереснее формулируются вопросы и задания. Некоторые из них развивают наблюдательность и умение делать выводы, другие будят ребячью фантазию, заставляя их мысленно перенестись в описываемую эпоху. Удачно подобраны тексты источников и многочисленные иллюстрации (фотографии, реконструкции, прорисовки). В «Тетради для самостоятельного анализа изображений (египетская фреска), сопоставление схем Иерусалима при Давиде и при Соломоне, фотографии холма, на котором находилась крепость Мегиддо, и реконструкции ее плана и т. д. Обилие карт позволяет каждый раз при подготовке урока использовать новый картографический материал. В тетради некоторые изобразительные материалы из учебника продублированы, что также должно способствовать самостоятельной работе ученика.

Есть недочеты в редакционной подготовке книги. Например, в синхронистической таблице Сасаниды сделаны современниками Селевкидов, хотя их разделяет несколько столетий. На карте (с. 62) царство Соломона включает практически весь регион Восточного Средиземноморья — от Синая до Евфрата, что не соответствует действительности (в том числе и сведениям Танаха). Выражения типа «революционное движение в Риме» (с. 214) создают превратное представление о событиях II-I вв. до н. э. Следовало бы унифицировать написание имен (ср. Эфрон на с. 24 и Ефрон на с. 25 и мн. др.). Любые погрешности в школьном учебнике — не мелочь!

Но дело, конечно, не только в отдельных погрешностях, легко устранимых при внимательном редактировании. Рецензируемая книга, на наш взгляд, имеет более серьезные недостатки как в содержании, так и в методике. Хотелось бы надеяться, что появятся пособия по еврейской истории, которые в большей степени будут учитывать действительные потребности нашей школы и характер аудитории, для которой они предназначены.

Д. Серов

**ДУДАКОВ С. Ю. Петр Шафиров. Иерусалим, 1989. 117 с.
(Евреи в мировой культуре. Серия биографий. Вып. 11)**

Книга С. Ю. Дудакова «Петр Шафиров», пополнившая собой небольшой круг трудов, посвященных государственным деятелям XVIII столетия, не может не привлечь внимания. Специальное обращение к жизнеописанию одного из виднейших сподвижников Петра I, первого российского вице-канцлера барона П. П. Шафирова само по себе безусловно отменно. К прискорбию, знакомство с содержанием работы не оставляет благоприятного впечатления.

Не ставя в упрек автору популярной книги совершенное игнорирование им труднодоступных для израильского исследователя обширнейших архивных материалов, связанных с жизнью П. П. Шафирова, отметим весьма неполное использование С. Ю. Дудаковым работ предшественников. Так, им не учтены посвященный Шафирову очерк А. В. Терещенко, хроника служебной карьеры вице-канцлера по 1720 г., опубликованная С. А. Белокуровым, статьи В. Батлера и Г. Мунро. Не обнаруживает С. Ю. Дудаков и знакомства с осуществленной П. И. Ивановым публикацией материалов процесса над П. П. Шафировым 1723 г., со статьей Т. К. Крыловой о дипломатической деятельности барона в Турции в 1711—1714 гг.¹ По всей видимости, осталось неизвестным автору и современное американское издание сочинения Шафирова «Рассуждения о причинах Свейской войны»². Посвятив отдельную главу описанию судеб близких к Шафирову братьев Веселовских, С. Ю. Дудаков странным образом проигнорировал статью о них в «Энциклопедическом лексиконе» 1837 г., наиболее полные в существующей литературе сведения об Аврааме и Федоре Павловичах в примечаниях В. Н. Александренко к изданию реляций А. Д. Кантемира, упоминания о братьях в трудах Н. Н. Бантыш-Каменского, А. Кросса³.

Уделив внимание проблеме истории жизни евреев в России до XVIII в., а также вопросу о потомках барона XIX—XX вв., автор оставил на долю собственно жизнеописания П. П. Шафирова всего одну главу своего сочинения (менее ¼ объема текста). Неудивительно поэтому, что биография Петра Павловича изложена С. Ю. Дудаковым весьма фрагментарно. К примеру, совершенно не приводятся сведения о жизни Шафирова во второй половине 1720-х — 1730-х гг., ни словом не упомянуто о его поездке с Петром I по Западной Европе в 1716—1717 гг. Забывает автор сказать и о назначении Шафирова 15 декабря 1717 г. вице-президентом Коллегии иностранных дел, не приводит давно известной даты поступления его в Посольский приказ (август 1691 г.). Недостаточное ознакомление автора с работами пред-

шественников и отказ от критической интерпретации сведений источников имели последствием внесение в книгу немало число ошибок. Так, С. Ю. Дудаков повторяет (с. 40) расхожую версию о том, что отец барона Павел Филиппович, выходец из Смоленска, был переводчиком Посольского приказа. В действительности социальное происхождение первого российского вице-канцлера было иным. Как установлено нами, Шафиров-старший (до крещения именовавшийся в России *Шая Сансаев*) шестилетним ребенком был взят в плен «у прусского рубежа» и в 1659 г. записан в холопы к окольному Б. М. Хитрово⁴. Личное знакомство Петра I с будущим сенатором произошло во время Великого посольства 1697—1698 гг.⁵, а вовсе не при тех обстоятельствах, о которых пишет С. Ю. Дудаков (с. 40—41). Неверно утверждение автора, что «именно Шафирову Петр поручил дешифровку дипломатических депеш» (с. 43). Работу шифровальщиков в начале XVIII в. выполняли рядовые служащие Посольского приказа (к примеру, в 1704—1707 гг. — подьячий И. Т. Аврамов⁶). Не соответствует реальности указание С. Ю. Дудакова, будто Шафиров был пожалован орденом Св. Апостола Андрея Первозванного вскоре после возвращения из Турции в 1714 г. (с. 46). В действительности в кавалеры ордена он был возведен 30 мая 1719 г.⁷. Совершенно ничем не обосновано утверждение автора (с. 47), что вице-канцлер играл «первенствующую роль» в суде над царевичем Алексеем Петровичем⁸. Со многими искажениями излагает С. Ю. Дудаков (с. 59—61) и обстоятельства столкновения П. П. Шафирова и Г. Г. Скорнякова-Писарева в Сенате и суда над ними в 1723 г.⁹.

Пробелы и неточности содержатся и в разделе книги, посвященном семейным связям и потомкам П. П. Шафирова. Более всего удивляет, что автор, столь подробно рассмотрев вопрос о родственных отношениях барона, исключил из повествования фигуру его младшего брата Михаила. Родившийся в 1682 г. М. П. Шафиров был в феврале 1702 г. направлен «для научения» за границу, а в январе 1706 г. — зачислен переводчиком в Посольский приказ. Произведенный в 1713 г. в секретари, Михаил Павлович в сентябре 1720 г. был назначен советником Ревизион-, а в июле 1722 г. — Берг-коллегии. С 1733 г. М. П. Шафиров возглавлял Московскую контору Коммерц-коллегии¹⁰. Говоря о тесте П. П. Шафирова С. И. Копьеве (с. 66), автор не указывает его социальный статус (тяглец Мешанской слободы; это важно, так как в слободе в основном селились выходцы из Польши, среди которых было немало число евреев), упускает отметить и то обстоятельство, что Степан Иванович был компаньоном отца и сына Шафировых по владению архангельскими зверобойными промыслами. В числе родственников барона по жене С. Ю. Дудаков забывает назвать его шурина Илью Степановича Копьева, стряпчего Походной дворцовой канцелярии, а затем Сытного двора¹¹. Выявленными нами архивными материалами опровергается воспроизведенная автором (с. 99) давняя версия о родстве Веселовских и Шафировых¹². При этом Веселовские (еврейскому происхождению которых нами найдены документальные подтверждения), несомненно, были тесно связаны с семьей Шафировых. Ошибочно утверждение С. Ю. Дудакова, что

Авраам Павлович Веселовский начал службу в должности «личного секретаря царя», «одновременно числясь дьяком Посольского приказа» (с. 99). В действительности А. П. Веселовский, никогда не состоявший при особе государя и ни единого дня не находившийся в числе дьяков, начал карьеру переводчиком Посольского приказа, в который он был принят 1 декабря 1708 г. по возвращении в Россию после четырехлетнего пребывания в Европе¹³. Ничем не обосновано утверждение автора, что Авраам Павлович «успешно справился» с поисками царевича Алексея Петровича (с. 100). Возглавлявший поиски царевича с декабря 1716 г., старший из братьев Веселовских в июле 1717 г. был отстранен царем от исполнения этого поручения, привести к успеху которое довелось П. А. Толстому и А. И. Румянцеву¹⁴. Весьма невнятно излагает С. Ю. Дудаков обстоятельства отказа А. П. Веселовского возвратиться в Россию (с. 100—101). При всей загадочности мотивов, толкнувших дипломата на этот шаг, внешняя канва событий достаточно подробно описана, например, в опубликованном письме канцлера Г. И. Головкина послу в Голландии Б. И. Куракину от 18 марта 1720 г.¹⁵. Немало несообразностей содержится и в изложении автором биографий Исаака и Федора Веселовских (с. 102—105). Вопреки тому, что пишет С. Ю. Дудаков, секретарем Коллегии иностранных дел И. П. Веселовский был назначен не в 1720 г., а в июне 1718 г., в Персию в 1726 г. он был направлен в качестве секретаря не Сергея Григорьевича, а Василия Владимировича Долгорукого, в ссылке он находился не в Галиче, а в Гиляни, Баку, Дербенте, Царицыне¹⁶. В поездке в Рим 1707 г. Б. И. Куракина сопровождал не Федор, а Авраам Веселовский, в посольстве в Дании работал опять-таки не он, а Исаак Павлович. Не состоял Ф. П. Веселовский и резидентом в Брауншвейге (где в то время вообще не было российского дипломатического представительства), занимая перед назначением в Англию пост секретаря посольства в Голландии¹⁷. Ни словом не упоминает С. Ю. Дудаков о таком примечательнейшем сюжете, как переговоры Федора Павловича с Вольтером о написании истории Петра I¹⁸. Среди сестер Веселовских не названа автором (с. 99) Прасковья Павловна, бывшая в замужестве за князем И. Б. Козловским¹⁹... Список фактических неточностей, сомнительных исторических выкладок, необъяснимых пробелов в повествовании, увы, можно продолжить.

Книга С. Ю. Дудакова являет печальный пример совершенного небрежения библиографическими разысканиями, исключительно иллюстративного подбора источников и полного отсутствия их критического рассмотрения. Петр Павлович Шафиров, безусловно, заслуживает создания о нем несравнимо более серьезного труда, вопрос о подготовке которого поныне остается открытым.

¹ *Тереженко А. В.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. 3. С. 1—48; *Белокуров С. А.* О Посольском приказе // ЧОИДР. 1906. Кн. 3. С. 129—130.; *Butler W. E.* Shafirov: diplomatist of Petrine Russia // History today. 1973. Vol. XXIII № 10. P. 699—703; *Munro G. E.* Shafirov Petr Pavlovich // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Academic International Press, 1983. Vol. 34. P. 122—126; *Ива-*

нов П. И. Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. I. Кн. 3. С. 8—62; Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в 1711—1714 гг. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966. С. 410—446.

² *Shafirov P. P. A discourse, concerning the just causes of the War between Sweden and Russia: 1700—1721 / Ed. with an introduction by W. E. Butler. N. Y., 1973. 289 p.*

³ Энциклопедический лексикон. СПб., 1837. Т. 9. С. 538—539; Кантемир А. Д. Реляции из Лондона (1732—1733 гг.). М., 1903. Т. 1. С. 118—120 (прим. 42, 43); Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1. С. 49, 130—134; Cross A. G. By the banks of the Thames. Russians in Eighteenth century Britain. Newtonville, 1980. P. 8—9, 334.

⁴ Серов Д. О. Г. И. Головкин и П. П. Шафиров в их взаимоотношениях (1706—1723 гг.) // Труды Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию юбилею Отечественного флота. Переславль-Залесский, 1992. Вып. 1. С. 123—124; РГАДА, ф. 1455, оп. 2, № 6943а, л. 140б.

⁵ См. письмо П. П. Шафирова Петру I от 22 окт. 1722 г. (РГАДА, ф. 9, отд. 1, кн. 58, л. 134).

⁶ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, № 100, лл. 4—4об.

⁷ Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 75.

⁸ См. посвященный делу Алексея Петровича раздел монографии Н. Г. Устрялова (Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6).

⁹ См. упомянутую выше публикацию П. И. Иванова, а также подробное обозрение дела в трудах И. И. Голикова и С. М. Соловьева (Голиков И. И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. М., 1794. Т. 13. С. 352—384; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. С. 456—465).

¹⁰ РГАДА, ф. 138, 1701 г., № 52, л. 4; 1706 г., № 3, л. 3об.; ф. 9, отд. 1, кн. 58, л. 187, 189; ф. 248, кн. 923, л. 287об.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 4. С. 264 (№ 1988); Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1895. Т. 3. С. 250, 326; Переписная книга города Москвы 1736—1742 гг. М., 1881. Т. 1. Стб. 583.

¹² Серов Д. О. Г. И. Головкин и П. П. Шафиров... С. 130 (прим. 32).

¹³ РГАДА, ф. 138, 1708 г., № 54, лл. 3—3об.

¹⁴ Подробное изложение истории поисков царевича см. напр.: Tolstoy N. The Tolstoys. Twenty generations of Russian History. 1353—1983. Coroult edition, 1985. P. 83—93.

¹⁵ Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 410.

¹⁶ РГАДА, ф. 248, кн. 8122, ч. 2, лл. 629—630об.; Сенатский архив. СПб., 1890. Т. 3. С. 524—525.

¹⁷ РГАДА, ф. 138, 1707 г., № 40, л. 2; 1710 г., № 4, л. 3.

¹⁸ Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 3. С. 266, 268—271; Voltaire F. Les œuvres complètes / ed. by Th. Besterman. Oxford, 1971. Vol. 101. P. 454—455, 461, 472.

¹⁹ Москва. Актовые книги... М., 1897. Т. 7. С. 289.

СОВЕТСКАЯ И ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЕВРЕЯХ

за 1988 г.

Библиографический список

РЕЛИГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

Шифман И. Ш. Во что верили древние евреи? // Атеистические чтения. М., 1988. С. 179—187.

Bookmiller P. J. Rabbi Meir Kahane: his messianic view and the state of the Jews // J. of South Asian a. Middle Eastern studies. Villanova, 1988. Vol. 11, № 4. P. 21—37.

Мессиянизм в учении М. Кахана, его роль в общественно-политической жизни страны в 70—80-е гг.

Sacchi P. Esquisse du développement du messianisme juif à la lumière du texte qumranien II Q Melch // Ztschr. für die alttestamentliche Wiss. B.; N.Y., 1988. Bd. 100. Suppl. P. 202—214.

Образ мессии — сверхчеловека в иудаизме периода Второго храма. Анализ кумранского текста о Мелхиседеке.

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Барковский Л. А. Арабское население Израиля / АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1988. 140 с. Рез. англ.

Mittelberg D. Strangers in paradise: The Israel kibbutz experience. New Brunswick; Oxford: Transaction books, 1988. XX, 233 p., diagr. Bibliogr.: p. 213—218. Ind.: p. 219—223.

Система социальных отношений в киббуцах.

Pic P. Les Druzes et Israel // Afrique et l'Asie mod. P., 1988. № 157. P. 90—102.

Политическое и социально-экономическое положение друзов в Израиле, Ливане, в районах Голанских высот; изменение политической ориентации израильских друзов после агрессии 1982 г.

Routani M. M. The Sephardi factor in Israeli politics // Middle East j. Wash., 1988. Vol. 42, № 3. P. 423—435.

Отношение сефардов к палестинской проблеме, поддержка избирателями-сефардами блока «Ликуд» на парламентских выборах.

ИСТОРИЯ

Алестин Ф. Палестина в петле сионизма: Преступники. Жертвы. Свидетели. Судьи. М.: Юрид. лит., 1988. 303 с., ил.

Баканурский Г. Л. Реакционный альянс: иудейский клерикализм и сионизм. М.: Знание, 1988. 62 с. (Новое в жизни, науке, технике. Науч. атеизм; 3/188).

Еленский В. Е. Иудейский клерикализм и сионизм. Киев: Вища шк., 1988. 111 с. (Атеист. б-чка студента).

Зеев Жаботинский. Иерусалим: Лексикон, 1988. 42 с., ил., порт. (Из истории государства Израиль / Ассоц. помощи евреям в странах рассеяния (Азриэль); 4).

Катастрофа еврейского государства. Иерусалим: Лексикон, 1988. 55 с., ил., порт., факс. (Из истории государства Израиль / Ассоц. помощи евреям в странах рассеяния (Азриэль); 9). Загл. обл.: Катастрофа.

Ленинградский еврейский альманах / Ред. Ю. Колкер. Иерусалим: Еврейский ун-т. Центр. документации восточно-европ. еврейства, 1988. XVI, 316 с. Библиогр.: с. 204—205 (Еврейский самиздат; т. 26).

Лехи. Иерусалим: Лексикон, 1988. 24 с., ил., порт., факс. (Из истории государства Израиль / Ассоц. помощи евреям в странах рассеяния (Азриэль); 7).

Ниязов Д. М. Истинное лицо сионизма: В помощь лектору / О-во «Знание» УзССР. Ташкент, 1988. 27 с.

Свидетельствуют факты: Евр. авт. обл.: Правда сильнее лжи: Сборник. Хабаровск: Кн. изд-во, 1988. 109 с., ил. (На берегах Биры и Биджана).

Сионизм в системе империализма: Очерки истории и современность / Отв. ред. Т. А. Карасова; АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1988. 190 с.

Теодор Герцль. Иерусалим: Лексикон, 1988. 33 с., ил. (Из истории государства Израиль / Ассоц. помощи евреям в странах рассеяния (Азриэль); [5]).

Хагана. Иерусалим: Лексикон, 1988. 55 с., ил. (Из истории государства Израиль / Ассоц. помощи евреям в странах рассеяния (Азриэль); [5]).

Широков А. И. Социально-политическая доктрина сионизма: (Крит. анализ) / АН УССР. Ин-т философии. Киев, 1988. 135 с. Библиогр.: с. 127—134.

Эцель. Иерусалим: Лексикон, 1988. 20 с., ил., порт., факс. (Из истории государства Израиль / Ассоц. помощи евреям в странах рассеяния (Азриэль); [6]).

Андреев Ю. А. Le sionisme: Propagande et réalité / Trad. du russe par A. Antonian. Moscou: Ed. de l'Agence de presse Novosti, 1988. 67 p.

Андреев Ю. А. Zionism: Preaching a. practice. Moscow: Novosti press agency publ. house, 1988. 61 p.

Bickerman E. J. The Jews in the Greek Age. Cambridge; London: Harvard univ. press, 1988. XII, 338 p. Bibliogr.: p. 313—327.

История евреев и иудаизма в 586 г. до н. э. — 70 г. н. э.

Conditio Judaica: Judentum, Antisemitismus und deutschsprachige Lit. vom 18 Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von H. O. Horch u. H. Denkler. Tübingen: Niemeyer, 1988.

Евреи, антисемитизм и германоязычная литература с XVIII в. до первой мировой войны. Сборник статей.

Т. 1988. XI, 368 с.

Devant l'histoire: Les doc. de la controverse sur la singularité de l'extermination des Juifs par le régime nazi. Paris: Ed. du CERF, 1988. XXVII, 353 p.

Геноцид евреев во время второй мировой войны (1939—1945). Сборник материалов.

Ehrlich E. L. Die Juden in der Diaspora // Aus Politik u. Zeitgeschichte. Bonn, 1988. № 16. S. 16—22.

Социальное положение и политические настроения евреев в США, Франции, Великобритании и СССР, 1945—1987 г.: сравнительный анализ.

Haas P. J. Morality after Auschwitz: The radical challenge of the Nazi ethic. Philadelphia: Fortress press, 1988. IX, 287 p.

Уничтожение евреев в период второй мировой войны (1939—1945): морально-этический аспект.

Historikerstreit: Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein R., Bracher K. D., Broszart M. et al. 6. Aufl. München; Zürich: Piper, 1988. 397 S. (Ser. Piper; Bd. 816).

Геноцид евреев в нацистской Германии. По итогам дискуссии западногерманских историков (1986 г.).

Krag H. L. «Man hat nicht gebraucht keine Reisegesellschaft...» Wien etc: Böhlau, 1988. 180 S., ill. (Damit es nicht verloren geht...; 17).

Судьба еврейской женщины в XX в. Воспоминания.

Marin Padilla E. Inventario le los bienes muebles del judío Bilbilitano Salamon Ezi en 1492 // Sefarad. Madrid, 1988. A. 48. fosc. 1. P. 93—115. Рез. англ.

Имущественное положение, семейные связи Б. С. Эзи. Арагон, конец 15 в.

Mayer A. J. Why did the heavens not darken?: The «final solution» in history. N. Y.: Pantheon books, 1988. XV, 492 p. Bibliogr.: p. 451—474.

История попытки «окончательного решения» еврейского вопроса и геноцида еврейского народа в 1939—1945 гг.

Meier-Gronemeyer H. Zur Geschichte der Zionismus // Aus Politik u. Zeitgeschichte. Bonn, 1988. № 16. S. 23—37.

Становление, развитие, идейная и политическая сущность сионизма, конец XVIII — середина XX в.

Occident and Orient: A tribute to the memory of Alexander Scheiber / Ed. by R. Dán. Budapest: Akad. kiadó; Leiden: Brill, 1988. 418 с., ил., порт., факс. Часть текста нем., рус.

Вопросы иудаизма, еврейской культуры и истории евреев Венгрии. Сборник статей памяти американского гебраиста А. Шайбера (1913—1985).

Pulzer P. The rise of political anti-semitism in Germany and Austria. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1988. XXVI, 357 с. Bibliogr.: p. 337—350.

Политический антисемитизм в Германии и Австрии во 2-й пол. XIX — 1-й пол. XX в.

Sanders R. Shores of refuge: A hundred y. of Jew emigration. N. Y.: Holt, 1988. XIII, 673 p., il.

Эмиграция евреев из России и стран Восточной Европы в Палестину, Францию, Великобританию, США, Китай, Японию в 1881—1982 гг. Документы и материалы.

«Schöne Zeiten»: Judenmord aus der Sicht der Täter u. Gaffer / Hrsg. von E. Klee et al. Frankfurt a. M.: Fischer, 1988. 276 S., il.

Массовое истребление евреев из Восточной Европы в 1940—1943 гг. Документы и фотографии, сделанные фашистами.

ЭТНОГРАФИЯ

Вайнштейн М. И. Общество еврейской народной музыки как фактор культурной жизни Петербурга начала XX века // Этнография Петербурга — Ленинграда. Л., 1988. [Вып. 2]. С. 29—38.

Джинджихашвили З. И. Суббота и связанная с ней система питания грузинских евреев // Историко-этнографические штудии. Тбилиси, 1988. Ч. 3. С. 148—153. Груз. яз., рез. рус.

Щедровицкий Д. В. «Дождь ранний и поздний»: (Ритуал вызывания дождя в Библии и аллегор. осмысление на рубеже античности и средневековья) // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 201—220.

Hidirogiou P. Pidyon ha-ben. Le Rachat du premier — né dans la tradition juive // Homme. P.; La Haye, 1988. A. 28, № 105. P. 64—75. Рез. англ., нем.

Выкуп за новорожденного первенца в еврейской традиции.

Dorinson J., Boskin J. Racial and ethnic humor // Humor in America. N.Y. etc., 1988. P. 163—193. Bibliogr.: p. 190—193.

Изучение юмора американских евреев и негров в историческом контексте.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Дмитриев Е., Лисицына И. Израиль накануне парламентских выборов // Мировая экономика и междунар. отношения. М., 1988. № 10. С. 91—97.

Исса Х. Преступления Израиля на Ближнем Востоке и проблема создания международного уголовного трибунала: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. М., 1988. 15 с.

Hurwitz B. A. Israel and the law of outer space // Israel law rev. Jerusalem, 1988. Vol. 22, № 4. P. 457—466.

Международное политическое право и Израиль.

Levy Y. Who is to accomplish criminal law reform: The interrelationship between parliament and the judiciary // Israel law rev. Jerusalem, 1988. Vol. 22, № 4. P. 424—456.

Необходимость реформы уголовного законодательства в Израиле и способы ее проведения.

Shetreet Sh. Does Israel need a constitution // Israel Economist. Jerusalem, 1988. Vol. 63, № 5. P. 18—20.

Необходимость принятия конституции Израиля; содержание конституционного проекта, подготовленного группой профессоров Тель-Авивского университета во главе с У. Райхманом (1987 г.).

Tamir Z. N. Israeli law on protections and restrictions of intellectual property transfers: An overview // Licensing agreements: patents, know-how, trade secrets and software. Dordrecht etc., 1988. P. 117—174.

Израильское законодательство в области передачи интеллектуальной собственности.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Карасова Т. А., Ленский Б. В. Израиль: некоторые аспекты внутренней и внешней политики. М.: Знание, 1988. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер.: У полит. карты мира; 1988, 3).

Bernstein M. H. Israel: Turbulent democracy at forty // Middle East j. Wash., 1988. Vol. 42, № 2. P. 193—201.

Внутриполитическое развитие Израиля в 1948—1988 гг.

Draï R. Israel entre guerre et paix // Rev. des deux mondes. P., 1988. № 6. P. 66—80.

Эволюция внутренней и внешней политики Израиля в 1948—1988 гг. К 40-летию образования государства Израиль.

Sofer S. Begin: An anatomy of leadership. Oxford; N. Y.: Blackwell, 1988. XI, 305 p., ill. Ind.: p. 297—305.

Политическая биография М. Бегина.

Wolffsohn M. Vierzig Jahre Israel: Versuch einer historischen Einordnung und Bilanz // Aus Politik u. Zeitgeschichte. Bonn, 1988. № 16. S. 3—15.

Итоги политического и социально-экономического развития Израиля за 40 лет существования.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Карасова Т. А. Блок Маарах в партийно-политической системе Израиля / АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1988. 192 с. Библиогр.: с. 188—191.

т С - 4 357

Юрков А. Л. Израиль 80-х годов: Молодежь в массовом движении протеста против агрессии в Ливане // Молодежь стран Азии, Африки и Латинской Америки: 70—80-е годы. М., 1988. С. 31—41.

Engelmann S. Die israelische Linke und die Intifada // Neue Ges. Bonn, 1988. Jg. 35, № 10. S. 946—948.

Отношение левых сил в Израиле к восстанию палестинцев.

Friedman R. I. How Shamir used J. D. L. terrorism // Nation. N. Y., 1988. Oct. 31. Vol 247, № 12. P. 405, 420—424.

Помощь, оказанная И. Шамиром М. Кахане в организации анти-советской пропаганды в США на рубеже 60—70-х гг.

Greilsammer I. Le poids des partis religieux sur la politique étrangère d'Israël // Politique étrangère. P., 1988. A. 53, № 4. P. 921—929.

Роль религиозных партий в формировании внешней политики Израиля.

Vilner M. Meir Vilner on peace in the Middle East // Jew. affairs. N. Y., 1988. Vol. 18, № 2. P. 4—7.

Тексты выступлений Генерального секретаря ЦК КПИ в Москве в дни празднования 70-летия ВОСР и на сессии кнессета 16 декабря 1987 г.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Виноградов В. ЮАР — Израиль: преступный альянс // Сов. воен. обозрение. М., 1988. № 6. С. 49—50.

Дадзиани Л. Я. Основные направления экспансионистской политики Израиля // Народы Азии и Африки. М., 1988. № 1. С. 27—37.

Корнилов А. А. Роль ВПК в механизме формирования внешней политики государства Израиль // Зарубежный Восток: История и современность. М., 1988. С. 128—137.

Лоскутов Р. М., Латушко О. И. Боевые действия египетской и израильской армий в зоне Суэцкого канала в войне 1973 года: (По материалам зарубежной печати) // Военно-ист. журн. М., 1988. № 10. С. 63—70.

Несук Н. Д. Арабские территории в условиях израильской оккупации // Освободившиеся страны: особенности социально-экономического и политического развития (70—80-е годы). Киев, 1988. С. 122—130.

Vaccianini M. Il dilemma d'Israele // Mondo operaio. Roma, 1988. A. 41, № 2. P. 8—10.

Будущее территорий: позиция Израиля и арабских стран (1967—1987 гг.).

Bard M., Bar-Illan D. Can Israel withdraw? // Commentary. N. Y., 1988. Vol. 85, № 4. P. 27—38.

Мнения американского и израильского политологов о возможности решения проблемы территорий.

Bar-Siman-Tov Y. Ben-Gurion and Sharett: conflict management and great power constraints in Israel foreign policy // Middle East studies. L., 1988. Vol. 24, № 3. P. 330—356.

Позиция Д. Бен-Гуриона и М. Шаретта по вопросам внешней политики и американо-израильские отношения в 1954—1956 гг.

Beit-Hallahmi B. The Israeli connection: whom Israel arms and why. L.: Tauris, 1988. XIV, 289 p. Bibliogr.: p. 249—273. Ind.: p. 275—289.

Внешнеполитическая стратегия Израиля и экспорт израильского оружия в развивающиеся страны, факторы внешнеполитического сближения ЮАР и Израиля (70—80-е гг.).

Beker A. The United Nations and Israel: From recognition to repression. Lexington (Mass); Toronto: Lexington books, 1988. IX, 203 p. Ind.: p. 197—201.

ООН и Израиль, 1948—1988 гг.

Bergus D. C. «Forty years on» — Israel's quest for security // Middle East j. Wash., 1988. Vol. 42, № 2. P. 202—208.

Проблема национальной безопасности и внешняя политика Израиля (1948—1988 гг.)

Harkabi Y. Israel's fateful decisions / Trans. by Schramm L. L.: Tauris, 1988. XVI, 246 p. Ind.: p. 243—246.

Бывший начальник израильской военной разведки о политике Израиля на территориях и перспективах арабо-израильских отношений (1967—1987 гг.).

Linde G. Sowjetische und chinesische Kontakte zu Israel. Köln, 1988. 78 S. (Ber. des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien; 24 — 1988). Рез. на англ. яз.

Развитие отношений между СССР и Израилем, КНР и Израилем (70—80-е гг.).

Renewing Israeli — African cooperation // Israeli economist. Jerusalem, 1988. Vol 44, № 4, P. A 1-A 70, после p. 14.

Расширение экономического сотрудничества Израиля с африканскими странами (сер. 80-х гг.). Подборка материалов.

Scheffer T. Die Normalisierung der Doppelmoral: Vierzig Jahre deutsch-israelische Beziehungen // Prokla. Berlin (West), 1988. Jg. 18, H. 73.. S. 76—96. Bibliogr.: S. 95—96.

Развитие отношений между ФРГ и Израилем (1967—1987 гг.).

Sheim K. Israel-Ethiopian relations: change and continuity // Northeast Afr. studies. East Lansing, 1988. Vol. 10, № 1. P. 25—37.

Особенности развития израильско-эфиопских отношений (1960—1980 гг.).

Simon A. Iran — Iraq: Implications for Israeli security // Israeli economist. Jerusalem, 1988. Vol. 63, № 5. P. 12—14.

Политика Израиля в отношении Ирана и Ирака.

Ten years after the Sadat initiative // Israeli economist. Jerusalem, 1988. Vol. 44, № 4. P. 7—12.

Развитие египетско-израильских отношений и политической ситуации на Ближнем Востоке после Кэмп-Дэвида. К 10-летию подписания соглашений.

Tessier M. A. Thinking about territorial compromise in Israel // *J. of South Asian a. Middle Eastern studies*. Villanova, 1988. Vol. 11, № 4. P. 38—53.

Проблема национальной безопасности Израиля, позиция по вопросу будущего статуса территорий.

Timm A., Timm K. Westbank und Gaza: Fakten, Zusammenhänge u. Hintergründe ist. Okkupationpolitik. В.: Dietz, 1988. 80 S., ill.

Политика Израиля на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа (1967—1987 гг.).

Zureik E. Crime, justice, and underdevelopment: The Palestinians under Israeli control // *Intern. j. of Middle East studies*. L.; N. Y., 1988. Vol. 20, № 4. P. 411—442.

Политика Израиля на территориях и социально-экономическое положение палестинцев.

ЭКОНОМИКА. ФИНАНСЫ. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Афиногенов В. В. Национальное частнокапиталистическое предпринимательство в Израиле: Автореф. дис. ... канд. экон. наук / АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1988. 18 с.

Саад Ахмад. Влияние иностранного капитала на экономическое развитие Израиля: Автореф. дис. ... канд. экон. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1988. 16 с.

Сто лет промышленности Израиля. Иерусалим: Лексикон, 1988. 38 с., ил. (Из истории государства Израиль / Ассоц. помощи евреям в странах рассеяния (Азриэль); [8]).

Hoornissen Th. van. Price dispersion and inflation: Evidence from Israel // *J. of polit. economy*. Chicago, 1988. Vol. 93, № 6. P. 1303—1314. Bibliogr.: p. 1313—1314.

Дисперсия цен и рост инфляции в Израиле (1980-е гг.).

Israel's economy in 1988 // *Israeli economist*. Jerusalem, 1988. Vol. 44, № 5. P. 19—21.

Экономическое положение Израиля в 1988 г.

Kleiman E. Benefits and burdens of indexed debt: Some lessons from Israel's experience // *The economics of public debt*. Basingstoke; L., 1988. P. 264—291.

Влияние внешней задолженности на экономическую ситуацию в Израиле.

Lavie A., Kuhn R. L. Industrial research and development in Israel: Patterns a. portents.— N. Y. etc.: Praeger, 1988. IX, 150 p. Ind.: p. 143—144. Промышленное развитие Израиля и прикладные исследования.

Marketing in Israel // *Overseas business rep.* Wash., 1988. № 11. 66 p. Маркетинг в Израиле. Специальный выпуск журнала.

Monetary policy // Israeli economist. Jerusalem, 1988. Vol. 63, № 5. P. 23—26.
Финансовая политика и финансовые трудности в первой половине 1988 г.

Schrag C. Israel industry: An overview // Israeli economist. Jerusalem, 1988. Vol. 44, № 5. P. I—XXIV.

Развитие промышленности Израиля в 80-е г.

Shepher Z., Mevorach B. Trends in Israel's agriculture budgets // Environment a planning. C, Gov. a. policy. L., 1988. Vol. 6, № 4. P. 449—455. Bibliogr.: p. 455.

Динамика ассигнований на развитие сельского хозяйства в Израиле.

Statistic des Auslandes: Landerber / Hrsg.: Statist. Bundesamt, Wiesbaden, Stuttgart; Mainz: Kohlhammer, 1988.

Israel. 1988. 91 S., K., Diagr.

Экономика Израиля в 1988 г. Статистические данные.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Freund T. ZAHAL — Report: Geist u. Moral der israelischen Armee — 2. Aufl. B.: Militarverl. der DDR, 1988. 240 S., ill.

Организация и моральный дух израильской армии, военные операции (1948—1982 гг.).

Green S. Living by the sword: America a. Israel in the Middle East 1968—87. L.; Boston: Faber a. Faber, 1988. XII, 279 p. Ind.: p. 271—279.

Помощь США Израилю в осуществлении ядерной программы и стратегия США в регионе; сотрудничество между ЮАР и Израилем в этой области (1968—1987 гг.).

Robert R. Israels Nuklearpolitik: Verdeckte oder offene Abschreckung // Oriet. Hamburg, 1988. Jg. 29, H. 4. S. 539—560.

Ядерная политика Израиля (70—80-е гг.).

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ

Mazar A. Israeli archaeologists // Benchmarks in time and culture. Atlanta (GA), 1988. P. 109—128. Bibliogr.: p. 128.

Развитие археологии в Израиле.

Miron M. Students' evaluation and instructors' self-evaluation of university instruction // Higher education. Amsterdam, 1988. Vol. 17, № 2. P. 175—181. Bibliogr.: p. 180—181.

Самооценка преподавателей и оценка их деятельности студентами (по результатам социологического исследования, проведенного в Тель-Авивском университете).

ЛИТЕРАТУРА

Воловец Л. Весна приходит удруге // Жовтень. Львів, 1988. № 2. С. 113—116.

Рец. на кн.: *Лизен О. М.* І знов прийшла весна: Повісти, оповідання. Львів: Каменярь, 1986. 224 с.; *Лизен А.* Медное небо: Повести и роман: Пер. с евр. М.: Сов. писатель, 1985. 424 с.

Грузман З. «Горіти, сяти...» // Вітчизна. Київ, 1988. № 12. С. 161—162.

О поэзии О. Шварцмана.

Лензон В. М. Музыка у классиков // Год за годом. М., 1988. № 4. С. 270—292.

Публикуются статьи «Шолом-Алейхем» и «Ицхок-Лейбуш Перец».

Либинзон З. Мгновения и годы: Ихилу Шрайбману — 75 лет // Кодры. Кишинев, 1988. № 4. С. 40—41.

Харик Д. Его светлый образ // Неман. Минск, 1988. № 3. С. 156—160.

Воспоминания о поэте И. Харике.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Айхенвальд А. Ю. Проблемы фонологии и морфонологии в представлении еврейских грамматиков (На материале источников IX—XII вв.) // Лингвистические традиции в странах Востока. М., 1988. С. 43—47.

Айхенвальд А. Ю. Становление лексической нормы современного иврита // Проблемы языкового варьирования и нормирования. М., 1988. С. 3—5.

Айхенвальд А. Ю. Фрагмент морфонологии древнееврейского языка // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М., 1988. Ч. 1. С. 4—20. Библиогр.: С. 19—20.

Амитин В. Л. Калабы бухарских евреев // Ономастика: Типология. Стратиграфия. М., 1988. С. 65—68.

О прозвищах.

Бабаликашвили Н. И. О традициях чтения древнееврейских текстов грузинскими евреями // Семитолог. штудии. Тбилиси, 1988. Вып. 4. С. 5—9.

Еврейские надписи в Грузии (18—19 вв.). Особенности произношения иврита грузинскими евреями.

Левинская И. А., Тохтасьев С. Р. Древнееврейские имена на Боспоре // Международный симпозиум «Античная балканистика б». М., 1988. С. 28—29.

Чернин В. Ю. Крымчакское произношение иврита // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М., 1988. Ч. 2. С. 166—174.

Asmussen J. P. Remarks on Judeo-Persian translations of some Aramaic passages in the Hebrew Bible // Arch. orientální. Pr., 1988. Vol. 56, № 4. P. 341—345.

Особенности иврито-персидских переводов некоторых арамейских отрывков Библии.

Avichur Y. Treaty terminology in the Moses — Jethro story (Exodus 18:1—12) // Aula orientalis. Sabadel (Barcelona), 1988. Vol. 6, № 2. P. 130—147.

Библейская терминология.

Barr J. Sémantique du langage biblique // Trad. fr. par Auscher D., Prignaud J. P.: Ed. du Cerf, 1988. 344 p. (Initiations). Bibliogr.: p. 329—334. Indices: p. 335—342.

Семантика языка Библии.

Berman R. A. Language knowledge and language use: Binominal constructions in Modern Hebrew // General linguistics. University Park, 1988. Vol. 28, № 4. P. 261—285.

Употребление биноминальных конструкций иврита.

Brzezina M. Zapomniana praca o wpływach polskich w jidysz // Zeszyty nauk. Uniw. Jagiellońskiego. W-wa; Kraków, 1988. № 861. Pracy językoznawcze, z. 87. S. 111—126. Рез. фр.

Полонизмы в идише.

Claassen W. T. Computer-assisted methods and the text and language of the Old Testament: An overview // Text and context. Sheffield, 1988. P. 283—299. Bibliogr.: p. 297—299.

Компьютерные методы анализа языка Ветхого завета.

Fowler J. D. Theophoric personal names in ancient Hebrew: A comparative study. Sheffield: JSOT press, 1988. 410 p. (JSOT suppl. ser.; 49). Bibliogr.: p. 383—388.

Теофорические личные имена в древнееврейском языке.

Harad M. The two text-forms of Psalm 151 // J. of Jew studies. Oxford, 1988. Vol. 39. № 2. P. 171—182.

Древнееврейская версия Псалма 151: форма текста.

Harviainen T. Why were the sailors not afraid of the LORD before verse Jonah 1, 10? // Studia orientalia. Helsinki, 1988. № 64. P. 77—81.

Перевод и интерпретация отрывка Библии.

Landau J. M. Aspects linguistiques des relations entre majorité et minorité en Israël // Guerres mondiales et conflits contemporains. P., 1988. № 151. P. 35—42.

Языковая ситуация в Израиле (1967—1985 гг.).

Lauffer A., Baer Th. The emphatic and pharyngeals sounds in Hebrew and in Arabic // Lang. a. speech. Teddington, 1988. Vol. 31, pt. 2. Bibliogr.: p. 198—200.

Сравнительный анализ эмфатических и гортанных звуков в иврите и арабском языке.

List H. La particule ET en hébreu parlé // Linguistique. P., 1988. Vol. 24, fasc. 2. P. 127—130.

Частица et в разговорном иврите.

Moor J. C. de, Vries H. F. de. Hebrew HĒDĀD «thunderstorm» // Ugarit—Forschungen. Kevelaar; Neukirchen — Vluyn, 1988. Bd. 20. P. 173—177.

Перевод древнееврейского слова hēdād.

Moskovich W. [Recensio] // J. of Jew. studies. Oxford, 1988. Vol. 39, № 2. P. 292—293.

Rec. ad op.: *Katz D.* Grammar of the Yiddish language. L., 1987. 290 p.

Rendsburg G. A. More on Hebrew ŠIBBŌLET // *J. of Semitic studies.* Manchester, 1988. Vol. 33, № 2. P. 255—258.

Морфологический и фонетический анализ слова šibbōlet на языке иврит.

Ritter E. A head-movement approach to construct-state noun phrases // *Linguistics: An interdisciplinary j. of the lang. sciences. B. etc.,* 1988. Vol. 26, № 6. P. 909—929. Bibliogr.: p. 928—929.

Применение принципов генеративной грамматики к анализу именной конструкции в современном иврите.

Schoors A. A. A Third masculine singular taqtul in Biblical Hebrew? // *Text and context.* Sheffield, 1988. P. 193—200.

3-е лицо мужского рода единственного числа слова TAQTUL в языке Библии.

Schlonsky U. A note on neg raising // *Ling. inquiry.* Cambridge (Mass.), 1988. Vol. 19, № 4. P. 710—717. Bibliogr.: p. 716—717.

Логико-семантические отношения и глубинная структура предложения в языке иврит.

Schlonsky U. Complementizer-cliticization in Hebrew and the empty category principle // *Natural lang. a. ling. theory.* Dordrecht, 1988. Vol. 6, № 2. P. 191—205. Bibliogr.: p. 204—205.

Синтаксические функции дополняющей клитики še в иврите и принцип пустой категории.

Schlonsky U. Government and binding in Hebrew nominals // *Linguistics: An interdisciplinary j. of the lang. sciences. B., etc.* 1988. Vol. 26, № 6. P. 951—976. Bibliogr.: p. 976.

Анализ именных фраз в иврите.

Slobodjans'ky P. [Recensio] // *Language* Baltimore, 1988. Vol. 64, № 4. P. 761—765.

Rec. ad op.: *Katz D.* Origins of the Yiddish language. Oxford, 1987. 145 p.

Tobin Y. A semantic analysis of the modern Hebrew interrogatives: EIX and KEITSAD = «how» // *General linguistics.* University Park, 1988. Vol. 28, № 3. P. 183—219. Bibliogr.: p. 217—219.

Семантический анализ вопросительных слов в современном иврите.

Wernberg-Moller P. C. H. The old accusative case ending in Biblical Hebrew // *J. of Semitic studies.* Manchester, 1988. Vol. 33, № 2. P. 155—164.

Окончание винительного падежа в библейском иврите.

Zijl J. W. van. Structural linguistics and textual criticism // *Text and context.* Sheffield, 1988. P. 209—216. Bibliogr.: p. 215—216.

Анализ вариантов текстов Ветхого завета и комментариев к ним.

ХРОНИКА

II МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ЕВРЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Конференция, организованная Петербургским еврейским университетом (ПЕУ) при содействии «Джойнта», «Сохнута», «Мелица» (Института еврейского и сионистского воспитания), Института рава А. Штайнзальца и Министерства образования государства Израиль, проходила под Петербургом, в Репино (прежде — Куоккала), с 26 января по 1 февраля 1993 года. Более ста человек из различных регионов бывшего СССР, а также из США и Израиля собрались, чтобы обсудить пути и способы создания в сжатые сроки системы еврейского образования в странах СНГ и ближнего зарубежья, еврейское население которых, по оценкам, составляет около 1 млн. человек. Условия работы были нелегкими. Низкая температура в помещениях не умерила рвения участников конференции, хоть в большинстве своем и недостаточно опытных в области преподавания иудаики, однако преисполненных оптимизма. Если бы не отсутствие общеобязательных молитв, распорядок работы конференции напоминал бы жизнь в иешиве: учебные бдения продолжались не только после завтрака и обеда, но и после ужина. По утрам в конференц-зале или в туристической комнате гостиницы «Репинская» проходили пленарные заседания. Днем прямо в гостиничных холлах работали, иногда совместно, пять секций: организации образования, интегральных методов обучения, преподавания иврита, преподавания истории, преподавания Торы и еврейской традиции. По вечерам проводились тематические «круглые столы» (директоров еврейских школ; использование искусства в образовании; «Еврейский мир»), причем заседания секций было подчас трудно отличить от «круглых столов», ибо жанр сообщения часто подменялся непринужденной беседой, а вопросы к докладчику нечувствительно перерастали в свободную дискуссию. Всех выступавших мы, разумеется, услышать не могли, а посему вместо полной картины конференции предлагаем только эскиз.

Дело еврейского образования в СНГ приходится начинать почти с нуля, так как традиция была насильственно прервана. Восстановление ее в полном объеме — от Торы до последних достижений еврейской мысли — затрудняется отсутствием координации между появившимися сейчас многочисленными еврейскими образовательными учреждениями, слабой компетентностью преподавателей, отсутствием учебно-методических материалов (процесс разработки которых идет крайне медленно), недостаточным финансированием и тому подобными причинами. Об этом говорили во вступительных словах И. Дворкин

(ректор ПЕУ), Й. Шнайдер (Институт еврейского образования), З. Абрамсон («Сохнут»), М. Фроммер («Джойнт»), А. Решеф (посольство государства Израиль) и другие. Проф. И. Левин из Петербурга указал на еще один немаловажный аспект: концепция еврейского образования в странах бывшего СССР, и особенно в России, зависит от точки зрения, есть ли здесь у евреев будущее или нет. Если будущего нет, то традицию следует преподавать в расчете на укладывающихся чемоданы переселенцев, если же оно таки есть, формирование еврейской образовательной системы должно происходить совершенно иначе.

Концепцию еврейского образования, рассчитанную главным образом на «остающихся», изложил в обстоятельном докладе И. Дворкин. По его мнению, перед собравшимися и их коллегами встают следующие задачи, ждущие безотлагательного разрешения: 1) систематическое ознакомление с соответствующей педагогической литературой; 2) разработка учебных программ; 3) разработка комплекса учебных материалов; 4) создание системы подготовки преподавательских кадров; 5) создание системы образовательных учреждений в различных регионах; 6) координация усилий в сфере еврейского образования. Докладчик перечислил также затруднения, испытываемые преподавателями при переходе от подпольных еврейских школ к легальным воскресным, от воскресных — к дневным. Изменение статуса школы каждый раз требует от педагога соответствия новому, более глубокому уровню постижения своего предмета. Так, занятия по еврейской традиции в дневной школе (там, где на традицию отводится гораздо больше часов, чем в школе воскресной) не могут (лучше сказать, не должны) вестись учителями, начинающими вникать в еврейский образ жизни едва ли не одновременно со своими учениками. Немалую роль в качестве «переходного» варианта от воскресных школ к дневным призваны сыграть так называемые «компенсаторные» школы (где до обеда преподаются общеобразовательные предметы, а после — «еврейские») и летние лагеря. В процессе обучения, с точки зрения И. Дворкина, должно преподавать конкретные тексты, распадающиеся на три группы: 1) произведения на классическом иврите; 2) литература на современном иврите; 3) литература диаспоры. В этой связи необходимо предъявлять повышенные требования к изучению еврейских языков: педагоги обязаны быть готовыми не только к тому, чтобы дать ученику начальные сведения об иврите, но и к тому, чтобы «поднять» ученика на «продвинутую ступень»; они должны обладать познаниями в области иврита Библии и представлениями о средневековом этапе развития этого языка; желательно также преподавание хоть каких-то элементов идиша.

Отдельную проблему составляет освоение методики преподавания еврейских текстов, заключающейся не столько в передаче определенной суммы знаний от обучающего к обучающемуся, сколько в диалогическом общении учителя и ученика. «Брейшит» невозможно преподавать так же, как «Капитанскую дочку». Что же означало обучать «по-еврейски», или, иными словами, в чем заключалась философия еврейского образования в его традиционном понимании и как она

видоизменилась в наши дни? Этому вопросу были посвящены две лекции-доклада проф. М. Арента (Университет Бар-Илан, Израиль). Профессор выделил три основных типа образования и воспитания: а) аккультурация — приобщение воспитанника к культуре; б) индивидуация — развитие внутреннего мира воспитанника в соответствии с его природой; в) социализация — обучение воспитанника умению жить в окружающем обществе. Еврейский подход к проблемам воспитания не соответствует ни первому, ни второму, ни третьему. Идеал образованного человека, выработанный еврейской традицией, включал в себя несколько понятий: 1. талмид хахам — ученый, обладающий не только определенной суммой знаний, но и такими чертами личности, как скромность, милосердие, стыдливость; 2. богобоязненность — вера и верность Б-гу, трепет перед ним; 3. соблюдение заповедей; 4. хасид (от «хесед» — сильная любовь) — человек, который выполняет больше, чем ему велит долг; 5. халуц — в буквальном переводе: «тот, кто идет впереди военного подразделения».

Идеал «талмид хахам» действителен и сегодня, в том числе по отношению к женщине (что ранее считалось невозможным). Но вообще-то современное израильское общество, предпочитающее уровень жизни качеству жизни (когда в центре ценностной системы находится не Шхина — Б-жественное присутствие, а нечто иное — профессор определил это как «атеистический экзистенциализм»), нуждается в таком еврейском образовании, которое: а) боролось бы с невежеством, касающимся представлений самих евреев о еврейском (и в этом смысле было бы нонконформистским); б) осуществлялось бы при непосредственном активном участии родителей (в Израиле они в значительной мере исключены из процесса воспитания). Внимание в первую очередь должно уделяться таким предметам, как Хумаш, иврит, народоведение, традиция, а воспитание — отличаться следующими особенностями: а) открытость (не фанатизм, не обскурантизм); б) дерех эрец («вежливое поведение» во всем, в том числе во взаимоотношениях мужа и жены, в способах зарабатывания на жизнь и т. п.); в) еврейские религиозные переживания, которые ребенок должен испытывать начиная с самого раннего возраста; г) еврейская терпимость к чужому мнению, когда любовь к человеку сопровождается отмежеванием от его недобросовестных поступков; д) воспитание скромности (в ее противопоставлении не робости, а гордости); е) воспитание гуманизма; ж) следование законам поведения, не определяемым человеком по собственному усмотрению, но получаемым как бы извне; з) взращивание общего для евреев языка.

О формах организации еврейского образования и об их влиянии на содержание образования говорил, обобщая преимущественно американский опыт, проф. В. Аккерман из Беер-Шевского университета. Любая система образования (которое профессор толковал как «процесс передачи культуры из поколения в поколение») состоит из четырех элементов: окружение, учащийся, предмет, учитель. В зависимости от того, на каком элементе концентрируются усилия, система изменяется. В сегодняшних условиях еврейское образование отмечено:

1. противодействием влиянию нееврейской культуры; 2. вовлечением в систему обучения еврейской семьи в целом, а не только ребенка (дабы родители оказывали влияние на ребенка «как на еврея»); 3. нечеткостью представлений о сущности «еврейства»: если ранее индивидуум *знал*, что он еврей (и почему), то теперь хорошо, если он это хотя бы *чувствует*; 4. соответственным изменением цели образования: учитель должен развивать еврейскую идентичность ученика.

Оценке состояния еврейского образования в странах СНГ было посвящено сообщение Ю. Мармузовой (Ассоциация иудаики и еврейской культуры, Москва). Докладчица констатировала, что три ступени образования (дошкольная, школьная и высшая) в различных городах уже сформированы; теперь следует наладить единую информационную сеть и координационный центр по рассылке подготовленных или переподготовленных учителей по нуждающимся городам. В качестве альтернативы семинарам повышения квалификации учителей Ю. Мармузова предложила заочную форму обучения, так как не секрет, что эти семинары, время от времени открывающиеся в разных городах, создают почву злоупотреблений: одни и те же лица для собственного удовольствия кочуют с семинара на семинар, вместо того чтобы использовать свой профессиональный рост по прямому назначению.

Целый ряд выступлений касался конкретных, частных, прикладных проблем еврейской школы (рассуждения конфликтолога Д. Рабкина из Петербурга, хоть и озаглавленные «Область прикладности (sic! почему бы тогда не «прикладства»? — А. Р.) образования», нельзя было отнести к этой группе: глубокомысленное заявление о том, что еврейское образование — это не то, что образование для евреев, вкуче с абстрактными размышлениями о том, чем одно отличается от другого, напомнило нам басню И. И. Хемницера «Метафизический ученик», где угодивший в яму философ, вместо того чтобы попытаться вылезти, интересуется: «Веревка вещь какая?»). Так, М. Ландман (ПЕУ) рассказал о проведении тестирования при приеме в еврейскую дневную общеобразовательную школу в Петербурге. Оптимальным является сочетание IQ-ориентированных тестов (определяющих уровень развития ребенка) и тестов, определяющих уровень грамотности. Тестирование показало, во-первых, что дети, знающие Тору, обладают гораздо большими потенциальными способностями к обработке любой информации по сравнению с детьми, не имеющими представления о Торе, и, во-вторых, что без высокого качества преподавания нееврейских предметов еврейские школы не могут стать местом притяжения. По нашему мнению, методика М. Ландмана заслуживает того, чтобы применяться повсюду.

Проблемами директоров московских еврейских школ — дневной «Рацион Латет» и воскресной «ГАЛИ» — поделились соответственно Ю. Линец и М. Козлова. Первый, подробно и увлекательно рассказав о деятельности школы (еврейские предметы составляют в старших классах от 1/4 до 1/3 от общего количества часов, ведется заочное обучение жителей Московской области, имеется летний лагерь), посетовал на краткосрочность всех имеющихся в распоряжении препода-

давателей школьных учебных программ по иудаике (непонятно, чему учить нынешнего первоклассника через семь лет) и выразил пожелание, чтобы школу опекал Еврейский университет в Москве. М. Козлова в выступлении под названием «Школа при синагоге или синагога при школе?» обосновала настоятельную необходимость создания в каждом районе Москвы культурного еврейского центра со своей синагогой.

Сообщения израильтян носили в основном информационный характер. И. Шнайдер говорил о еврейском взгляде на воспитательные отношения: главное, чтобы между учителем и учеником не возникали конфликты. С. Сыркин («Сохнут») рассказала о сохнутовских семинарах по подготовке еврейских учителей, альпанах, учебных пособиях; А. Беркович («Мелиц») — о задачах и функциях израильского Института еврейского и сионистского воспитания; А. Ротман — о редактируемом им журнале «Еврейская школа» и деятельности организации «Ламед».

Часть докладов была посвящена вопросам преподавания еврейской истории в средней и высшей школе. Ю. Мармузова, например, советовала на уроках с детьми младшего и среднего возраста использовать интегральный метод обучения, закрепляя исторический материал с помощью музыки и рисования. С. Иванов (ПЕУ) предложил применять на занятиях методику, изложенную в книге М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» (М., 1992): надо не воспитывать ребенка с помощью истории (это невозможно), но — информировать его о разных точках зрения по поводу тех или иных событий. Тут возникла небольшая дискуссия. С. Иванову возразил проф. И. Левин, утверждавший, что идея книги Ферро понята неверно. Нельзя учить истории и при этом не воспитывать, только воспитывать следует не убеждения, а менталитет. Профессор добавил, что преподавать необходимо естественную историю евреев, а не Тору, где излагаются мифы.

Свой взгляд на проблему применительно к высшей школе высказал Д. Эльяшевич (ПЕУ). По его мнению, воспитательного значения у истории как академической науки нет (или оно пребывает на втором плане). Кроме того, на примере истории евреев России ничего положительного не воспитаешь. Эта история естественным образом подразделяется на три периода, о каждом из которых должен читаться самостоятельный курс: 1. до первого раздела Польши; 2. дореволюционный; 3. советский. Важно отметить, что истории евреев России как единой дисциплины не существует. Она состоит из двух предметов, не очень тесно связанных между собой: 1. внутренняя история — духовные течения в еврейской общине (почти не изучалась; на нее-то и стоит обратить особое внимание); 2. внешняя история — взаимоотношения еврейской общины с иными народами и российскими властями (русское законодательство о евреях, участие евреев в экономических процессах, антисемитизм, напротив, изучены относительно неплохо, хотя и недостаточно полно). Существенно то, что оценка многих исторических событий не была эмоционально нейтральной ни со стороны историков, сочувствующих евреям (или самих евреев), ни со стороны ученых и публицистов, относящихся к евреям с разной

степенью предубежденности. Зачастую даже сопоставление противоречивых источников не дает результата, и так и остается неясным, что же произошло на самом деле. Поэтому большое значение придается поиску уцелевших документов (особенно по истории еврейских общин) и работе с ними. Таким образом, курсы, о которых идет речь, должны быть и историческими, и источниковедческими одновременно, и необходимо, в частности, как можно скорее подготовить пособие по еврейскому архивоведению в России.

Чл.-кор. АН РАН, д. и. н. Р. Ганелин (СПб. филиал Института российской истории РАН) рекомендовал избегать «педалирования» на воспитательной функции истории (хотя, по словам ученого, понятно, почему еврейство в этом нуждается), особенно при издании источников. В качестве примера для подражания Р. Ганелин привел представителей так называемой петербургской исторической школы (С. Валка, Н. Полетику, Б. Романова). Так, С. Валк в своем семинаре предлагал студентам анализировать текст источника в отрыве от истории изучения данного памятника, что шло вразрез с требованиями идеологического приспособленчества, выдвинутыми временем. На недоуменный вопрос из зала, не следует ли, наоборот, русским ученым перенять что-нибудь у тысячелетней еврейской традиции критического издания комментированных текстов, Р. Ганелин ответил вопросом же: «А что, разве такие издания существуют?»

Основываясь на опыте составления (совместно с М. Куповецким) учебных планов филологического факультета Еврейского университета в Москве, автор этих строк в кратком сообщении коснулся проблемы оптимального соотношения еврейских и общеобразовательных дисциплин в системе еврейского гуманитарного образования. Были сформулированы следующие комбинированно осуществляемые принципы отбора общеобразовательных дисциплин: *прагматический* (определяется: а) общими представлениями о наборе дисциплин, входящих в сферу гуманитарного образования (теория литературы, общее языкознание, всеобщая история, логика, психология, педагогика, искусствоведение и др.); б) культурным окружением, доминирующим в стране пребывания; в) культурными влияниями, оказавшими наибольшее воздействие на еврейское сознание за всю историю еврейства; г) наконец, предметами, составляющими неотъемлемую часть учебного плана любого факультета, — основы компьютерной грамотности, гражданская оборона, физкультура и т. д.) и *остаточный* (определяется количеством учебных часов в сетке расписания занятий: после того как из общего количества часов составитель плана вычтет долю, приходящуюся на еврейские дисциплины, остаток следует пропорционально поделить между общеобразовательными). Особенно приятно нам было сравнить наш учебный план с учебным планом филологического факультета ПЕУ: несмотря на то, что обе программы разрабатывались независимо друг от друга, наименования общеобразовательных дисциплин в них, за небольшими исключениями, совпадают.

Соотношение «всеобщего» и «еврейского» — не такой уж неактуальный вопрос, как может показаться. Слишком многие сегодня, имея

понятие об общечеловеческом, общенациональном, слабо представляют себе, в чем заключается еврейский взгляд на мир. Показательным в этом смысле стал доклад проф. В. Марансмана (РГПУ) «Взаимодействие национальных культур и системы образования в России». До второй половины выступления — «образовательной» — В. Марансман, зачем-то декламировавший по-итальянски Петрарку, так и не добрался, успев лишь декларировать принципиальную открытость русской и еврейской культур (в отличие от остальных? но ведь любая культура постепенно открывается каждому, кто только захочет войти в нее). Член-корреспондент А. Абрамов (Московский институт развития образовательных систем), говоривший о «проблемах построения нового содержания среднего образования», настолько не представлял себе, к какой аудитории обращается, что публично продемонстрировал недавно изданную его институтом книгу Н. В. Давыдовой «Евангелие и древнерусская литература» (М., 1992). Так что на конференции не обошлось и без курьезов.

В целом же конференция оставляет такое впечатление, что в данный момент у еврейского просвещения в странах бывшего СССР трудностей больше, чем достижений. Энтузиазм масс, увы, угасает почти так же быстро, как вспыхивает, если не получает солидного подкрепления, и евреи тут мало чем отличаются от других народов. Однако следует признать: еврейство СНГ в самом деле вновь получило шанс стать самим собой. И только ежедневная, систематическая деятельность каждого еврея на ниве национального образования позволит уповать на то, что этот шанс не будет упущен.

Е. Рогачевская

СЛАВЯНЕ И ИХ ЕВРЕИ

2—4 марта 1993 года в Институте славяноведения и балканистики Российской Академии наук состоялись XII чтения памяти В. Д. Королюка. Эти ежегодные конференции проходят под названием «Славяне и их соседи». На сей раз под соседями подразумевались евреи. Участников конференции интересовали не только исторические и политические аспекты взаимоотношений иудеев с населением славянских (по преимуществу) стран, но и влияние древнееврейской культуры на славянскую.

Поэтому среди докладов, посвященных древнейшему периоду славянской литературы и искусства, были сообщения, где исследователи вольно или невольно ставили знак равенства между священными книгами иудеев и Ветхим Заветом. Разумеется, многие иудейские образы, сюжеты, тексты имели большое значение для славянской письменности, но они были восприняты славянами через посредство Септуагинты, то есть в контексте раннего христианства. В связи с этим рассмотрение «ветхозаветного» субстрата славянских культур в качестве следов иудейского влияния представляется нам не совсем корректным.

Оттого, например, интересный и содержательный доклад М. В. Бибикова (Институт всеобщей истории РАН; в дальнейшем ИВИ) «Библейский сюжет в византийских и древнеславянских версиях», в котором прослеживается путь развития сюжета о разделе земли между потомками Ноя от «ветхозаветного» источника к византийским историографическим сочинениям и древнерусским летописям, а также определяется место в этой «иерархии» 34-й главы Изборника Святослава 1073 года, только очень условно можно было соотнести с проблемой еврейско-славянских культурных связей. Докторант Московской консерватории Г. В. Алексеева в сообщении «Ветхозаветные памяти в русском певческом стихираре декабря месяца» отстаивала оригинальность древнерусского знаменного распева по сравнению с византийской певческой практикой. Специально для дилетантов в музыке, то есть для большинства присутствовавших, докладчица проиллюстрировала тезисы собственным пением. Приходится, однако, признать, что к еврейской тематике это исследование относилось лишь постольку, поскольку проводилось на материале ветхозаветных (христианских!) памятней декабря месяца, то есть не относилось никак.

В докладе Л. В. Григорьевой (МГУ), неакадемическое название которого «Что вы перевели, пресвитер Григорий?» заметно оживило ученое собрание, вновь был поднят вопрос об объеме переводческого наследия автора эпохи болгарского царя Симеона. По мнению исследовательницы, на выбор переводимых пресвитером Григорием ветхо-

заветных текстов повлияла тогдашняя историческая ситуация, соотносящаяся с еврейской историей, описанной в 3-й и 4-й книгах Царств. Но и здесь докладчица, увлекшись материалом, не придавала значения тому, что переводы все-таки были сделаны с греческого языка, а следовательно, роль «еврейского элемента» в данной культурной ситуации сводится к минимуму.

Не избежал подобной ошибки и А. М. Ранчин (Институт славяноведения и балканистики РАН; в дальнейшем ИСБ). В его докладе «Огненный столп в древнерусской агиографии: ветхо- и новозаветные мотивы» речь шла в основном о древнерусских житиях. Исследователь на большом сопоставительном материале раскрыл семантику образа огненного столпа, указал на закреплённость чудесного явления за княжескими житиями. Доклад вызвал ряд вопросов и оставил благоприятное впечатление. Но и на сей раз, вспомнив о названии конференции, можно было лишь недоуменно спросить: «При чем же тут соседи-евреи?»

Другую группу составили сообщения о непосредственных культурных контактах славян и евреев в эпоху средневековья. В. Я. Петрухин (ИСБ) поделился своими наблюдениями на тему «„Иосиппон“ и „Повесть временных лет“: к вопросу об источниках русского летописания». С. И. Иванов (ИСБ) в докладе «Апостольская миссия в Причерноморье: к иудеям или к варварам?», используя материал апокрифических «хождений» апостолов, задался вопросом, кому проповедовали учение Христа его последователи. Реконструировав взгляды ранних христиан и византийцев, докладчик показал, что описание реальных еврейских общин как каннибальских племен связано с условностями жанра античного романа, откуда составители апокрифов многое заимствовали. Миссионерская же проповедь среди настоящих варварских народов для апостолов Христовых была невозможна.

Общетеоретические вопросы культурных взаимодействий были подняты в интереснейшем сообщении М. А. Дзюбенко «Контракция священных имен: тетраграмматон и титло». Автор рассмотрел феномен титла не с точки зрения «безрелигиозной лингвистики» (выражение докладчика), но — сквозь призму религиозного мировоззрения. По его мнению, возникновение титла связано с переосмыслением христианами иудейской религиозной традиции. Докладчик показал это на примере крестной надписи Иисуса Христа, привлек для анализа литургическую практику, указал на коптское и сирское письмо как на ключ к разгадке фонетического значения титла. Из-за регламента многое осталось за рамками выступления, а потому — недостаточно проясненным. Надеемся когда-нибудь увидеть полный печатный вариант этой работы, которая, несомненно, вносит много нового в изучение средневековой письменности.

Устроителями конференции был запланирован комплекс докладов, посвященных Хазарии и евреям на территории Киевской Руси. К сожалению, некоторые ученые по различным причинам отсутствовали, вследствие чего полноценная дискуссия не сложилась. Состоялись лишь выступления И. О. Князьского (Коломенский пединститут)

«Русь, Хазария, иудаизм» и В. М. Рычки (Институт истории Украины, Киев) «К вопросу о еврейской общине в Киеве и событиях 1113 года». Доклад И. О. Князьского носил полемический характер. Еще раз проанализировав немногие известные в науке источники, исследователь пришел к выводу об отсутствии на Руси хазарского ига и о невозможности увязать отношения двух народов с проблемой вероисповедания. Сообщение В. М. Рычки также было сделано в жанре новой интерпретации. Киевский еврейский погром 1113 года рассматривался исследователем не как следствие борьбы классов-антагонистов, но как результат феодальных распрей.

Медиевисты-историки предложили вниманию аудитории довольно разнообразный как в географическом, так и в хронологическом отношении материал. Т. М. Калинина (Институт истории России РАН) в докладе «Еще раз о маршрутах еврейских купцов по данним Ибн Хордадбека» на основании арабоязычного источника восстановила четыре направления, по которым двигались еврейские торговцы, и показала, что данные письменности подтверждаются данными нумизматики. Еврейскому населению в Венгрии X—XII вв. было посвящено выступление А. В. Ратобильской (ИСБ), в котором характеризовались еврейско-мадярские отношения. К сожалению, высокий профессиональный уровень этого сообщения в том, что касалось венгерской тематики, сочетался с непониманием еврейской специфики. Например, докладчица вслед за венгерскими учеными связала этимологию топонима «субботнее место» с тем, что торговцы-евреи устраивали там по субботам ярмарки!

О положении евреев в Чехии было сделано три доклада, охвативших практически все средневековье: «Погромы в еврейских гетто и их место в политике Карла IV» Р. В. Непомнящей (ИСБ), «Евреи в средневековой Чехии (до начала XVI в.)» А. В. Рандина (МГУ) и «Еврей и купец пражский (социоэкономическая и социокультурная ситуация пражского еврейского купечества в конце XVI — начале XVII в.)» Г. П. Мельникова (ИСБ). Большую научную ценность имела полемика, возникшая между этими специалистами по вопросу об отношении городской администрации к еврейским погромам.

О. И. Варьяш (ИВИ) в докладе «Королевское право и Пиренейское право» рассмотрела юридические отношения евреев и нееврейского населения на Пиренейском полуострове и пришла к выводу, что евреев не смогли сделать субъектами королевского права, так как евреи сами противились этому. На примере Болгарии И. Ф. Макарова (ИСБ) в сообщении «Евреи в болгарских землях: к проблеме межэтнического взаимодействия в XV—XVII вв.» показала, что и здесь обе стороны (евреи и неевреи) стремились сохранить еврейскую обособленность прежде всего на конфессиональной основе.

Сообщение автора этих строк «Из наблюдений над «Псалтирью» Федора Еврея» являлось филологическим исследованием русско-еврейских взаимосвязей в XV веке. Псалтирь, переведенная новокрещеным евреем Федором, известна в научной литературе под названием «Псалтирь жидовствующих» и представляет собой одну из интересней-

ших загадок отечественной литературы. Проведенное нами сравнение этого памятника с еврейскими богослужебными текстами призвано помочь решению вопроса о целях создания сочинения и его связи с ересью жидовствующих.

Большое впечатление на многих участников конференции произвел доклад проф. И. Раба (Тель-Авив) «Специфика древнерусских описаний Святой земли». На обширном материале израильский ученый продемонстрировал эволюцию жанра хождений от паломнических описаний до официального отчета «командированного». С изменением цели путешествий изменялись и формы рассказа о них. Заслуживающим внимания, с нашей точки зрения, явился вывод докладчика о том, что трафаретные формулы могли сочетаться с индивидуальными литературными приемами, а сами сочинения учитывали читательские запросы не только властей предредающих, но и более широкой аудитории.

Последний раздел конференции был посвящен вопросу о соседстве евреев и славян в новое время. Наряду с чисто историческими сообщениями В. И. Шеремета «Евреи, славяне и Высокая Порта: заметки конфликтолога», посвященного политической и экономической роли «иудейского миллета» в Высокой Порте в 1830—40-е годы, и В. А. Сосно (БГУ, Минск) «Евреи-земледельцы на Беларуси во второй трети XIX в.», были заслушаны выступления, в которых говорилось о восприятии евреев в славянских или собственно еврейских литературах. А. Б. Рогачевский (Институт мировой литературы РАН) показал, что на восприятие евреев в русском обществе первой трети XIX века большое влияние оказал «миф о еврее», к созданию которого был причастен и автор «Истории государства Российского» (сообщение называлось «Евреи в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина»). Об отношении крупного историка, этнографа, фольклориста, автора трехтомной «Истории запорожских казаков» Д. И. Эварницкого (1855—1940) к украинским евреям говорил Ю. Е. Ивонин (Запорожский университет), пришедший к выводу о том, что негативное отношение историка к евреям уходило корнями в историческую реальность, отражая ее, впрочем, не совсем адекватно (а может, совсем неадекватно?).

Своеобразный «польский блок» составили доклады В. В. Мочаловой (ИСБ) «Евреи в Польше: история в свете литературы» и Л. А. Софроновой (ИСБ) «Тема богоизбранного народа в польском мессианизме: Мицкевич и Красиньский». Используя польский фольклор, анонимную и авторскую литературу средневековья и нового времени, В. В. Мочалова проследила, как образ еврея подвергался стереотипизации. Независимо от того, сочувственно или негативно изображался еврей в том или ином произведении, персонаж этот всегда был отмечен знаком чуждости. Л. А. Софронова проанализировала различное отношение к евреям в творчестве А. Мицкевича и З. Красиньского. А. Мицкевичу, по ее наблюдениям, была близка идея избранного народа. Он проводил параллель между еврейским галутом и разделами Польши; тема израильских пророков сопрягалась в его сознании с

ролью поэта в современном Мицкевичу обществе. Для З. Красиньского еврей означал прежде всего революционера и масона, хотя в произведениях писателя и нет налета антисемитизма. К этим докладам примыкало сообщение С. А. Кузнецовой (Институт истории Беларуси, Минск) «Быт и самосознание еврейства Речи Посполитой в творчестве Льва Леванды: источники реконструкции и осмысление». Это было, пожалуй, единственное выступление, в котором главной темой стало исследование самосознания еврейского народа, а не положение иудеев в инонациональной среде или отношение к ним других народов.

Завершилась конференция докладом М. Д. Давидсона (Петербургский еврейский университет) «Пионеры еврейского просвещения». На примере Виленской общины была предпринята попытка рассказать о ранних маскилим, пытавшихся гармонично сочетать просветительские тенденции с еврейской традицией. В аудитории исследователей, соприкоснувшихся с еврейской проблематикой лишь постольку, поскольку она оказалась связанной с их основными научными интересами, такое сообщение было небесполезным. Но не новичкам в иудаике оно скорее могло показаться популярной лекцией.

Безусловно, конференция в Институте славяноведения и балканистики стала важным событием в научной жизни Москвы. Остается лишь сожалеть, что на ней почти не было представителей еврейских учебных заведений и специалистов по иудаике.

Ант. Игнатенко, А. Рогачевский

«ЕВРЕИ И ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ В РОССИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ»

Под таким названием с 26 по 28 апреля 1993 г. в конференц-зале гостиницы «Узкое» (Москва, Литовский б-р, 3^а) проходила международная научная конференция, организованная при содействии Центра Каммингса по исследованию России и стран Восточной Европы (Тель-Авивский университет), Центра еврейского образования (гуманитарный факультет Сити Колледж, Сити Университи, Нью-Йорк) и Отделения истории Российской Академии наук. Спонсорами конференции стали Фонд Натана Каммингса, г-н Ирвинг Шнейдер и Еврейское агентство.

Торжественное открытие научного форума совпало с Днем независимости Государства Израиль. С приветственными словами к собравшимся обратились посол Израиля в России Х. Бар-Лев, директор Центра Каммингса Г. Городецкий, академик-секретарь Отделения истории РАН И. Ковальченко, представитель Госкомитета по делам федераций и национальностей Н. Маликова и Х. Чеслер из Еврейского агентства.

Работа конференции была разделена на своего рода блоки, состоящие каждый из трех-четырёх выступлений, связанных единой темой. Помимо обычного в таких случаях председателя, хочется отметить наличие института комментаторов, в каждом из блоков сопровождавших прочитанные доклады краткой речью, где акцентировались нюансы, а порой и оспаривались некоторые из прозвучавших тезисов.

Заседания открылись докладом Ш. Штамффера (Израиль) «Российское еврейство: географическая мобильность и социальные перемены» — в рамках темы **наследие царизма и революция**. Исследователь задался вопросом о том, как еврейские миграции конца XIX — начала XX в. связаны с переменами в еврейском мире. Основываясь на данных переписи российского населения и диалектологии языка идиш, Ш. Штамффер охарактеризовал основные особенности миграционных процессов: мужчины предпочитают уезжать подальше, женщины — недалеко; перемещения внутри России менее заметны в районах близ Вильно, Ковно, более ощутимы — вокруг Одессы, Екатеринослава (причем в первой группе городов преобладают приезжие из близлежащих местечек, во второй — приехавшие издалека); миграции евреев за границу, в основном в Америку, совершаются семьями (в отличие от других наций), причем едут главным образом горожане, а не жители сельских местностей, и т. п.

А. Ашер (США) говорил об антиеврейских погромах 1905—1907 гг., утверждая, в частности, что роль центрального правительства в их организации гораздо скромнее, чем было принято считать ранее. В основном ответственность ложится на местное руководство (за исключением Астрахани и Таганрога), одобрявшее инициативу снизу.

Дж. Клир (Великобритания) в докладе «Были ли евреи „малым народом“ в революционной России», вызвавшем оживленное обсуждение, полемизировал с «Русофобией» И. Шафаревича.

Обсуждение советской политики в отношении евреев начала Н. Бланк (Израиль) сообщением «Изменения в определении еврейского вопроса от Ленина до Горбачева», в котором демонстрировалось, что на протяжении советской истории в подходе властей к еврейской проблеме произошли не только терминологические, но и идеологические изменения.

И. Крупник из США («Советская этническая и культурная политика в отношении евреев») выделил два этапа в такой политике: тоталитарная инженерия (последние 25 лет правления Сталина) и посттоталитарное манипулирование (следующие 25 лет). Суть изменений, происходивших с евреями СССР, оценивалась по трем критериям: 1) отношение властей к понятию «еврейский народ», 2) место евреев в иерархии народов СССР, 3) государственное отношение к еврейской культуре. Если сталинская тоталитарная инженерия применялась весьма успешно и старое еврейство оказалось почти уничтоженным, то посттоталитарное манипулирование, напротив, было неэффективным и подготовило почву для еврейского возрождения.

Р. Вайнберг (США) охарактеризовал роль Еврейской АО в 1920—30-е гг. в решении еврейского вопроса. Вначале евреев хотели привязать к земле, затем была сделана ставка на промышленное развитие области; евреи трудились весьма усердно, но в результате почти полностью ассимилировались.

Ю. Стрижев (Россия), частично на новом документальном материале, вновь оценил заметный вклад Советского правительства в дело образования Государства Израиль.

Вторая Мировая война и еврейская Катастрофа. М. Альтшулер (Израиль) в выступлении, озаглавленном «Особые черты Катастрофы в Советском Союзе», выдвинул небесспорный тезис о том, что бегство еврейского населения от наступающих германских войск было одной из форм сопротивления. Ученый также упомянул о феномене еврейских партизанских отрядов, куда уходили вместе с семьями (которые неминуемо были бы уничтожены), тогда как нееврейское население на начальном этапе партизанского движения давало лишь боеспособных мужчин. К началу войны с Германией отсутствовал какой бы то ни было план эвакуации еврейского населения, в результате чего с присоединенных к СССР земель Западной Украины и Белоруссии спаслось лишь 6—8%, а с оккупированных «исконно советских» территорий — 35—40% евреев. Любопытно, что, по данным докладчика, в известной своим антисемитизмом Польше местное население укры-

ло от расправы большее количество евреев по сравнению с оккупированной территорией СССР.

На особый подход к осмыслению Катастрофы европейского еврейства — его художественное, а не фактологическое отражение — обратил внимание собравшихся Дж. Гаррард (США) в докладе «Василий Гроссман: от „Черной книги“ до „Жизни и судьбы“». Среди советских литераторов В. Гроссман был, по-видимому, одним из первых, коснувшихся темы Катастрофы. Исследователь остановился на двух произведениях Гроссмана — «Старый учитель» и «Украина без евреев», а также на его участии в подготовке «Черной книги».

Изрядную часть изложенного в выступлении Н. Петровой (Россия) «Еврейский антифашистский комитет: реальность и вымысел» любознательный читатель мог бы почерпнуть в справочной литературе, за исключением, пожалуй, информации о местонахождении документов, связанных с ЕАК (Государственный архив Российской Федерации, б. ЦГАОР; Архив внешней политики России; Архив советского посольства в США).

Тема жизни евреев в советском обществе (выделение которой в контексте данной конференции представляется чисто условным) объединила три доклада. М. Тольц (Израиль) в сообщении «Тенденции демографических изменений советского еврейства после Второй мировой войны» сделал печальный вывод: с демографической точки зрения постсоветское еврейство переживает не просто упадок, но умирание. Приведя факты разбалансированности половозрастной структуры, превышения числа смешанных браков над числом моноэтнических, смертности — над рождаемостью евреев, ученый закончил выступление словами о том, что способность «постсоветских» евреев к воспроизводству необратимо утрачена. Надежда же на восстановление, реституцию, по мнению исследователя, связана только с репатриацией в Израиль, где существует традиция относительно многодетных семей.

И. Ривкина (Россия) изложила результаты социологического опроса ВЦИОМ «Некоторые особенности социальных ориентаций евреев Москвы, Киева и Минска». Его целью было выяснить, как изменились установки еврейства столичных городов под влиянием возникших в последние годы факторов, — таких, как политические обвинения со стороны национал-патриотов в пособничестве большевикам при установлении советской власти, с одной стороны, расширение возможностей для коммерческой деятельности и лояльность нынешних правительств к евреям, с другой, и др. Были поставлены вопросы: происходит ли, как выразилась выступавшая, «ре-евреизация», как меняется традиционная самоидентификация советского еврейства, усугубилось ли отдаление от ценностей, доминирующих в странах проживания. Выводы докладчицы таковы: евреи связывают свою судьбу со странами, в которых живут, находятся в относительно неплохой «трудовой ситуации», но две трети опрошенных все еще испытывают опасения за свое будущее.

Своему докладу «Идея сионизма и еврейское национальное движение в 90-х годах» М. Членов (Россия) предпослал краткий обзор возникновения и развития независимого еврейского национального движения в СССР, определив его как «романтический кумулятивный (в силу сосуществования в его рамках самых различных воззрений) сионизм». Далее выступавший остановился на взаимоотношениях между Израилем, американской еврейской диаспорой и советским еврейством. Это последнее воспринималось двумя первыми контрагентами скорее как объект их деятельности, как символ униженного галута, подлежавшего «спасению». Подобное отношение стало *raison d'être* для двух поколений евреев мира и послужило причиной создания мощных еврейских структур, присвоивших себе право говорить от имени советского галута. Докладчик коснулся также таких проблем, как разногласия между еврейскими организациями, игнорирование властями стран СНГ возникновения еврейских общин, а в заключение дал определение сионизма как концепции национального выживания еврейского народа и оптимизации возможностей для этого.

Ряд выступлений был посвящен **еврейской религии в Советском Союзе**. Д.Фишман (США) говорил об иудаизме в СССР за период с 1917 по 1930 г. По сравнению с хедером и иешивой, синагога не так пострадала от закона об отделении церкви от государства, и р. Шнейерсон и другие религиозные лидеры в 20-е годы еще надеялись возродить еврейскую жизнь, но в 30-е гг. стало ясно, что этим надеждам не дано осуществиться.

Я. Ро'и (Израиль) охарактеризовал положение иудаизма в послевоенные годы. После Холокоста роль объединителя уцелевших евреев — неизбежно религиозных — взяла на себя синагога, активность которой (в том числе финансовая) резко возросла. В первые послевоенные годы такое оказалось возможным, ибо власти во время войны либерально относились к религии. Однако, вскоре репрессии приостановили деятельность еврейских религиозных учреждений.

Особую группу составили доклады, так или иначе связанные с **кампанией по борьбе с космополитизмом и «делом врачей»**. Все выступавшие были из России. Е. Левина и В. Есаков указали на то, что термин «космополитизм» зародился в конце 30-х годов применительно к работам критиковавшихся советских генетиков. А. Локшин проанализировал реакцию рядовых советских граждан на «дело врачей» по письмам, некогда направленным в различные официальные инстанции, а ныне хранящиеся в РЦХИДНИ. Я. Этингер конкретизировал дату начала «дела врачей», отнеся ее к 13—14 июля 1951 г., а также отметил, что суть «дела» нельзя сводить к юдофобии, так как были арестованы и неевреи В. Н. Виноградов, Г. И. Майоров, П. И. Егоров,— Сталин страховал себя от обвинений в антисемитизме.

В. Нумов, произведя обзор следственных дел некоторых из лиц, фабриковавших «дело врачей», установил, в частности, что замминистра госбезопасности Рюмин, которого до сих пор считали одним из главных виновников, оказывается, не столь сильно замешан в этой фальсификации.

Прозвучало несколько докладов о **еврейской культуре и искусстве**. Д. Роскес (США) остановился на переломном периоде в творчестве Дер Нистера (П. Кагановича), который, вернувшись в СССР в 1926 г., подверг пересмотру едва ли не все, написанное им с 1913 г. с тем, чтобы влиться в общее направление советской литературы на языке идиш, но так и не смог избавиться от мистических элементов в своих произведениях и от влияния прусских символистов.

В. Чернин (Израиль), отчасти основываясь на собственном опыте, рассказал главным образом о роли журнала «Советиш Геймланд» в осуществлении советской еврейской культурной эрзац-автономии. Журнал пытался выполнять функции ходатая за еврейские интересы перед советским начальством, а также представителя еврейского народа — в глазах зарубежного еврейства. В итоге разразился кризис жанра, сопровождаемый вымиранием языка, и при переходе на самокупаемость журнал закрылся.

Д. Сегал (Израиль) в сообщении «Русская и ивритская литературы в зеркале друг друга» утверждал тот очевидный факт, что «зеркала» неравны: русская литература отражается в современной ивритской достаточно глубоко и полно, тогда как русская ивритскую не отражает вовсе. Плодотворной почвой для контактов, с точки зрения выступающего, может стать творчество русскоязычных писателей Израиля.

А. Канцедикас (Россия) говорил о двух проблемах, встающих перед исследователями еврейского художественного наследия в России: 1) поиск того, что утеряно, 2) сохранность того, что имеется. Докладчик упомянул, что является обладателем 15 тыс. слайдов и фотографий, на которых изображены предметы еврейского прикладного искусства.

Небольшую, но любопытную часть конференции составили сообщения о внешнеполитической деятельности различных государств в связи с **еврейской эмиграцией из СССР**: «Истоки борьбы за советское еврейство: влияние на советско-израильские отношения» (И. Говрин, Израиль), «Внешняя политика Соединенных Штатов и эмиграция советских евреев в период от Брежнева до Горбачева» (М. Гольдман, США), «Советские дипломаты в Израиле и вопрос эмиграции» (Н. Семенченко, Россия; доклад был сделан по материалам Архива МИД СССР и ограничивался периодом до середины 1950-х годов). К этим докладам примыкало и исследование С. Розфилда (США) «Экономическое будущее России: исчисление еврейской эмиграции», зачитанное профессором Я. Ро'и.

Проблемы самосознания евреев. Ф. Марковиц (Израиль) в выступлении, названном ею «Эмиграция, иммиграция и культурные изменения: на пути к транснациональной „русской“ еврейской общине?» попыталась выяснить, существует ли нечто, объединяющее живущих на разных континентах евреев из Советского Союза, и дала в целом положительный ответ. С одной стороны, отношение к евреям из СССР как к «русским» на Западе и в Израиле, и с другой — реакция на это самих советских евреев (вначале удивление и неприятие, затем согласие с такой оценкой) — вот рассматриваемые в докладе вопросы. По словам Ф. Марковиц, в СССР подчеркивались еврейские черты эмиг-

рировавших, тогда как на новой родине становятся заметны русские черты их психологии и культуры. И в таком сочетании еврейского и русского выступавшая не видит противоречия. Таким образом, советские евреи, рассеянные по миру, оказываются все же соединены в транснациональную «русскую» еврейскую общину.

Доклад М. Занда (Израиль) был озаглавлен «Неашкеназские модели еврейской самоидентификации в СССР и СНГ» Охватывая время жизни одного поколения, а именно — конец «застоя», эпоху «гласности» и «перестройки», начало постсоветского периода, докладчик исследовал самоидентификацию евреев указанной территории на следующих уровнях и подуровнях: 1. Этнический: а) личностный, б) «документный». 2. Семейно-общинные связи: а) нуклеарная семья, б) «большая», иначе «расширенная» семья, в) «кланообразная система связей», стоящая над большой семьей, г) регионально-общинное происхождение. 3. Лингвистический: а) личностная лингвистическая идентификация, б) окружающая лингвистическая система. 4. Этатический. 5. Цивилизационный: а) религиозный, б) культурный.

Исследования «восточных групп», таких, как крымские, грузинские, горские, бухарские евреи, проводилось в сопоставлении с ашкеназами. М. Занд распределил эти группы по шкале, условно говоря, «де-иудеизации». На максимальной отметке оказалась община крымских евреев, а находящихся вслед за нею — ашкеназских, по мнению докладчика, на заключительном этапе деэтнизации. Наименее подвержены этому процессу бухарские евреи, горские же занимают промежуточное положение. Остается лишь сожалеть, что аудитория не услышала сообщение полностью, так как докладчик оказался стесненным рамками регламента.

Выступление В. Шапиро (Россия) — «Еврейское самосознание как компонент еврейской идентичности» — явилось как бы отчетом о законченном за две недели до того совместном с В. Червяковым исследовании, — опросе, проведенном в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. После обработки полученных данных был сформирован континуум, на одном полюсе которого — «истинный», «подлинный» еврей, на другом — еврей абсолютно ассимилированный, а в промежутке между ними — множество типов. Автор оговорился, впрочем, что четкой границы между этими группами не существует. По мнению докладчика, проведенное исследование позволит сделать некоторые прогнозы, в частности, в отношении состава иммиграции в Израиль и США.

В рамках конференции также проводился круглый стол «Архивные источники по еврейской тематике», в котором приняли участие представители Российского государственного гуманитарного университета, Министерства иностранных дел РФ и центральных архивохранилищ России.

ABSTRACTS

V. Sobkin

Jewish schools in Moscow (based on the materials of an expert inquiry).

The article presents the results of the sociological inquiry among the directors of Moscow Jewish schools. Dynamics of the Jewish educational system foundation and the problems of legal, financial, technical and instructional support of secondary and Jewish Sunday schools are considered.

A. Sinelnikov

The social-demographic consequences of the marriage restrictions between the Jews in the German countries in XVII—XIX.

The article brings out the obscure problem of the recent history of the German Jewry and concentrates on the laws of marriage restrictions between the Jews in the German countries. In author's opinion, these restrictions had a key impact on the subsequent Jewish history in Germany as well as in Russia.

O. Levinskaya

The Therapeutae sect: reality or a phantom?

While examining Philo of Alexandria's treatise «De vita contemplativa», the author sets really existed or it a philosopher's invention, an attempt to depict a group of people devoted to the contemplative life. Finally the author comes to the conclusion that the second version is more probable.

L. Anninsky

Jewish luck in the Soviet cinema.

The article deals with the Jewish theme in the Soviet cinematography. The motives of banning the topic are discussed. The author considers the emergence of a Jewish character as a turning-point in the «post-Soviet» cinema.

Ju. Khodorkovsky (Kiev)

To the problem of studying the Jewish communities' architectural heritage in the Ukraine.

The author examines various kinds of Jewish Buildings (synagogues, dwelling houses etc.) remained on the territory of the Ukraine. The core of the article is a study of Jewish cemeteries and cemeterial memorials; their role in a town-planning is discussed.

CONTENTS

RESEARCH

Sociology

V. SOBKIN. **Jewish schools in Moscow** (based on the materials of an expert inquiry).

History

A. SINELNIKOV. **The social-demographic consequences of marriage restrictions between the Jews in the German countries in XVII—XIX.**

O. LEVINSKAYA. **The Therapeutae sect: reality or a phanthom?**

Culture

L. ANNINSKY. **Jewish luck in the cinema.**

JU. KHODORKOVSKY. (Kiev). **To the problem of studying the Jewish communities architectural heritage in the Ukraine.**

ESSAYS. HISTORICAL PORTRAITS

G. AGRANOVSKY. (Vilnius). **Naphtali Berlin and Volozhin yeshivah.**

R. LOBOVSKAYA. **The Polyakov Hall in the Museum of the Fine Arts in Moscow.**

ARCHIVE

Publications

Reverberations of Haskalah (Saint Petersburg). («A case» of Brodsky synagogue in Odessa. Edited by S. Kelner.

The acquaintance made half a century later. From the notes of Grigoryi Shur. Edited by V. Porudominsky.

Memoires and diaries

G. LANDAU. **Memoirs.** Edited by V. Kelner and E. Gollerbach. (The ending).

V. ZHABOTINSKY. **An essay in autobiography.** Edited by Kh. Firin.

R. ZAITCHIK. **«Joint» in Rissia. What is kept in memory.**

Letters

Almost a family chronicle. (About several bundles of Sholom Aleichem's unpublished letters). Edited by Kh. Beider. (The ending).

The unpublished letter of Ju. I. Gessen. Edited by V. Gessen.

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

- A. VIGASIN. **Rec:** A history of the Jewish people from Patriarchal period to the Bar Kokhba revolt. A textbook for medium school age. Jerusalem, 1992.
- D. SEROV. **Rec:** Dudakov S. Ju. Petr Shafirov. Jerusalem, 1989.
- Soviet and foreign literature about Jews. 1988.** A bibliographic list.

CHRONICLE

- A. ROGACHEVSKY. **II International conference «The problems of Jewish education».**
- E. ROGACHEVSKAYA. **The Slavs and their Jews.**
- Ant. IGNATENKO, A. ROGACHEVSKY. **«Jews & Jewish Life in Russia & the Soviet Union».**

וו. סובקין

בתי ספר יהודיים במוסקבה

המחבר מציג תוצאות של סקר סוציולוגי בקרב מנהלי בתי ספר יהודיים במוסקבה. תשומת לב ניתנת לדינמיקה ולהתפתחות של המערכת החינוכית היהודית וכן לשאלות מעמד חוקי, מימון, אמצעי הוראה ומשאבים חינוכיים של בתי ספר משלימים ומתקדמים.

א. סינלניקוב

ההשלכות החברתיות דמוגרפיות של הגבלות על נישואין יהודיים בארצות הגרמניות במאות הי"ז-י"ט.

המחבר עוסק בנושא מוזנח בתולדות היהודים בתקופה החדשה בארצות הגרמניות, והוא ההשלכות של הגבלות נישואין בקרב יהודים בארצות הללו. לדעת המחבר, להגבלות הללו היו השפעות משמעותיות על קורות היהודים - הן בגרמניה והן ברוסיה.

או. לוינסקיה

כת ה"טריפיוטי" מציאות או לא?

מטרת המחברת לקבוע האם כת הטרופיוטי הנזכרת ע"י פילון היתה באמת קיימת או האם יש כאן יצור ספרותי של פילון הבא להציג אפשרות תיאורטית של קבוצה של אנשים המקדישים חייהם להתבוננות. המחברת מגיעה למסקנה שהאפשרות השניה סבירה יותר.

ל. אנינסקי

מזל יהודי בקולנוע הסובייטי

המאמר דן בנושאים יהודיים בסרט הסובייטי. המחבר דן בשאלות למה נושא היהודים נאסר, ורואה את החזרה של דמויות יהודיות לסרט הסובייטי בתור נקודת מפנה.

י. חודורובסקי

על בעיות המחקר בירושה האדריכלית של הקהילות היהודיות באוקראינה.
המחבר סוקר סוגים שונים של מבנים שניבנו ע"י יהודים כגון בתי כנסת, בתים וכד' שעדיין קיימים באוקראינה היום. תשומת לב מיוחדת ניתנת לבתי קברות ולאנדרטאות בתכנון עירוני.

ביקורת וביבליוגרפיה

- א. וויגסן (מבקר) תולדות היהודים מזמן האבות עד למרד בר כוכבא - ספר לימוד (ירושלים 1992).
- ס. סרוב (מבקר) ש. דודקוב - פטר שפירוב (ירושלים 1989) סקר ספרות זרה וסובייטית על יהודים 1988.

קורות

- א. רוגצ'בסקי - כנס בינלאומי שני על בעיות חינוך יהודי
א. רוגצ'בסקי - על הסלבים ויהודיהם.
אנט. איגנטנקו, א. רוגצ'בסקי - יהודים וחיי יהודים ברוסיה
ובבריה"מ

Адрес редакции: Москва, Моховая, 9.

Сдано в набор 15.05.93 г. Подписано в печать 31.05.93 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 1. Печ. л. 19,0. Уч. изд. л. 19,1.

Тираж 5 000 экз. Заказ

Типография № 2 ВО «Наука», Москва.

תוכן העניינים

מחקר

סוציולוגיה

וו. סובקין (מוסקבה), בתי ספר יהודיים במוסקבה

היסטוריה

א. סינלניקוב (מוסקבה) - השלכות חברתיות ודמוגרפיות של הגבלות על נישואין יהודיים בארצות הגרמניות במאות ה"ז-י"ט.
או. לוינסקיה (מוסקבה) - "כת הטירפוטי" - מציאות או לא?

תרבות

ל. אנינסקי (מוסקבה) - מזל יהודי בקולנוע הסובייטי.
י. חודורבסקי (קייב) - על בעיות המחקר בירושה האדריכלית של הקהילות היהודיות באוקראינה.

מפות ודמויות בהיסטוריה

ג. אגרנובסקי (וילניוס) - הנצי"ב וישיבת וולוז'ין.
י. לובוסקיה (מוסקבה) - אוסף פוליקוב במוזיאון לאמנות במוסקבה.

ארכיון

פרסומים

ס. קלנר (פטרסבורג) - הדי ההשכלה - בית הכנסת ברודסקי באודסה.
וו. פורודומינסקי (מוסקבה) עורך: מפגש כעבור יובל - מדברי גריגורי שור.

זכרונות ויומנים

וו. קלנר וא. גולברד (עורכים) - זכרונות ג. לנדאו (סוף)
ח. פירין - ז'בוטינסקי - נסיון לאוטוביוגרפיה.
ר. זייצ'ק - ה-JDC ברוסיה - זכרונות.

מכתבים

ח. ביידר (עורך) כמעט קורות משפחה ועל מכתבים שלא פורסמו של שלום עליכם
וו. גסן - מכתב של י. גסן שלא פורסם

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Статья представляется в редакцию в двух машинописных экземплярах (1 и 2 экз.) либо в виде четких компьютерных распечаток (формат страницы и количество знаков на ней должны соответствовать машинописной странице). На странице должно размещаться 28–30 строк, напечатанных через 2 интервала, количество знаков в строке – 59–60. Объем статьи 1,5–2 а. л.

Список использованной и цитируемой литературы и архивных источников с комментариями должен быть помещен в конце статьи и пронумерован. Номера ссылок приводятся в тексте над строкой. Библиографическое описание источников дается по действующему стандарту, так, как это принято в современной научной литературе.

К статье прилагается краткое резюме объемом не более 0,5 стр.

Наш адрес: **103009, Москва,
ул. Моховая, 9, комн. № 329,
Еврейский университет в Москве.
Тел. 203-34-41.**